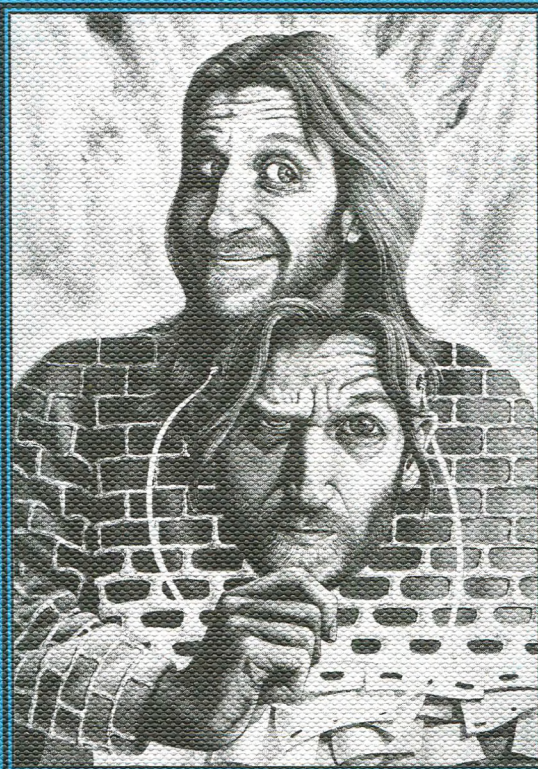

ТРЕТЬЕ
ПРИШЕСТВИЕ

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА
БОЛГАРИИ

ТРЕТЬЕ
ПРИШЕСТВИЕ
СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА БОЛГАРИИ

ВЕЧЕ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

**ТРЕТЬЕ
ПРИШЕСТВИЕ**

**СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА
БОЛГАРИИ**

**Москва
«Вече»**

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2)

Т66

Составитель Атанас Славов

Т66 Третье пришествие. Современная фантастика Болгарии : повести, рассказы. — М.: Вече, 2020. — 384 с. — (Новая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 978-5-4484-1894-5

Знак информационной продукции 12+

Научная фантастика и фэнтези, киберпанк и новаторские поиски — все это характеризует сегодняшнюю болгарскую фантастику. Использование богатых фольклорных традиций, острые социальные эксперименты, неожиданные повороты сюжета — лишь часть творческого арсенала авторов, произведения которых включены в сборник.

Этой антологией мы хотим познакомить русских читателей с достижениями писателей-фантастов Болгарии. В книге представлены лучшие произведения, опубликованные в течение последних лет на страницах широко известного «альманаха фантастики и будущего» ФАНТАСТИКА.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-1894-5

© Славов А., составление, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Предисловие

БОЛГАРСКАЯ «ТЕРРА ФАНТАЗИЯ»

Говорят, все мы пришельцы из единственной родины — Детства. Когда-то, в далекие семидесятые, я назвал свой первый клуб фантастики в Бургасе «Терра Фантазия» по имени любимой рубрики из журнала «Знание — сила». Потом движение наших клубов разрослось до размеров «виртуального государства», насчитывавшего десятки сообществ в самых значительных городах Болгарии. В первые годы демократии пошел спад, но «столпы» движения — Клуб имени Ивана Ефремова из Софии и Стругацких из Пазардзжика — оставались центром, куда стекались самые талантливые творцы фантастики в области литературы, живописи и иллюстрации, даже кино и театра.

Но прежде всего, надо учесть одну огромную разницу в культурных рынках России и Болгарии. Болгарский язык — это язык маленького народа, и, соответственно, читательский круг у нас на порядки меньше русского. Те несколько сотен экземпляров, которые продает болгарский писатель-фантаст, аналогичны 7—8-тысячному тиражу русского писателя. И если в России у автора есть возможность получить приличный гонорар, то болгарскому фантасту повезет, если он сам не платит за издание книги. У нас практически не существует «коммерческая литература» (кроме нескольких ловких писак, зарабатывающих на романах про жизнь «новых болгар»). Однако же это трагическое положение вещей имеет и свою положительную сторону — на литературной сцене остаются только те, кто творит несмотря ни на что! Каждая страница произведения болгарского фантаста написана по-

тому, что автор не мог ее не написать, не рассчитывая на заработок, даже больше — при гарантированном отсутствии заработка...

И еще один фактор: у нас не было процесса возвращения к национальным авторам и тематике, как это случилось в нулевые годы в России. Лидером НФ и фэнтези рынка в Болгарии остался перевод. Болгарские авторы издаются в небольших издательствах («Аргус», «Квазар» и «Офир»), созданных членами клубов любителей фантастики. Богатые издательства «лакомятся» длинным списком НФ и фэнтези англоязычных бестселлеров, ими заваливают книжные прилавки. Поэтому и перевод с русского почти исчез, кроме имен Лукьяненко и Глуховского никого не услышишь...

Вот в такой обстановке в 2009 году произошла регистрация и становление Общества болгарских фантастов «Терра Фантазия» (ОБФ ТФ), где нашли пристанище как авторы, выросшие в клубах, так и пришедшие из других литературных сообществ. Их объединяет только последовательная и всеобъемлющая любовь к настоящей фантастике, которую завещала нам «фантастическая семерка» основателей, задавшая генеральные «архетипы» мировой фантастической литературы. Вот их имена: Мэри Шелли (ответственность ученого перед своим творением и человечеством); Жюль Верн (образ человека-открывателя и путешественника); Герберт Уэллс (образ машины времени и социальная фантастика); Карел Чапек (образ робота и психологическая фантастика); Джон Толкин (фэнтези и мифологическая фантастика); Станислав Лем (искусственный интеллект и интеллектуальная фантастика); Иван Ефремов (образ победившего разума и позитивное моделирование будущего).

В ОБФ ТФ работают следующие секции: «Писатели», «Переводчики», «Составители (редакторы, издатели)»,

«Художники (живопись и иллюстрация)», «Кинофантастика», «Музыка», «Сцена и мультимедиа». Печатный орган Общества — это толстый «альманах фантастики и будущего» ФАНТАСТИКА. Выборки со страниц его восьми выпусков и составили этот сборник.

Этой антологией мы хотим познакомить русских читателей с нашими достижениями, а возможно, и начать новый уровень общения — когда-то так было при помощи издательств «Свят» и «София-пресс». Сейчас с нами наша надежда найти путь к сердцам русских знатоков фантастики.

Атанас П. Славов, председатель ОБФ ТФ

Кирил Добрев, Валентин Д. Иванов

СКАЗОЧНИК И УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОВ

Она была из самых настойчивых — успела далеко обогнать своих сестер, но, даже не зная об этом, сторонний наблюдатель по одному ее внешнему виду мог бы заключить, что она чем-то выгодно отличается от остальных: была покрупнее, плотнее, очертания ее приближались к совершенству формы...

— А в самом ли деле сфера является наиболее совершенной формой? — спросил себя Вечный Старик, провожая взглядом путь капли, которая внесла свою скромную лепту в подтачивание каменных плит в дворике.

Старик помнил их в молодости — плоские и гладкие, а не как ныне — изъеденные мелкими оспинками.

«А может быть, совершенно бесформие?» — продолжил он свои думы, почесавши ухо, дабы изгнать из него залетевшую бестолковую муху. Та спасла свою жизнь ценой исполнения отчаянной фигуры высшего пилотажа.

— Всем жить хочется, — прокомментировал ее вираж Старик. — Хорошо жить и сухо.

Мухе в самом деле хотелось найти сухое место, однако в силу некоего счастливого или несчастного¹ случая, большинство окон по курсу были заперты, а немногие открытые — забраны мелкаячеистой сеткой. Муха-горемыка печально вздохнула. Другим попадались дома добротные, зажиточные, о двух этажах — в таких всегда найдется чем поживиться, да она-то сроду невезучая, не светит ей крошками полакомиться...

¹ Чтобы не позволить читательскому интересу уснуть, покамест мы не станем разъяснять Читателю, какая именно случайность случилась тут, так что читайте внимательно дальше. — *Примеч. авторов.*

Расстроенная мыслями о дурной удаче муха наконец разглядела настежь распахнутые ставни. Обрадовавшись, что успеет укрыться от начинающегося дождя, она влетела... прямо в мэрию.

Несмотря на то, что наступления конца света еще не предвиделось, в мэрии явно ожидали сие событие с минуты на минуту (собственно, такое в городке Г случилось каждый раз накануне Фестиваля Сладкой Сказки). Мэр являл собою вулканическое извержение. Словесное, разумеется.

— Внутреннее убранство! Внешняя охрана! Коммунальное хозяйство!

Первый вопль предназначался Чернильнице, которому он диктовал письмо. Второе относилось к сторожу, который жался в углу ковра и рассеянно царапал пососом паркет. Последнее было направлено в телефонную трубку.

— Почему еще не готовы плакаты на арку? Даю последний срок: до завтра к обеду! Составить план мероприятий повышения уровня безопасности, охране надлежит наметить подступы к...

— Нельзя ли помедленнее, я же не диктофон! — возроптал Чернильница, мужчина молодой и статный, чуть ли не предел бабских мечтаний. — Не поспеваю записывать.

Мэр зашипел, как самовар в последней стадии кипячения:

— Мало того, что ты меня прервал, так еще и не следишь за моими словами! Последнее я говорил сторожу!

— Слежу, слежу, уже четырнадцать часов все слежу, а ты не догадался хоть один перерыв сделать. Ни отдыха, ни чашечки настойки из сладких корешков!

— Некогда нам! Некогда! Фестиваль стучит в дверь!

В кабинет вошел Смуж Нарукавкин и елеино улыбнулся:

— Нет, это не Фестиваль, Ваше¹ благородие. Это всего-то я постучал. Покорно прошу извинить, я заскочил всего за подписью... Вот здесь, прошу.

Размашисто ставя подпись под документами, Мэр доходчиво объяснил Нарукавкину, что Фестиваль Сладкой Сказки — не человек и буквально через дверь не входит.

— У тебя вся родня разве такая недогадливая, Нарукавкин?

— Нет, дядя, не вся.

— Сколько раз тебе повторять: не зови меня дядей в рабочее время!

— Да, дя...

Крепкий родственный пинок выдворил Смуга из кабинета.

— Але! Месье ле мэ-р-р-р! — послышалось из телефонной трубки. Акцент был интуристический.

— Не паясничай! Запрещаю тебе прикидываться иностранкой в моем присутствии!

— Да я только спросить хотела, кому сдавать сор из избы?

— Ждите на площади! Чтобы не скучать — подметите ее! Пришлю рассыльного проверить! Отбой.

Мэр на миг замолчал, чтобы перевести дух.

— Чернильница! Пиши: за невыполнение пусковых сроков буду привлекать к ответственности виновников. В этом году обойдетесь без премии! Только посмейте мне снова все напортачить!

— ...пор-та-чить... — бойко бубнил вслед за ним Чернильница.

— Ох, дурень... — простонал Мэр. — Нет, это не пиши.

¹ Эта сноска адресована не читателям (хотя мы уверены, что они ее тайком прочтут), а редактору: если бы Вам довелось услышать, как ележно воркует Смуг Нарукавкин, то знали бы, что он произносит слова «Вы», «Ваш», «Вам» целиком прописными буквами, да еще будто бы на обращения выжал по две бутылки подсолнечного масла. — *Примеч. авторов.*

И тогда бабушка Анастасия остановила время.

— Дед Манасий помер! — всхлипнула она.

В наступившей тишине несколько килограммов секунд звонко разбились о пол. Стало холодно, Мэр поежился, зубы его застучали, выбивая дробь в ритме модного танца. Чернильница нервно заскреб пером по пергаменту, обругав себя за недостойные помыслы, что теперь не придется писать еще тридцать приглашений. Сторож стоял, как истукан, но вот шевельнулся, оттаял и повернулся к выходу. Мэр тоже пришел в себя.

— Стой! Куда?

— Он же мой дедушка... — уныло поведал молодой человек.

— А, ну да... Ступай. А по дороге... — Мэр сообразил и махнул рукой. Надо будет послать кого-нибудь другого проверить, подмели ли площадь.

В проем двери просунулась зализанная мордочка Смуфа. Вылитый хорек. Нарукавкин тронулся войти, но наткнулся на свинцовый взгляд дяди и попятился обратно. А до Мэра все еще доходило осознание всех последствий внезапной кончины Манасия. Фестиваль летел в тартарары!

Трагизм ситуации пронял наконец Мэра, и он огрел себя ладонью по лбу, спугнув муху¹. Она всего на миг потеряла ориентацию, чего оказалось достаточным, чтобы угодить в ловчую сеть Ученого Паука...

Из угла прекрасно были слышны слова Мэра, который не сдерживаясь оплакивал свою горькую судьбу. И так как жаловаться было некому, он вздохнул жаловался самому себе:

— И что мне теперь делать? Как провести Фестиваль без штатного Сказочника? Времени в обрез! На созыр конкурса не хватит! Откуда мне теперь взять нового Ска-

¹ Надеемся, никто не подумал, что мы забыли о мухе? Заблуждаетесь! Читайте дальше и глядите в оба! — *Примеч. авторов.*

зочника? Что я его, из кармана вытащу?! Нет, это просто в голове не укладывается!

— Куда же ему уложиться-то... — пробубнил тайком Чернильница. Затем вынул из потайного кармана плоскую фляжку и отхлебнул глоток настойки из сладких корешков, не забыв пролить несколько капель на пол, за упокой души.

Отдавая свое внимание фляжке, Чернильница не переставал следить за своим начальником. Он так же, как бабушка Анастасия, приткнувшись тихо к стене в уголочке, ожидал от хозяина городка чуда. Тот просто должен был совершить такое и изгнать злосчастье прочь.

А тем временем в соседней комнате Нарукавкин лихо-радочно строчил докладную в Главное Управление Сказок: мол, наш Сказочник помер, Фестиваль сорван, Мэр не предпринимает мер...

Рядом со Смуфом неистово царапал шпорами махагоновый письменный стол почтовый голубь. Это неудивительно — ему объявили одномоментную стартовую готовность, вот он и нервничал.

По дороге, однако, голубь встретился со Слепым Орлом, который не разглядел опознавательных знаков ве-стоносца, потому и спокойно посчитал его заслуженным ужином. Мэр же успел доложить о создавшейся неприятной ситуации в Сказочничество по телефону. Из Главного Управления ему приказали ждать.

Утро до обеда следующего дня прошло в хлопотах около похорон старого Сказочника. Куча подробностей по церемонии требовала от Мэра полного напряжения сил. Едва в полдень он урвал немного времени присесть на лавочке на площади, чтобы перевести дух¹. У него раскалывалась голова от солнца, взор мутнел. Поэтому он не заметил, что столб пыли вдалеке на горизонте поднят

¹ Пока все еще оставим муху в паутине. Но ты, Читатель, поддержи-вай огонь своего интереса!

чистокровной арабской улиткой, на каких скакали лишь специальные гонцы Сказочничества.

Гонец спрыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему рассыльному и отрывисто распорядился:

— Присматривайте за улиткой! И позаботьтесь ее накормить и высушить!

Затем широкими шагами направился в мэрию. Там он застал одинокого Смуга.

— Деша из Главного Управления Сказок! — возвестил гонец сурово.

— Неужели? — прикинулся удивленным Нарукавкин (а душа его пела, пела). — Наверное, Сказочничество хорошо проинформировано о здешних событиях?

— Да. Мы узнали неприятную новость вчера по телефону.

— Но я послал голубя! — нечаянно проболтался Смуг.

— Не было никакого голубя! — отрезал гонец. — Мэр позвонил, я же сказал.

Легок на помине, Мэр вошел в приемную. Выглядел он пугающе — лицо свисало с черепа, словно вымя выдоенной коровы.

— Что принесли?

— Дешу из Главного Управления Сказок.

Мэр сломал печать из воска и развернул свиток. Физиономия его стала меняться. Нарукавкин побился бы об заклад, что дядя стал похож на ошарашенного муравьеда. В письме сообщалось, что на должность штатного Сказочника назначен господин Хтопопало. Кроме того, высшая инстанция выражала свое недовольство недостаточно энергичным ходом подготовки Фестиваля.

Мэр некоторое время переваривал содержание письма, привычно прикрывая текст от племянника, который тоже по привычке норовил подглядывать над плечом дяди.

Несколько минут протарахтели по пути к небытию прошлого. Мэр наконец очнулся и спросил:

— Чего нового в коридорах Сказочничества?

— Те же коридоры, те же люди, те же сказки. Как обычно. Только командировок напоследок стало больше, — хитро подмигнул гонец.

— И на кой ляд мы, глухая провинция, верхам понадобились?

— Инспекторы да ревизоры любят путешествовать. Иногда.

Мэр обреченно простонал и повернулся к рассыльному:

— Ударить на площади в барабан! Зачитать свиток перед населением!

После чего он звякнул Девиге:

— Прибыл гонец из Главного Управления. Устрой его на ночлег. Ну, ты сама знаешь, что делать...

Удары барабана плохо отразились на самочувствии несчастной мухи. Каждый из них глубоко потрясал ее крошечное сознание. А она надеялась найти тихое пристанище! За тем и пробралась в проклятый барабан в щелочку между обтянутой кожей. И теперь вслепую металась туда-сюда, пытаясь найти выход, чтобы смыться из этого громкого места. Проклинала свое пословичное невезение. Сегодня ей едва удалось выбраться из очередного переплета, в который угодила еще вчера. Паутина Ученого Паука спеленала ее на совесть, крылышком не махнуть, лапкой не пошевелить. Да еще и паук проснулся и затоптался в своем гнезде угрожающе... Хорошо, что счастье одних часто упрятано в горе других. Медицинская ошибка со стороны Змеяны Спаски стоила владельцу паутины увечий под инвалидность второй степени. Без трех ампутированных ног Ученому Пауку было трудно лазить по собственной сети. С другой стороны, мэрия выплачивала ему высокое пособие по нетрудоспособности. Так что, даже имея он весь набор своих ног, вряд ли стал бы шагать и проверять, кто

там еще поймался в паутину как раз после сытного обеда... Все эти обстоятельства дали мухе время выбраться. Но сейчас... сейчас дело казалось безнадежным.

Как только рассыльный оповестил население о содержании депеши, по толпе пронесся ропот. Старшие бормотали вполголоса, качая головой, но молодежь не стеснялась выражаться и громко улюлюкала в адрес нового штатного Сказочника.

— Какой срам! — вздохнул один из седоголовых граждан городка.

— А раньше были настоящие соревнования, кто кого сказками переговорит! — вспомнил доброе старое минувшее другой гражданин того же возраста. — Я даже участвовал разок...

— И я! И я тоже!

— Снова сверху назначили самого бестолкового!

— А могли выбрать Сказочника из нас!

— Эх, вот был бы конкурс!..

— Вот и я про то — ни один недотепа бы не прошел!

Рассыльный наконец почуял неладное и поспешил очистить от себя площадь, оставив на прицеле общественного недовольства лишь одну мишень — новоназначенца господина Хтопопало. Вакуум бесконечного космоса сжался до небольшой сферы и окружил новоиспеченного штатного Сказочника города Г. Окружили его и городские сорванцы.

— Хтопопало, расскажи сказку! Расскажи нам сказку! Ну расскажи же!

Тот отчаянно попытался сохранить достоинство:

— Идите играть, дети...

— Хтопопало-гдепопало, расскажи сказку! Сказку! Сказку! — стали припевать и скандировать шалопаи.

Хтопопало оглянулся поверх детских голов на взрослых и с удивлением обнаружил, что его сограждане рав-

нодушно оставляют его на растерзание сорванцам, медленно разбредаясь в сторону ближайшего кабака. Тогда он тоже спасся, трусцой отступив к мэрии. А горожане расселись в кабаке, заказали напитки, да не из сладких корешков, после чего погрузили свое недоумение по поводу депеши в глубокие благие слова. Первым повел речь Вечный Старик:

— Давно, когда я еще был молодым, не было никакого Сказочничества. И тогда нам намного чаще доводилось послушать новые сказки... Кто их придумывал? А сами же сказочники на ежегодных Соревнованиях и придумывали. Приходили балагуры со всех волостей вокруг и даже из дальних приходили. И наперебой старались поинтереснее сказку рассказать, народ потешить. Каждый путник мог себя испытать в сказочничестве. И потом Сказочничество создали из добрых побуждений. Дабы сказки рассказанные не потерялись. Сначала только собирали сказки, но постепенно стали назначать штатных Сказочников... И пошло-поехало...

— Штатный, не штатный, но Хтопопало должен сейчас рассказать новую сказку! — хлопнул кто-то рукой по столу.

— Правильно! Всегда так было!

— Иначе никакой он не Сказочник!

Постепенно разговор раскололся на разговорчики, в кабаке над столами повис гул.

— Я же вам говорила, — повторял Чернильница, — Хтопопало приходится восемнадцатиюродным братом Главному Сказочнику.

— А ты это откуда знаешь?

— Знаю, знаю, все знаю. Документы все мной написаны, — важно кичился Чернильница. И не забывал при этом угощаться своим любимым отваром из сладких корешков.

А пока велись эти беседы, Хтопопало приступал к своим служебным обязанностям. Прежде чем поздравить но-

вого Сказочника с высоким назначением, Мэр разразился речью:

— Я верю в тебя, молодой человек! Выбор Главного Управления ни в коем случае не случаен. Да. Все в нашем маленьком городе уверены, что ты сумеешь рассказать самую хорошую сказку всех времен и Фестивалей...

И так далее. Хтопопало слушал, кивал и усмехался про себя. Вспоминал, как мама пыталась устроить его на приличную должность. Но как раз эта вряд ли была самой удачной — теперь надо напрягаться и выдумывать сказки, мозолить людям глаза, подвергаться насмешкам... С другой стороны — работа надежная. В нынешнее время ничто не гарантировано, приходится удовлетворяться тем, что есть. На всякий случай он счел нужным показать Мэру волнение — стал топтаться на месте, тихонечко вздыхать. Мэр, однако, истолковал это как нерешительность и встревожился еще пуще. Даже подошел и отечески хлопал молодого человека по плечу.

— Не падай духом! Твоя судьба в твоих руках! Куй железо, пока... в смысле... куй слова на сказки, пока... ты меня понял. Рассыльный проводит тебя в твой кабинет. Твое ответственное рабочее место, так сказать... Поверь мне, я искренне желаю тебе успехов и высокой урожайности... творческого плодородия... ты меня понял. Ступай!

Смуф Нарукавкин чутко подслушивал, прилепив ухо к стене, и довольно потирал руки. Приходит конец твоей карьере, дядюшка! Новый Сказочник точно провалится! Просто не под силу ему придумать сказку! И кого привлекут к ответственности, дядя? Вот то-то! И тогда наступит мой час...

Кабинет представлял собой роскошное монолитное иглу. Рассыльный распахнул дверь и учтиво пригласил Сказочника войти первым. Хтопопало критически осмотрелся. Грубо скованные деревянные нары, изъеденное

мышами и молью одеяло. Застоявшийся воздух сопротивлялся дыханию, воняло плесенью. Заметив гримасу неодобрения на лице Сказочника, рассыльный поспешил пояснить:

— Это просто магия, вонючкозаклинание. Туристам нравится, ты же сам знаешь.

Хтопопало непонимающе кивнул.

— Комната для размышлений вот здесь... — Рассыльный легко сдвинул с места почерневший камин, за которым оказались выложенный камнями коридор и ступеньки вниз. Сводчатый потолок был сухим и чистым.

— Да, это уже другое дело, — расслабился Хтопопало. — Тут вполне можно делово размышлять.

В комнате имелись: мягкая постель с периной, настенный бар, огромная библиотека, набитая до треска тяжелыми сборниками сказок. И видак с записями сказочных фильмов — крути до отвала.

Новый Сказочник уселся удобно в кресло за письменным столом, на котором стояли чернильница с гусиным пером, самопишущая машинка и диктофон.

— Панель кондиционера за дверью, — добавил Рассыльный. — С вашего позволения я удаляюсь, чтобы не смущать ваше спокойствие. Желаю придумать наичудеснейшую сказку!

Мэр тем временем бил тревогу перед своими сотрудниками:

— Фестиваль в опасности! Вам я могу прямо сказать, что надо ждать ревизоров. И это при том, что без времени скончался старина Манасий, земля ему пухом, и город остался без Сказочника. Хтопопало, он человек молодой и надежный, вполне положительный гражданин, но для ремесла Сказочника требуется нечто большее. Только мы в состоянии спасти Фестиваль!

Исполняющая обязанности секретарши по особым поручениям Девица преданно смотрела начальнику в рот.

Чернильница украдкой рисовал неплохие шаржи на присутствующих. Учитель и Поп резались в домино. Хаджи Иванушка, председатель общинного банка, рассеянно ковырялся в носу, а сторож дремал, подперевшись самострелом. Смуф Нарукавкин же столь сосредоточенно слушал слово дядюшки, что по невниманию проглотил муху, которая наконец сумела выбраться из барабана, оставленного под столом рассыльным. Смуф поперхнулся, не понял, что ему попало на язык, пожевал и сплюнул в угол¹. Выражение досады на его лице подействовало на терпение Мэра, как детонатор на ящик динамита.

— Меня здесь вообще кто-нибудь слушает?! — заорал Мэр. — Я тут один, что ли, надрываюсь во имя общественного блага?!

Публика вздрогнула и приняла деловой вид. Мэр свирепо посмотрел на каждого в отдельности и продолжил:

— Мною получены достоверные сведения о составе инспекционной комиссии Главного Управления Сказок. Заняться ими придётся вам. Каждому будет по поручению... Но прежде всего, надо обратить внимание на Главного ревизора. Вы же знаете, как это делается...

Ревизора встретили Поп и Учитель. Начал божий служитель:

— Добро пожаловать, ваша милость! Сколько лет, сколько зим! Заждались! — и полез обниматься и лобызаться.

— А разве мы раньше виделись? — Гость стал отбиваться.

— Виделись, виделись, — подоспел с другого фланга Учитель. — Два года назад мы видели ваше выступление по телевидению. Передача была про взяточников...

¹ Надежда умирает последней, но мухи выносливее. На этот раз не будем вообще говорить про невезенье, всем понятно, что у этой мухи его в избытке.

Не давая Ревизору опомниться, побежала в лобовую атаку Девуца. Она несла поднос с хлебом-солью, но, как бы случайно, над ними доминировал ее бюст. Подбежала и закудаhtала:

— Милости просим, по старинному обычаю... Эксклюзе муа, что опоздала, но как без ле маникюр, ле педикюр, сами понимаете...

Поп пихнул Девуцу локтем в пухленький бок — не импровизируй, дура!.. И пригласил соборным басом:

— Пожалуйте на отдых с дороги ко мне домой, наверное, попадья уже петуха зажарила.

Хтопопало скоро понял, что чтение — весьма скучная деятельность. Начнешь книгу с начала — засыпаешь к середине. Начнешь с середины — непонятно, о чем речь. А когда начинаешь с конца, история кончается слишком быстро. Новоназначенный Сказочник обратил светлый взор на видео. За одну ночь, вооруженный пультом дистанционного управления, он справился со всеми двадцатью кассетами. Неинтересные места прокручивал на высокой скорости.

На следующий день, едва проснувшись, Хтопопало пошел в «Желтую лавочку» пожилой Похабушки. Она встретила клиента, олицетворяя собой саму услужливость.

— Возьмите последний номер журнала «Он и Она», — посоветовала г-жа Похабушка. — Есть эксклюзив из заведения Маман Спящей Красавицы. К номеру бесплатное приложение — двенадцать цветных плакатов ее озорных девушек.

Хтопопало покорно взял журнал. Взял еще стопку других изданий, но не спешил прощаться.

— А че-нить эдакое попикантнее имеется? — спросил он. — В смысле... — Сказочник щелкнул себя по горлу.

Похабушка кивнула, наклонилась и выудила из-под прилавка упакованную в плотную бумагу бутылку.

— Фирменный самогон. Все? Семь серебряников, три сантима.

Сказочник расплатился и вышел.

Надула меня Похабушка, думал он, разбой среди бела дня! Знает ведь, что выпивку он по роду службы может купить только нелегально. Представить страшно, что произойдет, если его застукают пьяным в рабочее время. А оно круглосуточное...

Он успел вернуться на свой пост за минуту до прихода Ревизора, едва успев припрятать бутылку. Затем встретил гостя, который не без усилия приступал к своим обязанностям:

— Думаете, думаете?

— Стараемся, — скромно ответил Хтопопало.

— Хорошо, хорошо, так держать! Главное, чтобы сказка получилась о-риги-нальная!

Ревизор назидательно поднял вверх палец, после чего поспешил на воздух: от атмосферы в приемной каморке Сказочника его мутило.

Поп и Учитель подхватили Ревизора под мышки и поволокли его прямо в мэрию.

— Как прошла проверка? — лучезарно поинтересовался Мэр, стараясь улыбкой перещеголять легендарного Сеятеля Широких Улыбок. — Вы довольны?

Ревизор еще не успел прийти в себя, но попытался ответить подробно и почти успел:

— Не стану отрицать, что ваш новый Сказочник произвел на меня... ых... благоприятное... впечатление. Сразу видно... серьезный молодой человек. Так и напишу в своем докладе. Я вижу... что вы принимаете все необходимые меры по подготовке Фестиваля.

— Стараемся, — скромно ответил Мэр.

Ревизор сделал над собой усилие и изрек:

— В принципе, я должен остаться у вас до послезавтра... но, так или иначе, недостатков не констатировал, все из-

рядно, моя работа закончена... я предпочел бы отбыть сегодня же. Только вот командировочные...

Мэр понимающе нажал на кнопку звонка.

— Смуф! Смуфик!

Никто не явился.

— Куда он запропастился? Сейчас я принесу печать.

Мэр вышел из кабинета. Мгновение спустя в полузакрытую дверь прошмыгнул Нарукавкин.

— Извините за беспокойство, Господин Ревизор!

— Ага... — ответил ословевающий гость. От вчерашнего угощения и от воздуха в приемной Сказочника его снова развезло.

— Смею ли спросить — это проверка по сигналу?

— Гы... не-а. Обычное рутинное...

Сердце Нарукавкина замерло, радость покинула его панически. Через некоторое время Смуф снова ощутил в себе пульс.

— А как же мое второе донесение?

— Никаких дополнительных донесений ко мне не поступало! — пропел Ревизор в полный голос.

Тяжелая ладонь Мэра обрушилась на плечо племянника.

— Ты где шляешься? И что ты сейчас тут делаешь?

— А... Да вот, слушаю его, как поет.

— Он тебе не канарейка, а Ревизор! Брысь отсюда! — прошипел дядюшка в ухо Смужу.

Тем же вечером мэрские люди подожгли слухами городок с четырех сторон. Девица повторяла направо и налево:

— Господину Ревизору очень понравилась сказка, над которой работает Хтопопало.

Старушки в церкви мелко крестились, не в страхе перед Господом, а от удивления, ибо батюшка вместо молитв твердил нечто невероятное:

— Боже, храни нашего Сказочника! Сам Ревизор им восхищен. Изволил также глаголети, что с господином Хтопопало нашему городу светит благое будущее-е-е-е, аллилуйя, ами-и-и-нь...

А в кабаке Чернильница доверительно, каждому на ухо сообщил, что протокол проверки весьма хвалебствен. Горожане не захотели его слушать:

— Ты нам лапшу в уши не пихай, писарская твоя душонка! Меньше заливай!

Раздраженный недоверием, Чернильница стукнул вилкой о стакан.

— А вот не заливаю! Я же сам эту бумагу переписал в трех экземплярах, вот!

На это нечего было возразить, люди приумолкли. Лишь Вечный Старик выразил в уме определенные сомнения.

Хаджи Иванушка выбрал из сундука кошель поувесистее, сунул деньги в пояс и направился к Улице Гадателей. В начале ее размещалась контора гадателя по внутренностям животных. Живодер лично вышел встретить ростовщика.

— День добрый, хаджи! За чем путь держишь?

— Добрый день. За благоприятным прогнозом, сам понимаешь...

Живодер стал заламывать руки:

— Ах, благоприятный прогноз будущего требует зарезать самого крупного барана...

— Средства не проблема, — Иванушка многозначительно похлопал себя по поясу.

— Милость Богов нелегко заслужить! — уперся живодер-гадатель.

— Верю, что ты постарайся. Сколько? — в упор спросил ростовщик.

Вторую контору занимал местный дервиш. Увидев, кто вошел, он кинулся встречать гостя поклонами:

— Селям алейкум, чорбаджи!

— Алейкум селям, эфэнди!

— Сейчас я угадаю, зачем Аллах послал мне такого гостя... — Дервиш закатил глаза, устремив внимание в неопределенную даль. — Хаджи пришел задать мне важный вопрос! Спрашивайте, спрашивайте!

Хаджи Иванушка коротко растолковал.

Схожим образом прошли посещения предсказателя по хрустальным шарам, экстрасенса, жрицы Иштар (правда, у нее хаджи задержался подольше), авгура, гадалки на кофейной гуще, местного представителя концерна «Дельфийский оракул» и ещё дюжины деловых людей в бизнесе с будущим.

Выходя из светлицы Кассандры, председатель банка ощущал кошель уже совсем отощавшим, отвлекся и потому чуть не столкнулся с батюшкой Попом.

— О, привет, батюшка.

— Бог подаст, сын мой... Насколько ты преуспел в рвении своем?

— Обошел язычников, вот.

— Да вознаградит тебя Господь, чадо, но бойся искушения, особенно язычниц...

Оба перекрестились.

— Спасибо, батюшка. А у тебя как?

— Встретился с пророками и святыми, обещали содействовать...

Сорванцы подкараулили Сказочника перед лавочкой Похабушки. Быстро прикинув, чем придётся пожертвовать, Хтопопало принял мгновенное решение. Он бросил обреченные журналы и присосался к бутылки. Самогон булькал всю дорогу к приемной, Сказочник уснул на полу, а сорванцы вытащили у него из-за пазухи пикантный плакат Золушки. Не найдя больше ничего, они нарисовали храпящему хозяину усы зубной пастой «Карисес», изобре-

тенной алхимиком Кух Пфу, про которую говорили, что ее охотно покупали члены лиги «Добрых молодцев» вместо пороха.

День был пятница — базарный день, согласно обычаю в городке Г. Приходили люди из близких сел, а иногда даже из соседних городков. Не столь базарить, хотя и торговля шла бойко, сколь на мир посмотреть, себя показать, свежими слухами запастись, своими сплетнями поделиться. Разумеется, новости должны были быть похлеще тех, которые печатаются в желтой прессе. Кроме того, по традиции, в пятницу почти все известные гадалы проводили брифинги, оглашая свои прогнозы на неделю. Так что было что послушать и что обсудить за кружкой пива и рюмкой самогона.

Вот Кот Ученый, весь самодовольный, усы в непросохшей сметане, объясняет компетентно:

— Авгур, который гадает по полету птиц, мя-мя, предсказал весьма успешный дебют нашему Сказочнику. Экстрасенсу, кстати, его дух тоже такое нашептал. Честно говоря, в интересах истины должен вам сказать, что оба эти типа — сущие мошенники. Верить их прогнозам — нелепо. Хотя бывает, что угадывают. И, скорее всего, на этот раз угадали, потому что из филиала «Дельфийского оракула» сообщили то же самое.

Народ пришлый дивился:

— Удивительное совпадение!

— Но и это не все. Гадатель на хрустальных шарах весь Фестиваль посмотрел, хотел на видак записать, да предохранил перегорел. На финальной сцене Сказочника все хвалили, даже на руках носили!

Народ местный засомневался:

— Да быть не может. Заговорились предсказатели!

— Как это заговорились?! Они и раньше, бывало, верно нагадывали. Я помню кучу случаев, когда сказанное сбывалось. Вот например...

Неподалеку по теме о Фестивале говорила группа молодых людей, не старше самого Сказочника:

— Этот Хтопопало придумал сказку, круче не бывает! Пока ее знают только Мэр и Ревизор, который вчера уехал обратно в Сказочничество.

— Я тоже об этом слышал. Сказка клевая. Никто еще такую не придумывал! Такую вообще ни один человек не может придумать!

— Ты на магию намекаешь? Да ну тебя... Кто не знает Хтопопало, он в школе сигарету без спичек не мог зажечь, какой из него заклинатель, ради Бога? Сложная магия выше его возможностей!

— А ведь верно. Он меня все время просил дать прикурить.

— Но посмотри на него сейчас — сидит себе в иглу на площади, думы думает, а мы с тобой продаем бананы. Пряма-таки не верится!

— Мне кажется, тут не все чисто.

— Чисто, не чисто, такова се ля ви. Слушай вон что гадалтели говорят.

На окраине рыночной площади, в тени кипарисов укромно ютилась кокетная лавочка. На ней сидели, сплетая руки, Он и Она, сидели и тихо ворковали:

— Ты знаешь, новый Сказочник — мой друг детства.

— Ах, что ты говоришь?

— Правда, правда. Мы однажды подрались, я ему нос расквасил.

— Ах, какой ты сильный!

— Ну, драка была пустяковая, мы даже не дрались, а просто пихались понарошку.

— Ах, какой ты благородный!

— Хочешь, тайну скажу?

— Ах, тайну!

— Да, тайну. Мы с Хтопопало вчера встретились случайно, и он мне как другу детства свою сказку рассказал, которую к Фестивалю сочинил.

— Ах, сказка! Расскажи!

— Не могу. Я ему слово дал.

— Фи... Если ты меня любишь, расскажешь!

— Ладно, только обещаю молчать и никому ни звука.

— Обещаю.

— Сядь поближе и дай ушко, чтобы никто не подслушал...

Через пару минут с лавочки прозвенел девичий смех:

— Хватит, хватит, щекотно!

Наутро Хтопопало проснулся с тяжелой от похмелья головой. Но не только это угнетало штатного Сказочника города Г. Появилось еще и беспокойство. Оно зародилось в пальцах (ног), распространилось вверх, словно теплая нервная судорога, и обхватило его целиком. Хтопопало ощущал свое сердце, словно погруженное в ванну с жидкостью под высоким давлением, в горле засел тугой комок, похожий на бутылочную пробку. Молодой человек вдруг осознал, что завтра ему надо рассказать готовую сказку, причем рассказать ее гладко и перед публикой со сцены. Осознав сей факт, он попробовал разные способы вызвать в себе вдохновение. Но спать не хотелось, а за выпивкой невозможно было сбегать: возле иглу околачивались толпы любопытных, не прорваться... Тогда он прибег к последнему средству — с видом обреченным уселся на нары и принялся выдумывать сказку. Он немало за свою жизнь сказок выслушал, так что, вроде бы, дело само по себе нетрудное. Скорее досадное. Так ему казалось до первой попытки. Наверное, причина неуспеха была в нарах. Сказочник спустился в комфортабельный кабинет и попробовал творить пером. Но оно оставляло на бумаге большие кляксы. На самопишущей машинке оказалось не легче — после каждой ошибки приходилось менять лист, пол усеялся скомканными бумажными неудачами. Хтопопало взял диктофон. Включил. Помол-

чал. Выключил. И вздохнул — эх, если бы эта штукавина могла сама сочинять и записывать...

В мэрии Смуф Нарукавкин старался над доносом в Главупрскз против дяди. Он как раз кумекал, как правильно перенести слово «бесхозяйственный», когда в комнату ворвалась пресса:

— «Большое осеннее хихик», репортер Воскрессия Воистинская!

Смуф молниеносно прикрыл лист рукой и машинально ответил:

— Воистину воскресе... Простите, разве Пасха не прошла два месяца назад?

— При чём тут Пасха? Меня зовут Воскрессия Воистинская, я репортер газеты «Большое осеннее хихик».

— Очень приятно, госпожа Воистинская! Я — Смуф Нарукавкин, служащий в городской управе.

— Могу ли я видеть господина мэра?

— Отсутствует. Но я к вашим услугам, если пожелаете. Сочту за честь послужить делу прессы. Общественность должна знать! Не правда ли?

Журналистка тряхнула прической от удивления. Нарукавкин поспешил развить мысль:

— Могу предложить прогулку по городу, посещение иглу, где работает наш Сказочник. Могу даже приподнять перед вашими прекрасными карими очами кулисы, кои укрывают некоторые тайные подробности подготовки Фестиваля...

— О-о!

— Доверьтесь мне, мадемуазель! — вдохновенно призвал Смифик, то ли умоляя, то ли заклиная. — И я не обману ваших чувств! Я поднесу к вашим прелестным ножкам настоящую сенсацию!

— О-о-о-о!

Воскресия Воистинская не смогла устоять перед последним соблазном и игриво стрельнула глазками в причесанную бумажную крысу, которая томно взирала на нее. Чутье репортера угадывало в крысе надежный источник пикантной информации.

Больше никто не спросил, куда пропал Мэр. На площади закружались с подготовкой к событию. Заменяли перегоревшие вечные огни мастера Кух Пфу на электрические лампочки накаливания подмастерья Эдиссона. Однако гвоздем аттракций был Семиголовый змей, нанятый из соседнего уезда развесить воздушные рекламы на специальных шарах.

Должно быть, гневное письмо Мэра возымело эффект, ибо лодыри из службы Внутреннего украшения состряпали вполне приличный транспарант: «Добро пожаловать на Сказочный Фестиваль!» Озвучители в последний раз проверяли микрофоны, над городком носились набатные голоса:

— Раз, два, три, проба! Раз, два, три, проба!

Мэр вернулся под вечер, видимо утомленный. Но тут же отправил рассыльного позвать ответственных людей. Через десять минут городской актив был в сборе, даже Девица умудрилась не опоздать. Наступила усталая тишина.

— Ну, вы знаете, какое дело... — изрек Мэр и уронил голову на стол.

Никто не посмел его разбудить, настолько истощенным тот выглядел. Первые лица Г один за другим выскользнули из кабинета.

Первым на Фестиваль, тем же вечером, прибыл Гатун, недавно произведенный в звание Старшего мóлодца. Он с ракетным воем припарковал свой агрессивно-оранжевый кабриолет, нарушив при этом чуть менее чем все прави-

ла дорожного движения. Сторож, он же исполняющий обязанности местного шерифа, повернулся к Мблодцу спиной и пошел прочь, беззаботно насвистывая веселую арию. Подбежала Девица, принесла хлеб с солью и перцем. Так как Мэр все еще спал, как прибитый, Учитель произнес приветственное слово о крепком и плодотворном сотрудничестве между Молодцевство-Богатырством и Сказочничеством.

Наконец пришел черед Чернильницы:

— А теперь, как заведено, поднимем Чаши сии!

Гатун широко улыбнулся.

— Спасибо. Я много слышан о вашей настойке из сладких корешков.

— Хозяина кабака предупредили, чтобы вынес из погреба и бутылъ соленых корешков, урожая года основания Сказочничества. Слов нет описать сей вкус!

— Значит, остается только попробовать.

Оба сели за столик для важных гостей, прислуга засуетилась возле них. Затем пошла вереница тостов и Чаш. Чернильница ловко дирижировал попойным концертом, меняя напитки сладкие и соленые. Через некоторое время Гатун с трудом выдавил:

— Друг... ты мне не скажешь, что за имя такое у вашего городка: Г?

— Существует множество версий, гипотез и теорий, — охотно поведал собутыльник доброго Молодца. — Но мое мнение, что это сокращение от «Гадатель». Наш край всегда славился хорошими гадалками.

Беседа продолжалась, слово все чаще брал и все дольше держал Чернильница.

Ранним воскресным утром Батюшка и Учитель нервно мялись перед мэрией. Обсуждали Мэра.

— Еще спит? — спросил Поп.

— Еще, — ответил Учитель. — Вчера был очень изуренным.

— Ты успел проведать, куда он ходил?

— Нет. Никто из наших не знает. Напоследок старик очень скрытным стал.

— Это от напряжения. Стресс. Нервы. Лучше давай возьмем дело в свои руки! — подытожил Батюшка.

— Лучше придержимся плана! — отрезал Учитель. — Если бы надо было что-то менять, он бы сказал.

— Он, наверное, просто не успел, сном сморило. Давай разбудим?

— Пусть еще немного отдохнет. Сегодня день будет трудный, сил пускай наберется.

— Так тому и быть, — согласился Батюшка. — Скажи остальным, что действуем, как договорились. Бог нам в помощь!

Стали съезжаться официальные гости. Прибыл Критик-мясник на личной черепахе. Первым делом он обругал рассыльного, что недостаточно внимательно тащит чемоданы с ножами, топорами и прочим инструментом критического ремесла. Лишь после этого обратил внимание на Девуцу с хлебом-солью.

— Добро пожаловать... отведайте... — сомлела она под суровым взглядом Критика.

Тот отломил шматок, которым бы подавился и бегемот, жевнул одним зубом и проглотил, словно крошку. Девуца лепетала:

— Я вас провожу в ваши хоромы...

Критик рыкнул нечто невнятное в знак согласия.

— Но сначала хотела бы попросить вас...

Гость насупился.

— ...дать мне автограф? Будьте любезны...

— А, это. Давайте.

— К сожалению, я забыла свой альбом дома, но если вы не против заскочить ко мне в светлицу...

Критик окинул Девуцу критическим взглядом. В его лице проснулся хищник.

— Почему бы нет?

Кокетливо взяв Критика под руку, Девуца проворковала:

— Я сварю обалденный кофе...

И пошли, словно Бриджит Бардо и облысевший Колобок.

Приблизительно в то же время Сторож занял позицию в охотничьей засаде, из которой городские первые лица стреляли диких уток. Однако сейчас цель его была иной, и она скоро показалась, сидя по-турецки на ковресамолете. Сторож не спеша зарядил самострел нервно-паралитическими патронами и внимательно взял мишень на мушку. На фоне голубого неба Маленький Мук с его островерхой красной шляпой представлял собой отличную цель. Грянул выстрел и устранил очередного члена комиссии.

С чувством выполненного долга Сторож проследил, как пораженный объект пикирует и шлепается в болотце, после чего вызвал по рации карету скорой помощи к месту авиакатастрофы. После чего он же побежал организовать спасительную операцию.

Емеля на русской печи примчался вовремя, воя дымом из трубы, кинул пострадавшего на носилки и снова умчался в даль, где находилась больница. Сторож остался расследовать причины инцидента.

Оставался последний проверяющий — Читатель-испытатель. Он тоже приехал в Г на черепахе, но, в отличие от Критика, транспортом пользовался служебным. Был одет он более чем странно: желтый противорадиационный костюм, протекторы на коленях и локтях, каска,

чоботы на свинцовой подметке. Недоумение само вырвалось из уст хаджи Иванушки:

— Помилуйте, куда вы так нарядились?! У нас Фестиваль Сказки, не Маскарад антиядерщиков!

— Прошу прощения, но я только-только с задания. Испытывал новую книгу массового поражения — бестселлер. Не осталось времени переодеться.

— Понимаю, — кивнул сочувственно ростовщик. Затем подал условный знак Смифу.

Так как у Девицы появились ангажементы (служебные), Нарукавкину пришлось подносить хлеб-соль-перец гостю.

— Пойдемте ко мне в офис, — предложил дружески хаджи Иванушка отважному испытателю. — До начала мероприятия есть еще время. Угощу вас чашкой кофе, вы должны прийти в себя после полигона.

— Благодарю. Знаете, эти испытания в самом деле прошли тяжело.

— У вас опасная профессия. Наверное, очень утомляет?

— Да, очень.

— Но жалование, должно быть, отличное!

— Да что вы... почти только ради славы работаем.

После кофепития широкие карманы желтого костюма вздувались и звякали серебром.

— И обязательно познакомьтесь с Маман Спящей Красавицей! — сказал ростовщик Читателю-испытателю на прощанье.

— Скорее всего в следующий выходной получится.

После обеда Мэр наконец проснулся. Солнце весело припекало за окном, он широко улыбнулся в ответ. В приемной Батюшка и Учитель как раз упрашивали рассыльного разбудить шефа.

— Уже поздно будить! — прервал их спор Мэр. — Я что-нибудь проспал? Как идут дела?

— Ну, как обычно, — хором ответили они. — Все движется по плану. Гатун пьян, как казак, еще со вчерашнего вечера. Критик-мясник у Девицы... (Мэр на миг поморщился, но быстро овладел собой)... она его уже полностью охмурила. Мук в лазарете с сотрясением мозга, Читатель-испытатель пьет кофе с хаджи Иванушкой в офисе, не знаем, что там происходит...

— Все улажено! — возвестил с порога ростовщик.

— Ну, значит, все, — Учитель развел руками. — Сделано все, что можно было сделать, кто может больше, пусть попробует.

— Вы справились с кризисом отлично! — похвалил их Мэр. — Но все это было лишним.

— ?!

— Ну, знаете, как это делается... — начал было он, но не успел объяснить. Наступил долгожданный момент открытия Фестиваля.

Накануне вечером Хтопопало твердо решил смыться. Жалкие попытки сотворить хоть какое-то подобие сказки не привели ни к чему. Раздраженный, он лег спать, чтобы на рассвете покинуть навсегда город. Однако произошло чудо, и сейчас он спокойно слушал скучноватую речь Мэра. Причиной его спокойствия был волнующий сон. Настолько связный, что мог бы сойти за сказку. На свежую память он набубнил сновидение на диктофон, прослушал запись три раза и с чистой совестью завалился досыпать. Зачем бежать, раз появилась возможность блеснуть и снискать славу достойного Сказочника Г?

Он вострепнулся от аплодисментов публики — речь Мэра закончилась. Сказочник огляделся. На официальной трибуне сидел одинокий Читатель-испытатель. Ему дали слово, но он оказался краток. Наступил черед Хтопопало.

«Сейчас я вам покажу, на что горазд», — подумал ровно он и начал свой рассказ:

— Жил-был мальчик. Когда ему исполнилось шесть лет, он увидел в одной книге, как боа глотает целиком пойманного зверя. Мальчик очень любил мечтать о приключениях и о путешествиях в джунглях. Он нарисовал свои мечты и показал взрослым...

В первом ряду публики толпились дети. Все они вооружились трещотками и свистками, чтобы освистать бездарного Сказочника. Но он не оставил им возможности показать свою пословичную вредность. После первых его слов сорванцы заслушались, а потом вовсе забыли о трещотках.

— ...первая овца казалась больной, вторая была похожа не на овцу, а на барана, третья получилась слишком дряхлой. Тогда авиатор потерял терпение, нарисовал ящик и сказал: «Овца, которая тебе нужна, сидит в ящике...»

К середине рассказа прибежал Критик с ножами и тесаками наготове, умудряясь повязывать на ходу галстук. Удивленный мертвой тишиной публики, он остановился и наострил ухо.

— ...«У людей есть ружья, — сказал Лис, — они ходят на охоту. Это очень неприятная привычка! Но люди разводят кур. Их больше ничего не волнует, только куры и ружья». Потом спросил: «Ты ищешь кур?» Маленький принц ответил, что он ищет друзей...

Когда Хтопопало произнес последние слова сказки, публика устроила ему овацию, после чего предалась народному гулянию, не переставая хвалить сказку нового Сказочника.

К вечеру городок Г постепенно вернулся к обыденной жизни. Проводили официальных гостей, почистили площадь от мусора, так как туристы всегда мусорят. Тишина

снова смешалась с чистым воздухом, а спокойствие замурлыкало возле камина в кабаке.

Мэр и его верные помощники собрались отпраздновать успех Фестиваля в мэрии. В разгаре вечеринки хаджи Иванушка, многократно подчеркнув напрасную трату нескольких пригоршней серебряников, не выдержал и спросил прямо:

— Начальник, тут все свои, расскажи, наконец, как ты успел сварганить дело с этим недотепой Хтопопало? Долотом выбил ему сказку на мозгах? Или в уши ему ее залил? Неужто он в самом деле оказался тайным гением?!

— Ага, гений... Полюбовался бы ты на гения, если бы я не ходил через Кудыкину гору за Сосисочным перевалом к Старой Колдунье! Еле ее уговорил... Но она не простую сказку ему в голову вбила, а сказку из иного мира! Все чисто, комар носа не подточит.

— М-да, пропали бы мы без тебя, Начальник! — запричитал Учитель.

— Господи благослови нашего Мэра! — поддержал признание и Батюшка.

С дальнего края стола подал голос и Смүфик:

— Ты просто незаменим, дядюшка!

И на этот раз Мэр не отчитал его за панибратское обращение.

В тостах прошел вечер, а на следующий день в мэрии сидел один Нарукавкин, остальные спали богатырским сном после празднования успеха. Поэтому никто не заметил, что столб пыли вдалеке на горизонте поднят чистой кровной арабской улиткой, на каких полагалось скакать лишь специальным гонцам Сказочничества.

Гонец спрыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему рассыльному и отрывисто распорядился:

— Присматривайте за улиткой!

Затем широкими шагами направился в мэрию. Там он застал одинокого Смүфа.

— Деша из Главного Управления Сказок! — возвестил гонец сурово.

— Неужели? — прикинулся удивленным Нарукавкин. А душа его снова пела, пела... — Подождите господина Мэра, сейчас будет...

Мэр пришел заспанный, сломал печать из воска и развернул свиток. Физиономия его стала меняться (Нарукавкин побился бы об заклад, что уже видел дядю похожим на ошарашенного муравьеда). В письме сообщалось, что его снимают с должности и назначают на его место господина Смуга Нарукавкина. Мэр некоторое время переваривал содержание письма, привычно прикрывая текст от племянника, который тоже по привычке норовил подглядывать над плечом дяди.

Несколько минут отбыли в небытие прошлого. Мэр наконец очнулся и подал свиток Учителю.

— Зачитать на площади, — сказал он и пошел к двери.

Перед его лицом зажужжала муха¹. Мэр, уже Бывший, махнул рукой, поймал досадное насекомое и раздавил его в кулаке. Но и этого ему показалось мало, он бросил муху на пол и старательно размазал ее по паркету ботинком².

Через несколько дней Девица вошла в приемную, где раньше трудился Смуг. Сейчас его обязанности исполнял Бывший Мэр — бил печати, ставил входящие номера, раскладывал бумаги... Девица была настолько серьезна, что даже не стала французить. Кротко поздоровалась:

— Добрый день, шеф.

— Привет, милая, но я уже не шеф.

— Для меня ты всегда останешься Шефом, шеф.

— Хм!

¹ Ага, ТА САМАЯ.

² Увы, читатель, напрасны были твои чаяния, никому не дано избежать своей судьбы, даже мухам. Не отчаивайтесь, она может перевоплотиться для новой жизни в слона. Карма невезенья, однако, скорее всего, останется...

— Я пришла попрощаться.

— Ты уезжаешь?

— Да, в столицу. Буду работать личной секретаршей Критика-мясника. Он ждет меня на улице на белом пегасе.

— Ну, хоть ты от всей этой заварухи не в накладе, а даже наоборот... Желаю успехов! И личного счастья... Да! Личного счастья. Будь здорова.

Но Девушка заставила его подняться и поцеловаться на прощанье. Она утерла предательскую слезу, он же не посмел утереть свою, пока Девушка не вышла.

Бывший Мэр открыл окно, чтобы помахать ей вслед. И увидел, что пегас был грузовым. В горле Бывшего Мэра затрепыхал грустный смех.

Вечный Старик любит говорить:

— Никто не знает, что теряет, когда обретает, и что обретет, когда потеряет!

Перевел Николай Теллалов

СНЫ ДЛЯ КОСМОДОРА

— Внимание, Космодор первого ранга Гавон Рен-барх! Готовность к старту!

Индикаторы излучали неистово-яркий желтый свет — сигнал нулевого поля. Деформированное пространство гасило звезды на экране.

— Космодор первого ранга, Гавон Рен-барх! До старта остается восемь... Семь... Шесть...

— Космодор первого ранга, Гавон Рен-барх! — Величественный голос Доктринера врезался в диктовку автомата. — Жду очередного вашего успеха в очередной вашей миссии. — Старт!

Автоматика вытолкнула корабль в нулевой тоннель и отключилась. С этой минуты Гавон был предоставлен самому себе. Отвратительное головокружение, появившееся еще при первом переходе, упорно не желало проходить. Поэтому, когда переходов стало уже четыре, Гавон решил отдохнуть...

До Солнечной системы оставалось несколько световых месяцев — ничтожное расстояние для тахионного локатора. Гавон, восстановив силы в биокамере, вернулся в кабину полный кипящей бодрости. Пульт приятно охлаждал пальцы. Тихие пощелкивания переключателей оживили экран, который с этого момента должен был стать продолжением его зрения.

Наконец Гавон увидел Солнечную систему не в записи станции 300, а воочию. Мощность локатора давала возможность рассмотреть каждую планету в отдельности, но сейчас не это интересовало Космодора.

Внимательно, градус за градусом, луч локатора, как огромный указательный палец, водил по пространству за орбитой Плутона. Гавон предоставил эту однообразную работу кодовому компьютеру и удобно устроился в кресле. Мир был чудесен. Вкусная еда, съеденная с аппетитом перед отлетом, теперь разносила по телу Космодора глубокую уверенность в правильности жизни. Экран развертывался перед ним широким полотном привычного и удобного космоса, который существовал, чтобы быть завоеванным настоящими и твердыми мужчинами — такими, как Гавон Рен-барх.

Несколько лет тому назад станция 300 зарегистрировала в этом неизученном районе галактики довольно развитую культуру технического типа — подобную цивилизации на Дархе несколько веков тому назад.

Для покорения цивилизаций такого типа давно были разработаны стереотипные инструкции. Несомненно, случай был ниже уровня его способностей, но Гавон, как всегда, старательно занялся им. Освоение чужой культуры было для него, как произведение искусства, — скромное, но отмеченное его гением.

Мысль о качествах интеллекта была едва уловимой, но психономатор моментально отреагировал, и в углу экрана появились три основные психономические характеристики: сложность интегральных связей — 97 %, скорость анализа — 78 %, результативность анализа — 90 %.

Гавон мог даже не задерживать взгляд на индикациях — уже несколько лет его интеллект безотказно работал в данном наиболее оптимальном режиме и радовал душу безошибочным ходом. Сапиенсоиды Алгоро могли убедиться в этом уже после вторых переговоров, когда несколькими тонкими намеками он сумел заставить обе враждующие коалиции забыть свои договоры и после короткой изматывающей войны сделать планету пригодной к колонизации. Земноводные Ваама так и не сумели

разобраться, как космический гость убедил их верховное божество не высиживать целое поколение яиц, что привело к необходимости приносить ему в жертву по десять грузовых звездолетов плутониевой руды в год.

Безупречные социотехнические операции снискали Рен-барху славу и авторитет одного из лучших усвоителей в дархианской истории, но не это делало его счастливым. Он любил чувствовать себя нужным своему народу.

Но единственно мощный мозг Доктринера был в состоянии оценить детальное изящество операций космодора и, посматривая на него пристальными глазками, сделать единственный в своем роде лаконичный и безжалостно глубокий комментарий, от которого стынут пальцы ног и который заставляет слушателя почувствовать себя великим дархом. В памяти всплыли морщинки вокруг глаз Доктринера...

Сигнал с пульта управления вспугнул все воспоминания. Тахионный луч остановился на объекте поиска — одном из десяти местных кораблей, которые, согласно докладу станции 300, исследовали внешнее космическое пространство.

Гавон увеличил изображение, и корабль завис в центре экрана. Космодор рассматривал его с каким-то смешанным чувством. Примитивная конструкция корабля напоминала ему о ранней космической истории Дарха. Когда-то на почти таких же атомных ракетах, ползущих со скоростью одной восьмой света, первые Космодоры отправились в бесконечный вакуум. С отчаянной смелостью они вызывали космос на поединок. И вот уже более четырех столетий были победителями.

Гавон снова прикоснулся к регулятору, и луч проник вовнутрь корабля.

Перед пультом, загроможенным чудовищным количеством приборов, сидел человек. Движение нижней челюсти свидетельствовало о пережевывании безвкусной

пищи. Земной человек держал в руке наполовину съеденное подобие дархианского бутерброда.

Гавон его внимательно рассматривал, и в нем крепло убеждение, что этот меланхолично жующий земной космодор отвечает всем требованиям.

Перенастройка гиперцилатора была делом нескольких минут. Гавон сконцентрировал зону его действия вокруг кресла в чужом корабле. От мощного разряда освещение слегка мигнуло. Землянин утонул в ярко-синем сиянии. Гавон повернулся к камере-приемнику, которая раскрылась одновременно с сигналом. В центре камеры стояло кресло с земным космодором, который, отчаянно кашляя, пытался проглотить кусок, застрявший в горле.

Рен-барх прошел к нему и осторожно похлопал его по спине. Землянин проглотил кусок, еще несколько раз покашлял и повернул покрасневшее лицо к Космодору:

— Вы... Кто вы такой?..

— А вы кто? — спросил Гавон. — Как вас зовут?

— Сайрас Джеральд, астронавт земной армии. Но кто вы?

— Астронавт, — повторил Рен-барх. — Астронавт... Звездоплаватель. Это ваше звание?

— Да. А вы с летающих тарелок?

Гавон усмехнулся. В сообщениях станции зоо особое место занимал анализ любопытного общественного феномена — веры в летающие тарелки. Космодор думал использовать это.

— Да, из тех самых. Зовут меня Гавон Рен-барх, Космодор первого ранга. Если не ошибаюсь, я должен обращаться к вам «мистер»?

— Нет, что вы! Называйте меня просто Сайрас или Сай, так даже короче и не затруднит вас...

Гавон повернулся к нему.

— Это меня не затруднит. Я владею вашим языком лучше вас самих. Но раз вам больше нравится, буду называть

вас так. Вы же можете называть меня по-вашему — мистер Рен-барх. У вас есть научная степень, Сай?

— По всему видно, вы хорошо изучили Землю, мистер Рен-барх. Да, есть. Я магистр физики.

— А ваши политические убеждения?

— Пессимист.

— Разве это политические убеждения? Я воспринимаю это скорее как психономическую характеристику.

— Простите, мистер Рен-барх, но я вас не вполне понимаю.

— Естественно, Сай. Вряд ли вы имеете какое-либо представление о психономии... Но все-таки мне интересно, как вы понимаете свой пессимизм.

Не отвечая на вопрос, землянин неуверенными шагами вышел из камеры.

То, как он осматривал рубку, свидетельствовало б об интересе, если бы с лица его хоть на минуту сошло выражение кислой досады. Создавалось такое впечатление, что этот первобытный гуманоид ужасно отягчен банальной необходимостью каждый день осматривать летающие тарелки, космические корабли и другие инопланетные средства транспорта, которые не дают спокойно съесть хотя бы один бутерброд. Но Гавону не надо было гадать. «Мотивационная психограмма», — мысленно приказал он, и разбуженный Психономатор начал отвечать с недоступной для человеческой речи скоростью: «Сильная нервозность из-за изменения жизненного уклада. Прикрывает свое изумление досадой. Воля рассредоточена по периферии сознания. Эрудиция достаточно высокая, чтобы быть полезным для миссии. Уровень анализа — удовлетворительный. Скорость интеллектуальной реакции — незначительно превышает среднюю. Объект является подходящим для манипуляции»...

«Хватит!...» — остановил его Рен-барх.

Действительно, этих сведений было достаточно. Он даже почувствовал, как его напряженные чувства охотника обволакивает тень скуки, — до такой степени оказался стандартным психономический тип пленника.

Операция по освоению Земли обещала быть довольно-таки простой. Все прекрасно совпадало с данными станции 300 — технократическая культура с высокой степенью нервной возбудимости и обостренными социальными конфликтами. Индивиды, мечущиеся в сетях собственных неясных мотивов и страстей, не понявшие сути своих желаний, не знающие универсальных психономических формул, которые единственно могут дать им свободу силы.

— Так как же понимать ваш пессимизм, Сай? — с легкой иронией и успокаивающим тоном повторил свой вопрос Космодор.

— А? — пришел в себя гость.

— Садитесь, Сай! — улыбнулся Рен-барх. — Вы в состоянии разговаривать сейчас или хотите немного привыкнуть?

— Сейчас! Сейчас! — замахал возбужденно руками землянин.

Гавон синтезировал для него один из тех личных коктейлей, которые разрешал себе лишь в исключительных случаях (а ведь случай был именно таким, не правда ли?). Они начали длинный и разнообразный разговор о том, как прекрасно, когда высокоразвитые цивилизации посещают отсталых своих собратьев и помогают им подняться на более высокую ступень свой разум.

Вечером (по корабельному времени) Гавон наконец расслабился в пружиняющих волнах магнитной кровати. Сайрус, явно измотанный пережитым за день, спал под гипноизлучателем в соседней каюте. Гавону хотелось немного поразмышлять, но усталость сразу овладела им. А за ней пришел сон...

Мучительно медленно, словно в густой жиже, Гавон шел по дымящейся, скворчащей земле. Иногда опора под ногами исчезала, и, не переставая шагать, он падал неуловимо медленно, пока снова не ступал на ту же раскаленную потрескавшуюся почву. Он не чувствовал ни жары, ни холода. Свет струился откуда-то сзади. Рядом с тенью Гавона скользила вторая — тень Сайраса Джеральда.

— А вы как понимаете пессимизм, мистер Рен-барх? — спросила тень Сая.

— Для нас это понятие древности, Сай, — ледяным голосом промолвила тень Гавона, — среди дархов пессимистов нет.

— Разве это возможно, мистер Рен-барх?

— Конечно. Оснований для пессимизма нет. Дархи обеспечены всем, что только могут сделать. Наше производство может удовлетворить даже самые изощренные требования. Другие планеты для нас — неисчерпаемый источник сырья. Двести шестнадцать цивилизаций торгуют с нами. Наше общество обеспечено и стабильно.

— Разве это возможно, мистер Рен-барх?

— Вполне. Мы ввели психономию как основное средство для регулирования общества. Каждый занимает место, определенное его личной психогаммой. Движение подсознания уже не тайна. Каждый осведомлен о движущих им инстинктах и о средствах, при помощи которых он может удовлетворять или обуздывать их. Все это идет на пользу нашей цивилизации. Дархи счастливы!

— Разве это возможно, мистер Рен-барх?

И в который раз почва под ногами Гавона исчезла. Он начал падать в сизый дым без запаха, долго летел между потрескавшимися старыми скалами и проснулся в своей магнитной кровати.

Уловив, что он открыл глаза, автоматы медленно зажгли свет. Гавон полежал несколько минут, забывая свой нелепый сон. Потом встал и пошел в каюту Сайраса.

После завтрака, который (это было очевидно) прямо-таки шокировал землянина своими вкусовыми качествами, оба устроились в салоне корабля. Психонатор постоянно следил за напряженной психикой Сайраса. Внимательно вслушиваясь в информационные телепаты, Гавон заговорил:

— Сейчас слушайте меня внимательно, Сай. Будьте добры не прерывать меня... Вчера, в нашем разговоре, я избегал уточнения некоторых подробностей, но сейчас сделаю это. — Он медленно отпил свой коктейль. — Сай, вы понимаете, что я не прилетел сюда ради альтруизма. Я должен создать условия для торговли с вашим миром. Знаю, что в пределах Земли вы имеете огромную практику в торговле, следовательно, знаете, что, если стороны не равноценны, одна из них становится ведущей. В данном случае этой ведущей стороной буду я... К тому же не предлагаю выбора. Из трех вариантов — нейтралитет, война, торговые взаимоотношения — я устанавливаю третий... Нейтралитет невозможен, так как мы никогда не уходим отсюда, куда пришли. Война бессмысленна — мы лучше вооружены. Если все же предположить, что будут какие-либо военные действия, то от Земли мало что останется. В таком случае получается, что торговля — единственный вариант. Теперь можете задавать вопросы.

«Сайрус Джеральд находится в угнетенном состоянии, — сообщил Психонатор, — он поражен сказанным, пытается найти выход из ситуации, которая выглядит для него угасающей и безнадежной. Не сомневается в нашем могуществе».

— Мистер Рен-барх, я не сомневаюсь в вашем всемогуществе, — сказал Сайрас после краткого молчания, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Гавон кивнул утвердительно.

— Мистер Рен-барх, я не понимаю, зачем вам устанавливать торговые взаимоотношения, если вы просто можете завладеть Землей.

— Это не гуманно, Сай, — возразил Гавон. — Да и не нужно. Вы уже завладели Землей, ваши фирмы, суперфирмы, наднациональные корпорации, они продадут нам Землю. Они поймут, что такой контракт для них не особенно выгоден, но военные действия тем более невыгодны, так как оплачиваются невосстановимым Капиталом, вы понимаете меня, Сай? Вообще-то на этот счет у вас есть хорошая поговорка: из двух зол выбирают меньшее.

— Значит, вы все-таки нас порабощаете, мистер Рен-барх?

— Да куда там, Сай? Вы же обрекли себя на рабство сами. А мы требуем лишь налога с ваших хозяев. И они его заплатят, потому что они рабы самих себя. Увы, психонимическая свобода, которая делает нашу цивилизацию счастливой, оказалась недоступной для всех остальных частично цивилизованных обществ. И для вашего тоже, пока.

Сайрас долго молчал, рассматривая фужер из радужного кристалла, который держал в руках. Наконец спросил:

— А я? Чего вы хотите от меня?

— Совсем простую вещь. Быть посредником в переговорах... А пока познакомьте меня со всем, что знаете сами. Я хочу услышать полный рассказ о земной жизни. Расскажите обо всем, что вам было доступно. Я помогу вам рассказывать все это достаточно подробно и связно.

Сайрус Джеральд переживал. Кусал губы, тер потные ладони, мял виски — вообще с ним происходили все те физиологические процессы, которые показывали, как трудно назвать собственным именем лицемерие, даже внутренне давно признанное.

Гавон наблюдал за ним прищуренными глазами, он был спокоен и настроен покровительственно. С землянином все было ясно. Необходимо только дать ему немного времени все обдумать и принять единственно возможное решение. Но Сай сказал что-то совершенно неожиданное:

— Разве это возможно, мистер Рен-барх?

Космодор только случайно удержался от вскрика. Изумление от странного совпадения со сном столкнулось с непонятным страхом и слилось с ним. Лицо Гавона осталось как и прежде каменным, может быть, только глаза на минуту стали словно стеклянными, но его собеседник ничего не заметил. Он ожидал ответа, и во взгляде его не было ничего кроме ожидания. Все это промелькнуло почти мгновенно. Остались только неясная тревога и мысль, что необходим серьезный разговор с Психономатором. Больше Рен-барх не вспоминал о сне.

Сай, видимо успокоившись и примирившись, начал рассказывать о жизни на Земле. Гавон слушал его, не стараясь запомнить что-либо, — для этого был Психономатор. Его объективы ощупывали каждое движение, мимику Сая. Все это переводилось в единицы знаковой информации, и он копил их в своей холодной памяти, добавляя штрихи к образу подсознательной жизни астронавта Сайраса Джеральда. Потом, когда Гавон уже в роли дипломата будет искать точнейшую реакцию, гибчайшую многозначительность, телепатические советы Психономатора отшлифуют его поведение до единственно возможного для этой цели совершенства, до правдивейшей для землян мимики...

Со стороны они выглядели как двое друзей, которые за рюмкой доверяют друг другу маленькие тайны своего жития. Когда Сайрас говорил об интимных подробностях, Космодор предрасполагает и в то же время многозначительно улыбался, поднимал фужер к самым глазам и рас-

сеянно скользил взглядом по серебристой поверхности коктейля — знал, что в такие моменты лицо его становится неповторимым: мужественным и красивым. Во всяком случае, так утверждали его любовницы.

Его воспоминания заскользили по формам красивых женских тел, которыми он обладал. Но, может быть, скольжение было чересчур быстрым, тела вдруг слились во что-то аморфное, обрюзгшее и неопределенное, что заставило его потрясти головой и вновь вернуться к рассказу землянина.

Этот разговор продолжался весь день, не прекратился он даже во время ужина. И только оказавшись в каюте, Гавон понял, что все время в нем дремало какое-то беспокойство. Здесь, в одиночестве беспокойство перешло в обыкновенный страх, вызванный сновидением. Наличие этого страха было чем-то неправильным, неестественным, оно пугало больше самого сна, так как это означало, что универсальные психономические формулы перестали быть универсальными. Действительно, там еще предвиделась и непредсказуемость третьего подсознательного пласта, но...

«Психономатор, — почти вскрикнул Космодор, — что со мной происходит?!»

«Не особенно сильное катативное смущение третьего пласта подсознания...»

«Хватит! Профилактика?»

«Катативная реакция зоны третьего пласта имеет высокую степень непредсказуемости...»

«Хватит! Можешь следить за мной ночью и прервать сон сразу же, как только он начнется?»

«Да».

В бесплотном голосе Психономатора прозвучало угодничество. И впервые в жизни Гавон испытал к нему что-то похожее на отвращение. Космодору почему-то показалось, что сна не было.

Гавон начал думать, стоит ли включить усыпляющие приборы, но незаметно уснул. Его окружила спасательная темнота без времени и места, но она оказалась непостоянной. Чья-то рука подняла этот темный мешок и высыпала Космодора на ту же самую равнину в трещинах, стянутую в обруч горизонтом. И снова рядом с ним шагал Сай, и перед ними скользили две тени, очерченные странным светом, падающим сзади.

«Значит, ты утверждаешь, что счастлив?» — спрашивала тень Сая.

«Как счастливы все, живущие по законам универсальной психонмии», — покровительственно ответила тень Гавона.

«А все живут по этим законам?»

«Все».

«И всю жизнь?»

«Да», — ответил Гавон и замедлил шаг.

Какая-то щель, извиваясь как пресмыкающееся, поволокла к ним свое тяжелое пустое тело. Другой конец ее вздыбился над их головами и опустился за ними. Под ее чудовищным, окутанным красноватой мглой сводом, прогремел вопрос другой тени:

«Почему молодые не всегда подчиняются Универсальным Психонмическим Формулам, мистер Рен-барх?»

Гавон удивился этому вопросу, потому что Сай не мог задать его. Шагая под бесконечным дымящимся сводом, он ответил:

«Для этого необходимо созреть, Сай. Универсальные Психонмические Формулы изучаются в школе, но необходимо время, пока личность сумеет обуздать инстинкты. Добавим и физическое соревнование, которое заставляет молодых бунтовать в поиске выхода своей биологической энергии».

Что-то перегородило дорогу. Стена. Гавон присел на неровный каменный выступ. Опершись на стену, Сай смо-

трел на него светящимся взглядом своих черных глазниц. За его спиной образовалась трещина, и сквозь нее были видны звезды. Трещина, корчась, как губы паралитика, произнесла голосом Сая:

«Но среди зрелых, уравновешенных личностей также встречаются неудовлетворенные, мистер Рен-барх».

«Это неправда, Сай. Ты не можешь знать этого».

«Мистер Рен-барх, — произнесла трещина, — почему так часто взрослые, зрелые личности, не знавшие серьезных проблем в жизни, кончают самоубийством?»

«Во всякой цивилизации есть свои психически больные, Сай».

«Но почему их так много, мистер Рен-барх?»

Гавон проснулся, что-то взорвало его сон изнутри. Когда куски сознания, разбросанные взрывом, улеглись по своим местам, Космодор с удивлением подумал, что Психономатор никогда не будил его столь сильным импульсом.

«Психономатор, — мысленно позвал он. — Почему дал развиваться сну? Команда была точная».

«Физиологическая реакция, — ответил Психономатор. — Сон был сконцентрирован в кратком временном интервале в ограниченной зоне мозга. Первый импульс оказался слабым, второй...»

«Хватит, — мрачно прервал его Гавон, — от второго еще болит голова. Сделай что-нибудь».

Из стены вылезло блестящее щупальце. Кончик пневмошприца коснулся его виска. Гавон почувствовал легкую боль, приятное головокружение и снова уснул, на этот раз без сновидений. До утра по корабельному времени оставалось несколько часов.

После утренних процедур в биокамере к Гавону почти полностью вернулось бодрое и реалистическое восприятие жизни. Почти, так как внутри все же затаился мутный приглушенный ужас иррациональной бури сна...

Как настоящий воспитанник психономичной культуры, Гавон хорошо знал фантазию — грязный источник душевных смут и волнений, место, где все возможно, где простая истина мечется в пылу сомнений, и ничего окончательного и определенного не существует. Она была врагом его душевных сил, его гибкого, как хищный зверь, ума, его неистребимого желания победы. Что же это за ассоциативный взрыв, какие пласты подсознания перемешались, как получилось, что этот смешной и наивный Сай стал символом самого подсознания, заговорил языком какого-то «анти-я»?

Рен-барх не мог ответить себе на все эти вопросы, но и не хотел почему-то обсуждать их с Психономатором. Кроме того, логика дневного сознания выдвинула дневные мысли и задачи, которые не оставляли места стыду ночных видений.

О, великий Дарх, уже через пару дней надо начинать усвоение, а какие глупости лезут в голову...

— Итак, ваш мир мне ясен, Сай.

Гавон замолчал и уставился на землянина. Глаза Сайруса, в которых сначала светился интерес, постепенно наполнились страхом. Астронавт начал понимать, что означают эти слова. И Гавон дал ему необходимое для этого время.

— Слушаю вас, мистер Рен-барх... — хрипло прошептал Сай.

Гавон начал с обобщения. Земля, пояснил он, с точки зрения представителя высшей цивилизации, это огромное поле незримой войны. Настоящие войны остались в прошлом, чтобы уступить место этой возне непрерывного взаимного выталкивания нескольких сверхкорпораций. Между ними существуют неисчислимо и неизмеримо сложные для понимания обычного человека связи. Отношения между ними напоминают дархианскую игру, в которой двое из противников заключают союз против

третьего, что, однако, не улучшает их взаимоотношений. Каждый в совершенстве овладел своим оружием — производством, торговлей, техническим прогрессом. У каждого есть свой аппарат для того, чтобы удержать положение, своя полиция, своя армия...

Несчастные жители Земли находятся в центре разнонаправленных интересов, пояснил Рен-барх, и что получается из этого, ты сам знаешь. Всех ваших социальных срывов, крамольных идей могло бы и не быть, если б у вас существовало настоящее централизованное управление, и вы могли бы заняться решением психологических проблем индивида. Наша психономия давно пришла к заключению, что индивиды составляют общество: это для тебя, может быть, звучит банально, но мы можем сделать важный вывод, что сначала надо заняться индивидом, организовать такое существование, которое удовлетворяло бы его. Если же нет возможности полностью удовлетворить эти потребности, то сделать противоположное — воспитать такие потребности, которые бы находились в доступных границах удовлетворимости. А этого можно достичь только с помощью наших психономических формул.

Мы с вами, Сай, мы оба выберем одну из земных суперфирм и поможем ей победить другие! Благосостояние человечества резко повысится, фирма автоматически превратится в правительство, которому все народы будут благодарны, которому будет доверено введение новой психономической педагогики. Да, Сай, я убедился, что земное человечество достаточно близко дархианскому и может воспринять психонию. Со своей стороны, правительство никогда не забудет, кому оно обязано, благодаря чьим психономическим консультациям достигнуто счастливое равновесие. Нашему Дарху остается лишь отправить несколько грузовых звездолетов, которые периодически будут выплывать из нулевого пространства, приземляться около секретных складов и взлетать оттуда

с тяжелым грузом. Улавливаешь... помощник Космодора Сайрас Джеральд?

Рен-барх закончил свое вдохновенное выступление со сдержанной ораторской артистичностью, которая не раз показывала свое несомненное воздействие при разных дипломатических миссиях. Тем более что Психонатор во время всего монолога удачно нашептывал ему наиболее подходящие слова, а то и точнейший текст... А Сай — помощник Космодора Сайрас Джеральд — был готов. Его страх, вечный страх интеллигента, порожденный постоянными сомнениями в нравственной правоте своих действий, исчез. Напротив Гавона сидел соратник, единомышленник, который, не задумываясь, отдал бы жизнь за грандиозную цель.

«Готов! Готов!» — мурлыкал Психонатор, хотя и сам Рен-барх прекрасно видел это. Именно так надо создавать настоящего местного манипулятора, когда он находится на высшей стадии мобилизации радостного соучастия, когда все его существо торжественными ритуальными танцами выходит на поле боя, и когда ни один нейрон не тянет по-дезертски назад.

«Прекрасная работа, Гавон Рен-барх», — улыбается Доктринер, и его по-мужски сдержанная улыбка приводит в движение тонкую сеть морщин вокруг глаз...

Гавон усадил своего новоиспеченного помощника в кресло и начал объяснять ему, как манипулировать пультом гипнотаблиц. Сай безошибочно повторил все действия, гипно-излучатель тихо загудел, а на экране начали мелькать таблицы программы «Теории информации и социального манипулирования». Знания, которые гипногенератор вводил в мозг, многократно превосходили все университетские курсы Земли. Психонатор регистрировал почти стопроцентное усваивание информации. На глазах у Гавона создавался умный, гибкий, хитрый дипломат, ученый и боец. Параллельно с теорией мозг

Сая усваивал и новую систему ценностей, где в качестве объекта преклонения и восторга Гавону Рен-барху отводилось второе место после Доктринера.

— Приятной работы, Сай! — пробурчал Гавон, хотя землянин не мог его слышать, и ушел в командный отсек.

Последний переход прошел прекрасно. Корабль вышел из нулевого пространства недалеко от патрульной ракеты Сая. Гавон с улыбкой посмотрел в последний раз на брошенную ракету, включил двигатели и задал Компьютеру программу полета. Земля была уже видна и без увеличения — голубая точка в центре экрана.

Вечером он выключил гипногенератор — не хотел перенапрягать мозг своего помощника, да и в этом не было необходимости. Сай уже знал почти все необходимое, а завтрашний курс окончательно затвердит принятую информацию. Они поужинали — спокойно, почти не разговаривая. Уставший Сай отправился к себе в каюту, пожелав, как требует этого земной обычай, Гавону спокойной ночи. Космодор кивнул ему в ответ и подумал, что ночь, без сомнения, будет спокойной — половина миссии исполнена, мысли спокойны, снов не будет. Мелькнула какая-то тень, но она быстро исчезла — нет, никаких снов не будет! Он даже не будет приказывать Психономатору следить за его сном: это недостойно, это значит, что он все еще испытывает страх, притом без оснований...

Гавон Рен-барх вошел в свою каюту. И сон встретил его на пороге. Его тело автоматически совершало действия отхода ко сну, а мысли уже окунулись в знакомую темноту. Над ним была та растрескавшаяся, пульсирующая земля, а он падал с нее в пропасть неба. Ноги его ступали по чему-то невидимому, твердому, холодному, как камень, но падение продолжалось. Земля поднялась над ним, как волна прибоя, и понеслась куда-то. Гавон остался один между звездами. Потом сквозь звезды начали вырисовы-

ваться стены пещеры. Удобно устроившись между двумя сталагмитами, за ним следил Сайрас Джеральд. Свет, исходящий из его черных глазниц, падал на лицо Космодора, который уже знал, каким будет первый вопрос:

«Почему ваша цивилизация порождает так много психических больных, мистер Рен-барх?»

«Что означает “много”, Сай?»

«Почти у двадцати процентов населения Дарха зарегистрированы резкие отклонения от нормы, мистер Рен-Барх. Это составляет более трех миллиардов человек. Больше, чем все население Дарха триста лет тому назад. Три миллиарда — это среднее население среднецивилизированной планеты».

«Ты не можешь знать этого, Сай!»

«Но ты можешь, Гавон, и ты знаешь это».

Рен-барх почувствовал, что где-то там, в реальности, его тело уже покоится в кровати, но здесь, во сне, его лицо запылало от прилива ярости:

«Да! Знаю! Знаю, что психономия кастрирует дух! Но что делать с этим духом, если он всегда требует нереальных, абсолютных категорий? Непрестанно ищет вину среди тех, кто правит обществом! Что делать, если сама организация общества делает невозможной свободу духа? Свободу верить в мифы добродетелей и нравственности!»

Голос его стал плотным, почти материальным, словно свинцовые капли, направленные на Сая, но проходящие сквозь него, и только гранитная стена вздрагивала от сверхмощных ударов.

«Что нужно этому духу, Сай? Дружба?! Любовь?! Новые горизонты?! Все это мерзкие иллюзии, Сай! Они могут только испортить наслаждение реальными радостями жизни».

Последние залпы пролетели сквозь загадочно-неподвижного Сая и совсем разрушили стену за ним. Она

бесшумно распалась, и открылась комната. Та самая Комната...

Рен-барх вдруг перестал быть непреклонным Космодором и ощутил в себе молодого двадцатилетнего Гавона — лидера школьных походов, самого интеллигентного и непокорного воспитанника 517-й Гипнодидактической школы. Гавон узнал комнату, понял, какие события разыграются снова на его глазах, и ему захотелось умереть (где-то очень далеко, в реальности, его тело конвульсивно металось в бесплодных попытках выкарабкаться из сна). Широко открытые, застывшие глаза узнавали эту комнату с кроватью и столом, этого пьяного парня в кровати и красивую обнаженную девушку. Воспоминание о любви к ней превратилось в самую любовь и в невыносимое страдание от цинизма происходящего. Это была женщина, которую он позволил себе любить больше самого себя, а пьяный, с которым она через минуту ляжет, — его лучший, единственный друг, последняя возможность веры в дружбу. И сейчас она снова посмотрит на него, Гавона, ледяным презрительным взглядом, как тогда, и отдаст свое тело в руки его друга. И все это произойдет перед ним. Как тогда. И они не остановятся даже тогда, когда Гавон, подталкиваемый последними остатками юношеского достоинства, включит свет...

Где-то глубоко, в сознании, все же оставалась часть Космодора Рен-барха, потому что на миг мелькнуло презрение к могуществу сна, напрасно тратящего силы на давно пережитое. Но то, что произошло потом, отнюдь не было повторением. Спинка кровати начала вытягиваться и утолщаться, приняла очертания дарха... не просто дарха, а Доктринера — он был значительно моложе, таким, как в первые годы их знакомства. Великий Доктринер наклонился над сплетенными телами и рассматривал их внимательно и заинтересованно, словно перед ним были инфузории, поведение которых разрешит важную био-

логическую проблему. Когда в кровати все было кончено, он взглядом подозвал ее. Девушка подняла голову, в ее глазах засветилось нетерпеливое радостное ожидание, то ожидание, с которым все личные сотрудники Доктринера, в том числе и Гавон, спешили получить следующую задачу от любимого шефа. И невероятная догадка пронеслась в мозгу, разрушила преграды между сознанием и подсознанием, между молодым Гавоном и зрелым Рен-Бархом, между спящим и бодрствующим, между сном и действительностью.

Происходило то, что происходило не раз перед ним, что он сам много раз совершал при наборе и воспитании новых Космодоров и социотехников. То, что Доктринер шутил называл «облегчением совести от заблуждений», а социотехника ясно сформулировала как «разрушение утопических ценностей». Гавон понял, что должен крикнуть и даже сделал это, но изо рта его выплеснулось пламя, подожгло кровать, ее, его друга, Доктринера. Остался лишь дым, он принял очертания Сая и сказал... да, дым сказал:

— Пора просыпаться, Гавон.

Это был живой и реальный Сай. Он наклонился над Гавоном и смотрел на него спокойно и приглашающе. Но Космодор не хотел вставать. Факт, что он проснулся и сон кончился, на этот раз не принес облегчения. Сон был где-то рядом, незримо намекал и в реальности о своей страшной власти, сила его заключалась в выводах, оставленных после себя. Гавон испытывал огромное, всепоглощающее чувство страха.

«Психономатор!»

В ответ лишь тишина.

«Психономатор!»

— Психономатор не поможет тебе, Гавон, — спокойно сказал Сай и сел на кровать.

Рен-барх окинул его диким взглядом и быстро вскочил. Потребовалось огромное усилие, нет, даже насилие над собой, чтобы возвратить себе хотя бы на мгновение способность анализировать. Этого было достаточно, чтобы увидеть, как изменился Сай. Точно отмеренные движения, сменившие суестьющую взвинченность вчерашнего и позавчерашнего Сая? Что могло означать это непронаемое лицо, этот взгляд, похожий на тот, светящийся темнотой, взгляд Сая из сна?

— Что это значит? — тихо, едва владея голосом, спросил Гавон. — Кто вы, Сай?

— Человек с Земли, Гавон.

Космодор вскочил с кровати, приблизился к Саю, долго смотрел на него, потом вдруг замахнулся. Целился в челюсть, но рука его ударилась во что-то невидимое. Рен-барх вскрикнул от боли, а может быть и от страха. Он сделал еще одну попытку взять себя в руки. Не смог.

— Вы не с Земли, Сай! — вскрикнул он. — Я знаю, кто вы! Вы агент высшей цивилизации! Еще сто лет назад теоретически было предсказано ваше существование. Сто лет мы боялись, что встретим вас. Потом успокоились, вот в чем наша глупость! А вы ждали, пока мы успокоимся, ведь так! Вы следили за нами...

— Нет, Гавон. Мы за вами не следили. Вы сами сообщили о себе, посылая станцию 300.

Гавон в шоке опустился на кровать.

— Но в станции не было никакой информации о нас...

— Конечно, вы позаботились о том, чтобы не было информации. Но информация существует на многих уровнях. Даже воздух, которым ты дышал, может рассказать о тебе. Почему ты не стал поэтом, Гавон?

Космодор чуть не поперхнулся от этого неожиданного и нелепого вопроса. Пока он соображал, какой смысл несет в себе сказанное и как ответить, Сай произнес:

Да, опоздали все желания,
Ее приход в горящий сеновал
Безмолвного и тихого познания...

— Ты помнишь это стихотворение, Гавон? — спросил он. — Ты посвятил его девушке, о которой я тебе напомнил посредством сна. Но дархианская цивилизация не нуждается в поэтах, ведь поэты не подчиняются психоэкономическим формулам... И тебе не позволили стать поэтом, Гавон. Ты был слишком ценен. Ты считаешь, что сам выбрал путь Космодора? Нет, Гавон, его выбрали для тебя. Да, ты дарх редких психических и интеллектуальных качеств. Отвечаешь дархианским нормам гениальности. Не удивляюсь, что сам великий Доктринер занялся твоим формированием. Ты понял из своего сна, что измена твоей любимой — одна из существеннейших манипуляций тобой. Одновременно с тобой был подвергнут обработке и твой друг, который сейчас служит в репрессорных отрядах. Он был промежуточным продуктом без особой ценности. Но ты, Гавон Рен-барх, стал одним из наиболее ценных кадров дархианской армии. У тебя есть качества. А качества служат ценностной системе — предполагаю, что тебе известно это универсальное понятие, которое объединяет мораль, нравственность, нормы поведения. Тебе, Рен-барх, пересадили новую ценностную систему — операция, которая тебе хорошо известна и которую ты неоднократно проводил с другими.

— Значит, и Литена, — губы космодора с трудом произнесли забытое имя друга, — Литена тоже подвергли манипуляции? Какими же были разрушающие мотивы для него?

— Тоже довольно-таки стандартными, Гавон, — соучастие в подлости. Она сделала его своим сотрудником, открыла ему часть правды о себе с условием, что будет принадлежать ему, если он поможет обработать тебя. Старо и скучно,

Гавон... И за этим всегда стоял твой дорогой Доктринер, который считает твоё приобщение произведением искусства и который сам создан подобным образом. Потому что такова сущность вашей психонмии, Гавон, — она возносит в культ свою беспомощность; она неспособна понять, что личности необходимо непрестанно меняться, становиться совершеннее, богаче духом, психонмия ставит чудовищную цель поддерживать дух статичным, хирургически удаляя каждый росток творческого волнения и поиска. И достигает успехов — появляются такие, как ты, Гавон Рен-барх...

Космодор (хотя каким Космодором был уже он?) слушал, и тело его наполнялось усталостью. Его знаменитая жизненная энергия и жажда победы исчезли бесследно, и единственным его желанием было закончить наконец этот разговор и умереть спокойно.

— Да, хотел ещё спросить... — Мысль тонула в этой страшной усталости. — Сай... Эта информация о вашем социальном устройстве и суперкорпорациях... выдумка?

— Конечно, Гавон. Нам не надо было заглядывать далеко в нашу историю, чтобы заимствовать эту социальную структуру. Так выглядела значимая часть нашего мира несколько столетий тому назад, так выглядел и один средний Сайрас Джеральд в этом мире.

Гавон медленно встал. Направился к двери слепой, неуверенной походкой. Остановился. Дверь открылась перед ним, но он не переступил порога, — забыл, куда направлялся.

— Космодор, не спеши! — сказал землянин, и Гавон, обожженный неожиданным теплом его голоса, повернулся. — У тебя есть время все оценить. Подумай о себе, Гавон Рен-барх, и сделай выбор. Ты можешь вернуться на Дарх — это тоже решение, несмотря на то что там скоро будет очень трудно жить по-старому. Можешь попасть на Землю и развить происходящее в тебе. Это будет очень мучительно, но это тоже решение...

Не отдавая себе отчета, Гавон попытался улыбнуться. И что-то произошло. В этом движении мышц лица разрядилось все напряжение, наполнявшее его тело. Туман перед глазами рассеялся, все звуки стали понятны.

— Гавон, — сказал землянин, — Земля нашла иной путь. Без психономии. Над этим тоже подумай, Космодор.

Последняя фраза повисла в воздухе каюты. Землянин исчез.

Гавон пошел в командный отсек... в этом как будто был какой-то смысл... хотя вряд ли... Другой путь развития. Без психономии?

Дверь отсека открылась. Напротив сиял экран, а в центре его — огромная Земля.

«А она красивая...» — совершенно невпопад подумал Гавон Рен-барх. Такая оценка Земли странным образом заставила прислушаться к себе. Где-то в огромном и, может быть, плотно закрытом лабиринте мозга шевельнулась мысль. Она, как маленький зверек, не знающий, есть ли из лабиринта выход, стремительно несется по коридорам между холодными слезящимися стенами, такими неровными, что каждая щель угрожает поглотить ее... О, великий Дарх, действительно ли я написал это стихотворение...

ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ

Больше всего на свете я люблю эти фантастические посиделки в субботу после обеда. Мама уже убрала со стола остатки обильной трапезы, наполнила рюмки домашней сливовой ракией, и на веранде остались только мужчины — папа, дедушка, дядя Груйю и сегодня, в качестве приятного сюрприза, дядя Койчо, который в прошлом году сошел с корабля, объездив полмира, как сказал дедушка. Никто не гнал меня в другую комнату — и вот я,

такой пупсик, завтра уже мужчина, как говорит папа, должен учиться мужскому разговору.

Конечно, мне очень хотелось бы стать мужчиной прямо сегодня, но если это невозможно, то я согласен и завтра. Важно уже то, что меня принимают как своего и позволяют сидеть за столом со взрослыми на своем месте.

Разговор, как всегда, начинается с разных глупостей — о женщинах или о том, как сделать деньги, папа говорит, что это очень важно, но мне это не интересно, и я их не слушаю. Какая разница, у которой из них больше балконы, а у какой — задний двор? Я у них жить не собираюсь! И о деньгах тоже — кого-то там «кинули на деньги», кого-то «подставили по-крупному» — ничего не понимаю.

Вот как заговорят о политике зарубежных стран, этого-то я и жду! Америка, Россия, Африка, там всегда происходят интересные события...

Сегодня все началось с того, что мама повесила на антресолях телевизор. По краям медийного полотна она вышила красивую рамку с целующимися голубями — о, это не описать словами! Как только на этом метровом коврике начали выстраиваться образы и звуки со всего мира, все остальные разговоры тут же прекратились.

«Уже три недели с переменным успехом ведут боевые действия вдоль реки Замбези прогрессивные европейские силы. Большого успеха добились части тринадцатого Трансильванского корпуса под названием “Вампиры”, но с тех пор, как замбийские диктаторы попросили помощи у наемников Гаитянской Зомбармии, обстановка усложнилась. Возникли серьезные проблемы с питанием трансильванских командос, что вполне естественно, учитывая метаболизм наших “красных касок”. Миротворческий ход объединенных европейских сил был также затруднен в результате вмешательства отдельных групп местного террористического движения “Патриотический фронт черных магов”».

На экране промелькнули демонстранты с плакатами: «Европейцы, вон из Африки!»

— Вот чем эти зомби помешали трансильванцам, а, Койчо? Смотри, с какой армией они справились два года назад. — Папа всегда спрашивает дядю Койчо, потому что тот ученый и все знает.

— Зомби, Паро, — это нечто особенное. Их нельзя убить, кусать — тоже смысла нет, какую там кровь пить вампирам, если у этих нет ни одной капли. Я был знаком с одним чехом-стоматологом, он работает исключительно с вампирами, специалист по передним клыкам, так вот, он говорит, что они очень заботятся о своих зубах, не дай бог кариес, а работать с вампирами, говорит, настоящее удовольствие. Воспитанные люди! — поучительно добавил дядя Койчо, ловко поддев вилкой соленый огурец.

— Извращенцы! — вдруг ни с того ни с сего восклицает дядя Груйо. Он как с утра выпьет рюмок пять ракии, так ему везде «голубые» мерещатся.

— Тихо ты, Груйо, — укротил его папа. — Дай послушать умного человека, а то еще неизвестно, когда опять Койчо придет к нам в гости...

Дядя, отчаянно махнув рукой, потянулся за очередной рюмкой.

— Так ты говоришь, Койчо, все вампиры воспитанные очень, да? А мы здесь, к едрене фене, что знаем мы о воспитании? Вот у них, например, и манеры, и этика, одна утонченность чего стоит, настоящие джентльмены! — Папа грустно вздохнул и продолжил: — Европа — это Европа, культура есть культура, что я еще могу сказать?

— Эй, Койчо, — раздался дрожащий дедушкин голос, — а что ты скажешь про русских? Вечно у них какие-то проблемы, Койчо, ну что за народ?

— Дикие и непонятные эти люди, россияне, дед, — поморщился дядя. — Марсиане пришли к ним, как к братьям, заключили с их правительством договор — все по

закону! Предоставили им свои технологии и неограниченное количество зеленой водки. Взамен они хотели всего-то ничего — по одной пинте крови в месяц с человека. Но то ли им водка не понравилась, то ли еще что-то... Восстания на каждом шагу! Партизанские отряды! А теперь еще эти, которые захватили склад с водородными бомбами на Урале. Все не могут успокоиться. Третье пришествие у них наступило! Все не слава богу...

— Ну, может, они не хотят пускать на свою родную землю столько иноземных рож... — робко попытался возразить папа.

Дядя Койчо пришел в ярость и даже разлил свою рюмку в тарелку с солеными огурцами.

— Не пускают они! Вон американцы как пускают? Как только появились первые летающие тарелки веганцев, тут же блокировали им всю электронику, так что? Беседы, переговоры, как разумные существа. В результате подписали торговое соглашение и все довольны. Веганцы...

— Вот уж эти точно извращенцы! — громко всхлипнул дядя Груйо.

— Почему же, Груйо? Питаются они исключительно менструальной энергией, — шутливо подбросил дедушка.

— Ментальной, дед, веганцы питаются энергией мысли, и чтоб ты знал на будущее, извращение, прежде всего, явление духовное, — компетентно заметил Груйо.

Все замолчали, потому что эти комментарии дяди по поводу «голубых» они слышали и раньше. Дядя Койчо, немного успокоившись, продолжал:

— Так вот я и говорю, американцы сразу поняли, что им выгодно, а что — нет. Бизнес у них теперь процветает, целыми днями смотрят телевизор, попкорн жуют, а все, что рождается в их мозгах, — готовое сырье для продажи — пожирают веганцы и платят за это дорого-предорого...

— Дядя Койчо, а правда, что от постоянного просмотра их замечательного телевидения мозги у них разжижаются, и они выдают самые вкусные мысли? — спросил я.

— По крайней мере, так говорят веганцы. Кроме того, кого волнует, что у них там происходит? Главное, что им деньги платят.

— А мы ведь, Койчо, тоже смотрим американские передачи, но почему-то веганцы не хотят покупать наши мысли? — возмутился дедушка.

— Ну, во-первых, дело не только в просмотре, дед, это ведь и думать надо на американском, а пока их тебе переведут, болгарин десять раз подумает, что его разводят, и хорошие мысли уже стухнут к тому времени. А кому охота протухшие мысли потрещать, дед?

— Так-то оно так, но нет ли и для нас каких-нибудь мелких нашествеников, с Меркурия, например, или с Нептуна?

Стол затрясся от дружного смеха. Ну все, если они уже начали ухмыляться, значит, опять начнут свои непонятные разговоры. А пойду-ка я лучше на улицу играть в марсианцев и веганцев.

Весь город предоставлен мне для игр с тех пор, как объявили, что путь в Европу открыт, и все уехали туда. Помню утро, когда мы проснулись и, увидев, что мы одни, папа гордо выпрямился и выкрикнул: «Не будь я Аспарухом¹, если уйду с этой земли, пусть я даже буду последним на ней!» И посмотрел на меня.

Я знаю, о чем он мечтает, но я намерен выучиться и покинуть эту страну. Вдруг я стану великим человеком. Русским марсианцем, например, а может, американским веганцем.

Перевела Ольга Попова

¹ Переход хана Аспаруха через Дунай считается началом становления Болгарии как государства.

Мартин Петков

ПОМИДОРЫ — ГОЛУБЫЕ, ТЕЛЯТА — С КРЫЛЬЯМИ

— Помидоры будут голубые. Все! — Главный секретарь Маршал решительно ударил кулаком по столу и обвел взглядом присутствующих.

— Это шантаж! — вскочил Стантски. — Я — против!

Главный секретарь злобно усмехнулся.

— Я не ставлю вопрос на обсуждение, я лишь уведомляю вас. — Он посмотрел на часы и кивнул как бы сам себе. — Через четверть часа Президент сделает выступление.

— Выступление? Какого черта ему приспичило делать выступление как раз сейчас? Мало ему прежних, что ли?

Биолог Стантски, консультант федерального правительства, места себе не находил от возмущения.

— Нужно расставить приоритеты, — холодно ответил Главный секретарь. — Вам хорошо известно, что мы вступаем в заключительный этап гармонизации. В ближайшее время ждем приглашение на Съезд Объединенных цивилизаций, где наконец станем частью большой космической семьи.

— Приоритеты! — горько рассмеялся биолог. — Хватит разводить демагогию, побереги ее для газетчиков.

— Не пойму, чего вы брыкаетесь? — раздраженно воскликнул Маршал. — Эка важность — помидоры! Мы сделали эволюционный выбор, решив присоединиться к Объединенным цивилизациям.

Научные консультанты уныло посмотрели друг на друга. Дэн Сяо тихо проговорил:

— Сначала рис стал зеленым, потом лук потерял горечь, мы начали выращивать бананы длиной не больше шести сантиметров, узаконили бессольную соль и обесслаженный сахар, огурцы уже не прямые, а калачиком, а теперь еще и помидоры станут голубыми. И каков будет вкус у этих помидоров?

Главный секретарь надменно смерил его взглядом. Сколько раз он говорил Президенту, что эти консультанты будут только мешать. На кой надо было включать их в рабочие группы? Биологи роптали на каждую перемену. Экологи протестовали против климатических коррекций. А юристы... о юристах даже не хотелось думать, они все время тормозили переговоры и без устали повторяли: это невозможно, то невозможно, это в нарушение закона, то в нарушение Конституции... Чушь, все возможно, было бы желание.

Маршал ударил кулаком по столу и заорал на Дэн Сяо:

— Перестаньте артачиться как ослы! Каким должен быть вкус у гребаных помидоров, согласно стандартам Объединенных цивилизаций, таким и будет! Не забывайте, что они предоставят нам необходимые модификаторы для корригирования их цветовых и вкусовых характеристик.

— Да, — кисло вставил Стантски. — За это мы заплатим тоннами океанской воды и тысячами кубиков арктического льда.

— Общее благо требует, — важно изрек Маршал.

Главный секретарь был молодым мужчиной лет двадцати пяти. Сложная административная машина, следуя своим специфическим закономерностям, вытолкала его непосредственно на этот пост, игнорируя недостаток опыта и профессиональных качеств. Эти мелкие недостатки он возмещал огромным желанием для показательных действий и хороших отношений с Президентом Торбачевым, чьим протеже являлся.

Кстати, это самое стремление к общему благу с некоторого времени появилось у многих государственных чиновников и привело к ряду конфузных ситуаций. Например, из-за неточностей перевода с языка альфы Центавра, в течение нескольких месяцев телятам прививали крылья, вместо жабр. Жабры были необходимы, так как согласно Меморандуму о всеобщей адаптивности живых организмов, раздел II, подраздел 33-А, принятому Девяносто вторым Съездом Объединенных цивилизаций, все животные типа «домашних» должны были обладать способностью существовать как на суше, так и под водой. Тот же Меморандум, но в разделе IV, подразделе 2-Б, предусматривал, чтобы дельфины и киты вышли из воды и начали жить на суше, что, со своей стороны, лежало в основе и Меморандума о создании равных возможностей для развития всех живых организмов. Дельфины, однако, категорически отказывались сделать такой революционный шаг, пренебрегали распоряжениями Меморандума и были полны решимости остаться в море. За небольшими исключениями, с китами дело обстояло не лучше. Поэтому, после изнурительных переговоров, Объединенные цивилизации пошли на компромисс, давая Земле дополнительный срок для выполнения обязательств по Меморандуму. Но более или менее успешные результаты и эффекты «общего блага» сыпались со страшной силой — долгое время летающие телята вносили беспорядок в воздушное движение, повисали в ветвях деревьев, садились на небоскребы и вообще доставляли массу хлопот пожарным командам.

— Общее благо... — ворчал Стантски. — Вам это общее благо поперек горла станет. Эти с Южного Креста — из антиматерии, в Орионе — червяки на силиконовой основе, а мы гармонизируемся с ними. Это же безумие!

В этот момент прозвучал предупредительный сигнал, и телевизоры в зале включились автоматически. На экра-

нах возник величавый лик Президента Торбачева. В зале стало тихо. Задумчиво прищурив глаза, Президент взирал на камеру.

— Земляне! — сказал он. — Близится счастливый день. День, которого все ждут, уже не только мечта. Наши служители прилагают невероятные усилия для того, чтобы ускорить процесс гармонизации, который поможет нам приобщиться к своим внеземным братьям по разуму. Мы встретились с ними всего двенадцать лет назад, и вот завтра...

Голос Президента сорвался от волнения.

— Завтра мы станем единым целым!

Маршал почувствовал, как консультанты у него за спиной тяжело вздохнули.

— Согласно последним договоренностям, достигнутым с Делегацией Объединенных цивилизаций, вводятся новые стандарты на помидоры, кукурузу, безалкогольные напитки. Производство кукурузы прекращается, как не соответствующее установленным требованиям и вредное для здоровья Объединенных цивилизаций, а помидоры будут голубыми, и их процент водности будет приведен в соответствие с установленными нормами. Кроме того, число пузырьков в безалкогольных напитках понизится на тридцать пять процентов.

Торбачев строго посмотрел с экрана.

— Я прекрасно знаю, что есть скептики, даже провокаторы, которые не верят в успех и всеми силами пытаются нам помешать. Сейчас, однако, не время заниматься этим. Придет день, и они получают по заслугам! Как бы ни хотелось некоторым, но усилия, которые мы прилагаем, высоко оцениваются нашими внеземными братьями. Мы ежедневно получаем от них поощрительные послания, которыми они выражают свою поддержку нашему присоединению к Объединенным цивилизациям. Жертвы,

на которые нам пришлось пойти, уже вознаграждены. С принятием последних изменений насчет помидоров и кукурузы, мы получили приглашение присутствовать на 146-м съезде Объединенных цивилизаций. Я повторю только заключительные слова приглашения, полученного лично от Председателя Съезда: «Ваше участие даст нам возможность положить новое начало, устраняющее и последнее различие между нами».

Президент прокашлялся от волнения и глубоко вздохнул.

— Корабль, который отвезет меня и все федеральное правительство на Съезд, уже ждет нас на аэродроме Буш-младший. Земляне, то, за что мы боролись, превратилось в реальность! Меньше чем через сорок восемь часов мы станем частью большой космической семьи!

— Ну и сдалась вам эта космическая семья? — простонал Стантски. — Сил моих нету!

Главный секретарь выключил телевизор и обратился к людям в зале:

— Вы услышали достаточно. Это же полный успех! Стантски, сядь, перестань скакать, как обезьяна! Кстати, сказанное насчет скептиков относится именно к таким, как ты. Так что подумай хорошенько, как будешь себя вести в будущем...

Биолог гневно замычал, но смолчал. Консультанты качали головами и тихо перешептывались.

— Ничего не выйдет из этого.

— Мы слишком торопимся. Для чего форсировать события?

— Как для чего? Мандат Торбачева заканчивается в следующем году. Если до тех пор нас не примут, он не сможет записаться в историю. А ему больше нечем похвастаться.

— А во сколько нам это обойдется?

— Даже не хочется думать. Говорят, Индийский океан может вовсе исчезнуть. И для чего? Кто будет есть эти голубые помидоры, спрашивается?

— Не мы, это точно.

— А салат, а? Не говоря уже о пороссятах...

— Ох, как только подумаю...

Стантски не выдержал, снова вскочил и ринулся из зала. Скользящие двери едва успели пропустить его. Маршал крикнул что-то ему вслед, но тот даже не услышал.

Биолог вылетел на улицу и пошел по тротуару куда глаза глядят. Как ни странно, но он почувствовал некоторое облегчение. Еще немного, и это безумие кончится. Двенадцать лет, целых двенадцать лет его жизни ушли на то, чтобы бороться чуть ли не за каждую земную культуру и в конце концов отступить, терпеть поражение за поражением. А как все радовались вначале! Братья по разуму, новые знания, приобщение к Объединенным цивилизациям... Трепотня, и только!

Он чуть не наступил на попавшуюся ему под ноги собаку. Пес обиженно чирикнул и отступил. Согласно Меморандуму о допустимом шумовом уровне, лай собак превышал допустимые границы, поэтому с помощью генной модификации четырехногие любимцы уже не лаяли, а чирикали, как воробьи.

Биолог выругался и пошел дальше, возвращаясь к своим мыслям. Конечно, первоначальная радость быстро прошла, и началась серьезная вроде бы работа. Подготовка к принятию в Съезд Объединенных цивилизаций... Какая пародия! Каждая страничка знания обходилась Земле в огромные количества воды — единственной конвертируемой валюты, которую Объединенные цивилизации ценили. Но подготовка к присоединению была более чем странной. Как будто не земляне готовились жить среди других носителей разума, а они сами намеревались по-

селиться на Земле. Все делалось по их стандартам. В Латинской Америке и Восточной Европе изменили климат таким образом, чтобы он стал подходящим для андромедянцев и галлейцев, а также и для других родственных им цивилизаций. Единственной земной культурой, оставшейся в этих областях, был хлеб, притом весьма странно-го синего цвета. Некоторые предприимчивые бизнесмены пытались гнать из него самогон — тоже синий, конечно, даже и вкус у него был как будто синим.

Стантски не заметил, как оказался всего за два переулка от своего дома. Хорошо и то, что у них еще были дома. Это был один из вопросов, по которым даже Объединенные цивилизации еще не достигли единомыслия. Никто не хотел отказаться от домашнего уюта — альфиане жили в кислородных пузырях, парящих в атмосфере, пирсы — в землянках, наполненных литиевым раствором, а галлейцы свисали с жердей, вкопанных в землю. Вообще, быт пока выживал, за счет тысячелетней земной культуры, обреченной на исчезновение. Объединенные цивилизации ничего не знали и знать не хотели о литературе. Шестидесят пять процентов из них не имели аналога человеческих зрительных органов. Переговоры были непосильно тяжелыми хотя бы из-за того, что документы сначала трансформировались с мыслекристаллов на бумагу и уже потом переводились на понятный язык. Музыка должна была пройти через такую серьезную трансформацию, что Моцарт, услышав свои произведения в их новом варианте, отрезал бы себе обе руки, чтобы не написать ни ноты больше. Официальный унифицированный язык, который использовался Съездом Объединенных цивилизаций, был похож на кашляющее шипение, и земная администрация проходила усиленные курсы по овладению им. Появились даже родители, которые запрещали своим детям говорить на земных языках и заставляли их использовать только официальное наречие...

Стантски тяжело вздохнул и медленно поднялся по лестнице к своему дому. Дверь автоматически закрылась за ним. Он прошел через гостиную и опустился на диван перед телевизором. По спортивному каналу передавали новый спорт кулу-палу. Это была игра, чьи правила никто не понимал, но все транслировали ее, хотя и с убытком для себя, потому что федеральная политика была направлена на приобщение людей к новым ценностям. С интересом смотрели ее только жители Северной Америки... Он переключил канал, и перед ним снова всплыло лицо Президента Торбачева. На этот раз, однако, рядом с ним сияла и квадратная физиономия Маршала. Передавали следующую бесконечную пресс-конференцию.

— Моя мечта сбывается, — слезливым голосом уверял Маршал. — То, о чем еще ребенком...

Стантски щелкнул пультом дистанционного управления и застонал в отчаянии. Здесь шло интервью с Председателем Делегации Объединенных цивилизаций на Земле. Председатель был гуманоидом с Кассиопеи с выпученными глазами, синими губами и дергающимся хоботом вместо носа. Голос за кадром переводил его слова. Перевод был обрывочным и весьма неполным, так как специалистов по внеземной лингвистике еще не было.

— ...Ждем приезд вашего президента на Съезд... Это будет символическим актом... покажет, что мы и вправду — как один... Смелость вашего президента — впечатляющая... Принятием приглашения он лично присоединится и поставит не только свою подпись под этим Меморандумом...

Биолог выпрямился и замер перед телевизором. Странная мысль возникла в его голове...

— Конечно, это является индивидуальным актом, — продолжал Председатель Делегации. — Никого нельзя заставлять насильно, и именно по этой причине мы ценим еще больше...

Стантски рассмеялся истерически, стал серьезным и затем снова рассмеялся...

Земная делегация толпилась в зале ожидания космодрома. Президент, окруженный журналистами, давал прощальные интервью, снимался с ребяташками, щипал их за щечки и пытался отпускать шутки. Маршал отделился от свиты Торбачева и направился к группе консультантов-биологов, которые пришли проводить делегацию.

— Рад вас видеть, — важно сказал Главный секретарь. — А, ты тоже здесь...

Последнее относилось к Стантски, который с широкой улыбкой махал всем членам делегации и желал им доброго пути.

— Стоило прийти посмотреть, — ответил биолог. — Такое не каждый день увидишь.

— Я так и знал, что ты образумишься, — вздохнул Главный секретарь.

Стантски дружески похлопал его по плечу и слегка увлек в сторону.

— Я хотел, чтобы ты услышал об этом от меня. Было бы нечестно, если бы ты узнал обо всем от кого-то другого.

Лицо Главного секретаря снова стало серьезным.

— Чего тебе опять надо?

Стантски однако не спешил отвечать. Он хотел наслаждаться каждым мгновением. Каждым мгновением!

— На этом Съезде, — начал он, — земная делегация подпишет еще один Меморандум. Ты, наверное, знаешь об этом. Меморандум символического значения.

Маршал хмуро посмотрел на него и фыркнул.

— Я знаю, какой-то меморандум о равенстве полов и братстве во Вселенной или что-то в этом роде... Я его не читал. Подпишем, конечно, чего же не подписать. Или

ты опять будешь меня убеждать, что этого нельзя делать, и протестовать?

— Как раз наоборот, — ухмыльнулся Стантски. — Я очень хочу, чтобы вы его подписали. Не то чтобы у вас был выбор, но мне все-таки хочется, чтобы вы были подготовлены заранее.

— К чему? — нервно прошептал Маршал неожиданно тихим голосом.

Они стояли несколько поодаль от группы провожающих, и поблизости не было никого, кто мог бы услышать.

— Этот меморандум... — улыбнулся биолог и зевнул с нарочито скучающим видом. — Ну, этот меморандум подразумевает некое более особое равенство полов.

Главный секретарь нервно постукивал ногой.

— Наверное, опять вышла ошибка с переводом, но как ты хорошо знаешь, большинство Объединенных цивилизаций уже много веков состоят только из одного пола. Половое разнообразие обречено на постепенное и естественное исчезание.

— Ну?

— И теперь, присоединяясь к большой космической семье, — Стантски произнес с наслаждением любимую фразу Маршала, — мы совершим символический жест.

По лбу Главного секретаря катились крупные капли пота.

— Символический жест, которым Президент Торбачев и его сопровождающие должны показать свою готовность к присоединению, только и всего. Это ни к чему не обязывает народы Земли, главное — продемонстрировать, что мы готовы сделать свой эволюционный выбор. Ну, как написал Председатель Съезда в своем приглашении Торбачеву: «Ваше участие даст нам возможность положить новое начало, устраняя и последнее различие между нами».

Биолог наклонился к Маршалу и что-то шепнул ему на ухо. Глаза Главного секретаря расширились от ужаса.

— Не может быть!..

Стантски пожал плечами и подмигнул ему:

— Что тут такого? Обычная манипуляция. Отрезали — и все.

И он сделал недвусмысленный жест рукой, как будто отрезал что-то и бросил его в сторону. Маршал отступил на шаг и беспомощно огляделся.

— Ну-ну, — дружески похлопал его по плечу Стантски. — Раз общее благо требует...

И биолог подтолкнул Главного секретаря к земной делегации, которая уже входила в космический корабль.

И СПРОСИЛ СОЛДАТ: «КТО МЕНЯ ПОЗВАЛ?»

На десятый день они предположили, что уже отделились достаточно. Уже с неделю они не меняли маршрут в пустоши, ровной, как зеркало, и голой, как любимая сорочка вторая жена императора.

Святой солдат, добрый или плохой, облокотился на острый борт кузова цвета кузнечика или ящерицы, а его транспортное средство едва тащилось под ним. Дети в части машины, похожей на кузов грузовика, росли прямо не по дням, а по часам. Они в самом деле выглядели, как детеныши животных, как сосунки в яслях или щенки в конуре.

Абсурдно было то, что они никогда не видели ни ящериц, ни кузнечиков. Ни сосунков в яслях, ни щенков в конуре. Святой солдат смотрел на Тонатих, солнце миштеков, которое висело в своей печи, подобно большой желтой пилюле в воспаленном горле неба, а рука горя сжимала его сердце. И горе это казалось важнее и значительнее, чем то, что его порождало. Само по себе, одно, как и он...

Пустошь раскинулась перед глазами, без конца и края, без других красок, кроме своих собственных. Как будто вышедшая из онирического видения. Наточенные облака, словно кинжалы, лежали, разбросанные в беспорядке над горизонтом. Кое-где росла куя. Повсюду все та же противная куя, из лыка которой местные шили свои коричневые накидки. Ни одного другого растения. Ни одного животного. Ни одной бациллы, из-за чего никто не страдал за-

разными болезнями, а раны не подвергались инфекции. Подходящее место быть раненым. Без сомнения. Если, конечно, в случае злополучного инцидента либо войны не отрубят тебе конечности и священная жидкость твоего тела не истечет...

Через километр транспортное средство прохрипело и остановилось.

— Техника паршивая! — вздохнул Святой солдат, и в его голосе ощущалась незнакомая даже ему самому злость.

Его вездеход нуждался в серьезном ремонте, чтобы ехать дальше. А он не имел ни времени, ни помощников. Он был лишь простым солдатом, посланным на рекогносцировку, хотя и из отряда белых пехотинцев, которые боготворили своего харизматического командира Эрнандо, как Господа. Другой проблемой было то, что провиант мог скоро закончиться, и тогда наверняка ему пришлось бы резать куски от себя и класть их в микроволновку. Шутки в сторону, но и это не было выходом из положения...

Он спрыгнул вниз и начал осматривать свою тачку, бросившую якорь на это высохшее дно, будто громоздкую скульптуру художника-авангардиста, сделанную из металлолома. Статуя Бога войны из утиля. Запущенная и разваливающаяся машина в форме рака-отшельника в полной гармонии с местностью, где она оказалась.

На спине и по бокам металлического ракообразного возвышалось целое селение из барачков, бункеры с амбразурами, прожекторы, ниши с легкой артиллерией и пулеметными гнездами, расположенными на защищенных колючей проволокой двух боковых улицах. В таком виде оно было больше похоже на самоходный концлагерь, чем на организованный в спешке спасательный пункт, в котором нашли свое последнее убежище двадцать обреченных малышей.

Сколько их было в самом деле? В начале он был настолько занят сохранением их жизни, что заставил ребя-

тишек самих себя подсчитать, и тогда черноглазый Тонака нарисовал на своей пиктографической брошюре красный флажок, соответствующий цифре 20. А для преследователей, которых все еще было видно позади, он нацарапал рисунок горящего куста куи, что означало «четыреста». Этот символ переводился еще и как «столько же, сколько волос на голове». Еще больше запутывало то, что имена людей народа мешика являлись сочетанием порядкового числительного и названия какой-либо обиходной вещи.

Они покинули столицу, названную Городом Теноча, на второй день месяца, названного «ветром», в последний час ночи, принадлежавший Богу дождя Тлалоку, а сейчас уже близился полдень шестого дня — «голова смерти».

Святой солдат присел на рельефную шину. С каких пор он не спал? Кажется, глаз не сомкнул с тех пор, как покинул престольный город. Точно. Вот и пилюли, мешавшие ему заснуть, кончились. О боеприпасах не стоило и говорить. В завершение всего временами его терзал кашель.

«Господи, — подумал устало он, — я больше ничего не мог сделать! Чудо, которое я сотворил для чад твоих, закончилось, Господи!»

— Что случилось, солдат? — склонилась к нему желтоликая головка Ицко, чье полное имя было Ицкопоцакл.

Сколько ему было лет? Пять? Или шесть?

— Почему мы опять остановились?

— Мой стальной жеребец сдох.

— Жеребец?

— Да...

— Вот они! Идут! — вскрикнул кто-то.

За ними, вдали, ползли, как муравьи, машины на воздушной подушке, высланные вельможами текухтли по велению самого Верховного правителя. Они должны были догнать Святого солдата, раздавить ему голову, как паршивой лягушке (хотя и не имели понятия, что такое «паршивая лягушка») и вернуть обратно своих любимых

мальцов. И положить конец этому крестonosному походу детей. Детей, которых так сильно любили. Так сильно, что никогда б не позволили им дойти до Земли обетованной...

Подобно древнему солдату, надевающему штык на ружье, он машинально протянул руку и снял с ремня зеленую армейскую коробку. Он положил ее рядом с собой, погладил ее жестом, в котором ощущалась какая-то отреченность, как сумасшедший, которого не касается происходящее вокруг. Его задумчивость длилась всего лишь несколько секунд.

— Что это, солдат? — спросила его Читка, хрупкая девочка с робким взглядом, поцарапанными коленками и соломенно-русыми волосами, которые редко встречались на этих широтах.

— Бомба, дитя, — ответил он. — Бомба многоразового пользования.

— Эх, солдатик, ты голова! — воскликнул Ицко. — Опять сотрешь их в порошок, как тогда, за Домом Ометекухтли, знаю я!

Дом Ометекухтли был религиозным архитектурным ансамблем, посвященным вездесущему миштекскому богу, чье прозвище в приблизительном переводе было «Хозяин нашего бытия». Там, после побега из самого густонаселенного столичного района, чтобы спасти двадцать душ маленьких существ, Святой солдат отнял двадцать других — души бывалых бойцов, шедших за ним, чтоб остановить...

Вспышка радости Ицко была, как пламя ледяной свечи. Святой солдат не ответил сразу. Наконец сказал:

— Подождем их здесь.

Не стал объяснять, что им ничего другого не оставалось. Абсолютно ничего...

Время шло. Контуры машин растекались среди клубков фиолетовой пыли. Десятки расплывчатых призраков

из мельхиора и других незнакомых сплавов, которые даже не оставляли колеи за собой. Они с рычаньем шли на охоту за ним, и это был, пожалуй, единственный знакомый им вид охоты.

— Солдат, а у тебя есть сыновья? А дочурки?

— Они тоже на ферме растут?

— Почему твои погоны с крестами? А вензеля?

Загодя он показал им свою униформу.

— Что такое причастие? А правда, что вы пьете кровь своих богов, вместо того, чтобы они пили вашу?

— Как зовут твоих жен? — спрашивали дети, спрашивали без умолку. — Что им даришь ты в дни радости?

— Розы, — ответил он.

— Розы? — удивлялись они. — Что такое «роза»?

Был еще один трудный вопрос — Ицко задавал его не раз на своем диалекте, который относился к общему языку науатл:

— Что происходит с вашими детьми после того, как они вырастут? У нас каждый восьмой ребенок идет в школу, а остальные...

Преследователи были уже совсем недалеко. Их силуэты выплыли из клубов пыли. Теперь дети молчали. Округленные глаза некоторых из них оставались сухими. Другие тихо всхлипывали. Стояли, вцепившись в колючую проволоку пальцами, и смотрели туда, на родителей, пришедших избавить их от него.

Вдруг Читка схватила его за брюки.

— Ты ведь не позволишь нас поймать? — прошептал Ицко.

— Нет, генерал, — отозвался солдат. — Нет, мой мальчик. Я вас просто так не отдам. Я никогда б не сделал этого!

Фиолетовая пыль навевала безнадежность. Вор детей посмотрел в последний раз на свое завоеванное живое богатство. В его глотке застрял ком. Он опустил ладони на детские плечи и медленно выпрямился.

Десять дней спустя его привезли в престольный город связанным веревкой. Сначала привели к врачу, который дополнительно пристегнул его турникетом, после того как на всякий случай поковырял в ранах грязным пинцетом. Потом отправили под конвоем в какое-то имперское ведомство, где зарегистрировали как военнопленного и выдали ему временное удостоверение личности на пластмассовых листах. На каждом пропускном пункте останавливали и пробивали в документах дырку. Задержались у здания Министерства смерти, куда один из сопровождающих вошел навести справки. Он вернулся оттуда после четверти часа с инструкцией, и арестованного снова повели куда-то, надев перед тем на его шею что-то вроде хомута в форме подковы, длиной в полметра и шириной около тридцати сантиметров. Сквозь дырочки в нем были просунуты веревки из горькой куи с узлами на концах, которые сторожи скрещивали так, что верхняя половина его тела была почти обездвиженной. Зашагали по дороге, а прохожие подсматривали за ними краем глаза. Никто не бросил камень в него, никто не нагрубил ему. Ведь в его венах текла кровь — пища богов. Наверное, ему будет оказана высокая честь быть откормленным и обученным играть на флейте. Ему позволят выбрать себе в невесты красивую девушку, и только после этого с него сдерут шкуру заживо или вырвут сердце — судьба, которая у обыкновенных граждан могла вызывать только зависть...

Бежавшие рядом сорванцы, однако, шутили над ним, кололи его оголенными проводами и булавками, выпучивали выразительно глаза и показывали ему кукиш — символ, понятный любой человеческой цивилизации.

Прошли мимо богатой витрины одного из сети магазинов, предлагающих все для покойников. Святой солдат видел их и раньше, но и теперь, как и тогда, не смог сдержаться, чтобы не взглянуть. Для более состоятельных

обеспечивали полное мумифицирование, а для нищих — только копчение и сушку головы дорогого мертвеца. Сolidные базальтовые урны, пестрящие мелкими орнаментами и иероглифами на шлифованных поверхностях, неудержимо заманивали пыль кремированного на костре из сухой куи. Выставлены напоказ были и макеты гробниц, всмотревшись в которые он без труда распознавал искусственное, но искусное подобие пещер.

Наконец они вышли на широкий бульвар и оказались перед вздернутым в небеса носом Императорского дворца — вершины монументальной архитектуры. В его каменную макушку были вбиты знамена из золотых сетей. Подданные федерального района звали своего повелителя Шокоицином, то есть, Младшим...

На секунду Святой солдат забеспокоился, что его заставят подняться по всем обрызганным кровью и украшенным вереницей настоящих и кварцевых черепов 365 ступеням восьмизрусного здания, каждая из которых отвечала одному дню миштекского солнечного года. Но вместо того его повели к пышному лифту, похожему больше на паланкин, и передали вахтеру с улыбкой, похожей на разбитую банку, и голым пузом, подпоясанным кобурой, в которую была запихана малокалиберная двустволка. Вахтер загнал его в кабину лифта, и они поднялись неведомо в какую высь, учитывая насколько высоко в иерархии этой культуры стоял Шокоицин. Над ним были только Ометекухтли и его жена, которые обитали на тринадцатом небесном этаже и давно забыли о человеческих делах...

Его ввели к повелителю Шокоицину через огромную дверь. Петли приоткрыли ее со скрипом бедренного сустава, сломавшегося пополам. Не ожидая сигнала, присутствующие сановники удалились шеренгой, оставив их наедине. Никто не схватил его за хомут и не стал толкать, из чего следовало, что от него не требовалось встать на

колени или броситься в ноги Самой-самой-самой высшей особы в этом негостеприимном государстве.

Император как раз заканчивал свой обед.

— Ты голоден? — спросил Шокоицин.

Вопрос его был провокационным, улыбка — кривой. Императора мучила мигрень, и его тошнило. Даже жевательные мускулы челюсти одеревенели от головной боли. Череп его был умышленно деформирован в соответствии с пониманием народа о красоте, а зубы его, тлан-тли, были украшены пластинками из нефрита.

Святой солдат ощутил спазм в желудке.

— Нет, — с отвращением покачал головой он.

Виски его пульсировали. Он сверхусилием заставлял себя не заглядывать в фосфорические блюда с неоновыми ручками и не рассматривать объедки.

Владелец вытер пальцы об слюнявчик из куи. Его коричневые одежды, богато окрашенные узорами и торжественными кружевами, были из той же куи — единственного здесь растения, напоминающего лен или коноплю, из которого шили одежду, вязали циновки и покрывала, но оно не было съедобным. Некоторые из его разновидностей даже выделяли липкий ядовитый сок.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Шокоицин.

— Знаю, — ответил Святой солдат. — Эль. Кронос. Сатурн.

— А эти кто? — и, не дожидаясь ответа, император отодвинул в сторону свой терракотовый прибор.

Он потянулся рукой за кувшином с минералкой и выпил ее большими глотками... Боль сжимала его затылок, как в тисках. Он приподнялся с золотого стула с фигурками уродливых мальчиков. Его одежда была увешана всевозможными украшениями. Неясно было, которые из них имеют эстетическое и которые — функциональное назначение. Один черт мог сказать, например, для каких целей были предназначены заполненные инертным газом шлан-

ги и трубочки, которые неутомонно струились слюнявым светом и словно огибали пространство вокруг тела. Его благолепное одеяние было образцом изящества и четкости.

Шокоицин повернулся и снова наполнил кувшин. Потом с трудом покинул спинку стула, заковылял по бирюзовому полу к нему и поднес кувшин к его иссохшим губам. На этот раз Святой солдат не отказался. Он проглотил воду и почувствовал себя только что политым цветком.

— Там, откуда ты пришел... где бы оно ни было, ты был отцом?

— Нет, моя супруга была бесплодной.

— Понимаю. А в этом городе мно-о-ого детей, так ведь?

— Объяснить не так уж просто. Я...

— Молчать! Ты поднял руку на наше потомство. Кража детей — это, возможно, тяжелейшее по нашим законам преступление и карается оно смертью. Но не такой смертью, которая отправила бы тебя счастливым на небеса, а презренной виселицей, когда ты не сможешь отдать кровь и сердце свое всевышним, потому что целость твоей плоти останется нетронутой.

Шокоицин вызывающе смотрел на него. Сознавал ли этот незнакомый человек, о чем идет речь? В империи миштеков смерть занимала место важнее, чем жизнь; она могла быть как унижением, так и наградой за дела подданного. После исполнения приговора Святой солдат был бы предан вечному позору. Казнь виселицей была одновременно «вылуплением», отменяла право загробного существования. Не было и быть не могло ничего более страшного, чем лишение права быть принесенным в жертву на алтаре богов и, тем самым, невозможность душе твоей оказаться в солнечной стране Тлалокан...

— Зачем тебе они, эти двадцать детей? — прошептал неожиданно солдат. — Чтобы они присутствовали на твоём столе?

— Ты что, издеваешься? — оцетинился император. —
Вовсе нет.

Какое-то время они измеряли друг друга взглядами.

— Меня известили, что тебя нелегко было поймать... —
сказал наконец Шокоицин. — Многие из наших оставили
свои кости в той безводной равнине.

— Да, — ответил с удовольствием Святой солдат. — Их
было весьма немало.

— Детвора назвала тебя «Человеком, который выбрал
войну». Чем ты заманил их пойти с тобой? Собирал их по
дороге, похищал с ферм на окраинах, так, что ли? — Он
ткнулся лицом в его лицо и обжег своим дыханием. — Ша-
стают ли и другие изверги вроде тебя по моей стране?

— Я всего лишь простой рядовой, шедший в разведку.
Но очень скоро вслед за мной появится десантный отряд
Эрнандо.

Император поднял правую бровь. Очевидно, это имя
ему ничего не говорило.

— Эрнандо? Да кто это такой?

— Лейтенант из пехоты. По случайности приходится
моим дядей. Он солдат лучше, чем я.

— Сколько человек с ним?

— Около трехсот, если считать и дружину наемников
тласкаланов.

Шокоицин громко рассмеялся, несмотря на боль, угне-
тавшую его.

— Твой дядя, наверное, совсем с ума сошел... Даже и без
дополнительной мобилизации моя регулярная армия на
данный момент насчитывает около трехсот тысяч хоро-
шо обученных бойцов, не говоря об остальных войсках
конфедерации! Наши пулеметчики и наши переносные
лазерные установки раздавят его отряд еще на границе
с Аскапоцалко. Или он придет с Еекатепека? Ты мне не
ответишь, знаю... — Вдруг он вспомнил о чем-то. — Мне
доложили, что сразу после того, как тебя поймали, твое

транспортное средство обвилось темно-желтым сиянием и распалось на кучу искр?

— Предохранительная мера, чтобы не попало в чужие руки. Мне запрещено говорить, как это происходит.

— А где ты так выучил наш язык?

— Ваши учебные пособия, предназначенные для все новых и новых жителей империи, мне очень пригодились. Я накопил себе словарей и разговорников в Олмекане, родине письменности. Кроме того, есть и один гипнотический способ — запоминать, когда спишь. Как видишь, наши медики не хуже твоих потомственных шаманов.

Пока говорил, Святой солдат смотрел через нестандартно раскроенный лист стекла ближайшего окна — часть концепции «текущего пространства» безымянного архитектора, при которой и время включено как компонент. Многомиллионный город был расположен на острове посреди соленого озера, на поверхности которого поблескивали белые кристаллы. Набережные-насыпи связывали его с соседними поселениями, брюхо города было полно каналов и клокочущих гофрированных труб, а всяческие мосты тянулись с одного строительного модуля к другому. Фундамент некоторых зданий утопал в воде. Железо являлось одним из основных скелетных и формообразующих элементов многоэтажных металлоконструкций, стройка которых подчинялась требованию исполнить все прямыми линиями, изгибами и углами. Пирамидальные храмы, теокалии, воняли копаловой смолой, которой священнослужители кадили во время жертвоприношений. Среди этой окаменевшей математики поражало обилие полудрагоценных камней, используемых для украшения множества мозаик. Святой солдат увидел, как татуированные с головы до пят блюстители порядка с обсидиановыми парадными ножами и дубинками на поясе брызгали слезоточивым газом на горстку демонстрантов, которые скандировали перед мемориалом жречества в поддержку

идеи о переработке фекалий с целью их использования в качестве пищевых продуктов. Гвардейцы вытянулись у постаментов с бьющимся сердцем, в аорту которого были вмонтированы опрыскиватели, разбрасывающие кроваво-красные струи во все стороны. Говорили, что некоторые родители нарочно калечили своих детей, чтобы устроить их в музей человеческих уродов. Он был придуман самим Шокоцином, и возле него всегда стоял в очереди народ, в то время как перед Обсерваторией и окруженной клубами по интересам ступенчатой Академией искусств редко появлялись люди, даже когда вручали призы победителям всенародных поэтических конкурсов, организованных религиозным реформатором — принцем Несау-алкойотлом. Туда, однако, часто наведывались штатные шпионы и культурные революционеры при кобурах, посланные Министерством внутренней стабильности. Даже и отсюда, из окна с хромированными рамками над 365-й ступенью, человеку казалось, что он слышит гвалт из так называемых домов песен и шумные крики со стадиона, где играли в нечто вроде мезоамериканского эквивалента баскетбола. Некоторые из домов удивляли, так как были похожи на игральную кость, брошенную на ребро, а их стены были исцарапаны замысловатыми надписями. Везде отталкивающее шло рядом с гротеском.

— Вернемся к вопросу: «Ты откуда?» — прочистил горло император, тем самым напомнив ему о своем существовании.

Он достал какой-то прибор со шкалой, вставленный в коробку из прессованной куи, с намерением следить за его показаниями, пока длилась вторая фаза допроса.

Святой солдат, видимо, был в затруднении.

— Я оттуда, откуда пришел несколько столетий назад единственный белый бог в вашем пантеоне. Из Земли Восходящего Солнца, которая находится далеко за океаном.

Шокоицин сжал губы, взглядываясь в измерительную шкалу.

— За пределами Великой воды нет ничего, — возразил он. — Это известно каждому более-менее нормальному индивиду. Ни один из наших путешественников...

— Ваши путешественники — навоз, — прервал его Святой солдат. — Ваше кораблестроение никуда не годится. Вам не знакомо даже колесо.

— Что? — опомнился Шокоицин. Боль пронизывала тыльную область его мозга.

Что касается Святого солдата, то он был совсем истощен и еле стоял на ногах. В его груди хрипело и свистело. Вопреки всему, он заставил себя заговорить вновь:

— Среди вещей, которые у меня конфисковали при обыске, есть один предмет, подобный вашим голосовым устройствам. Аккумулятор сел, и поэтому он выключен, но пока функционировал, я связался с Эрнандо и ознакомил его с фактической обстановкой.

— И где он теперь, этот твой Эрнандо?

— Он покинул берег, где высадилась наша пехота, и уже идет сюда.

— Да кто его приглашал?

— Никто. Мы представители христианского племени, обитающего на материке за пределами гигантского стерильного океана, который вы называете Великой водой. Тот материк был обитаем с незапамятных времен, еще до заселения этого. Оттуда много 52-летних циклов тому назад пришли и ваши предки, хотя вы уже давно забыли правду об этом.

Император схватил коробку с беспроводным детектором лжи, которую активировал чуть раньше, и разбил ее о пол. Разлетелись пружины.

— Правду? — крикнул он. Его ожерелье из жемчугов величиной с яйца перепелки и ювелирные украшения, состоявшие из 900 звеньев, яростно раскачивались. — А я

думаю, что ты пытаешься меня обмануть! Мнение моих экспертов никак не соответствует твоим сказкам! Оно отличается от тех небылиц, которыми ты морочишь мне голову уже полчаса. Кто тебя послал к нам? Отвечай! И не пытайся вешать мне лапшу на уши!

Святой солдат покачал головой.

— Кому ты служишь? — мрачно спрашивал его император. — Северянам или южанам? Соединенным ирокезским штатам, чей главный вождь Та-Иа-Да-К-Бу-ку получил волдыри на языке, уговаривая меня, что хочет заключить Не-Скен-Нон, Великий мир, а за моей спиной строил планы о союзе с апахами Мангаса Колорадаса, чтоб продать им свои некачественные лазерные ружья? Или, может быть, ты служишь Инке Уайне Капаку, владельцу нашей соседки, империи Тауантинсуйо? Его секретные эксперименты в высокогорных полигонах и испытания химического оружия в Андах не являются секретом ни для кого. Или ты шпион, жадный на золото того кретина, короля Эльдорадо? Врет, насколько он богат, а на самом деле казна его пуста...

— Ты не понимаешь... — сказал в отчаянии Святой солдат. — Грядет время перемен. Скоро все изменится. Если сегодня твои подданные боятся посмотреть тебе в глаза и считают тебя живым божеством, завтра они могут забить тебя камнями до смерти!

Внезапно монарх чихнул так, что застрялся. Лицо его стало пунцовым от гнева.

— Ты тот, кто нас погубит! — крикнул он яростно. — Твое появление уже принесло нам несчастье! Вот, теперь проклятие перекинулось и на меня! Что это за чудо, которое распространяется по воздуху и морит нас?

Святой солдат улыбнулся грустно. Видно было, что он был истощен до предела.

— Маленькие живые существа, известные как вирусы, — ответил он. — Они настолько малы, что не видны

невооруженным глазом. Они являются причиной возникновения болезненных явлений, таких как кашель, насморк, отхаркивание. За ними к вам нагрянут грипп, сифилис, оспа... Поразят многих, и в конечном счете они не выживут. Просто с непривычки. Поколения нужны, чтоб создать себе иммунитет и приспособиться.

— Ты принес все это, правда? — Вопрос больше походил на констатацию. Император рухнул на свой блестящий стул, понурился головой. — В тебе нет ничего человеческого, — простонал он. — Знаешь ли ты, что это уничтожило и часть детей, которых ты тащил с собой? Например, того мальчика, Ицкопоцакла...

Святой солдат зажмурился. У него кружилась голова. Ему хотелось плакать. Может быть, наконец, он сможет понять, что такое заплакать...

— Я полагал, что именно так и произойдет, — глухо произнес он. — Но у меня не было другого выбора. Никакого другого выбора не было... Ты должен любой ценой услышать то, что я хочу тебе сказать. У меня есть предложение...

— Никаких предложений не буду слушать! — закричал монарх. — Даже если нежелание выслушать эти предложения приведет весь мой мир к краху!

— Речь идет о чем-то важнее жизни... — пробормотал солдат.

Звук ломающегося бедренного сустава снова раздался в зале. Откуда-то выскочили два палача и схватили его под мышки.

— Немедленно, — орал повелитель миштеков, — тебя выведут во внутренний двор этого здания, и ты будешь повешен в назидание всем! И для этого не нужно решение Верховного совета, так как в моих полномочиях осудить тебя и приказать немедленно привести в исполнение приговор. Будь ты проклят! Отнимаю у тебя право подняться по лестнице храма и быть принесенным в жертву на алтаре

богов. Ты будешь обречен на всеобщее презрение, и ногой не ступишь в солнечную страну! Нигде не найдешь вечно-го покоя. Наши жрецы культа хотели вынуть твое сердце, но оно из железа. Никто не нуждается в твоём холодном сердце! — Щипцы боли рвали его затылок, а раскаленные вертела вонзались прямо в мозг. И никакие зелья, и компрессы дипломированных миштекских знахарей не были в состоянии избавить императора от страдания.

Святого солдата потащили на улицу. Даже не воспользовались лифтом. Его больно били по почкам. Они вели солдата по мишкоатле, пути мертвых, с которого не было обратной дороги. Тащили его вдоль конструкций из металлофарфора и серебробетона, обернутых жестью цвета тела, прошли мимо студии для трепанации и кухни имперского повара, обрызганной кровью младенцев, встречали мириады дворцовых служащих в златотканой одежде, спускались все вниз и вниз, вдоль прямых линий, изгибов и углов. Совершенные вентиляционные шахты жужжали тихо, а шахта лифта гудела — нескончаемые звуки, усиливающие ощущение нереальности происходящего...

Они оказались перед быстро нарастающей толпой, и его подняли на стул. Мимо них с ревом промчался фекаловоз на воздушной подушке. Он мчался к септической пустоши за пределами белесого соленого озера. Там были накоплены коричневые горы извержений, которые уже высохли и не разлагались. Пожелтевшие облака над ними напоминали разлитое по небу подсолнечное масло. А как только пойдет дождь, с них пойдут жирные грязные капли и расплзутся ручьи гнуса, смешиваясь с лиловой безнадежностью. После высыхания они образуют чудные, и может быть, даже красивые узоры. Тем, кому захотелось бы вторгнуться в город, чтоб завоевать его, пришлось бы идти по пояс в пестрой, вонючей и чмокающей грязи...

Блуждающий взгляд осужденного скользил по лицам людей вокруг него, а они, в свою очередь, изучали его ис-

тощеную и обветренную физиономию. Никто из них не подозревал, что в дверь уже стучится йаойотл — так называли войну на самом распространенном местном диалекте.

На мгновение Святой солдат взглянул вдаль, за пределы конечной цели фекаловоза и плантаций куи. Проклятый мир без единого куста, без единого зверя, без единого микроорганизма в нем. Ну, последнее уже было неправдой...

Две проворные руки сняли его кожаный ремень, просунули свободный край через пряжку и оформили петлю, которой пристегнули его шею.

В голове промелькнула мысль: «Для нас есть две дороги: либо преступление, которое делает нас счастливыми, либо эшафот, который мешает нам быть несчастными». Читал ли он ее где-то, или она возникла в его собственном уме?

Солдат собрал последние силы.

— Люди! — возвысил он голос. — Там, откуда я пришел, есть вещи, называемые растениями и животными. Если вы послушаетесь меня, никогда больше не будете вынуждены, — он с трудом заставил себя выговорить слова, — кормиться собственными детьми, чтобы существовать. Вы будете растить их, но уже не на фермах... Ваши жены не будут служить вам только для приплода, а...

Экзекуторы пнули стул, и он повис. На этом зрелище кончилось.

— Кто-нибудь понял, откуда пришел он? — спрашивали друг друга собравшиеся, в основном пожилые люди со смуглыми лицами. Они окружили с любопытством повешенного, а он как будто отделился от своего тела и посмотрел на себя со стороны...

Теперь он шел вдоль длинного зеленого забора. Он оставил далеко за собой восьмиугольные пятнадцатисте-

ны, каналы с хромированными экскрементами, арматурную слизь, plombированные слезы. Тьфу! Такой опухшей гадости во всей истории фекалий не найдешь. Не хотел и слышать больше о Теночтитлане и его трижды неблагодарных жителях. Прощай, Теночтитлан, столица красного и черного цвета! Он неутомимо шел вперед. Намедни он посадил рядом с собой молодого Ицко и разрешил ему идти неверным шагом. Он шел — разрушенный удалец с руинным щитом, с обезлистьевшей грудью и в скромном настроении, а его симпатичный маленький спутник был не прочнее тени, оказавшись без капельки влаги под ссохшейся кожей.

На десятый день к вечеру силуэты пирамидальных зданий за ними вздрогнули Господним грохотом, через чешуйчатую штукатурку пробилась шероховатая кора будущих гигантостволовых деревьев, а обитатели города, заодно со своими криками, постепенно превратились в настоящие, вполне настоящие мицелии.

Святой солдат и молодой Ицко вздрогнули, но не обернулись посмотреть, что происходит, и не замедлили шаг. Лес, возникший за их общей испуганной спиной, сросшийся после вздрагивания, был старым, тенистым и душистым, как Средневековье. Странно — именно теперь — какой-то лес. Электрические лампочки светились отраженным обманчивым светом витаминозных глобусов. Тонкокорые твари и живительные сферы одевались в краски. За забором, конца которого не было видно, уже начал торжественно мычать рогатый скот. Время от времени через зазоры подглядывали блеющие бородатые козлы, а жирные свиньи пристально следили за ними. И все эти твари, как и множество других животных и пресмыкающихся, как будто высыпались из чудесного рога изобилия. Или из мифического ковчега Ноя.

Когда зеленые ребра бесконечного забора все же прошли мимо, молодой Ицко показал рукой перед собой, на

широко раскинувшуюся голую равнину и произнес что-то с гримасой, точь-в-точь как жаждущий аплодисментов цирковой клоун, который наконец увидел свою дощатую эстраду. Вдали покачивались Белые пятки повешенного и Черная ворона, севшая на его плечо. Вдруг солдат остановился озабоченно. Понюхал небытие. Услышал виселицу и увидел, что босяку-смертнику хочется пить, что его Естество умирает от жары, а Плоть его рождается под клювом крылатого скульптора. Все это он понял, но ветра не ощутил...

Еще десять дней спустя в город вошел Эрнандо Кортес, который был лучшим солдатом, даже лучше Святого солдата. И был он не один.

Перевел Красимир Петров

НАДЛЕЖАЩИЙ УХОД

— Почему вы все-таки думаете, что этот ваш... гм, инопланетянин?

— Во-первых, он не мой! Лина, принеси его сюда!

Через несколько минут на лестнице раздался веселый топот.

— Мими, я позвал маму, а не тебя! И сколько раз можно повторять, чтобы ты не трогала это руками?

— Папа, он не «это»! Его имя Снупи! Это я его так назвала! — Она гордо задрала нос. — Правда, ему идет это имя?

Инспектор смотрел как загипнотизированный на бесформенный ком зеленого желе в руках моей дочери. Он был похож на Черчилля в момент, когда ему сообщили о нападении Германии на Англию.

— Идет, — вздохнул я. — Очень идет. Просто положи его куда-нибудь в другое место.

Мими скорчила обиженную гримаску, но аккуратно положила желе на пол. Оно быстро подтекло к ней и потерлось о ее ноги. Я уже перестал принимать это в штыки. Если бы это было опасно, то до сих пор я не знаю, сколько бы раз... Б-р-р-р.

— Почему мне нельзя держать его, папа? Он очень ласковый!

— Нельзя. И не мешай нам, мы говорим о серьезных вещах.

Было не к месту ругать ее перед региональным инспектором по надзору за порядком. Мне с трудом удалось связаться с ним, и я даже не знаю, как он согласился приехать

лично. Похоже, переименование министров в инспекторов в связи с прибытием инопланетян и объединением стран оказало положительное влияние.

Инспектор невольно пригладил чуб на плешивой голове и прокашлялся:

— Да, я понимаю. Кхе... Кхе... Вижу, что... это не похоже на земную форму жизни... А что вы предлагаете?

— Вызовите какого-нибудь инопланетянина, чтобы он объяснил, что это такое и... — Я украдкой посмотрел на Мими. — Что с ним надо делать.

Посетитель смахнул мнимую пылинку с лацкана пиджака и сурово глянул из-под нависших бровей:

— Скажите, это нечто вам реально мешает?

— Естественно! Я постоянно в напряжении, когда оно рядом!

— Я не это имею в виду. Нанес ли он вам конкретно, гм, какой-либо вред?

Я невольно посмотрел на повязку на своей левой ладони.

— Нет. В самом деле, я не помню такого случая.

— А это, гм, на ладони? Давайте внесем полную ясность.

— Горелкой обжегся... Одолжил горелку и попытался сжечь это, но так как я не умею работать с горелкой...

— А это, гм, не пыталось защититься?

— Нет. Оно никогда не защищается. Хоть молотком бей — не трепыхнется даже. Стреляешь по нему — не шевелится. Режешь — не шевелится. Я бы даже сказал, что в какой-то момент подстраивается поудобней. Разумеется, удобней для него, если понаблюдать за эффектом.

— Вот видишь, папа! Он такой добренький, а ты его только мучаешь! — вмешалась Мими.

— А вы пробовали не кормить его? — любопытно-важно спросил инспектор.

— Ну... Кажется, мы не знаем, что он ест. И ест ли вообще.

— Он ест бутерброды, папа! Я ему отдала свой, самый невкусный. Он все-все съел, до последней крошки!

Я мысленно перекрестился.

— И не только бутерброды, — услышал я голос Лины позади себя. Я не заметил, как она сошла по лестнице. — Я думаю, что он ест мусор.

— Мусор? Я никогда не видел, чтобы он копался в мусорном ведре.

— Я тоже. А известно ли тебе, что дом иногда нужно подметать и мыть?..

— Известно, конечно...

— Так вот, уже две недели я ничего не мою и не пускаю пылесос. Всюду сияет чистотой. Несколько дней назад я забыла помыть посуду после ужина — утром тарелки сияли как новые. Одну тарелку я отнесла в наш институт, чтобы ее на всякий случай проверили — она оказалась стерильней емкостей для аналитических реактивов. А ведь очистить посуду до такой степени стоит много денег...

— Почему же ты мне до сих пор ничего не сказала?

Инспектор поднял руку и прервал меня:

— Ну, все ясно. Как я теперь понимаю, это вам не угрожало, гм, ни разу за все время своего пребывания в вашем доме, не так ли?

— Да, но...

— И ни в коей мере не является бременем, и само по себе никакого вреда не приносит?

Я понял, куда он клонит.

— Я не желаю более находиться в постоянном страхе из-за этого проклятого существа! Я не знаю, что оно может причинить моей семье, поэтому я больше не намерен терпеть его здесь ни минуты! У меня двое детей, четырех лет и шести месяцев, и я готов на все, чтобы защитить их!

Инспектор медленно покачал головой.

— Я понимаю вашу озабоченность, но... гм... но и вы тоже, должны правильно понять опасения нашего правительства.

— Любопытно. Правительство, которое, очевидно, не волнует дальнейшая судьба моей семьи?

— Наши отношения с инопланетянами, как вы знаете, находятся еще в зачаточном состоянии, — продолжал он, стараясь не слушать меня. — Они ведут себя вполне дружелюбно, но кто может знать, какие они на самом деле? При положении, что они, очевидно, гораздо могущественнее нас... Так что мы предпочитаем иметь с ними как можно меньше контактов и давать им как можно меньше информации о себе. Особенно в связи с нашими внутренними проблемами.

— А что мне делать с этим существом здесь?

— Его зовут Снупи, папа! — снова вмешалась дочка.

Инспектор поднял брови.

— Почему бы вам не выбросить его, например? Многие люди выбрасывают ненужных животных...

— Ничего не получится! — ответила гордо Мими, прежде чем я открыл рот. — Папа пытался несколько раз! Но Снупи все время возвращался!

— По следам твоего папы?

— Нет, до него. Мы уже знаем, что, если папа уходит со Снупи, а Снупи потом является домой один, значит, папа опять пытался выбросить его!

— Последний раз я отвез его за тысячу километров отсюда, — объяснил я подавленно. — Бросил в шахту для отходов реакторов. Понятия не имею, как он оттуда выбрался и вообще остался в живых. Он даже не был радиоактивным после этого... Но пока я это установил, поседел весь от нервов.

Мими посуровела, как грозовая туча, но это опять потерлось о ее ноги, и она быстро забыла свой гнев.

— А... гм... какие-нибудь более радикальные методы вы пробовали?

— По крайней мере, раз десять. Перепробовал все, на что я был способен. — Я кивнул на Мими, которая, к счастью, в этот момент заигралась с желе, и подмигнул гостю. — Я могу вам рассказать об этом позже. Ничего не подействовало.

— Да. Ясно. Хм. И... Вы считаете, что мы сможем помочь вам чем-то, чего вы еще не пробовали?

— Может быть, атомная бомба...

— Да. Хм... Нет, я не думаю, что тут мы можем вам помочь. Также, к моему большому сожалению, мы не сможем позволить вам связаться и с базой инопланетян.

— Неужели?

— Видите ли, разговор идет о, гм, достоинстве Земли. По сути дела, я хочу предупредить вас со всей серьезностью от имени службы безопасности, что вы должны хранить в полной тайне то, что с вами случилось...

Во мне все закипело. Этот толстяк, по-моему, так и не понял, что я готов на все ради своих детей.

— Ерунду вы несете, инспектор! Если бы подобная проблема была в вашем доме, вы бы наверняка перевернули базу инопланетян с ног на голову. Но поскольку это не так, вам не хочется с этим связываться.

— Это, гм, что-то меняет?

— Да. Отныне это не моя, а ваша проблема. Я вручаю вам это совершенно официально, под ваше попечительство. Вы же для этого работаете инспектором нашего региона, не так ли?

— Папа, нет, не надо! Я не даю Снупи! Не даю! — В моих ушах зазвенело.

Инспектор усмехнулся ехидно.

— И как точно, гм, вы заставите меня взять его?

— Легко. — Я нажал кнопку вызова на телефоне, стоящего на столе. В соседней комнате раздался звонок.

Инспектор озадаченно посмотрел на дверь.

— Что там, гм...

Он не успел закончить фразу. Дверь комнаты открылась, и в нее торжественно вошла Женя, а с ней два оператора с камерой и микрофоном.

— Разрешите представиться, Евгения Васильева из «Политического обзора». Я так понимаю, что вы находитесь здесь в качестве главного представителя порядка по нашему региону, чтобы позаботиться об артефакте внеземного происхождения, пока не решится его вопрос?

Инспектор выглядел так, словно целиком проглотил живую устрицу, которая двигалась в его животе. Он ничего не ответил.

— От имени всей общественности я желаю вам успешно справиться с этой проблемой! — прошептала Женя. Оператор, держащий камеру, с трудом сдерживал смех. — Наконец-то наши власти решили, что существуют для рядового избирателя, а не наоборот! Наконец-то представитель этой власти проявил хоть какую-то минимальную заботу о тех, кто им платит зарплату и ожидает от него ответственных действий!

— Я... гм... Извините, но я, к сожалению, не могу взять это себе. У меня ребенок дома...

— В этом доме тоже двое детей. Вы действительно хотите еще раз доказать безответственность нашей управы и необходимость любой ценой сменить ее на следующих выборах? — Я быстро подхватил Женин тон. — Скажите, кто точно поддержал вас при вашем назначении?

— Я не позволю так со мной разговаривать!

— Без проблем, — улыбнулась лучезарно Женя. — Хотите ли, чтобы мы прекратили прямой эфир прямо сейчас, или все-таки что-то скажете нашим зрителям?

Инспектор позеленел, похлеще, чем желе в ногах моей дочери.

— Я... гм... В качестве главы органов охраны общественного порядка в регионе, конечно, приму меры для оказа-

ния помощи в разрешении данной проблемы. Разумеется, этот вопрос не останется без внимания...

— И какие меры из двух возможных вы собираетесь предпринять? — любезно щебетала Женя. — Обратитесь за содействием к инопланетянам или возьмете проблемный артефакт к себе домой?..

Инспектор встал и, не сказав ни слова, направился к выходу.

— Завтра в полдень мы вернемся сюда, чтобы убедиться на деле в исполнении вашего решения! — нежно промурлыкала ему вслед Женя. — Уважаемые зрители, до завтра на том же месте и в тот же час! Не пропускайте! С вами была Евгения Васильева.

Наружная дверь хлопнула. Я улыбнулся и протянул руку Жене:

— Спасибо, что помогли мне! Будьте здоровы!

— Лину свою благодари, я это сделала из-за нее, мы же с ней одноклассницы. Да и...

— Вы отлично справились! Хорошо, что этот дебил поверил, что передача идет в прямом эфире. Здорово вы его разыграли!

— Почему разыграли? — театрально удивилась Женя. Оператор с камерой ухмыльнулся. Я почувствовал, как кровь застывает у меня в жилах. — Если бы инспектор понял, что передача не транслируется, что бы он сделал, Явор? И нам, журналистам, тоже кушать надо! А новость того стоила...

Чисто внешне инопланетянин выглядел как обычный шведский турист — светлоглазый блондин, с правильными европейскими чертами лица, слегка плешивый, симпатичный, улыбчивый. С виду догадаться совершенно невозможно, что это безупречно сделанный скафандр, который был создан для нашего удобства и комфорта, а существо внутри него на самом деле выглядит бог знает

как. Было ощущение, что это простой, приветливый и добродушный человек. Особенно по контрасту с суровым и мрачным вчерашним моим гостем, который привел его с собой.

— Его зовут Снупи, — сообщила Мими, поглаживая зеленое желе.

Я уже устал запрещать ей не трогать его руками. Хорошо, что она еще не пихала его в кроватку Яворамладшего.

— Очень рад с вами познакомиться, — улыбнулся инопланетянин. — Меня зовут Бьорн. Можно мне немного подержать Снупи?

Мими с улыбкой подала ему это, он обнял его, ласково погладил и прижал на минуту к себе. Потом осторожно отдал его обратно:

— Спасибо. Ты не хочешь немного с ним погулять?

— А вы не отберете его у нас? — с надеждой спросила Мими.

— Нет, нет. Не волнуйся.

Когда за ней закрылись двери, я вопросительно посмотрел на Бьорна. Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Во-первых, я хотел бы заверить вас — это существо абсолютно безопасно. Вероятно, одно из самых безобидных, которые известны нашей расе.

— М-да... А что это такое, в сущности?

— Домашний любимец. Зверек.

— Типа инопланетной собаки или кошки?

— Что-то вроде этого. У вас есть десять минут, я бы объяснил вам более подробно?

— Да, слушаю вас...

— Когда-то существовала жестокая, воинственная и агрессивная раса — так называемые Рэнди. Они управляли галактикой около семидесяти миллионов лет. Они безжалостно расправлялись с любой цивилизацией, которая им угрожа-

ла, и создали невероятное количество разнообразных вещей. Около шести миллионов лет назад Рэнди начали жестокую внутрисобную войну. На практике это уничтожило их как цивилизацию — их осталось так мало, и они были так ослаблены, что другие цивилизации, объединившись в союз, просто добились их. Огромная часть вещей, созданных ими, была потеряна навсегда. Но не все — иногда до сих пор встречаются сохранившиеся вещи или информация о них. То, что я видел, было одним из их творений — псевдобиологический вид, специально предназначенный быть домашним животным. Он довольно популярный среди многих рас, в том числе и моей. Короче говоря, это восхитительное создание. Питается отходами, если они являются таковыми в соответствии с ситуацией. Разлагает их на элементы, безвредные для соответствующей окружающей среды. Потребляет любые возможные энергии, если это не вредит его владельцу или если он сам передаст ее для потребления. Очень часто мы не понимаем, как он делает такую оценку, но она всегда безупречна. На практике он практически неуязвим — в состоянии выжить в двигателе фотонного звездолета, к примеру. Никто не знает, почему и как. Я не знаю, представляете ли вы себе, что это означает...

— Аннигиляция антиматерии и материи — кивнул я. — Самый адский котел, который теоретически может существовать во Вселенной.

— Совершенно верно. Он остается живым в нем... Не причиняет вреда другим лицам при любых реальных обстоятельствах. И как только он привяжется к своему владельцу, никогда его не покидает. Вот.

Инспектор покраснел и наклонился вперед:

— То есть господин блефует, что он отдаст его мне? Хм... — Он бросил на меня уничтожающий взгляд за спиной инопланетянина.

— Он просто ничего этого не знал. — Бьорн озорно улыбнулся. — Даже мы не в состоянии отнять у него до-

машного любимца. Этого ничего и не надо — любой предмет в этом доме более опасен для него или его детей, чем Снупи.

— Хм... Я рад это слышать. И надеюсь, что эта проблема, наконец, разрешилась. — Инспектор снова победоносно посмотрел на меня.

— А как все-таки он попал к нам? — спросил я.

У меня прямо камень с сердца упал после заверений инопланетянина. И после трех недель круглосуточных терзаний.

— Из-за вандализма одного из наших пилотов, нарушившего правила. Бывшего пилота, смею добавить. Оказавшись с неприрученным домашним любимцем на борту, он просто выбросил его в атмосферу при посадке... Инцидент крайне неприятный и позорный для нас, и от имени всей нашей расы я прошу вас сохранять конфиденциальность.

Инспектор промолчал, но глаза его ясно говорили, какие проблемы меня ожидают, если я откажусь. Я несколько минут раздумывал, потом кивнул в знак согласия. В такой ситуации, что мне еще оставалось делать? Кроме того, если он такой безбидный...

— Я согласен.

— Несомненно, этим вы оказываете нам большую услугу, — кивнул Бьорн. — И имеете право на вознаграждение. — Он вынул из кармана и через стол протянул мне считывающее устройство для кредитных карт с вложенным в него чипом. — Примите это ничтожное извинение от имени нашей расы. Или, по крайней мере, от людей с чувством долга.

Наверное, мне надо было сказать что-нибудь вежливое, но у меня пропал дар речи при виде суммы в устройстве. Это была моя зарплата... на тысячу лет вперед! Ну, если у них вот это называется ничтожным извинением...

— Гм, гм... — вдруг заволновался инспектор. Его пухлые руки просто затряслись. — Однако... Имеет ли смысл, оставлять это существо у людей, которые, гм, боятся его? Не лучше ли, если о нем позаботится ответственное лицо, например, служитель закона?

— Я боюсь, что ничего не получится, — Бьорн пожал плечами. — К сожалению, уже невозможно разделить Снупи и его нынешних владельцев и передать его вам. Даже если мы попробуем сделать это, он все время будет возвращаться к ним, что бы мы ни делали, и им все равно придется заботиться о нем. Я искренне сожалею.

— Я тоже. Но я попрошу вас поступить ответственно и изучить все возможные способы. — Инспектор сделал над собой огромное усилие, чтобы не смотреть в сторону устройства с чипом.

— Если появится подходящий способ, мы обязательно сообщим вам об этом, — обезоруживающе улыбнулся Бьорн.

— Спасибо. — Инспектор вынул из кармана и протянул мне визитную карточку. — Вот мой личный номер, не стесняйтесь звонить мне при необходимости...

— Мне идут эти серьги, дорогой?

— Как только тебе не надоело каждый день обвешивать себя новыми украшениями? — флегматично заметил я. — Как будто мужчины заметят их и оценят...

— А женщины все замечают и оценивают, если хочешь знать! — резко отрезала моя благоверная, но довольная улыбка не сходила с ее лица. — Я же тебя не спрашиваю, почему ты продолжаешь ходить на работу?

— Ну, от чувства собственного достоинства. А вчера меня повысили. Давно пора, а то я второй месяц приезжаю на машине дорожке, чем у шефа — откуда им знать, что за важная персона стоит за мной. Правда, некоторые смотрели передачу Жени...

— Подумаешь! — сказала Лина, но ее улыбка расширилась еще больше. — Очень тебе нужен какой-то жалкий довесок к зарплате.

— Дело чести, Лина. И авторитета. Ты радуешься своим новым безделушкам и тряпкам, а я — признанию на работе.

— Ну, ладно, ладно, если это делает тебя счастливым, — примирительно согласилась моя жена. — Но даже не смей думать, что в этом году мы не поедем отдыхать на Канарские острова!

— Кто сказал, что не поедем? Напротив!

— Папа! — потянула меня за руку Мими. Я не заметил, как она вошла в комнату.

— Слушаю тебя, моя девочка!

— Папа, Снупи плохо...

Я приподнял брови.

— Как это плохо? Откуда ты знаешь?

— Иди и сам посмотри на него.

Я с недовольством встал со стула, но скоро по моей спине поползли холодные мурашки. Снупи, как правило, ни на шаг не отделялся от дочери, а сейчас Мими пришла одна... Мы нашли его внизу, перед дверью в детскую комнату. Когда Мими подошла к нему, он привычно обвил ее ноги, но намного медленнее, чем обычно. И, определенно, он был каким-то... более жидким. Легко разливался, а передвигался с трудом.

— И не ест ничего, — сказала Мими и кивнула в угол, где валялся наполовину съеденный кекс.

— Мими, сколько раз можно повторять, что кекс для тебя, а не для него!

— Но что делать, если он мне не нравится! А Снупи его ел. До недавнего времени.

— Сколько времени он не ест?

— Э-э-э... — Мими стала считать на пальцах. — Три дня. Нет, четыре. Не... Пап, какая цифра идет после двух? И что с ним?

— Наверное, он скоро поправится. Ты же слышала, как дядя Бьорн сказал, что ничто не может причинить ему вред?

Однако с каждым днем Снупи становилось все хуже и хуже, а глаза Мими совсем опухли от слез. Однажды вечером, после того как мы уложили ее спать, я сказал Лине:

— Может, ветеринару позвонить?

— Думаешь, он поможет? Это же не собака.

— Не знаю. Все-таки больное существо, может сделает что-нибудь. Может, их теперь учат или читают дополнительно, не знаю...

— Интересно, что у тебя на уме. Ты потратил так много времени и усилий, чтобы выбросить или убить его, а теперь... — Она стрельнула по мне взглядом.

Я рассердился.

— А вдруг после его смерти инопланетянин заберет у нас деньги обратно?

Лина подскочила в кресле, а ее глаза расширились.

— Или, болезнь повредит его каким-то образом, и он станет опасным? Или он умрет и взорвется или еще что-нибудь в этом роде?..

— Я не верю, что он заберет у нас деньги, — задумчиво сказала жена. — Это плохо отразится на их имидже, а они очень беспокоятся о нем... Я не верю, что болезнь повредит Снупи до такой степени, или что он умрет и взорвется. Они бы тогда не сказали, что он безопасный... Но, действительно, лучше вызвать ветеринара. Я — за.

— Из-за денег или из-за взрыва? — продолжал придирается я. — Скажи мне только правду!

Она опустила глаза.

— Из-за Мими... И... честно говоря, жаль мне его. Да, он отвратительно выглядит... но мне он симпатичен. Все-таки живое существо... А тебе не жалко его?

Я почувствовал, что краснею.

— Ну... немного...

— «Немного», или что?

— Э-э-э... Понимаешь, когда приручаешь кого-то, независимо от того, ребенок это или существо... берешь на себя какую-то ответственность. И надо соблюдать ее. Думаю, даже и по отношению к инопланетным животным... Я не знаю. Просто я так это понимаю.

Лиана посмотрела на меня долгим взглядом. Затем внезапно обхватила меня за плечи, потянула к себе и поцеловала.

— А вы не могли привезти его в мою клинику? — раздраженно спросил поседевший величавый доктор еще с дверей. — Там у меня полная лаборатория, операционная, реанимация, а здесь...

— Не могли. Вы сейчас сами увидите. — В принципе, мы могли бы сгрести Снупи ковшиком и вылить его в ведро, но нам неохота было с ним возиться.

— Прямо так и не могли?.. Ну, ладно, вы же платите, вам лучше знать. Этот стол подойдет для обследования. — Он порылся в своей сумке и вытащил слуховую трубу. — Ну-с, где животное? И, наконец, вы мне скажете, кто это? Собака? Кошка?

— Вот, доктор, перед вами лежит.

Профессор несколько секунд смотрел в недоумении.

— Это... его этим вырвало? Что он ел? И в сущности, кто это?

— Нет, это не рвота. Это пациент. Инопланетный домашний любимец.

— Его зовут Снупи, — уточнила Мими из-за моей спины.

Профессор некоторое время стоял и смотрел, словно оглушенный, затем осторожно убрал трубку в сумку. Достал термометр, посмотрел на него пустым взглядом и опять положил на место. Присел на корточки перед зеленоющей лужей, задумчиво почесывая лысину.

— М-да-а... И... что с ним?

— Заболел, — важно осведомила его Мими.

— Мы рассчитывали на вас, что вы скажете, — добавил я.

— М-да-а-а... Извините, можно стакан воды?

После того, как он выпил его на одном дыхании, ветеринар, кажется, стал приходить в себя. Застегнул молнию на своей сумке и озабоченно посмотрел на нас.

— Извините, что я должен сказать это вам, но... Я понятия не имею, что это за вид. Я даже не знаю, что это за животное, честно признаться. И не смею утверждать, что это животное, а не растение, например.

— Животное это! Ничего, что зеленое! — возмутилась Мими. — Ласкался, ел... Перед тем, как заболел.

— Я имел в виду, что у меня нет абсолютно никакого понятия об этом. Я даже не знаю, с чего начать... Откуда он у вас?

— С базы инопланетян, вы, наверное, слышали.

— Ах, да. Все, что я могу порекомендовать — это обратиться к ним. Они наверняка знают больше, чем я.

— Это не так-то легко. Вам должно быть известно, что власти категорически не разрешают устанавливать с ними контакты всем подряд...

— Я не знаю, что еще вам посоветовать.

Мой взгляд упал на Снупи, после на дочь, и я ощутил странную решимость.

— Не могли бы вы нам помочь в этом деле, с позиции авторитетного человека? Учитывая, что на деле, вы были не в силах быть нам полезным... — Я протянул руку, чтобы взять чек со стола.

— О, конечно могу — заспешил внезапно профессор. — Министр... пардон, инспектор здравоохранения мой одноклассник. Один момент, я только позвоню...

В который раз я убедился, что быть богатым, это очень полезно.

На этот раз, Бьорн не ограничился только кратким объятием. Он погрузил свои руки с растопыренными пальцами в Снупи и держал их там минут пятнадцать. Когда он их вытащил, лицо его было серьезным.

— Сожалею, что я должен сообщить вам об этом, но я сильно обеспокоен. Снупи совсем плох.

— Что с ним? — Слава богу, что Лина ушла с Мими на прогулку.

— Как вам сказать... Ему не хватает надлежащего ухода.

Я стоял как остолбенелый.

— Но мы же заботимся о нем! Мы проводим с ним время каждый день... Моя дочь практически весь день с ним. Кормим его... Вам что-нибудь другое в голову приходит, что еще мы должны делать?

— Ой, да я не спорю, что вы за ним ухаживаете. Просто это не подходит для его ухода.

— А что ему надо?

— В прошлый раз я рассказывал вам о создателях вида Снупи — Рэнди. Они были очень агрессивной и жестокой расой. И Снупи предназначен для такого же отношения. Без этого он чувствует себя ненужным и болеет все больше и больше. Я не удивлюсь, если в конце концов он даже умрет, хотя, наверное, это займет десятилетия. И, вероятно, просто измучает вас за это время.

— То есть... с ним надо обращаться немного грубее? — Я вспомнил, как Снупи прямо расцветал, когда я пытался убить его различными средствами. — Например, если я ударю его молотком...

— Если молоток достаточно тяжелый и ударить со всей силы, было бы подходяще, — кивнул Бьорн. — Было бы здорово обстрелять его из огнестрельного оружия. Или потопить в бочке с кислотой, подержать под огнеметом... Это для него минимум ласки и общения. Дайте ему это, и через несколько дней вы заметите значительное улучшение...

Мими с трудом восприняла эту идею. Мне пришлось объяснить ей, что у Снупи ужасно толстая, жесткая кожа, и поэтому он не чувствует обыкновенной ласки. Она не верила мне, пока он не начал заметно поправляться. А окончательно убедило ее то, что как только она хватала старый столярный молоток, Снупи сразу же становился неудержимо ласковым.

— Папа, это очень утомительно! — заявила она однажды днем, споткнувшись на сложном для нее слове. — У меня руки уже болят!

— Почему бы тебе не пригласить к нам своих друзей? — предложила Лина. — Например, Николашку?

— Не хочу! Он ломает все игрушки, и свои, и чужие!

— Этот ангелочек? — возмутился я такой клевете.

Я видел много раз, как соседи выводили его на прогулку — такой чистенький мальчик с золотыми кудряшками и кроткими голубыми глазами, на два-три месяца младше нашей Мими. Однако, Лина странно покосилась на меня, и я замолчал.

— Я не верю, что он сможет причинить вред Снупи, — сказала жена. — Сколько раз пытался твой отец, но ему так и не удалось ничего сделать? А посмотри, какой он большой и сильный. Ну, давай, зови! Вон, Николаша на скамейке играет...

Мими что-то пробурчала себе под нос, но все-таки вышла на улицу. Через некоторое время она вернулась, волоча за собой предполагаемого разрушителя.

— На самом деле можно? — спросил он у нее.

— Да, можно, — объяснила с важностью Мими, приподнимаясь на цыпочки, наверное, для того чтобы выглядеть еще более важной.

— А меня не отхлопают твои папа с мамой? Мне мои предки затрещины отпускают, когда я ломаю игрушки.

— Даже если ты захочешь, то не сможешь сломать Снупи. Даже папа не смог!

— Да, но твой папа, наверное, не умеет правильно ломать игрушки. А я все игрушки, которые мне покупают, сразу же ломаю! Сра-зу-же!

Я с трудом верил своим ушам. Вот этот ангелочек?

— Неправда, что он не умеет! Папа у нас самый большой бездельник в окрестности! Моя мама сказала это вчера перед всеми в парке — что он прячется на работе, чтобы только не помогать по дому!

Я бросил на Лину кровожадный взгляд — она сидела в кресле, красная как помидор. Аргумент, однако, в силу неизвестной детской логики, убедил соседского мальчика. При чем тут лень и ломание игрушек — не понимаю.

— А где Снупи?

— Перед тобой. Вот этот, зеленый.

— Но... Это крем какой-то! Чего там ломать-то?

— А ты попробуй, сломай!

Николаша осторожно потрогал Снупи пальцем. Затем влез в него целой ладонью. Увидев, что тот не кусается, стал выгребать его горстями и разбрасывать зеленую слизь во все стороны. От летающих горстей желе отваливались куски и падали на мебель. Лина была готова упасть в обморок, но оказалось, что зеленые брызги не оставляют пятен. Кроме того, свисающие с них нити моментально стягивали разделенные части обратно, образуя одно целое.

— Этот Снупи очень жилистый! — заявил через какое-то время Николашка. — У вас нет такой, зубастой, которая висит в гараже у моего папы?

— Пила? Сейчас принесу...

Снупи не оказал никакого сопротивления при распиливании. Он распадался на части под пилой и склеивался обратно. словно режешь воду в тазу. Николаша сделал несколько попыток, но на десятой не выдержал и сдался. Немного побив Снупи плоской стороной пилы, он убедился, что это тоже бесполезно.

— Вот видишь? Ему это даже нравится! — заявила надменно Мими.

Никола осмотрелся вокруг и заметил в углу брошенную коробку от новой универсальной печи. Осмотрев ее внимательно, он вытащил из нее жесткий ламинированный лист пластмассы, предназначенный для сохранности передней панели печи во время транспортировки, и начал им резать Снупи. Я мысленно восхитился его разрушительной изобретательностью. Снупи снова не оказывал никакого сопротивления. Однако, после того как его разрезали, он все равно соединялся — снизу всегда оставалась хотя бы одна непорезанная тонкая нить.

— Сопротивляешься, да? — прошипел Николаша. — Сейчас я разрежу тебя на две части, вот увидишь!

Следующий удар оставил царапину на мраморном полу, но даже и тогда остались невидимо тонкие нити, которые мгновенно утолщались, подтаскивая к себе свои половинки.

— Мономолекулы? — прошептала Лина.

— Что?

— Я думаю, что эти нитки имеют мономолекулярную структуру, — она указала на них. — Если это так, то вряд ли у нас дома есть то, что в состоянии их перерезать. И не только у нас дома. Мы проводим подобные эксперименты в институте — их можно разрезать только плазменным ножом.

— А если нам принести такой нож из твоего института...

— Я все равно не верю, что мы добьемся успеха. Помнишь, что сказал Бьорн? Снупи выживает даже в двигателях фотонного звездолета. Да-а-а... Я думаю, что человечество вряд ли располагает такой технологией, с помощью которой можно разрезать Снупи пополам. Даже если она зовется Николашкой.

— Этот Снупи слишком жилистый! — наконец запротестовал соседский ребенок. — А у вас есть игрушки, которые легче ломаются?

— Нет, нет! — заверили мы его с Линой в один голос.

— Неправда! Мими сказала, что есть... Ой-ей-ей! Ой, я боюсь! Снупи гонится за мной!

Николашка быстро вскочил и стал карабкаться на стол — Снупи попытался обнять его ноги.

— Да не бойся, он просто с тобой играет... — попыталась успокоить его Лина.

— Неправда! Мне это не нравится!

— Правда. Он точно так же играет и с Мими. Вот, смотри. — Снупи, тем временем, снова приклеился к Мими.

— Неправда! Я не хочу такую игрушку! Которая не ломается...

Через пару недель Николаша все-таки преодолел свой страх и каждый день проводил у нас по крайней мере час. Снупи иногда даже предпочитал играть с ним, и Мими, увидев это, переставала жаловаться и начинала мутузить своего любимца от всей души. Наш дом уже был оснащен всеми необходимыми инструментами, которые были безопасны для детских игр. Родители Николашки были благодарны нам от всего сердца — его отец, потягивая пиво, недавно похвастался, что некоторые игрушки продержались больше недели, прежде чем были сломаны...

Снупи был в цветущем здоровье и, видимо, счастлив. Я не буду отрицать, что и мы с Линой иногда помогали в этом деле. Мы заметили, что, рассердившись друг на друга или на что-нибудь другое, наиболее удобным и полезным было вымещать это на Снупи. А недавно я заметил, что и Мими изливает свой гнев на него, когда что-то не по ней.

— Наверное, эти Рэнди тоже жили семьями, — поделился я своим открытием однажды вечером, когда, вместо того, чтобы ссориться, мы с Линой отлупили Снупи до

полного изнеможения, и весь наш гнев бесследно испарился. — Такой домашний любимец очень хорошо сплачивает семью.

— Возможно, — улыбнулась Лина. — Но мне кажется, здесь другое.

— Что?

— Бьорн тогда сказал, что они были агрессивные и воинственные и владели всей галактикой.

— Да, я помню. Ну и что?

— Ты же ни разу не выводил дочь на улицу играть.

— При чем здесь Мими?

— Когда выводишь ребенка, всегда следишь за ним, как он играет. Не знаю, как ты, но я, по крайней мере, всегда это вижу...

— И я, разумеется, тоже!.. И что ты увидела?

— До недавнего времени Мими никогда не ссорилась с другими детьми. Никогда не пыталась отобрать у кого-то игрушку, а если кто-нибудь брал у нее, то она беспрекословно отдавала. А сейчас не дай боже если ее кто-то заденет, она сразу же лезет в драку. Ее боятся дети даже старшего возраста, никто не смеет ей противоречить. В последнее время я постоянно ее ругаю, чтобы она не обижала соседских детей по поводу и без повода.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Снупи учит ее драться?

— Именно это я и говорю. И будет неудивительно, если окажется, что эти Рэнди создали таких Снупи специально, чтобы учить своих детей агрессии и жестокости.

Я подскочил на месте.

— Значит... значит поэтому их так возлюбили инопланетные расы!.. И поэтому Бьорн попросил нас сохранять конфиденциальность — чтобы они массово не распространялись среди жителей Земли! И чтобы мы не стали угрозой для них, вместо Рэнди...

— Ты только теперь это понял?

Наша идиллия прервалась внезапно. После того, как вечером Мими и Николашка просто превзошли себя, моя дочь с гордостью появилась на следующее утро в столовой не с одним, а с двумя кусками зеленого желе.

— Это Снупи, — сказала с гордостью она и показала на то, что текло за ней и пыталось обнять ее ноги. — А это — Скуби. — Она кивнула на другого, которого принесла в руках и попыталась вручить его Лине.

Лина подпрыгнула, заорала и, споткнувшись о кресло, упала в него.

— Мими, откуда ты взяла второго? — я почти кричал.

— Это не «второй», а Скуби, папа!

— Где ты его взяла?

— Нигде. Утром он уже был в моей комнате вместе со Снупи. Папа, если ты только попробуешь его выбросить, то я...

Через пятнадцать минут региональный инспектор уже обещал мне немедленно связаться с инопланетянами. Не знаю, что на него повлияло, возможно, мой тон, которым я с ним разговаривал.

После этого пришлось срочно отобрать у Лины ее транквилизаторы — казалось, она твердо решила принять всю упаковку. По-хорошему не получалось, пришлось применить силу...

Верхом беспорядка была Мими, которая прижимала к себе два куска зеленого желе и пищала, как пожарная сирена, если я пытался отделить их от нее. Первый раз она даже лягнула меня изо всей силы, за что получила такую затрещину, что отлетела метра на три и упала на пол. Но желе из рук не выпустила.

Бьорн прибыл примерно через час — самый длинный час в моей жизни. Войдя в дом, он мгновенно сориентировался в обстановке, сначала потрогал первый кусок желе, потом второй и успокаивающе улыбнулся.

— Что случилось? — спросил инспектор из-за его плеча. — Какая-то опасность?

— О нет. Я уже говорил вам, что они безопасны для окружающих практически в любых ситуациях.

— Они? — Множественное число забилося клином в мой мозг, подтверждая мои самые страшные опасения. — Откуда он здесь взялся, второй?

— Его зовут Скуби, папа!

— Вопрос ухода, мои дорогие родители, — опустился в кресло Бьорн.

— Мы что, опять не заботились о нем должным образом?

— О нет, совсем наоборот. Я бы сказал, что вы заботились о нем просто отлично. Это и является ключом к ответу на ваш вопрос.

— Оно... случайно не...

— Совершенно верно. Снупи почувствовал, что получает количество заботы, которое превышает его потребности, и, чтобы соответственно отвечать на нее, он разделился на две части. Это способ, которым они размножаются.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

— Их деление — интересный процесс, — продолжал Бьорн. — Первоначальный индивид отделяет часть себя, не передавая ей свою память и опыт. Она чиста и невинна, как новорожденный ребенок. — Он улыбнулся Мими. — И готова привязаться к тому же или другому владельцу.

— Так Скуби младенец, как Яворче?

— Правильно, девочка. И скоро он себе выберет кого-нибудь.

— Ну ясно, а... Что нам с ним делать? Со Скуби, я имею в виду... В смысле, что бы вы нам посоветовали? — вмешался я.

— Все, что хотите. Он ваш, — сказал безмятежно Бьорн. — Если, например, господин инспектор не против, то Скуби может стать его любимцем. Помнится, несколь-

ко дней назад у него было такое желание. Господин инспектор, вы же не выбросите Скуби, не так ли?

— Конечно, нет! Возможно ли это? — заблестели глаза у инспектора.

— Я тоже так думаю — кивнул Бьорн. — Возьмите его на руки, крепко обнимите, потом отойдите шагов на пять-шесть и подождите минуту. — Он кивнул Мими, и она, к моему удивлению, без всяких протестов протянула ему кусок желе.

Инспектор выполнил указания с небывалой для такого солидного человека скоростью. Когда желе снова оставили на полу, оно быстро потекло ему в ноги и начало тереться о них.

— Ну вот, — обратился к нам Бьорн. — Я рад, что Скуби имеет своего владельца и благодарю вас. А теперь, прошу извинить меня, но мне пора.

— Гм, гм... А разве этому существу не полагается материальная поддержка с вашей стороны? — спросил ему вслед инспектор.

— Нет, конечно, — удивленно посмотрел на него Бьорн. — Вы сами его пожелали, в отличие от наших любезных хозяев. Мы не виноваты, что он попал к вам. Так что ответственность за его содержание полностью на вас. Хорошего дня!

Он озорно подмигнул мне и вышел. Я некоторое время стоял задумавшись, потом побежал за ним и, догнав во дворе, спросил:

— Простите... Могу я задать вам вопрос?

— Конечно, — располагающе улыбнулся он.

— Правда, что их используют для воспитания в детях агрессии и воинственности? И поэтому вы просили меня о конфиденциальности — чтобы не допустить их распространения на Земле, и чтобы мы не стали опасными для вас?

Бьорн вдруг серьезно посмотрел на меня, поднял брови и медленно пошел в сторону улицы. Перед выходом он остановился и повернулся ко мне:

— Многие расы действительно используют их для этого. Они бы очень хотели в один прекрасный день стать новыми Рэнди... И моя раса, увы, тоже.

— А тогда зачем вы научили нас лечить Снупи? И почему вы отдали Скуби инспектору, а не забрали себе?

Бьорн внимательно посмотрел на меня, и в его глазах заплясали веселые огоньки.

— Потому что у каждой расы есть как люди, которые верят только в военную силу, так и люди, которые видят ее бесперспективность. — Он широко улыбнулся. — Возможно, я действовал вразрез с некоторыми нашими правилами, но зато в согласии со своим разумом и совестью.

— А вы не боитесь, что однажды мы станем... станем...

— Вы станете могущественнее и поработите нас? Нет. Когда многие расы обладают каким-то оружием и если какая-то раса вооружится лучше, чем другие, то эти другие объединяются против нее. Баланс восстанавливается, и мир сохраняется. И чем больше вооруженных рас, тем стабильнее мир.

Он кивнул, улыбнулся и направился к машине, которая его ожидала. Я вернулся в гостиную. Инспектор стоял в центре комнаты со Скуби в ногах, вид у него был, будто он сейчас лопнет. Мне стало жаль его — хотя, я считаю, он получил именно то, что заслужил.

— Господин инспектор, вы женаты? В прошлый раз вы упомянули о том, что у вас есть ребенок.

— Да... А что?

— Не сожалейте о Скуби. Поверьте мне, он полезный... И если вы не сможете дать ему необходимый уход, зовите Николашку.

Перевела Ольга Попова

*Иоанн Владимир
(Ангелина Илиева)*

ПОКУШЕНИЕ

1

С этой стороны скала заросла мягкой травой. Она вся в утренней росе. Скользящая под моими босыми ногами, а низ длинной рубахи промок. Одно благо — стражи крепко поддерживали с обеих сторон, потому как собственные ноги меня едва держали. Я ковлял вверх по склону неторопливо, даже чуть медленнее, чем мог после пребывания в темнице, и вдыхал свежий лесной запах, разносимый ветром.

На вершине скалы меня ждали, я избегал туда глядеть. Поворачивал и запрокидывал голову, поедая глазами сине-зеленые холмы Арбанаси и Трапезицы, плещущие в них солнечные струи и бездонное небо — в последний раз...

Шаги мои пресекла плаха. Новая, не окропленная ничьей кровью, нарочно для меня срубили, свежую — сан почтили. Стражи бросили меня на колени и оставили.

Я поднялся с трудом. С другой стороны скалы — обрыв. И там толпится мой народ. Я не слышал ни одного отдельного голоса, лишь срывающиеся, как вздохи, вопли. Всех привели, чтобы видели мое унижение. Мою смерть.

— Покорись, святой отец...

Я обернулся к парню, которого приметил, не успев узнать, пару мгновений назад. Буйные черные кудри его прятались под пестрой чалмой. Щеки впалые, в глазах бьется огонь безумия. Стройный стан закутан в грязный

плащ с вышитым полумесяцем. Мне, кажется, говорили, что сейчас его зовут Искендер. Голос его дрожит:

— Покорись, святой отец. И милости у Челеби проси, прощения...

— Я покорен, пресветлый князь. Покорен государю одному и каждый день молю Его о милости и прощении. Все, что станет, будет по воле Его.

— Убьют тебя! И не постесняются же! И тогда зачем все это было? Почему сдали город? Почему примирились? Ты же ведь захотел так — покориться воле Божьей...

— Покориться воле свыше — это одно. А покориться земным хозяевам — другое. Жаль, что не научил тебя видеть разницу, Александр... Уйди прочь. Стыдно на тебя смотреть.

Я снова опустился на колени и сплел пальцы в молитве. Сильно зажмурил глаза, чтобы не видеть слезы того мальчишки, которого любил как сына. Господи, если ты еще слышишь меня, сохрани парня! Не откажи в милости своей и его отцу, по твоей воле царю и самодержцу болгар. Дай силу и упование тем, чьи вопли и плач слышу в сей миг. Господи, не за себя прошу, мой путь окончен...

Кто-то лает на своем варварском наречии. Грубая рука палача жмет голову к плахе. От подножия скалы хором кричат от ужаса. Поднимаю веки и тут же жмурю глаза от блеска поднятого надо мною лезвия...

— Семнадцать тридцать. Рабочий день окончен.

Тихий и журчащий женский голос прервал медитацию и прогнал видение прошлого, нежно притягивая сознание к настоящему. Яркое освещение над столами в читальном зале погасло, оставляя только парящие прожекторы возле вертящихся стеклянных стеллажей с рукописями. Минорная клавирная музыка, брызжущая из динамиков, сменилась игривыми народными напевами. С гулом включились климатизаторы, насыщая воздух ароматом мяты.

Я посмотрел на столешницу бюро, на раскрытую передо мной книгу. На левом поле страницы — капли крови из носа. Бывает, когда я захожу в транс. Три маленькие золотистые капли, блестящие, словно киноварь. Уже тысячу лет минуло, а никак не привыкну к цвету своей крови. Осторожно промокаю капли рукавом мягкой хлопчатобумажной рубашки. На странице остается лишь немного матового блеска — почти не видно.

Я поднялся и вместо широких мраморных ступеней, ведущих к кабинету, направился к одному из эскалаторов на выход. Я опаздывал. Нужно было всего за полчаса добраться до места встречи, а фиеста на улицах, наверное, меня задержит.

Проходя мимо кабинки привратника, я кивнул, хотя давно уже убедился, что видеть меня он не может. Молодой человек, вероятно ревностный атеист, как всегда глядел сквозь меня с легким удивлением — словно сквозь дуновение ветра.

Я сунул карточку в замок массивных дубовых врат. Через секунду дисплей мигнул: «Евтим: святой: главный библиотекарь Тырновского канского книгохранилища. Спасибо Вам за сегодняшний труд, желаем приятного отдыха!» Врата распахнулись, и навстречу, будто волшебный водопад, хлынул свет уличных феерий.

Мне потребовалась пара секунд на то, чтобы преодолеть легкое замешательство, которое овладевало мной всякий раз, когда я выходил на улицу. Потом ступил на плавающий тротуар по направлению к «Самоводской». Тротуар был выложен из треугольных плит розового кварца, отлично отполированного. Под слоем кристалла в пядь толщиной располагались крохотные прожекторы мостового освещения, образующие небесные созвездия. Я взирал себе под ноги, стараясь распознать Орион и Малую Медведицу с ребячьим энтузиазмом начинающего звездочета. У драконов-зодчих утонченный вкус.

Я покинул «звездный» тротуар со вздохом сожаления и перешел на следующий, что вел плавно вверх. Медленно обогнул центральный городской монумент. Тройная скульптурная композиция во славу змеев-покровителей. Первая изображала житные поля Добруджи. Крупные колосья с янтарными зернами, над ними — аметистовая статуя летящего дракона, который прогоняет бурю и град. Вторая из белого мрамора — овечья отара в низинах Фракии, за которой присматривает тщедушный змей-чабан. На третьей три дракона в хороводе мнут виноград, выжимая сладкий сок. Патетично и анахронично — на винокурнях уже века как не появлялся змей...

Тротуар изогнулся горбом и повернул мимо парковки «Велчова завера». Ветерок тихонько шумел в ветвях вековых деревьев. Из-за послеобеденного дождя по плиткам аллеи кишели дождевые черви. Я ступал осторожно, чтобы не раздавить кого-нибудь из них.

Слава богу, вокруг все еще было пустынно и тихо, городское веселье только-только начиналось. Над головой порхали птицы, пышные кусты норовили вцепиться мне в бороду. Молодая женщина с ярко-красными волосами и с венком из роз корпела над аллеей фиалок. Заметив меня, она выпрямилась и одарила меня ослепительной улыбкой, хотя знакомы мы бегло. Она — дива-хранительница парка. Я никогда не спрашивал ее, почему она решила покинуть леса и перебраться в город, но радовался тому, что она может видеть меня достаточно отчетливо, что позволяло нам поговорить.

— Привет! — молвила дива своим чарующим голосом.

— Добрый вечер, Алена, — ответил я, отвешивая легкий поклон.

Она сорвала несколько цветков, потянулась и украсила ими карман моей рубахи. При этом дива едва уловимо нахмурилась. Я знаю — прикосновение ко мне причиняет ей боль.

Дива помахала рукой на прощанье. С дальнего конца парка показалось шествие ряженных. Кукеры. Молодые мужчины в лохматых костюмах из синтетических шкур хохотали и покрикивали нестройным хором, явно уже успели набраться. Прошли мимо, совсем близко, оглушительно гремя бубенцами и колотя в барабаны. Но никто не бросил и беглого взгляда на меня. Окружили Алену и запрыгали возле нее, а она захлопала в ладоши.

Когда я отошел достаточно далеко от самодивы, поспешил выбросить фиалки. Достал из кармана миниатюрную икону. Лик святой смотрел на меня строго и укоризненно, вероятно прикосновение к ведьминому цветку ее разгневало. Она прошипела:

— Опаздываешь, Евтим. Мы в «Хаджи Николи». Ждем.

Неспроста выбрали улицу Самоводскую для встречи. Заповедник был почти полностью сохранен в первоизданном виде, здесь не высились каменные колонны и мраморные площадки для драконьих посадок. Этот район посещали по большей части люди — посмотреть, вспомнить, что когда-то человек сам, в поте лица, заботился о себе.

«Хаджи Николи» находился в подножии холма, в середине торгового майдана. Трехэтажная кирпичная постройка, облокотившаяся на склон. Ворота из кованого железа вели во внутренний двор, вымощенный обыкновенными речными камнями. Полное созвучие со стилем заповедника. Однако над входом искрилась светореклама: «Вино. Змеиное молоко. Молодящие и лечебные снадобья».

Я протиснулся в узкую кабинку лифта. Над кнопками этажей тускло мерцали наводящие надписи: «Люди», «Витяки», «Другие». Я утопил кнопку последнего этажа.

Подъем занял точно три секунды. «Другие» явно не навевались часто — заведение было почти пустым. В середине овального салона булькал и пенился мрамор-

ный фонтан. Из серебряных краников лилось чистое прохладное вино. Возле фонтана на низких столиках рядами стояли нетронутые стаканы. Никого не было видно и у спрятанных за кадками с экзотической растительностью бутербродных и питейных автоматов. На момент мне показалось, что я ошибся местом. А потом я заметил в алькове, за самым далеким от лифта столом три неподвижные фигуры. Я подошел к ним.

Обе одетые в белое женщины источали золотистое сияние и тяжелый запах ладана. Петка Тырновская и Филотия Тырновская. Когда-то, еще при жизни, я потрудились сделать их самыми почитаемыми святыми этого города. Филотия улыбалась мне загадочно и теребила пальцами свои русые волосы. Губы Петки были сурово сжаты. Третий в группе кутался в серый плащ с глубоким капюшоном. Я догадывался, что именно он и есть причина внеочередной встречи.

— Прошу прощения за задержку, — пробубнил я, только ради того, чтобы что-то сказать, и занял свободное место за столом.

— Когда-нибудь ты все же прекратишь вязнуть в мирской суете, — тут же срезала меня Петка. — Я тебя специально предупредила, как важна встреча.

— Дела...

— Никто не заставляет тебя выучить себя делами. Никто никого не заставляет работать или вообще что-то делать. Мог бы и сегодня не заниматься... делами. Да и к чему тебе? Не ешь, не пьешь. Таскаешься только ради своих книг проклятых. Ты в плену своих страстишек, Евтим.

Я вздохнул.

— Ну, я уже здесь. Что там у вас за важность?

По тонким губам Петки мелькнуло нечто подобное улыбке.

— Важность такая, что мы уже в состоянии это сделать.

— Что именно?

— То самое!

Терпение — добродетель. Лучше подождать объяснений, чем и дальше задавать идиотские вопросы. Святая же молчала, пока не поняла, что я все еще не взял в толк, о чем речь. Тогда она подалась вперед, нависая над столом, усмешка ее стала почти различимой, а в глазах блеснуло ликование:

— Покушение, Евтим!

— На этот раз успеем, у нас план, — добавила Филотия.

Я рассмеялся. Горько. Ведь в последнее время только с этими двумя святыми я мог изредка общаться. Мой дорогой друг и любимый учитель Теодосий уехал из Тырново неизвестно куда около двух столетий назад. Мне не хватало его. А в подобных ситуациях — еще ошутимее, больнее.

— Когда назначена твоя следующая аудиенция, Евтим?

— Завтра утром. Как обычно.

— Ага! — проворчала многозначительно Петка и ударила кулачком по столешнице.

— И каков ваш план на этот раз? Облить ее святой водой, что ли?

— О нет. На этот раз у нас не просто грезы да мечты. Сейчас мы уже действительно подготовились убить ее.

— Зачем вам ее убивать? — спросил я устало.

— Ты что! Забыл, кто такой? Не узнаю тебя в последнее время! Дрожишь, как бы не лишили тебя твоих драгоценных книжек. Поддаешься низменным страстям и увлечениям. Берегись! Ты уже начал общаться с нечистью. Я видела, как тебе та ведьма глазки строит...

— Перестань.

— Гостя испугаешь, сестрица, — вмешалась, поворачивая ладонь, Филотия.

Петка умолкла.

Я почти позабыл о присутствии незнакомца. Он не шевелился. Даже не показал ничем, что следит за нашим разговором. Обе женщины повернулись к нему. Во взгляде Филотии я прочел немое обожание. Петка смежила веки и поклонилась, шепнув:

— Прости, пресветлый... Покажись ему, пусть увидит, кто ты.

Тот выпрямился. То же самое сделал и я, будто движение его неволью увлекло меня. Из-под серого плаща показалась рука в перчатке из чистого золота, затем одним движением откинула капюшон. Я допускал, что он кто-то из нас. В известной степени меня подготовило обращение «пресветлый». Я знал, что Дмитрий Белый никогда не покидает Солун, известно также, что и Тудор Черный редко выходит днем. Я бы узнал и Илию Красного по огненному следу... Но нет. Не ожидал именно Его. Сияние синих глаз оттолкнуло меня и словно ударной волной бросило в транс.

...Я зажмурил глаза от блеска поднятого надо мною лезвия. Себя ощущал спокойным и легким, не думал, не испытывал тоски. Одно лишь желание жило во мне — чтобы меня зарубили разом, одним ударом. Лезвие вспыхнуло, будто солнце внезапно глянуло из-за туч. А потом... затрубил боевой рог — странный, короткий звук и далекое эхо, словно одинокий звон церковного колокола. С чистого прозрачного неба сходил вниз всадник. Объятый светом, широко размахивал крыльями его золотой скакун, а ездок тряс русыми кудрями и дул в золотой рог. Лицо его блистало неземной красотой. Блестела ослепительно золотая броня витязя. Пролетел низко и пронзил тонким своим копьем плечо палача. Ятаган бусурмана с острым лязгом стукнулся о камни, покатился вниз по скале. Затем всадник взмыл обратно и двумя мощными взмахами крыльев

коня скрылся за ближней грядой. Наверное, никто кроме меня не узрел золотого Георгия. Все видели лишь окаменевшую руку палача...

Я пошатнулся и прижал ладонь к носу. Из моих ноздрей капала кровь.

2

«Выбор — это тонкая граница, отделяющая дух от разума. Дух существует сам по себе. Разум существует посредством непрерывного выбора. Разум, шаг за шагом, проходит путь выбора, дабы доказать себя, что есть таков...»

«Я все еще не понимаю, — прожурчал в моих мыслях звонкий, почти детский голосок. — Почему же вы, люди, считаете дух чистым и священным, а разум — грешным?»

Я оторвал взгляд от книги.

— Святость духа именно в его невозможности выбрать. Дух изначален и бесконечен. Разум же, конечно, допускает ошибки. Высший разум стремится следовать долгу духа. Вот, послушай дальше: «С рождением дух принимает оковы разума, и выбор родиться есть первый грех души, а смерть — последний выбор разума...»

«Ты не прошел через сей выбор...»

— Нет, не прошел. Моя душа покинула плоть, но все еще не освободилась от разума. И от права на выбор.

«По твоему разумению, у меня нет души. Лишь разум да плоть. Значит ли сие, что каждый выбор мой есть по сути грех?»

— Как раз наоборот, великая. Ты лишена души, которую разум и плоть могли бы осквернить грехом. А это значит, что всякий твой выбор праведен.

«Сие абсурдно, Евтим. Что же я такое согласно твоей догме — демон или святая?»

— Ни то, ни другое. Для моей догмы ты просто не существуешь, великая Шар...

«Ты видишь меня. Слышишь меня. Чего стоит твоя догма перед лицом правды, Евтим?»

Что я и пытаюсь объяснять каждое утро...

Шар-Кан полулежала на самой верхней площадке в Храме тырновской Резиденции. Ее изящные, пронзенные светом крылья были сложены складками на спине, чешуя сверкала всеми красками радуги, отражая языки десятков костров, горящих в Храме. Одна ее вытянутая голова поднималась высоко и взирала на меня рубиновыми глазами, вторая покачивалась задумчиво и ритмично на тонкой змеиной шее, а третья пряталась под огромным туловищем и как будто дремала. И настолько прекрасно и величественно выглядела эта шар-верени, дитя солнца и мать драконов, что смотреть на нее было больно до слез... Ее голос, который мягко проникал в мои мысли, иногда звенел радостно, как колокольчик, порой же журчал нежно или шелестел, словно убаюкивая, будто она хотела приласкать меня. Я понимаю ее. Роль пчелы-матки драконов обрекала ее быть узницей Храма. Она провела несчетное количество дней и ночей, месяцев, лет, веков в городской Резиденции, пока драконы из ее улья перестраивали Тырново в рай поднебесный. Лишь раз в год, в день летнего солнцестояния, ей позволяли расправить крылья и полетать. Тогда по всему городу вспыхивали костры, все выходило на улицу и толпились, радуясь ее полету, а она долго и одиноко кружила среди облаков...

«Почитай мне еще о душе», — попросила Шар.

Я стоял на коленях под ее площадкой и свозь ресницы следил за строчками книги.

— «Сущность и неизменная цель духа есть единение с Создателем. Когда душа покидает плоть и освобождается от разума, она возвращается к своему первоисточнику. Возвращается измененной...»

«Тогда твой Бог такой же, как я. Души стремятся к нему так же, как и мои чада, драконы, нуждаются во мне... Разве есть разница?»

— «Если изменения слишком велики вследствие ошибочного выбора разума, Создатель может отвергнуть данную душу. Очищение духа путем раскаяния есть возможный выбор разума, но сей выбор должен осуществиться вовремя — пока разум и дух связаны».

«Я никогда не отвергаю своих детей! Они свободны поступать, как велит им разум, делать то, что считают правильным!»

— Потому что разум свободен выбирать. Душа же — нет.

«Люди давно забыли твоего Бога. Они оставили веру и превратили знание в религию. Сами предпочли свободу разума догмам души. Приняли покровительство драконов, а мы построили для них рай земной. И что же произошло с их душами, Евтим?»

Я медленно закрыл книгу.

— Не знаю, великая.

Я стоял на коленях, понурив голову. И чувствовал себя столь крохотным и жалким, словно догорающая свеча среди блеска костров вокруг.

«Не горюй, Евтим. Люди счастливы теперь».

— Я могу уже идти?

«Да. Спасибо за беседу. Приходи и завтра поговорить со мной. Буду ждать».

Я выпрямился. Двое дюжих витяков из охраны приблизились. Один из них взмахнул рукой и накрыл меня плотным пледом, сплетенным из ароматных лекарственных трав. Ведьминых трав. Меня всегда так приводили и уводили от Нее. Травы нарочно подобраны так, чтобы мешать сверхсвязующим глазам и ушам моим. Великую Шар защищают и берегут зорко. Стражи слегка сдавили меня с обеих сторон.

— Книга! Я забыл свою книгу!

Витяк слева отошел, чтобы исполнить мою просьбу и подобрать книгу. Отлучился на пару секунд, но этого

было достаточно. Я вонзил зубы в запястье левой руки, прямо в золотистые вены. Бледная с блестками струйка стекла по ладони и закапала на пол. В тот же миг страж сунул под покрывало книгу. Затем меня повели. Под ногами сначала промелькнули чередой широкие ступени из розового мрамора. Потом — гладкая бело-зеленая мозаика, дальше — прямо вперед и поворот вправо. Мы вышли на белую площадку с множеством эскалаторов. С этого мига я потерялся. Каждый раз меня вели по новой плавающей лестнице, переходили на другую, мы носились вверх и вниз; каждый раз на эти передвижения уходили разные отрезки времени. В конце концов я оказывался у огромной каменной арки в подножии Царевца. Стражи снимали плед, кивали на прощание и удалялись в разные стороны. Так произошло и сейчас. Витяки кивнули и ушли. Я остался.

Остался и поднял глаза на место, которое когда-то являлось моим домом. Трехметровая каменная стена опоясывала весь холм. Над ней возвышались шпили с вечно горящими днем и ночью на вершинах кострами. Верхушки мраморных зданий со стеклянными куполами отражали небо, солнечный свет и плещущееся пламя на шпилях — весь Царевец словно горел.

Шагнув на плитки тротуара, я едва не столкнулся с внезапно возникшей чуть ли не из пустоты фигурой человека в плаще и с надвинутым на лицо капюшоном. Однако голос из-под ткани прозвучал ясно и чисто. Рука сжимала длинный посох, обвязанный тряпьем.

— Ты отметил путь, как было поручено?

— Да, пресветлый.

— Только эти двое тебя вели или были еще стражи?

— Сегодня — нет. Я редко застаю драконов в ее покоях.

Но она может говорить им издалека мыслью своей. Может позвать их, и они слетятся за миг.

— Я не драконов боюсь, а витяков опасюсь.

— Драконы тоже видят нас. Столь же отчетливо, как и мы их...

— Пусть. Я истребил сотни их.

— Знаю, Змееборец.

— Следуй за мной.

Днем город сонен и пуст. По улицам, гудя, помуравьиному ползли машины-дворники. Мыли и драили тротуар, оставляя за собой легкий запах розовой воды. Порожние прогулочные мини-поезда шастали бесцельно туда-сюда. Проходя мимо ярких колонн драконьих посадочных платформ, я поднимал голову. Обычно крылатые работали далеко вне города, и редко можно было заметить кого-либо посреди бела дня. Мне удалось увидеть парочку — один змей с нежно-синими крыльями сидел на краю самой высокой над Трапезицей площадки, а другой, искряще-зеленый великан, кружил над собратом и что-то ему рассказывал.

Мой спутник направился к Самоводской. Тротуар двигался медленно, я успевал вдоволь заглядывать в окна мастерских. Прямо по направлению движения, всего в нескольких шагах, красовалось радующее глаз резное панно. Настоящий орех. Изображение напоминало женскую голову. Волосы сплетались с лозой с налитыми гроздьями винограда. Глаза — тонко выделанные птичьи гнезда, распростертые крылья над ними — брови. С одной скулы к подбородку стекал водопад, в заводи плавали две лодки — губы. Другая щека походила на звездное небо, но вместо звезд густели миниатюрные модели атома. Словно кто-то сумел придать образ первичному хаосу. В нижнем правом углу угадывались буквы: «Я та, которая рождает»...

Легкий толчок в плечо, и мой проводник юркнул вглубь соседней мастерской. Я последовал за ним. Мне приходится часто проходить мимо мастерских, и я знаком со всеми художниками здесь, хотя и никто из них не

может меня видеть. Поэтому я тут же заметил перемену в этой мастерской. Исчезли изящные изделия из бронзы и меди, не было и орнаментных чеканок по стенам. Везде — чисто и бело, заполнено светом. Не сразу я осознал, что свет не идет из окон, а струится от кузнеца. Очень молодого, прямо-таки юного, с детским мягким лицом. Перед ним, на рабочем столе из стали, лежал открытый сундучок с инструментами.

Я узнал юношу, когда он согнулся до пояса, кланяясь моему спутнику, и лишь затем несмело обратил взор на меня. Георгий Софийский, новый святой. Золотых дел мастер.

— Добро пожаловать в престольный град, брат мой.

Неясно, почему он воспринял мое приветствие как упрек и бросил вороватый взгляд на своего великого тезку:

— Он меня позвал...

Змеборец с капюшоном же сдирал тряпье с посоха. Это был не посох. Золотое копьё пресветлого Георгия. Погнутое, покореженное, с обломанным наконечником. Пережившее слишком много сражений.

— Ни один земной ювелир не может его починить, — медленно изрек наконец владелец оружия. — Но ты, юный брат наш, перекуешь его на меч!

Юноша покорно кивнул.

— А я... зачем здесь? — спросил я.

Зловеще пустой проем под капюшоном резко повернулся ко мне:

— Разве получится копьё расплавить да крепкий меч справить из золота без молитвы праведной? Ты сейчас тот же кузнец и вплетешь истинное слово в мой меч. Молись, Евтим!

...Я вершу молитву. Молюсь. Не помню уже, который день. Я как бы вне времени. Сам. Ученики похватили бу-

лат и вышли на стены крепости — драться. Я молюсь и за них. В книгарне остались неоконченные рукописи. Белые, пустые страницы, гротескные и печальные. Не облитые чернилами, они похожи на сухую не оплодотворенную дождем ниву. Мои ученики выбрали облить своей кровью стены Тырнова-города. Праведен ли этот их выбор? Не знаю. Кровь или слово — что дает больше плодов?.. Я вершу молитву. Чаще всего молюсь в лазарете. На топчанах или прямо на голом полу лежат изувеченные люди. Я шепчу каждому из них молитву и даю благословление. А они проклинают. Если при себе, если в сознании — плачут, воют и проклинают страшно и некрасиво. Редко кто протягивает руку или обрубок таковой и лихорадочными устами касается рясы. И тогда уже я тот, кто плачет.

Брожу по Царевцу. Люди попрятались по домам, наглухо закрыли двери и ставни на окнах — будто это ветром несет зло, будто пепел. Я шагаю по улицам и слушаю далекий визг и рокот сражений. Моя молитва составлена из одного лишь слова, я повторяю его на каждом шагу: «Господи, господи, господи»...

Вечером все стихает. Тогда я молюсь в своих покоях. Молюсь горестно, часы напролет. Иногда со стороны вражьего стана под крепостью доносятся протяжные песни имамов. И они молятся. И я спрашиваю себя: их или меня слышит Бог?

3

Когда я добрался до окраины города, где жил, ночь уже наступила давно и увеселения хлестали через край. На моей улице разыгрывали ритуал «венчание змея». Десяток нарядных, в цветах, девушек хлопали в ладоши и пели. Среди них гордо красовалась в роскошном алом платье и окутанная красными шелками счастливая «невеста». Над ними реял огромный, густо-багровый дракон,

выписывая фигуры свадебного танца, в ожидании момента, когда должен был «украсть» нареченную. Толпа вокруг смеялась и тост за тостом лила вино — в горло, на одежду, на соседей, на землю...

Я заметил старуху, кротко приткнувшуюся возле молодого семейства с младенцем. Оба взрослых смотрели сквозь нее. Ребенок, однако, пялил большущие глазки прямо ей в лицо. Она действительно выглядела странно. Платок на голове развязался, и концы свисали на сутулые плечи. Ладони она прятала под пестрым, заботливо заштопанным передником. На ногах — толстые шерстяные чулки да вязаные тапочки. Бабушка как тысячи других. Она покачивалась легонько и говорила ребенку:

— ...только для любви, малыш. Ничего боле человеку не надобно. Только пусть полнится душенька твоя любовью и радостью. Ты, малыш, маму и папу люби, уважай... Они тебя родили. Бедных и сироток люби. Их некому боле любить. Люби и бродяг бездомных, таких как я, ибо к добру они тебя встречают...

Малыш мигал непонимающе, но слушал. Я подошел и осторожно коснулся ее плеча:

— Где тебя опять носило, мать...

Она повернула ко мне свои сияющие, выцветшие от возраста глаза. По мелким морщинкам на ее лице отразилась радость. Улыбка, которой она меня одарила, была полуприветливой, полупечальной, неразгадываемой.

— Среди людей-человеков, сын. Видишь — ладно им, веселятся... Захотелось и мне на них поглядеть да посмотреть. Ты не гневайся за это, сын...

Вот точно так же когда-то я набрел на нее и приютил у себя в доме. Места хватало. В маленьком жилище я нуждался лишь, как в месте, где уединиться, мне не нужен ни сон, ни отдых. А она была тихая, как тень, даже еще тише. Днем часто выходила и скиталась неизвестно где. Иногда забывала вернуться, и мне приходилось целыми ночами

обхаживать шумные улицы и искать ее. Я сильно, почти болезненно привязался к ней. И сейчас поспешил нежно обнять ее за плечи и повести домой.

Возле крыльца валялся пьяный до одурения мужик. Я перешагнул через бесчувственное тело и начал подниматься по лестнице, но бабушка отстранилась от меня и склонилась над пьяным. Посмотрела, помогла сесть и заботливо утерла передником облеванную бороду. Мужик гневно зарычал, что его беспокоят. Я потянул ее за собой:

— Береги свою милость для тех, что могут оценить ее, мать.

— А! Так разве ж то милость тогда...

— Не видишь, он освинел от пьянства.

— Пусть. Но ведь душу носит, горемыка.

И продолжила ласковыми руками гладить его лицо, свалявшиеся волосы. Тупое выражение досады на лице пьяного медленно сменилось блаженной улыбкой, ослепевшие глаза прояснились, дыхание успокоилось. Ему удалось подняться на ноги, и, не обращая на нас внимания, он заковылял прочь.

— Когда человек столько пьет, с горя это. Тоску залить хочет, — прошептала ему вслед бабушка.

— Да ну! Пьют со скуки и безделья.

— А то разве не горе тоже? Долго ты жил, а людей-человеков еще не знаешь, сын...

Я не стал возражать. Мы поднялись по лестнице до моих комнатушек. Я отпер дверь со смутным предчувствием, что что-то не так. Дверь от вестибюля к гостиной оказалась полуоткрытой, и через нее крадучись влетали дрожавшие отблески уличной феерии — я всегда оставлял окна незанавешенными. Мы шагнули в полумрак. Бабушка первая почувствовала чужое присутствие и тихо ойкнула, как мышка в когтях кошки, прижав ладони к груди. Я толкнул дверь и от неожиданности поднял руку.

— Не смей креститься! — приказал хриплый голос из темноты.

Крестное знамение осталось незавершенным, рука моя продолжила движение по направлению к выключателю. Мы стояли на пороге и смотрели на незваного гостя, похозяйски расположившегося в одном из моих кресел. Он не смутился, а откинулся назад и закинул ногу на ногу. Не сказав ни слова, бабушка повернулась и мелкими шажками шмыгнула в другую комнату.

— Ты здесь без приглашения, Баян, — прошипел я. — Надо предупредить. Лишь затем пожаловать. Зачем пугаешь нас?

— Что за мусор, который не вселяет страх? — ухмыльнулся елейно тот.

Словечко «мусор» ничего не значило по отношению к нему. Слишком безликое определение. Баян стоял очень высоко в иерархии витяков, и даже некоторые драконы его опасались.

— Кто такая? — спросил колдун, красноречиво кивая в сторону соседней комнаты.

— Что за мусор, который не знает, кто такая? — огрызнулся я в свою очередь.

— Вас и так немного. Моим ребятам все легче и легче следить за вами. Но эту — не знаю. Как-то пропустил осведомиться. Имя? Святая... кто?

— Скажем — Мария.

Колдун откинул голову и разразился громким смехом.

— У вас Мария не одна и не две, даже не один десяток! Ладно... Разберусь. Ну? Поднеси чарку гостю...

— Ты знаешь, не пью. Но не стесняйся — вон винопрод, наливай, ежели не заржавело.

— Тьфу! Эта дрянь — для черни. Где твои благородные манеры, Евтим?

— А ты бы предупредил, что наведаешься. Я бы тогда и манеры вспомнил и твой изысканный вкус бы был готов

удовлетворить — сухо ответил я и устроился в кресле напротив.

Даже у себя дома я чувствовал себя неловко и неудобно в присутствии колдуна. Незванный гость хуже... хуже некого. Особенно этот. Всем своим существом я ощущал обволакивающую Баяна темную ауру. Он стар, старше даже меня, и кокон змеяского проклятья около него плотнее и гуще, чем вокруг любого витяка, встреченного мною. Как витяк, он был мой антипод, как колдун-колобр — хранитель клятв, — мой враг. И вдобавок — именно ему я напрямую обязан за все свои привилегии, то бишь книги, спокойствие и доступ в Резиденцию. Ненавижу его.

— Не ярись, — изрек Баян с кривой усмешкой и погладил пальцем горбинку на носу. — Признаю, что мне тоже не очень любо встречаться с тобой. Полная взаимность.

— Зачем пришел тогда?

— Служба.

За стеной послышалось тихое молитвенное пение бабушки. Колдун видимо содрогнулся при этих звуках. Я встал закрыть дверь.

— Выясню, кто такая... — сказал он будто про себя.

Я сел обратно. Он сплел руки и подался вперед, упирая взгляд остро блестящих черных глаз мне в лицо. Меня слеза прошибла, но я выдержал.

— Вот так, Евтим... Странные вести до меня дошли. Мол, бродит по Тырново особо опасная личность...

— Разве для тебя есть безопасные?

— Не опасен мне. Угрожает хозяевам моим. Особенно — Великой.

— Тогда глядите за ней старательнее.

— Глядим. Но неприятностей — не хочу, понял? Я за тебя в ответе. Раз, когда предложил тебя на пост библиотекаря. Два, когда позволил встречаться с Великой Шар. И если после всего этого ты меня предашь... не знаю пока каким образом, но найду способ... и уничтожу тебя.

— А если мне уже до лампочки, Баян?

На этот раз он смеялся долго — холодно, громко, грозно и неприятно, пока по щекам не потекли мутные слезинки. Наконец уgomонился и замахал руками:

— Ладно, ладно... допустим. Только допустим, что тот... прекрасно знаешь кого имею в виду, успеет пробраться в Резиденцию и убьет Шар. Драконы покинут Тырново. Даешь себе отчет, чем сие чревато для города?

— Город останется людям.

— Именно! Так точно. Жалкое быдло, избалованные выродки — все будут предоставлены самим себе. Но нет, нетушки, они не станут работать, ни-ни. Они давно отучились это делать, забыли, что такое заботиться о себе. Я спорю на что хочешь, что через неделю все с ума сойдут от страха, разворуют и опустошат город, а затем начнут жрать друг друга. Ты этого хочешь для своего народа, Евтим?

— Все в руках Божьих, — прошептал я в ответ.

Он подскочил. Торопливо начертал перстом семи-конечную звезду — целясь мне в сердце. Я скорчился от боли в груди.

— Ты жалок! — завопил колдун и задержал палец в самом болезненном для меня положении. Мое сознание заволочло туманом. — Жалкок и труслив, как всегда! А твой народ — стадо, как никогда прежде! Кто верит сейчас в твоего Бога? И кто вообще тебя, жалкого пастуха помнит!

Я застонал, и Баян сжал свои дрожащие пальцы в кулак. Медленно сел назад в кресло.

— Извини.

Я слегка покачал головой.

— Слушай, Евтим... Мы давно знакомы. Очень давно. И кажется все, что делало нас врагами, уже пустое, уже не имеет значения. Суета сует.

— Чего ты хочешь?

— Напугать тебя хотел, да. Кажется, забыл, каков ты. Твое имя... твоя слава... они всегда были больше самого тебя, больше твоих заслуг. Ты слаб. Ты книжная крыса, вот и все. Тебя все забыли.

— Мое имя высечено на фасаде здания, где я работаю, — глупо вставил я.

— Да. За душу берет, очень мило. А сколько людей из твоего народа еще умеют читать? А из тех, что потрудились грамоту выучить — сколько потянулись к книгам? Знание убило веру... Информация убила знание. Стремление к развлечениям убило необходимость в информации. А беззаботность убила все необходимости и порывы. Сколько революций мы видели вместе, Евтим! Мир менялся у нас на глазах. Мы должны были подружиться. Вообще-то я верю, что мы с тобой друзья.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Знаешь, Шар-Кан тебя ценит. Понятия не имею, почему. Наверное, ей нравится та ерунда, которую ты ей читаешь.

— Шар желает понять людей.

— Ну это разве не смешно? Единственное мыслящее существо в этом городе, единственное, которое хочет тебя понять, и оно согласно твоим догмам — суть воплощение зла! Сдохнуть со смеху можно... А ты конспирацию развел против нее. Как это по-человечески, слишком по-человечески, даже я сам не могу понять смысла.

— Скажи, Баян...

— Ох, ты... Дай мне поболтать! Знаешь, как мало вокруг меня стоящих собеседников, с кем я мог бы вот так разговаривать? Пожалуй, надо почаще встречаться... Так вот, думаю я, Евтим, что мы с тобой больше не враги. Незачем быть врагами. Мы совсем другие, не чета всей той своре. Быдло, оно быдло — и «твой», и «мой».

— Согласен. Мы с тобой иные.

— Вот! И мне будет очень жаль, смертельно жаль, если придется за тобой гоняться. Если будет надо — я тебя выброшу из этого города. Пущу по миру, как ты меня когда-то, помнишь, нет? Или же — упаси меня Господи! — придется зарезать тебя лично и умыть твоей кровью все подходы к Резиденции. Так твоя дорожка из кровавых капель во дворце не будет видна...

— Говори зачем пришел и уходи прочь отсюда!

— Скажу, конечно. Пришел же ведь, да... Ты что, нас за дурней принимал, пока дорожку кропил? За слепых? Ничто не смогло вытравить проклятые капли. По сему, завтра мы с тобой прогуляемся по Царевцу. И наделаем множество дорожек. И потом к каждой я лично поставлю охрану. Оцени мою откровенность! Я ведь честен перед тобой сполна... друг!

— Честен.

— Вот, наконец-то пришли к пониманию.

...Созерцание при вечерне прервано едва уловимым шорохом шагов за спиной. Резко выпрямляюсь.

— Не смей креститься!

Я даже не и не подумал креститься. Я скован изумлением видеть его опять здесь, в моих покоях. Именно его, язычника и антихриста, называемого Колдуном-колобром. Я встречался с ним всего лишь один раз, давно, во время публичного суда над еретиками. Но запомнил. Такого не забудешь. Кто его хоть раз видел — не забудет.

— Как ты сюда вошел? — спрашиваю гневно.

В ответ — улыбка. На суде про него сказали, что умеет он становиться невидимым, носиться по воздуху и проходить сквозь стены. А еще твердили, что оборотень — превращается в медведя, в волка, в любую бессловесную тварь. Говорили, что родом он из старых языческих царей. Ничему из всего сказанного я не поверил. И поэтому — помиловал.

— Молишься, поп? — ехидно засмеялся он. С той же самой прежней наглостью, с которой отвечал на суде. Неприкаянный сумасшедший.

— Да, молюсь. Тяжелая пора настала для города, — ответил я, гневясь за то, что пал так низко, что разговариваю с ним, а не кличу стражу.

— Ну, ну, ну... Как же не быть тяжело, государь-то в Никополь сбежал, а пастырь закрылся в часовне и бубнит молитвы...

— Город держится и держится с честью! — крикнул я и шагнул яростно к нему. — Чего ты хочешь? Зачем пришел?

И тут же встал я и застыл на месте. Ибо из-под темного плаща Колдун выхватил меч. И не железный. Из темного прозрачного хрусталя выделанный. Острые грани оружия сверкали при свете свечей и лампад. Я онемел. А тот заговорил медленно и тихо, хотя показалось мне — слова его грохочут в покоях и сотрясают весь царский дворец. И пока говорил, Колдун держал меч пред самым своим лицом:

— Зовут меня Колобром. На старом языке сие значит — Хранитель клятв. Пришел я одну из них исполнить. Старую клятву. Клятву драконов! Крылатые дали ее еще самым древним нашим царям. Дали слово беречь наш народ. Защищать и помогать. С незапамятных времен драконы свое слово держали. Пока люди их не прогнали. Ты прогнал. Вы прогнали. Люди забыли солнечного змея и позвали другого хозяина. Отреклись от блага на земле во имя обманного спасения душ.

— Замолчи!

— Город сей стар. Первый камень в него змеем положен. Драконы это знают и помнят. Им больно за этот город.

Лезвие-кристалл коснулось его лица. Затем колдун протянул его мне:

— К тебе я пришел как к самому главному сейчас среди людей. Возьми меч. Ударь им в набат. Закрой церкви и потуши в них лампы. Убери кресты, что портят купола этого города. И отправь кукурузников по холмам. Сильных кукурузников...

— Безумец...

— Ты безумен будешь, если откажешь помощь драконов пронять. Сожги в кострах иконы и кресты. Позови драконов, и от бусурманов за стенами мокрого места не останется! Возьми меч!

— Убирайся! Стража!..

— На кого ты надеешься, поп? Где твой Бог? Он тебе не поможет. Бог никому не помогал.

— Анафема, анафема, анафема!

— Дурак... — рука с мечом опустилась. — Тебе решать. Я же свое дело сделал.

Когда стража ворвалась в часовню, колдун неприятно захохотал и растворился в воздухе. Будто был ночным кошмаром...

4

— Предал ты меня уже, батюшка Евтим, не так ли? По глазам вижу.

— Не то видишь. Они же — видят. Нашу кровь увидели.

— Ведомо мне.

— Заставили окропить весь Царевец. Везде там засады.

— Зело добро есть.

— Не разумнее ли отказаться?

Из-под капюшона раздался сдавленный грудной смех. Я знал, где его успею найти. Даже чудно — как витяки не догадались обложить это место? Маленькая церквушка когда-то носила его имя — храм Святого Георгия Победоносца. Сейчас она служила каменной беседкой с видом на бурлящие воды Янтры. Кресты с куполов давно сняты,

одна из стен — обрушена, а остальные густо обросли плющом. В глубине стояло несколько скамеек кованого железа. Внутри механические дворники не добирались, и пол был завален горами пластмассовой тары и фольгой от оберток. Там, где некогда находился алтарь, сейчас на кучке мусора возлежала беспризорная кошка. Она видела нас, но только лениво вытягивала лапки, не покидая облюбованного логова, но на всякий случай, провожая нас взглядом полуприкрытых глаз.

— Сыздавна так было. Они следят за нами, мы за ними. Знаем кто на что горазд. И ты должен был бы знать, Евтим. Так что — не мели чепухи.

— Выходит, дорожка кровью — блеф?

— Разумеется. Чем больше витяков в засадах на холме, тем меньше стражей возле Шар. Так элементарно, что не верится даже, что клюнули на такой крючок.

— Как ты думаешь проникнуть во дворец?

— А как ты думаешь — тебе стоит доверять?

— Оскорбляешь, пресветлый...

Он зашевелился, поднял руки и откинул капюшон. Его сияющие голубые глаза уставились в ясное небо.

— Ночью над Царевцом будет гроза. Илия обещал подсобить. Адовым исчадиям туго придется.

— Ты и его позвал?

— Мало нас стало, надо друга дружку крепить. Я ему помогал в Пловдиве. Дрались плечом к плечу.

Я поежился.

— Да — спокойно кивнул он. — В Пловдиве мы провалились. Не беспокойся. Здесь уж не провороним. Всякий учится на своих ошибках. Даже я.

Я не верил своим ушам. Что же, пловдивский апокалипсис четыре года назад — это по его словам «провал»? Как невинно сказано... Там буря и пожарища свирепствовали месяцами. В конце концов мать-верени города погибла. Но и города не стало.

— Не смей судить меня, Евтим, — прошипел он, будто мысли прочел. — Вспомни Содом и Гоморру. Их Бог покарал! А в Пловдиве я-то хоть людей пощадил. А надо было?!

— А не надо ли было?

— Ты скажи! Ты — отец, ты — пастырь, твое стадо! Оглянись и скажи! Они чем-либо другим заняты, кроме как пьянством и развратом? Содом — благочестивое место в сравнении с твоим городом.

— Ты прав, я не должен тебя судить, — ответил я сухо. — Никому из нас не дано судить.

Он скованно выпрямился и навис надо мной. Черты его красивого юношеского лица исказились яростью:

— Я — воин во Христе, отец Евтимий! — задыхаясь изрек он, чеканя каждое слово. — Твой долг в заботе о спасении душ. Мой — убивать.

Я смотрел в блестящие глаза, на которые спадали золотистые кудри волос, смотрел на красивое белое лицо и на ореол лучистого света вокруг головы. И осознавал, что ненавижу его.

...Боже, самодержец мира. Обречен Тырновград. Нам не продержаться. Еще один приступ противника — и нам конец. Бойцов нет более... Чем прогневали мы Тебя, Господи, за что отказал ты нам в помощи своей? Почему Ты отвернул свой лик от нас и не внемлешь молитвам благочестивых мирян? Мессы и вечерни, все мольбы, отправленные к Тебе — мало ли их? Разве не во славу Тебе построили Святогорский храм в Тырново? Разве на нечистом месте стоит город наш, престольница царей и патриархов? Если воля твоя испытать нас, сколько же еще страданий надо вытерпеть? Ежели за грехи нас караешь, как когда чуму на нас наслал, зачем детей наказываешь да мучишь, невинные души, в чем они-то согрешили?! Бусурманы исмаильтянской веры грозят город по камеш-

ку раскинуть, а всех нас — зарезать, если не покоримся. Первенцы города моего слова ждут. А я не знаю, как поступить. Город ли сдать иноверцам или людей своих на погибель бросить. Кто же Тебе мил более, Господи, — город ли, люди ли... Грешен я, Боже, страх испытываю. Если крепость падет в бою, на меня падет грех крови невинно убиенных, за то, что не уберег их от заклятия. Если сдам город, опустеет престол и ляжет на меня бремя последнего пастыря. Который грех Ты мне простишь легче? Который из них я себе смогу простить?

...Скитаюсь бесцельно по улицам до заката и прикидываю, откуда лучше наблюдать за небом над Царевцом в эту ночь. Уже в сумерках я взобрался на прогулочный минипоезд, что катился наверх, к Арбанаси. И здесь, среди роскошных коттеджей и дач, как птицы севших на склонах холма, увеселения бурлили тоже круглосуточно, но на улицах было чуточку спокойнее, чем в центре города. Я выбрал тихую аллею с каштанами и прямой видимостью на юго-запад. Едва вечер стал подкрадываться к городу и поблек дневной свет, блеснули яркие фонари уличного освещения, а над Трапезицей взметнулись фейерверки, дающие сигнал к началу ночной фиесты. Со стороны ближайшей виллы грянула джазовая музыка, но быстро утихла. На соседней скамейке устроилась влюбленная пара, прижались друг к другу и глухо заворковали. Я смотрел на юг и терпеливо ждал. Я следил за каждым нюансом или тенью по небу, насколько вообще было возможно это сделать из-за блеска города. Буря привалила с юга и вопреки всем моим стараниям успела застать меня врасплох.

Первая молния сверкнула и погасла как раз над патриаршей. Грома не последовало. Ничего не последовало, словно некто всего лишь проверял бдительность врага. Около десяти минут небо оставалось спокойным, в возду-

хе даже не пахло дождем. Следующая молния промелькнула за доли секунды и упала где-то в подножии холма. Электричество в восточной части Царевца мигнуло и отключилось. Тут же новая молния разнесла главные ворота. Я предположил, что при этом вырубилась аппаратура наблюдения, потому как под стеной на короткое время разразилась паника. По восточному склону заработало аварийное освещение, и я ясно увидел взлетающего красивого синего змея. Дракон расправил крылья и поднял руки, пытаясь прогнать грозовые тучи. Молния ударила его в основу крыльев. Он в муке выгнул позвоночник, взревел от боли и штопором ринулся вниз. Я не сомневался, что страже на холме понадобится не более минуты на осознание естества грозы, прицельности молний, и на то, чтобы собраться дать отпор. Именно этот момент был решающим для нанесения главного удара, и тот, кто атаковал, не упустил нужного мгновения. За секунды воздух пропитался тяжелой горячей влагой. Из-за еле различимых в черноте неба туч прямо вниз спикировала пламенеющая колесница, запряженная парой рыже-красных крылатых коней. Со своего места я не мог различить в ней ни Илию, ни его лук, посылающий молнии, словно стрелы. Колесница врезалась в центральный купол Резиденции. Стекло вспыхнуло ослепительно, пошло трещинами и с грохотом разлетелось на куски. Хлынул дождь. Со всего холма вверх взмывали драконы, как стая испуганных ласточек. Они атаковали колесницу парами или сплетались в живой щит, заслоняя телами дворец. Илия был в ярости. Он выл, как смерч, ловко увертывался от заслонов и стрелял будто наугад. Я знал, что ему долго не продержаться, но явно цель его была не перебить драконов, а поразить видимые только ему наземные объекты. Я смотрел, словно зачарованный.

На аллею выбегали люди. Молодая чета рядом кричала и хлопала в ладоши. Но зрелище быстро закончилось.

Прижатая дюжиной драконов колесница свечой поднялась к зениту и скрылась в вышине среди облаков — столь же неожиданно, как и появилась. Многолюдье возле меня долго и восторженно орало и бурно аплодировало. Они увидели всего-навсего грозу и причудливый танец крылатых стражей. Никто не пытался понять, что же произошло. А я пытался, но не успевал полностью разобраться. «Завтра», — так сказал пресветлый. Завтра...

5

На следующий день, ровно в девять утра, я стоял перед воротами Царевца. На крепостных стенах и под ними шныряли люди в блестящих мундирах из черной кожи. По их ошарашенным лицам становилось ясно, что это давно переставшая функционировать гражданская полиция. Смешно мобилизовывать их против противника, которого им не дано увидеть глазами. Форменная паранойя. Перед воротами стояло несколько броневигов, а вдобавок над холмом кружил вертолет. Я прошел сквозь всю нелепую суматоху без помех, никто живой меня не увидел, ничто механическое меня не зарегистрировало. Лишь за периметром стен меня остановил патруль из троих витяков. Потребовали предъявить пропуск в Резиденцию, хотя каждый из них хорошо меня знал. Потом попросили задержаться ненадолго. Через пару минут появилась внушительная фигура шагающего ко мне Баяна. Он встал передо мной, запустив небрежно руки в карманы серого костюма и долго созерцал меня с бесстрастным выражением лица. Только глаза блестели резче обычного. Наконец выплюнул:

— Вот так, Евтим... Что это за представление было вчера вечером?

Я ответил спокойно:

— Если спрашиваешь почему пророк Илия бесновался над Царевцом, мой ответ: не знаю.

— Вероятно разведка боем, попытка прямого штурма.

— Вероятно.

— Попытка накрылась.

— Тебе виднее...

— Где он сейчас?

Я пожал плечами. Он сжал челюсти, заиграли желваки на скулах.

— Если ты дашь мне икону святого Илии, в смысле, если в карманах завалялась, и если попросишь вежливо, я бы попробовал войти в духовный контакт с ним.

Баяну шутка то ли не понравилась, то ли он ее не понял. Молча изучал мое лицо и наконец процедил сквозь зубы:

— Великая настаивает на встрече с тобой. Вопреки обстоятельствам.

— А тебе это не нравится. Так иди вместо меня — предложил я с готовностью. — Вот, тут закладка в книге. Почитай ей.

Успел-таки его разозлить. Он зарычал на витяков:

— Ведите его! Да, все трое! Еще двоих возьмите! И держать связь со мной постоянно.

В первый раз на меня не набросили плед. Я постарался держаться невозмутимо и не вертеть головой. Везде стлался резкий запах гари. На нас падали огромные тени пролетающих драконов, которые несли на широких плечах разнообразные стройматериалы и инструменты, переключаясь гулкими набатными голосами. Грохотало и скрежетало — велись восстановительные работы. Через каждые полсотни шагов стоял витяк и оглядывал меня строгими и пытливыми очами. словно не бывал я здесь прежде, день за днем.

Мы продвигались медленно, эскалаторы не действовали. Большинство коридоров тонули во мраке, лишь

изредка сиял наспех прилаженный прожектор. Хрустальные купола над большими залами и сводчатые пролеты носили следы копоты, змеились трещины. Писк аварийных датчиков сливался в монотонное хоровое жужжание. В одном месте устанавливали подпоры рядом с расколотой вдоль массивной мраморной колонной. Я не был уверен в своих чувствах при виде поражений, не знал, что испытывать — гнев или радость. Изумляла и повергала в смятение мощь одного из наших пресветлых воинов. Во всяком случае, скорее больно было глядеть как годами строенное развалено за считанные мгновения. «Вспомни Содом и Гоморру»... Аллилуйя.

В центральной палате Резиденции царила необычная тишина. Костры не горели. Купол отсутствовал напрочь, но осколки внизу уже подмели дочиста. Сверху струился во всей красе дневной свет. Однако блеск великой Шар как-то поблек. Она показалась мне мельче, серо-коричневой тушей больше похожей на настоящую ящерицу. На пресмыкающемся.

Мать-змеяна лежала на кучах мха, пропитанного черной мутью. Только сейчас я осознал, почему острие атаки направили сюда, — она ведь спала под главным куполом. Крылья шар-верени свисали изломанные и обгоревшие.

«Не тревожься! — защebetал в моих мыслях ее голосок, деланно бодрый. — Я быстро поправлюсь».

Я встал на колени:

— Великая... Почему ты не отменила аудиенцию сегодня?

«Аудиенция? Евтим... Разве так ты думаешь о наших встречах? Прими же сейчас, что прошел на свидание в госпиталь. Сегодня мне как никогда нужно отвлечься от плохого».

Неужели и это ее желание предвиделось в тщательно продуманном заговоре? Скорее всего. Именно по причине ее привязанности ко мне пресветлый привлек меня в ряды мятежников. В горле запершило...

Я раскрыл книгу. Минуты назад в приступе безрассудства я предложил Баяну читать вместо меня. Я играл с огнем. Ведь именно эта книга и есть главная улика против меня. Я держал не какое-нибудь из будничных сочинений по теологии. И даже не свой собственный труд о сути догм. В руках у меня — сборник репродукций икон. Несколько дней до сего момента я перебирал тома в библиотеке в поисках именно этой книги. Она уцелела только в силу своей уникальности, считаясь произведением искусства. И поэтому не угодила в огонь во время погрома над крестами и иконами на заре змейского господства.

Изображения были древними и безупречно каноничными. Листая страницы, я ощущал тонкую ауру, сочащуюся из них. Еле-еле ощущал — даже я.

— Святая Петка Епиватская, иже нареченная Тырновской, — стал читать я и легко провел ладонью по изображению, которое глядело на меня строго и выжидательно. — Ее мощи перенес в столицу благочестивый государь Иван Асен и поставил их в церковь «Святые сорок великомучеников» в подножии Царевца, на левом берегу реки Янтра...

Я умолк на миг. Никто, кроме Великой, меня не слушал. Мои конвоиры стояли на почетном расстоянии. Перешептывались или роняли короткие фразы в миниатюрные передатчики на запястьях.

— Направление север-северо-восток — произнес я. — Полная сила твоя в радиусе двести пятидесяти метров от точки хранения мощей. Охватывает крайний восточный сектор Резиденции. Там я не заметил ремонтников. Тихо.

Веки на иконе слегка дрогнули.

«Что ты мне читаешь?» — спросила Шар.

— Историю города, великая...

«Прости, я рассеяна и не поняла тебя. Продолжай».

— На юго-западе, в подножии холма Трапезица, стоят основы давно разрушенной церкви «Святая Петка». Это

вторичная точка силы. Через оба пункта проходит ось твоей силы — с юго-запада на северо-восток. Сейчас ты ее почувствуешь. Если выйдешь за радиус, следуй вдоль нее.

«Я... действительно не понимаю, Евтим. Что, говоришь, случилось с церковью?»

— Землетрясение...

Я сосредоточился на иконе. И увидел, как Петка в сером балахоне с надвинутым капюшоном идет по берегу Янтры, южнее места бывшей царской церкви. Она уверенно минула ряды растерявшихся спецподразделений гражданской полиции и приблизилась к одним из малых ворот. Там ее наконец заметили и попытались остановить. Петка вырвала из рукава железный крест и воткнула его в горло часовому. Витяк захлебнулся воплем. Небольшая группа стражей кинулась на подмогу товарищу, святая запустила в них крест и побежала наверх по склону холма...

— Нарушитель в седьмом секторе! — просвистел за спиной знакомый голос.

Баян. А я и не почувствовал, когда появился еще один надзиратель.

— Проклятье! Значит, тот самый все еще не угомонился! Проклятье... Алькор, Севар, всем в седьмой сектор! Блокируйте район... Плевать, что автоматика не восстановлена! Еще две группы туда, третью и шестую... Р-р-р-р!

Я быстро перевернул страницу. Постарался овладеть собой и ровным голосом медленно и отчетливо зачитал историю перенесения в Тырново каменной колонны с надписями канасубиги Омуртага, властелина болгар дохристианской эпохи. Баян заслушался и явно одобрил. За спиной ощущалась беготня. Баян принимал донесения, глухо рычал и направлял новые и новые подразделения охраны в погоню за прорвавшейся на Царевец святой. Они все еще не опознали, кто она. Временами я улавли-

вал в мыслях проникающий извне тихий плач, будто скулил битый щенок. Вероятно, раны Шар не давали змеяне покоя, слишком болели, и она не успевала сдерживать себя...

Да что же это — я ей сочувствую? Боже... Моя рука дрожа перевернула следующую страницу. Из книги на меня смотрела красивая, молодая лицом женщина.

— Филотия Поливотская, иже нареченная Тырновская, — прошептал я. — Сейчас!

С проема разрушенного купола на нас упала тень. В первый миг никто не обратил внимания — сочли тенью пролетающего змея. Однако тень была шире и не только пропускала свет, но и преломляла солнечные лучи. Сияла. Прекрасный золотистый конь Георгия спикировал к полу и совершил плавный круг над нашими головами. Всадник кутался в бурый плащ, и наверное, только я узрел выбившиеся из-под капюшона длинные русые волосы.

— Как?.. Что?! — яростно закричал Баян.

Всадник пошел на второй круг, а затем одним всплеском крыльев скакун взмыл наружу.

— За ним! Все за ним! — ревел Баян. — Это — он!

Я замер, прислушиваясь к удаляющемуся шуму погони. Лихорадка била мое тело. Я осторожно отогнул еще страницу. Отмеченную. И погрузился в лучистый блеск пары голубых глаз. Я склонил голову над иконой. Не нужно было стараться говорить тихо, голос мой сам по себе срывался до шепота, до безмолвия:

— Святой... пресветлый... великомученик Георгий... — Я склонился еще ниже. Меня дернуло, потом отпустило. Поднял руку ко лбу, открывая портал. Опустил к сердцу, задавая входящему направление. Провел ладонью от правого к левому плечу, чтобы он приобрел плотность. — Явись, во имя Господа!

И тут же отшатнулся резко назад, потому что он, едва появившись, ринулся вперед — не прыжок, а настоящий

полет. Пресветлый стремительно переметнулся через расстояние, отделяющее меня от Шар, и молниеносным взмахом меча отрубил ближайшую голову Великой. Я же машинально заткнул уши, словно так мог избавиться от пронзительного детского писка, врезавшегося в мое сознание.

В зале оставались всего двое стражей. Один витяк бросился вперед, а другой, прежде чем последовать за собратом, неистово заорал в передатчик. Они ничем не могли помочь. И тогда Шар подняла свое грузное туловище и отбилась боковым ударом хвоста. Как хлыст он отбросил Георгия на десять шагов, сбив его с ног. Пресветлый кубарем покатился по полу, но тут же вскочил на ноги. Развернулся и воткнул меч почти до рукояти в живот набежавшего витяка. Выдернул клинок и встретил лезвием следующий взмах драконьего хвоста. Плеснула черная кровь.

Другой витяк, совсем обезумев, кинулся пресветлому на спину, но не успел повалить. Георгий выгнул стан и выставил стража, как щит, навстречу третьему удару хвоста. Я ясно услышал жуткий хруст переломанных костей. Со всех коридоров вливались толпы одичавших стражей. Георгий замешкался на секунду, затем примерился и запустил оружие в одну из поднятых голов Шар. Меч попал в основание шеи. Второй умопомрачительный писк... Витяки без разбора прыгали в образовавшуюся кучу борющихся тел. Шар успела извлечь меч, как занозу, клинок забренчал по плитам перед моими ногами.

— Подними меч и добей ее! — вскричал Георгий. — Подними меч, Евтим!

Словно во сне я нагнулся и взял оружие. Отбросил книгу. Падая, она раскрылась. Со страницы на меня глянула икона Богородицы с младенцем. И вроде бы, должна была она быть молодой и блаженной. Но выцветшие от возраста глаза ее остановились на мне. В них я увидел

убийственную тоску, неземное страдание: «Страшно тебе, сын?» Я опустил руку с клинком. Ноги подкосились. Я судорожно сжался на полу в комок и заплакал. Последнее, что увиделось мне перед шоковым трансом, был оскал кобобра Баяна...

...Исмаильтяне разошлись, разлетелись, как птицы по воздуху, по всей земле болгарской. И встречные кого рубили мечом, кого уводили в плен, а те, кого смерть от их рук миновала, погибли от голода, ибо наступил такой голод, какого не было с тех пор, как мир был сотворен. И опустела земля, и не стало ни князя, ни вождя, ни наставника среди людей, ни избавителя, ни спасителя. И тогда живые завидовали умершим прежде...

Тяжелы шаги мои по пыльным шляхам Фракии. Без кандалов шел, не отказывали мне в пище или в питье. Даже предложили сесть в телегу. Я отказался. Я хотел сам пройти весь путь к моему заточению. Ехали днем, ночевали станом возле дороги. Когда ночь случалась ясной, я замечал беженцев, которые обходили нас издалека. Иногда мной овладевало безумное желание идти к ним и говорить с ними. Но я не знал, что могу им сказать. И стыдно было предстать перед людьми. Ведь спросят же: «Почему покинул нас Бог?» Или: «Почему ты покинул нас, отец Евтимий?»...

Я мерз рядом с костром теплыми ночами. Не мог слово молвить с кем-либо из охраны, да и не хотел. Не знал, куда ведут меня, не знал, от кого меня охраняют. Ехали вроде бы на юг, к крепости Станимака, а затем — к святой обители в Бачково. Так обещали. А я все сомневался — не убьют ли по дороге, не закопают ли где в диком месте? Все равно... Мне было уже все равно.

Ночь, необычно тихая и ясная. Все рядом спали крепким сном. Я не мог заснуть. Глядел на звезды и спрашивал себя, видит ли и Бог меня через них. Поэтому и не заме-

тил, когда крупный серый волк подкрался и улегся возле костра. Услышал его рык:

— Вот так, поп... Кажется, твои молитвы не спасли город.

Невозможно спутать этот голос с чьим-либо другим. Я обернулся к оскаленным в зловещую ухмылку клыкам. Даже не испугался.

— А ты и вправду колдун, Баян, — заметил я кротко. — Надо было тебя сжечь на костре.

— Должок за мной, это верно, — усмехнулся волк. — Когда-нибудь рассчитаемся. Потому как, не знаю почему, но мы с тобой еще встретимся.

— А ты и в медведя можешь перекинуться? — полюбопытствовал я. — И летать по воздуху умеешь?

— Много чего могу. Ты же сам любишь говорить: «Нечестивый могущ, все может и умеет».

— Издеваться пришел?

— Ага. Поддался искушению, я тоже слаб, как все... Как все, грешен, поп. Все грешны. Ты больше всех. Скажи, раскаиваешься за сдачу Тырноваграда?

— Все по воле Божьей, — пробормотал я.

Он вскинул голову и лающе захихикал:

— Ай как просто — перебросить свои ошибки на чужой горб!

— Я не думаю, что ошибся.

— Разве? Да неужели! Я опять перед тобой в долгу, поп! Знаешь, за какую услугу? Не смеешь говорить перед людьми. Тебе боязно услышать от них, что Бог ваш бросил вас. Желаю тебе пожить подольше. Увидишь, как они отвернутся от него.

— Этому не быть!

— Р-р-р-р... Ты сам своим словам — веришь? Не знаешь ты людей, поп. Они не любят, когда им лгут. Они не будут ждать рая на небесах, пока жизнь земная для них ад. Гря-

дет другое время. Ты можешь и не дожить, но я — чую что идет.

От крутанулся около собственного хвоста и красуясь понюхал воздух.

— Кровью и пожарами пахнет, вот что чую. И гневом несет, мно-о-оо-го его, гнева-то... Люди-человеки никогда не простят твоему Богу то, что он сделал, вернее — не сделал сейчас. И может статься, пройдет немало времени, но рано или поздно они отрекутся от него. Поищут нового покровителя. И найдут. Кого-то, кто видимее и поплотнее. Кого-то, кто не станет им врать о придуманном замогильном рае, а позаботится о них при жизни.

— Бог милостив. Бог простит даже подобное умопомрачение!

— Да, простит! — рявкнул волк. — Но им, наверное, будет побоку его прощение! Как ты думаешь?

6

— Великая Шар-Кан, мать драконов, выживет, — это услышал я, едва разомкнув веки. — Разумеется, она изувечена. И разумеется, ты ее больше не увидишь.

Я лежал у себя дома, в постели, которую доселе никогда не использовал. Кто-то зашторил окна, и в комнате стояли сумерки. Не понять, ночь ли, день ли.

Баян сидел на стуле у изголовья, закинув ногу на ногу.

— Вот так, Евтим... Кровавые дорожки, гроза над царским холмом, серые капюшоны, всякие выкрутасы — только бы я не догадался, что план ваш гениально прост. Ловко, весьма ловко... Поздравляю!

— Не за что. План не мой.

— О, я и не подумал, что твой. Кстати, я в тебе не ошибся.

Я с трудом, судорожно сглотнул.

— Что с остальными?

— Поймали обеих баб. Под строгим надзором держим. Я еще не решил, что с ними делать. Апропо, обе в один голос твердят, что ты виноват в провале. Анафемы по душу твою сыплют. Красиво.

— Они правы.

— Полно! Не дурачься. И я, и ты знаем — не поднялась бы у тебя рука на Шар.

— А... пресветлый?

— Ушел, окаянный. Как только мы его скрутили, кто-то его призвал. Оставил себе путь к бегству, подлец. Ты понимаешь? Он с самого начала намеревался смыться, а вас бросить — отдуваться передо мной, драконами и витяками.

Я приподнялся и сел в постели. И заметил — в углу рядом с дверью сидела с опущенной головой и с руками на коленях бабушка. Мне стало дурно.

— Что ты решил про меня? — успел я спросить.

— Не догадываешься? — оскалился в кривой усмешке колдун. — Уже проверено. Монастыришко в Бачково все еще существует, представь себе. Убогое и вдрызг обветшалое строение, да. Но ты же не привередлив... Интересная штука судьба, правда, Евтим?

Он выпрямился и разгладил складки на пиджаке.

— Конечно, я не как те дикари. Распоряжусь, чтобы ехал ты удобно. И в память о добром старом прошлом разрешаю забрать с собой все милые тебе книги и рукописи. У тебя два дня на сборы. Если приспичит, забирай всю библиотеку. Все равно никому она не нужна. Оцени мою щедрость.

— Спасибо, — прошептал я.

— Пока ты еще здесь, охрану приставлять не буду. Оцени и этот жест. Ах да... — он развернулся и небрежно махнул в сторону старушки. — Так и не выяснил, кто она такая, даже в архивах ничего нет. Но и улики против не имеется, так что она может остаться в городе и жить тут.

— Спасибо и за это.

— Не пересоли благодарностями. Скажем, я просто тебе вернул долг за тот суд тысячу лет назад. Мы в расчете. Я пришел и ждал, когда ты проснешься. Не мог лично не попрощаться. Наверное, больше не свидимся. Знаю, что прозвучит глупо, но мне тебя будет не хватать, Евтим...

— Кто знает... Неисповедимы пути Господни.

— Ну, с богом тогда! — рассмеялся он.

Отвесил мне короткий поклон и ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я молчал, не смея поднять взгляд на бабушку в углу. Тогда поднялась она, подошла и присела на постель рядом со мной. Сухая ее морщинистая рука легла мне на лоб.

— Тяжело тебе, сын?

Наконец я осмелился на нее взглянуть. Бледные ее глаза трепетали, лицо было мокрое от слез.

— О ком горюешь, мать?

— Про кого ж... Мало ли печали на белом свете...

— Меня не надо оплакивать. Сам все заслужил!

— А-а-а, тебя нет. С тобой все ладно, сын. Ты под венец нашел-таки себе место.

Я посмотрел на нее с удивлением:

— Разве мое место не здесь, в Тырново?

— И тут, и там, и повсюду все возле книжек твоих твое место. А мое — среди людей. Не мучь себя, сын. Рука, что меч держит, не благословенна.

— Значит... ты меня не коришь? За то, что не убил ее?

— Зачем ее убивать... Она же матушка, душу носит...

Я мог бы возразить. Мог бы выложить все о догмах о разуме и духе. Только бабушка бы не поняла. Ей не нужны догмы. Ибо всем существом понимает жизнь, какая она есть. За что и тянется тысячи лет ее хождение по мукам...

— Мне уже пора настала, сын, — сказала она и повязала платок на голову. — Полно в этом городе сидеть. Пора дальше идти.

— Куда же ты пойдешь?

— Куда глаза глядят, — плеснула она ладонями в колени и встала. Засуетилась по комнате. Подбирала и складывала нехитрые вещи свои в маленький узелок.

Раньше я как-то не обращал внимания, что там у нее в углу, где обычно молилась. Кусок дерева с темными брызгами на нем. Покореженный наконечник римского копья. Кривой ржавый гвоздь. Перевязанный бечевкой чей-то локон. Боже мой...

Она заботливо уложила все это и завязала узелок. Встала передо мной. Маленькая, сутулая, с прижатыми спереди руками, держащими узелок.

— Дай тебя благословить, сын.

Я пал на колени и прижал губы к ее правой руке. Она перекрестила меня, склонилась и поцеловала в лоб. Потом, тихо и мелко ступая, удалилась.

Я оставался на коленях еще некоторое время, пока не почувствовал себя глупо. Пока в душе не вскипела непонятная ярость. Нельзя, нельзя позволить ей уйти просто так! Мне надо было с ней поговорить. Мне хотелось о стольких вещах ее расспросить и стольким же поделиться с ней.

Я вскочил и бросился вдогонку. Утром город пуст. Я скоро настиг ее. Закричал, окликнул, но она не обернулась. Словно не услышала. Как отверженная собака, я поплелся за ней. Она шла торопливо, не оглядываясь. Вместе со мной за ней следовали беспризорные кошки. Перебирали лапками, бежали некоторое время, мяукая, потом отставали. Я не отставал. Хотел, по крайней мере, узнать куда она направляется. Хотел еще немножечко на нее поглядеть.

Мы миновали парк. Самодива Алена подбежала к бабушке и сунула ей в руки букетик. Здравец. Обе женщины о чем-то поговорили, я не расслышал слов. Мы прошли

по Самоводской. Бабушка заглядывала в окошки мастерских. Остановилась перед ателье резьбовщика по дереву. Стояла долго, взирая, позируя. Наконец махнула мастеру и тронулась дальше. Я тоже остановился и посмотрел через окно. Мастер был занят тем самым панно с лицом женщины. Он не увидел меня, поглощенный работой — вырезал в глазах-гнездах крохотных птенцов.

Мы подошли к царскому холму. Славный и окаянный Царевец... Сейчас тут висела тишина, ворота были наглухо закрыты. Бабушка остановилась прямо перед ними. Подняла руку. И перекрестила холм. Затем легкими шажками пошла на север, к выходу из города.

ДЕМОНОФИЛИЯ¹

— Отрубить ему голову! — завопила принцесса, указывая на меня двумя пухлыми пальчиками.

Медленно, с подобающим достоинством, я отстегнул свою голову и элегантно движением взял ее себе под мышку. Пришлось смотреть на нее снизу вверх. Для удобства я развернул глазные яблоки.

— Миледи, как я уже говорил, я готов выполнить любое ваше желание.

Ее глаза, брови, губы — все ее лицо округлилось от изумления. Стража приходила в себя от электрошока. Вряд ли они подозревали, что во всем виноваты их массивные металлические доспехи. Увидев, как я снимаю с плеч свою голову, они, пронзительно завопив, разбежались в панике. Старичок, восседающий на троне, тревожно зашевелился, почесал свою лысину и приглушенно, как филин, забухтел: «Ух, ух, ух».

— Ты демон, что ли? — с надеждой спросила принцесса.

¹ Рассказу присуждена первая премия конкурса журнала «Тerra Fantastica» в 2004 г.

— Что-то вроде этого, — прошепелявил я, так как мой локоть упирался мне в щеку.

Мои датчики показывали, что у нее участился пульс, а температура тела повысилась на одну десятую. Ее глаза странно блестели.

— Какой точно демон?

— Андроид.

По сути, я ее не обманывал. Вся моя сущность идеально вписывалась в представления этих примитивов о сверхъестественном. Она ненадолго задумалась, затем повернулась и презрительно фыркнула одному из придворных — высокому индивиду, одетому в длинную робу с вышитыми на ней звездами и остроконечную шляпу с кисточками.

— Почему я никогда о них не слышала?

— Ну, э... — начал заикаться придворный. — Э... Вероятно, редкий вид, миледи...

— Ты редкий тип? — Она на пятках развернулась ко мне.

— Абсолютно нет, миледи, — длинному определенно достанется, — таких, как я, сотни...

Принцесса стала загибать пальцы, пытаясь что-то сосчитать. Я многозначительно молчал.

— И ты тоже хочешь жениться на мне?

Я бессознательно кивнул, чуть не выронив голову. Ловко зажав ее, я осторожно поклонился:

— Конечно. Если получу обещанное приданое.

Принцесса сделала несколько быстрых шагов ко мне. Под тяжестью ее веса пол жалобно закрипел. Тщательно осмотрела меня, с любопытством, как к возможному будущему приобретению. Поколебалась, не потрогать ли меня украдкой за плечо, но я на секунду включил электрошок, и она благоразумно отскочила назад.

— Значит, тебя поймали, когда ты пытался проникнуть в мой новый дворец? Чтобы посмотреть на мое приданое?

— Да.

— Раз ты демон, неужели ты не можешь построить себе такой же огромный и сверкающий дворец?

Я задумался. Мои логические схемы допускали ложь, но этот процесс требовал значительных усилий.

— Даже там, откуда я пришел, мне понадобятся десятилетия, чтобы построить такой волшебный дворец...

— Волшебный дворец! — повторила с ликованием она.

Придворный в остроконечной шапке внезапно закашлялся. Старичок на троне подскочил и вытянул шею, чтобы лучше видеть происходящее.

— Папочка! — хлопнула в ладоши принцесса. — Я же говорила тебе! Если у нас будет дворец, то появится и достойный жених!

— М-м? — замигал правитель.

Я осторожно водрузил голову обратно на плечи, наклонился и поцеловал принцессе пухлую ручку. Ее Высочество кокетливо улыбнулась и выпятила свой мощный бюст. Я решил рискнуть:

— Миледи... Дорогая моя! А тот маг, про которого говорят, что он подарил вам дворец... Что вы сделали с ним?

Она вздохнула и поджала губы. Ее милые усики слегка задрожали:

— Он в темнице.

— В темнице? За что?

— Ну... такой могучий маг, ведь он очень опасен, не правда ли? Он тоже горел желанием жениться на мне. Но... как сказать... он слишком зеленый! Я не могу себе представить, что мне придется целовать кого-то, столь похожего на жабу...

— Понимаю вас. А я могу взглянуть на него?

Слова колебания застряли у нее в горле. Я поспешил упредить ее:

— Уверяю вас, дорогая миледи, что мне он навредить не может.

— Хорошо — согласилась она, подмигнув мне двумя глазами одновременно. — А я в это время подготовлюсь к пиршеству.

Темница была мрачной, с влажными стенами, густо покрытыми плесенью. Мне показали арестанта: развалившись всем телом на влажном мху, он громко храпел. Вокруг его короткой шеи была намотана длинная цепь, прикрепленная к кольцу на стене. Условия здесь были идеальными для него — гигантской амфибии из колонии Фион-4.

Я подошел к нему ближе и разбудил его здоровенным пинком:

— Ты подарил ей мой корабль?

Бедолага проснулся, жалобно квакнув, стал растирать больное место:

— О... а... привет... Ну, я... да. Это же все-таки свадебный подарок!

— Мой корабль?! — я сделал ударение на слове «мой», привлекая его внимание к сущности проблемы, и замахнулся для очередного удара.

С типичной для амфибий способностью быстро пере скакивать с места на место, он за секунду оказался в другом конце темницы. Замахал на меня своими перепончатыми конечностями:

— Да ладно тебе, Док! Она такая красивая!

Я никогда не одобрял ксенофилию. Но он много лет был пилотом на межпланетном исследовательском корабле. Такие несчастные, как он, вынужденные проводить всю свою жизнь в одиночестве, были в состоянии испытывать нежные чувства к кому попало. Я покачал головой:

— Тридцать два часа, Мупи! Я изучал местность всего тридцать два часа и оставил тебя устранять последствия аварии, а не ввязываться в любовные авантюры!

— Это не моя вина... — Его большие выпуклые глаза задергались. — Ты же знаешь, что датчики вышли из строя

и я делал посадку практически вслепую. Мы приземлились на их заднем дворе... Помяли им там все розовые кусты...

Как большинство гигантских амфибий, он был немного поэтом. Но меня не тронуло его отчаянное кваканье, я вырвал из стены кольцо с цепью и поволок его за собой.

На пиршество мы явились вместе — я, уверенным, бодрым шагом, и Мупи, тащившийся позади меня, грустно шлепая по полу своими лапами.

Под древесными стволами, подпирающими прогнившую крышу тронного зала, стояли в ряд толстые пни, накрытые различными блюдами, и длинные скамьи вдоль них. Одинокий флейтист в углу пытался выдуть некоторое разнообразие звуков. Посередине зала стояла огромная бочка, из которой жаждущие наливали себе ярко-оранжевую жидкость с кисловатым запахом.

— Не бойтесь его, — поспешил успокоить я хозяев, указывая на смиренного пилота. — Это злой колдун, но он преданный слуга моего демонического величества.

— Ура! — восхищенно захлопала в ладоши принцесса и подвинулась, чтобы освободить для меня место на скамейке.

Мупи остался стоять, подобострастно пригнувшись за моей спиной. Я стал рассматривать стоящие передо мной экспонаты местной растительности. Большинство из них были термически обработаны и безнадежно повреждены. К счастью, еще вчера я умудрился набрать достаточно образцов семян, которые были законсервированы и должным образом сохранялись в полости моего желудка. За каждый новый вид растений в центральной лаборатории на Косте платили по двести пятьдесят кредитов. Датчики в моем желудке утверждали, что за последние сутки я стал довольно богатым.

— Расскажи мне про ад, из которого ты пришел? — попросила принцесса мечтательным голосом.

— Дорогая миледи, боюсь, что все, что бы я вам ни рассказал, вы не сможете ни понять, ни даже представить себе...

— Ах... Как бы я хотела, чтобы кто-то увез меня отсюда, из этого скучного и серого места, которое, к несчастью, является моим домом... Туда, где моя красота и мои прочие достоинства будут оценены по заслугам...

Ее ресницы захлопали в ожидании, но я только рассеянно завертел головой. Без сомнения, я полностью разделял ее желание покинуть этот примитивный мир.

Из груди Мупи вырвался тяжелый вздох. Он неотрывно пялился на принцессу, а его выпученные глаза переливались, как две огромные дождевые лужи.

— Ты обещал выполнять все мои желания. Чем ты будешь развлекать меня сейчас?

Я протянул палец с электрошоком и поджег кисточки на шляпе длинного. Он дико заорал и стал ладонями бить себя по голове, чтобы угасить их.

— О... — протянула она разочарованно. — Разве вы не хотели бы посвятить мне стихи?

Поэзия? Было бы проще, если бы она попросила меня передвинуть какой-нибудь скальный массив. Но ей явно хотелось, чтобы за ней кто-нибудь поухаживал.

— Ну, это слишком мелкий каприз для моих демонических сил. Эй, слуга! — Я развернулся и, одним щелчком перебив цепь на Мупи, поощрительно хлопнул его по спине. — Я повелеваю тебе порадовать ее высочество сонетом!

Мупи квакнул, прочищая горло. Выпятив свой круглый живот, он перевернул ладони перепонками вверх. Какое-то время смотрел в потолок, как будто оттуда на него должно было свалиться вдохновение. И начал. Начало было стандартным — первые часы дня, когда проксимальная звезда поднимается над горизонтом; резкий запах разнообразной цветущей флоры, мокрой от кон-

денсации влаги; звуки, издаваемые пернатыми в период спаривания. После этого он перешел к серии ложных утверждений, касающихся анатомии принцессы. Сравнил ее усеянное мелкими бородавками рябое лицо с лунной поверхностью, изборожденной живописными кратерами. Восхищался мягкостью сероватого пуха, покрывавшего ее заостренные уши. отождествил ее круглые глазки с бесконечной чернотой космического пространства. Наговорил кучу преувеличенно-восторженных похвал о самых нежных сапфировых губах, о самом блестящем золоте ее зубов и ослепительной улыбке, стыдливо прикрытой самым изящным в мире хоботком...

Мои логические схемы в принципе слишком чувствительны к подобной речевой бессмыслице, поэтому я незаметно перешел в режим ожидания. Время от времени я проверял, не иссяк ли поток абсурдов, но — нет! Мупи превращался в перпетуум мобиле.

Наконец, я не выдержал и снова пнул его, чтобы он замолчал. Принцесса резко и шумно выдохнула:

— Нет-нет, пожалуйста! Пусть продолжает...

— Миледи... — мне не оставалось ничего другого, как чудовищно лгать. — Он заморозил вас своими заклинаниями. Он же низкий и подлый — это была чистая правда, — он...

— Он такой романтичный... и зеленый... — прерывающимся голосом ответила она.

На некоторое время она задержала свой взгляд на его выпуклой фигуре, при этом выглядела задумчивой и несколько смущенной. Придя в себя, она обратила внимание на меня:

— Но ты же ничего не ешь. Тебе не нравятся наши блюда?

— Эта пища не подходит для демонов.

— О! — воспряла духом она. — Ну, конечно! Какая я глупая... Тебе же нужна жертвенная кровь!

И прежде, чем я успел помешать ей, она хлопнула в ладоши и прочирикала какой-то приказ. В зал тут же втащили четыре экземпляра местной фауны, которую я так и не успел изучить. Я с интересом направил на них свои сенсоры.

Два шипящих маленьких существа с длинной черной шерстью, лежавшие рядом с моей тарелкой, были удивительно похожи на два волосатых мяча. Еще одно, более крупное животное белоснежного цвета пыталось вырваться из рук стражника. Четвертое привели на веревке — толстое, коричневатое, оно тяжело волочило по полу живот. Во время своих многочисленных исследовательских походов мне никогда не приходилось встречать подобных тварей. Если они окажутся неизвестными видами, то в центральной лаборатории на Косте меня просто золотом осыплют.

Придворный с прожженной шляпой и в робе со звездами встал рядом с ними и начал бормотать слова, которые по сути являлись лингвистическим абсурдом. Затем он поднял вверх заостренный предмет с металлическим наконечником. Видимо, выбирал, какое животное заколоть мне в жертву.

Внезапно меня осенила блестящая идея:

— Миледи! — воскликнул я с негодованием. — Неужели вы думаете, что я приму жертвенный ритуал в исполнении этого клоуна? Тем более здесь, в этом душном помещении, перед всеми этими смертными?!

Ее щеки серого цвета стали на несколько оттенков темнее.

— Священные ритуалы в мою честь проводятся исключительно моим верным слугой. Это должно быть чистое место, насыщенное магией.

— Х-м-м... мой новый дворец? — неуверенно предложила она.

— Гениальная идея! Идем туда! — воскликнул я и от радости нежно поцеловал ее в хоботок, одновременно приобретая еще пару сотен уникальных образцов микрофлоры.

В моем скромном хардвере установлено несколько независимых искусственных интеллектов. Но все их логические схемы подчинены архаичным законам робототехники. И это всегда было для меня большой проблемой — я был не в состоянии самостоятельно исследовать новые виды, потому что эти процессы зачастую бывают опасными или болезненными. Мои конечности просто отключаются, когда я направляю скальпель или шприц на живое существо. Именно по этой причине я всегда вожу с собой какого-нибудь идиота вроде Мупи.

Мы стояли в просторном командном помещении моего корабля. Я расхаживал возле главной панели, думая, откуда начать поиск повреждения. Позади меня, на специально построенной платформе, оборудованной под медицинскую мини-лабораторию, возился Мупи, наряженный в серебристую медицинскую форму. Для пущей важности я надел на него его любимую аргоновую маску, а также два прибора ночного видения. У подножия платформы толпились принцесса с кучкой придворных, готовых в любой момент впасть в религиозный экстаз.

— Начинай! — крикнул я Мупи.

Имплантированный в его голову телепатический лингочип принуждал его говорить на местном языке, но терминология была настолько непонятной для них, что спокойно могла бы сойти за магическое заклинание. А жужжание и мигание медицинского оборудования еще больше заставило всех затаить дыхание.

— Объекты под номером один и два. Действительно напоминают мелких грызунов, но не они... Нет костной системы, внутри их тела полые и упругие... О-о-о, Док,

это кровососущие! Пьют и наполняются кровью, как сосуды.

— М-да — сказал я и, отделив руки от тела, переключил их на дистанционное управление и запустил на клавиатуру главного компьютера.

— Объект номер три. Нормальные костная и сердечно-сосудистая системы. Органы пищеварения находятся непосредственно под кожей. Шерсть выделяет фосфоресцирующее вещество. Самооплодотворяющийся гермафродит.

— Это же надо... — пробормотал я, отстегивая свою голову, затем подбросил ее высоко вверх, чтобы лучше осмотреть главную панель.

Она зацепилась за локальную консоль и осталась на ней висеть. Мой торс продолжал прогуливаться взад и вперед. Из толпы туземцев доносились только тяжелое дыхание и пронзительные возгласы: «Ах, ах, ах!..»

— Док! — прокаркал Мупи срывающимся голосом. Своими затылочными датчиками я видел, что он запихал что-то бурое и жирное в рентген. — Ты не представляешь! У этой огромной твари нет костей. Только один центральный трапециевидный хрящ...

Мне наконец-то удалось локализовать повреждение. Мелкое и дурацкое. Понадобилось меньше минуты, чтобы устранить его. Теперь я уже мог направить весь свой интеллектуальный потенциал на комментарии моего помощника.

— Ты понимаешь, Док? Эта планета кишит уникальными формами жизни! Мы станем неприлично богатыми!

— Упакуй немедленно образцы! Мы вылетаем.

Ну, театр театром, а пришло мое время получать гонорар. Небрежным жестом я включил наземные двигатели, и рев моторов потряс корабль до его основ. Толпа примитивов стремительно бросилась к предусмотрительно оставленному открытым люку.

Случайно бросив взгляд на панель управления, я заметил мигающую предупредительную надпись: основной люк был разгерметизирован. Я мысленно проклял всех своих силиконовых предков до десятого колена, но делать было нечего. Надеюсь, Мупи не совсем дурак, чтобы крутиться около люка прямо сейчас...

Через несколько минут мы вышли на орбиту. Автоматика люка сработала, отлично справившись с герметизацией корабля. Я пошел осмотреть нанесенный ущерб. При первом же взгляде на ангар меня бросило в дрожь — идиот Мупи не только не упаковал собранные образцы, но и на скорую руку запихал их все в одну камеру! Два волосатых животных припали к коричневому и сосали его изо всех сил (мне с трудом удалось оторвать их и закрыть в прохладном симуляторе летаргического сна). Медицинская аппаратура была разбросана, а часть ее безнадежно повреждена.

Я решительно направился в каюту Мупи. Нажал на кнопку, чтобы открыть дверь. Она оказалось запертой. Или точнее — заблокированной изнутри. На этом корабле не может быть запертых для меня дверей. Я выбил ее двумя мощными ударами. Картина, представшая передо мной, сначала шокировала меня, после удивила и, наконец, ужаснула!

Похищение разумных экземпляров неопisanного вида наказывалось пожизненными каторжными работами! Из-за идиота Мупи я рисковал провести свои оставшиеся 900 лет в мраке среди кислотных испарений на заводах Сибирии-2!

Ну нет, ему это даром не пройдет! Я сделал шаг вперед и... Искусственный интеллект, который отвечал за правовые аспекты, подал мне интересную мысль. Такую интересную, что я застыл на месте с поднятой ногой. Я стоял, счастливо зажмурившись, и словно видел, как джек-пот галактической лотереи падает на мой скудный банковский счет.

— Прекра-а-а-ая... — слащаво квакал Мупи.

— Милый... Ты самый могучий... невероятный... величественный... совершенный... дорогой мой, — задыхаясь шептала принцесса и с неподдельной страстью сжимала его в своих могучих объятиях. — Ты околдовал меня... Поцелуй меня, любимый, я хочу посмотреть, что ты еще умеешь делать своим языком...

К счастью, я не был запрограммирован на рвоту, какое бы интеллектуальное отвращение не испытывал. Я удалился как можно быстрее.

Если бы я не был андроидом, то я бы, вероятно, на-свистывал и подпрыгивал в такт. Я вез в центральные лаборатории Косты живой экземпляр неизвестного вида разумной расы, с вероятностью сто из ста, что он окажется уникальным. При этом, это не было физическим принуждением, а совершенно добровольным деянием! Ни одна галактическая комиссия не сможет отрицать этого, если увидит то, что видел я. А цифровые камеры корабля исправно записывали все происходящее. Помимо этого, у Мупи был шанс сотворить чудо зачатия, и тогда я смогу просто купить себе планету...

В своем бордовом дневнике я назвал место, которое мы только что покинули, Демонофилия-1. Я искренне надеялся, что медицинские процедуры будут не слишком болезненными для моей прекрасной принцессы. А что здесь такого? Я, в конечном счете, выполнял ее желания — на Косте тщательно оценят ее красоту и физиологические достоинства, старательно исследуют ее анатомию — с головы до ног. Так же, как и ее очаровательную микрофлору. Кстати, она же сама попросила меня взять ее с собой. В этот ад.

Перевела Ольга Попова

НА КЛАДБИЩЕ ДАМПЕРА

В ста двадцати километрах юго-восточнее Сан-Франциско приткнулся заурядный пятимиллионный городишко со звучным названием Аболидо. От своих многочисленных братьев-близнецов, разбросанных по всему земному шару, он отличался разве что соседством с вольфрамовыми рудниками, запасы руды в которых наполовину исчерпаны, да Национальной библиотекой поэзии.

Однажды директор библиотеки Стапен Кройд, ворвавшись в свой кабинет ни свет ни заря, немедленно бросился к видеофону. Дожидаясь, пока его свяжут с другом детства, а ныне начальником городского Штаба спецподразделений борьбы с шумом Халиджем, он нервно барабанил кулаками по столешнице письменного стола. Несмотря на то, что в ушах у него находились антишумовые тампоны, а стены кабинета были облицованы хваленными изоляционными панелями, Стапен Кройд вздрагивал от грохота поездов, несущихся по многочисленным городским линиям. Над его головой ни на секунду не умолкал рев пролетающих самолетов, где-то по соседству протяжно выли корабельные сирены, доносилась какофония радио и стереовизионных программ. Сводили с ума звуки бьющихся тарелок, визг режущих жечь механических пил, отвратительно всхлипывала расположенная неподалеку пилорама, и директору казалось, что от всего этого в голове у него с треском лопаются кровеносные сосуды.

На экране блеснули погоны Халиджа, и только потом всплыло его треугольное лицо с узкой полоской бескровных губ.

— Хелло, Кройд! — полоска скривилась в улыбке. — Что нового?

Кройд передернулся, заметив, каким ледяным взглядом начальник штаба оценивающе скользнул по антишумовым тампонам, по набрякшим под глазами мешкам. Накатило желание запустить в экран чем-то тяжелым, как будто это было окно, за которым торчала бесстрастная физиономия Халиджа.

— Не ори так! — процедил Кройд. — Твоя служба работает безупречно, так что слова из твоей глотки я воспринимаю непосредственно своим мозгом!

— Короче? — не дал ему продолжить Халидж.

На крышу кто-то сыпанул сотню тяжелых стальных шариков. Рывнула электрогитара, немилосердно скрипя на поворотах шинами, промчалась полицейская машина. От всего этого барабанные перепонки в ушах Кройда вибрировали так, словно по ним дубасили палицами. Медлить было нельзя, Халидж мог в любой момент отключиться. Издав звук лопнувшего протектора, Кройд проглотил подступивший к горлу комок. Под холодным взглядом начальника штаба он чувствовал себя весьма неудобно. Но не будь они друзьями детства, директор не мог бы рассчитывать и на такое внимание.

— Немедленно пришли ко мне своих людей! — выкрикнул Стапен. — Мой патрон перестал действовать за полгода до указанного срока, я на грани безумия!

— Понятно! — ответил Халидж и тут же отключился.

Директор вытер со лба пот, который немедленно проступил снова. Ему казалось, что тело его плывет в вибрирующем воздухе. Нервы, с корнем вырванные наподобие сорняков, жили какой-то своей, отдельной жизнью. Он чувствовал, что зажат между отбойными молотками, ревущими на крутом подъеме грузовиками, рыданиями, хохотом, воем, визгом музыкальных инструментов, бесконечно развивающих смертоносную для любой мысли тему.

«Конечно, все это плод расстроенного воображения, — со вздохом признался он себе. — Стоило одну ночь провести без патрона, и вот, пожалуйста, хоть хорони себя!»

Воспаленный мозг услужливо нарисовал ему картину: скрежещущие зубчатые колеса медленно, с наслаждением перемалывают время, а потом и его нервные клетки, вгрызаются в истерзанное тело, выбрасывая кровавое месиво — останки директора Национальной библиотеки поэзии...

Все это началось накануне вечером, часам к семи. Вначале до него донеслась песенка, распеваемая сотней глоток на разных языках и рассказывающая о разных эпохах, рекламирующая пляжи, на которых после отлива остаются гирлянды водорослей, крабы, разбитые судьбы людей. Потом к звукам песенки примешался звон битого стекла, рычание бетономешалок и ровный гул печатных станков величиной со статуи с острова Пасхи. Невидимые ему люди о чем-то спорили, ругались, скандалили, что-то невнятно бормотали, одним словом, обрушивали на него какие-то обломки общения, сводящие с ума своей фрагментарностью и, по его рассуждению, совершенной бессмысленностью. Поднимаемый ими шум не был приглушен теми изоляционными средствами, которыми был напичкан его кабинет. Такие же средства имелись и в его квартире, однако, как только патрон вышел из строя, полифоническое поле Дампера изменилось, и уже ничто не могло помочь. Все звуки доносились в своей первозданной чистоте. Жена и дочь постоянно брякались в обмороки. Звонить в больницу было бесполезно — там его голос прозвучал бы не членораздельнее раскатов грома. В таких случаях медицина умывала руки. Сесть за руль аэромобиля в таком состоянии мог только самоубийца. Не до конца изученные эффекты Дампера грозили непредсказуемыми последствиями. Нечего было думать и о том, чтобы сходить в гости к родственникам или друзьям, из-за гула

в ушах общение с ними превратилось бы в пытку. Стапен почувствовал себя изгоем в этом мире.

Упав ничком на ковер, он ждал, когда противошумовые спутники освободят его от этого кошмара, хотя и знал, что это произойдет только на вторые сутки. На то, чтобы вырваться из этого ада, ему будут отпущены считанные минуты. Он катался по полу, чувствуя, что помимо воли весь превращается в слух.

«Ага, — говорил он себе. — Это сверхзвуковой самолет. Двадцать мотоциклов, достаточно, чтобы разбудить население всего государства. Плачет младенец. Ясно, семья живет в дешевеньком жилище. А эти ругаются, интересно, из-за чего? Это мультисинтезатор. А вот заговорили пулеметы. И вроде как гаубицы. Так-так, это уже похоже на взрыв в Хиросиме. Хлопанье дверей. Спускают воду одновременно в сотнях унитазов. Барабаны. Детский праздник, взрослые на балконах. Стартовали машины на ралли. Работают прессы. Включили компрессоры. Артист перед микрофоном расстегивает молнию на груди — звук такой, словно лежишь между колесами локомотива. Опять кто-то ревет, сопли пускает. Смеются соседи. Включена шлифовальная машина. Лесопилка заработала. Передают дискотечную музыку. По второй программе идут новости. Стук вилок. Женщина зовет какого-то Жоржа. Старт ракеты...»

Интересно, кто-нибудь еще в Аболидо слышит все это? Ответить он себе не смог, голова была набита децибелами вместо мыслей, к тому же звуковая болезнь у каждого протекает по-разному. Действительность могла предложить богатое разнообразие звуков — та, которую ты внимаешь, могла слышать бульканье в водопроводных трубах, а ты — рев клапанных, тишину или скрежет танковых гусениц по мостовой. Загадочную роль во всем этом играли такие вещи, как профессия, возраст и характер...

Неожиданно раздался нежный голос скрипки. Это было равносильно тишине, вот она — разрядка в поле

Дампера. Кройд нервно захихикал. Когда ему удалось справиться с приступом, от которого заныли голосовые связки, он с удивлением установил, что скрипка продолжает петь, наводняя все вокруг прекрасными, как лунный свет, звуками.

Догадавшись, что он уже давно слушает мелодию и может пропустить время разрядки, Кройд вскочил на ноги и бросился на улицу. Чувствуя себя совершенно разбитым, он с трудом передвигал ноги. О том, чтобы воспользоваться своим автомобилем, не могло быть и речи.

Время было без пятнадцати три. Улицы Аболидо постепенно пустели, отдавая себя во власть дежурных реклам. Лунный циферблат, повисший над перекрестком, напоминал пылающую медузу, перетянутую черным поясом. Не чувствуя холода, Кройд тащился через город. В душе его kloкотало чувство благодарности. За жизнь, за царившую вокруг тишину. Пока он к ней не привык, она до боли резала ему слух. Теперь в его воспаленном мозгу оформился план — результат нечеловеческих усилий. Заключался он в том, чтобы провести остаток ночи на улице, а дождавшись восьми часов, из своего кабинета позвонить Халиджу — городской штаб был оборудован противозумовыми фильтрами, поэтому Кройд надеялся, что начальник сумеет разобрать его слова. Сначала он подумал о том, чтобы заявиться в библиотеку пораньше, но потом решил, что слишком ослаб от пережитого, и любое, даже случайно возникшее в замкнутом пространстве искажение поля может стоить ему жизни.

Сознавать, что к нему вернулось нормальное зрение, он начал только тогда, когда вдруг стал замечать на улицах и других субъектов. Словно во сне они блуждали по городу. Никто ни с кем не пытался заговорить, каждый старался восстановить силы во внезапно наступившей тишине. Молчаливо движущиеся фигуры напоминали кукол. Даже очень зоркому глазу было бы нелегко обнаружить

у них черты индивидуальности. То тут, то там мелькали патрули спецподразделений борьбы с шумом, дунапреновые костюмы патрульных казались втрое толще обычного. Они были вооружены воронками, всасывающими в себя мельчайшие частицы шума. Стапен Кройд знал, что в спрессованном виде они поступят затем в специальные контейнеры, выстреливаемые в космос. Другого способа избавиться от них не существовало.

Побродив около часу в компании себе подобных, Стапен Кройд устроился на скамейке в безлюдном парке. Свою ошибку он понял уже через секунду. Тысячи пишущих машинок мгновенно набросились на него и неистово застучали, затрещонили, заскрежетали. Каждый из этих ударов посылал в нокаут какую-то клетку нервной системы. Привилегией быть абсолютно глухими обладали в его мире только покойники, директор же ничем не отличается от миллионов своих сограждан, обострившийся слух которых регистрировал даже царапанье ногтя по одежде на расстоянии ста метров, достаточно звуку было попасть в одну из бесчисленных Дамперовых впадин.

Собрав остатки воли, Кройд ринулся вон из парка. Шквал звуков отступил. Вновь заструилась мелодия скрипки. Зрение вернулось к нему, в призрачном свете луны он видел выбегающих из переулков на площади несчастных жителей, попавших, как и он, в очередную звуковую ловушку. Несколько раз спасавшиеся от умопомрачения больно толкали его на бегу. Кройд последовал их примеру, локтями прокладывая дорогу, вырываясь из подстерегавших повсюду капканов.

На отдельных бульварах оглушительно трубили боевые трубы, гудели ткацкие станки, ревели тракторы, лязгали гусеницы бронетранспортеров, визжали электропилы, с оглушительным шумом щелкали перфораторы. Ему попадались тротуары, ступив на которые, он слышал шипение масла в жаровнях — кухни-комбинаты готови-

лись кормить население. На многих улицах невидимые работники заколачивали гвозди, простукивали жестяные конструкции аэромобилей. Перед одной башней жилого дома кто-то щелкал бичом, иерихонский бас погонял неизвестно откуда взявшийся здесь табун лошадей, в соседних домах шипели исполинские пульверизаторы, гремели аплодисменты, в спортзале гоняли мяч. Время от времени доносился грохот сорвавшихся карнизов, падающей черепицы, обрушившейся стены.

Изгнанные всей этой какофонией из своих домов аболидцы вырывались из таких зон, как из пламени, и, переведя дух в районе относительной тишины, неслись дальше.

Забрезжил рассвет. На улицах появились дополнительные бригады спецподразделений борьбы с шумом. Кройд вдруг понял, что до этого принимал их машины за перебегающих с места на место людей. Жители по-прежнему невозмутимо проходили мимо, вырвавшись из тисков будничной полифонии или окунаясь в нее. Над ресторанами, магазинами и учреждениями горели индексы: 30/20; 5/2; 0/0... Первые цифры обозначали минуты нормальной звуковой картины, гарантированной посетителям противозумовыми установками. Последние указывали, через какое время их ждет столько-то минут сюрпризов, связанных с изменением поля Дампера. В большинстве случаев патроны надежно защищали людей лишь в узком семейном кругу. Индексом 0/0 были снабжены объекты безнадежно устаревшие, брошенные на произвол судьбы.

Стапен перекусил в кафе, на вывеске которого красовался индекс 50/60. Жуя сэндвич, он непрерывно поглядывал на бегущие цифры — 25, 24, 20, прикидывая, сколько времени остается до вынужденного побега. Наконец он добрался до своего кабинета и позвонил Халиджу, только что заступившему на дежурство. Позвонив, он принялся мечтать о том, как вернется вечером домой и обретет там

блаженную тишину. Но из этих мечтаний его моментально вырвала какая-то пышная матрона с усиками над верхней губой. К мясистому бедру она прижимала огромный таз, куда швыряла ножи и вилки, собирая их со столов обеденного зала дома отдыха, расположенного у черта на куличках. Басовито напевая себе под нос, женщина с нескрываемым удовольствием сеяла вокруг себя дикий грохот.

На письменный стол Кройда шлепнулось письмо. Звон пневматической почты свирепо резанул по его истерзанным нервам. Послание пришло от Гарольда Леренза, предшественника Кройда на посту директора Национальной библиотеки. Леренз входил в число известнейших интеллектуалов Америки. В последние годы он жил в герметичной квартире, подвешенной в стратосфере с помощью воздушного шара. «На сушу», как он сам выражался, Леренз спускался крайне неохотно. Переселившийся в поднебесье отшельник посвящал все свое время семье, писательскому творчеству и переводам с десятка языков. Ежегодно он выдавал по два романа с описанием жизни фантастических воздушных городов, не имевших ничего общего с каменными лабиринтами Дампера. Его книги неизменно становились бестселлерами, что обеспечивало их автору безбедное существование. Более того, следуя его примеру, богачи стали селиться в роскошных особняках, заброшенных в стратосферу, где даже появление гостей не приветствовалось, поскольку это могло способствовать распространению полифонической заразы. В своем письме Гарольд Леренз, «великий пророк воздушного человечества», просил Кройда разыскать несколько материалов, необходимых ему для поэтической антологии, над составлением которой он работал уже давно. «Она будет называться “Слова кристального молчания”, — писал удалившийся на покой директор, — и я собираюсь включить в нее стихотворения, написанные в разные эпохи, одним

из основных образов которых является тишина. Такое название я позаимствовал у болгарского поэта Димчо Дебелянова, величайшего мастера элегической поэзии. Я хочу представить его творчество крупным циклом стихотворений, но, к сожалению, не располагаю оригиналами его произведений...» Далее он сообщал о том, что успешно осваивает славянские языки, и просил Кройда оказать ему дружескую услугу — переслать по указанному адресу книги Дебелянова на болгарском языке, которые, как ему известно, пылились где-то в хранилищах Национальной библиотеки.

Стапен бросил письмо на стол. В сознании всплыли полузабытые картины ярко-белых облаков, чуть тронутых багрянцем заката. Тоже мне, нашелся заоблачный Крез! Спустись-ка ты сам на грешную землю и разыскивай себе на здоровье этого Дебелянова, а у него, у Кройда, на это просто нет сил. И опереться не на кого — еще шесть лет назад весь персонал библиотеки был выведен из его подчинения и передан в роту антишумовой защиты. Потом «из высших соображений» его лишили электронной картотеки и копировальных машин, оставив только компьютер для наблюдения за состоянием фонда. С редкими посетителями приходилось справляться в одиночку, равно как самому приходилось выполнять заявки и оформлять поступавшие книги. А ведь когда-то и он писал эссе о любимых поэтах. Да, много чего было когда-то!

Он вспомнил, как Халидж втолковывал ему причины такого разительного изменения мира по сравнению с двадцатым веком. Все это мы получили в наследство от своих дедов, бурчал Халидж, и в его леденящем душу взгляде читалась дикая ненависть. Под ударами, посыпавшимися на Халиджа с того времени, как он занял пост начальника штаба протившумовой защиты, он превратился в растерзанный полуфабрикат и мало напоминал того друга детства, с которым они вместе зачитывались

сказками. Наши деды, говорил Халидж, не хотели понять простой истины, состоящей в том, что тишина загрязняется так же, как вода, воздух, почва — вообще вся природа. Им казалось, что она неисчерпаема и снесет любые надругательства. Они до отказа пичкали мусором ее недра, и вот теперь они пробудились и выплевывают на нас всю эту гадость. И если до XX века положение было не столь угрожающим, то во второй его половине ученые начали высказывать догадки о том, что человечество вплотную приблизилось к критической границе разрушения тишины. Общество попыталось поднять голос в свою защиту, однако разрозненные выступления были парализованы равнодушием правительств, прикрывавших свое наплевательское отношение постановлениями министерств и никому не нужными замерами. Разве можно было полагаться на декады борьбы с шумом как на панацею?

Дампер, родившийся в 1992 году, спустя тридцать лет накопил достаточно материала, чтобы обосновать свою теорию. Она дала общественности серьезное оружие, но сумеет ли наша общественность добиться победы — это еще вопрос.

Согласно одной из гипотез Дампера, нас не только будут атаковать шумы прошлых двух столетий, но и обрушатся лавины звуков, как казалось раньше, давным-давно похороненных. Тишина на планете продолжает исчезать, хотя мы все больше превращаемся в безмолвные тени, сводим счеты с каждым децибелом, выбиваясь из сил, толкаем назад цивилизацию, развитие которой сопровождалось громом и треском. Вот он — завет дедов: повернуть историю вспять, чтобы выжить! В наше время тишина сохранилась только на самых высоких вершинах, в горстке пещер, на океанском дне да в верхних слоях атмосферы, но и там мы разрушаем ее. Дошло до того, что звон разбитой тарелки мы принимаем за пуск ракеты!..

В ожидании обеденного перерыва Стапен Кройд припоминал рассуждения Халиджа. Голова его при этом покоилась на письменном столе. Аромат воспоминаний витал в кабинете, казалось, он проникал в его мозг, дразня, напоминал, что где-то в необъятных хранилищах библиотеки затаился том, шепчущий кристальные слова безмолвия. Кто услышит их, кто отправится на его поиски?

Волоча ноги, как побитая собака, директор спустился в бар, без особого желания проглотил стандартный обед и, вернувшись в кабинет, снова принял прежнюю позу, завидя Гарольду Лерензу и его последователям, безмятежно спящим сейчас в своих стратосферных убежищах.

У Кройда не было никакого желания трудиться, но, поскольку за патроны приходилось платить, он не смел покинуть рабочее место. Стапен думал о том, что в этот самый момент спецподразделения борьбы с шумом (а в них влилась почти десятая часть населения планеты) гонятся за звуками, выуживая их из самых укромных уголков планеты, подобно пчелкам, по каплям собирают тишину, откапывая ее в самых невероятных местах — в стволах деревьев толщиной в дом, в скалах, в цветах, в рыбах, в солнечном свете. Во времена его молодости в моде были сурдокамеры — встретить их можно было на каждом углу. Целые жилые корпуса и отдельные квартиры перестраивались в сурдожилища; позднее появились патроны, они оказались дешевле, их установка не требовала перестройки жилья. Для людей с видным общественным положением тишина порциями доставлялась из космоса при помощи ракет, цивилизация все больше и больше усилий затрачивала на то, чтобы заштопать прорехи, оставленные предшественниками...

Наконец он вернулся домой! Халидж сдержал свое слово — в прихожей висел новехонький серебристо-вороной патрон. Стапен Кройд блаженно растянулся на крова-

ти и почти сразу же провалился в сон. В его отключившемся сознании последней мелькнула мысль о том, что жена и дочь наверняка завалились дрыхнуть сразу же, как только патрон был доставлен людьми Халиджа. Ему снилось, что он перечитывает Кольриджа, своего любимого автора, и его слух тревожит лишь легкий шелест страниц и собственное ровное дыхание...

Проснулся он на заре. Жена и дочь продолжали сладко спать. Воскресное утро Кройд встретил с томиком Кольриджа в руках. В тиши кухни все звуки доставляли ему неизъяснимое удовольствие — закипавшая в чайнике вода, чистый звон приборов... Едва нарушавшие полную тишину звуки эти казались ему драгоценным сокровищем, извлеченным из глубоких сундуков памяти...

В выходной день Кройд решил сходить на могилу родителей и доехал на аэромобиле до кладбища Аболидо. Оно было защищено от эффектов Дампера и ограждено звуконепропускаемым барьером, за создание которого проектировщик был удостоен Нобелевской премии (его сооружение обошлось городским властям в астрономическую сумму). Над входом горели лазерные буквы надписи: «Если вас не похоронили на этом кладбище, вы жили напрасно». Кройд знал, что кладбищенские аллеи были любимым местом отдыха многих горожан, но в последнее время сюда стали пускать только по специальным пропускам, и то в строго определенные часы.

Осень щедро разукрасила пышные цветы и листву деревьев, чьи кроны в лучах солнца блестели золотом, багрянцем и тусклой зеленью. В воздухе распространялась устойчивая смесь запахов влажной земли, грибов, воска и роз. Вдоль аллей в цветочницах из автопокрышек цвели дикая герань и жимолость. В голове Кройда мелькнула мысль, что эти покрышки еще могут отделаться от цветов и, тряхнув стариной, устроить гонки. В кристальном воздухе витали приглушенные, идущие откуда-то издалека

стоны, всхлипывания, вздохи. Однако их перекрывал стук кирок, крушивших пластмассовые надгробные плиты, шуршание разбрасываемой земли, надсадное дыхание людей, обливающихся потом от тяжелой работы. Кройд с удивлением обнаружил, что из многих развороченных могил торчали торсы или только макушки каких-то людей. В раскопках виднелись пожелтевшие кости.

Остановившись возле одной могилы, он поинтересовался у ковырявшегося в ней мужчины в трусах и майке, к чему вся эта затея. Тот печально взглянул на него и сообщил, что по городу ходят слухи о том, что совсем недавно спецподразделения борьбы с шумом разместили на кладбище установки для выкачивания тишины из могил. Что многие жалуются на то, что возле могил близких больше не спасешься от шума и эффектов Дампера. После этого мужчина продолжил деловито копать и выбросил наверх вместе с землей побелевший череп размером в айву, пустые глазницы которого были набиты жирным черноземом.

Пожав плечами, Кройд двинулся дальше. Разумеется, все это досужий вымысел, непроверенные и зловерные слухи. Разве можно найти другой уголок, где кости родных и близких покоились бы в такой тишине? В одной руке он держал букетик фиалок, другой поглаживал бороду. Замыкаясь в себе, Стапен наслаждался прекрасным самочувствием и ощущением душевного комфорта. А со всех сторон неся стук кирок, треск раздираемой лопатами земли...

Его покойная мать обожала фиалки, они напоминали ей лица человечков на детских рисунках. Покойница вспоминала, что и он в детстве рисовал такие же лица...

Где-то совсем рядом журчал ручей, чистая струя языком горного хрусталя щебетала о том, как в детстве Стапен выбирался с родителями на пикники. Малыш резвился на полянке, гоня в футбол консервной банкой, а отец

в это время углублялся в лес и возвращался с корзинкой, полной брусники...

До могилы родителей оставалось буквально несколько шагов, когда Кройд почувствовал, что проваливается в бездонную шумовую пропасть, где истерически рыдают сирены, пыхтят паровозы, сотрясают небо самолеты, слышится чей-то плач, кто-то с кем-то яростно спорит, постоянно хлопают двери, в столетние деревья вгрызаются механические пилы, дерут глотки младенцы, безумолчно гремят гаубицы, с леденящим душу грохотом ползут танки, шипят сифоны, вопит радио, кто-то возмущается, что лезут без очереди, взлетают ракеты, взрываются аплодисменты, извергаются вулканы, вбиваются гвозди, отчего в голове у него елочными хлопушками стали рваться кровеносные сосуды...

По лицу женщины, склонившейся над соседней могилой, Кройд понял, что это не галлюцинации и не индивидуальная шумовая ловушка, хотя последнее вряд ли показалось бы ему подарком судьбы. Швырнув на землю фиалки, он помчался назад. Из ближайшего видеофона-автомата позвонил Халиджу. Несмотря на то, что ему удалось вовремя вырваться из ловушки, в которую он попался, эффекты Дампера продолжали преследовать его с удвоенной прытью, поэтому в ожидании связи со Штабом спецподразделений борьбы с шумом он неверной рукой нацарапал записку, которую и сунул прямо под нос Халиджу, как только физиономия того появилась на экране. Записка гласила:

«Могила моих родителей разграблена — из нее выкачали тишину. Прикажи немедленно восстановить порядок. Участок 87, аллея 202».

Голова у Кройда разламывалась, непереваренный до конца завтрак подступал к горлу, ему казалось, что мир рушится и никакие специальные фильтры не спасут ни

его самого, ни Халиджа, ни его хваленый штаб. На показанном Халиджем листочке был написан ответ:

«Тишину на участках 60—100 пришлось выкачать. Восстановление невозможно».

«Неужели, — осмелился написать Кройд, — патроны, доставленные вчера, наполнены тишиной с этих участков?»

«Все без исключения, — ответил начальник штаба, бросив на него удивленный взгляд. — Жесточайший дефицит тишины. Мы решили, что ради живых лучше слегка ущемить мертвых. Ведь и они в свое время обобрали своих потомков».

«А может, тишина в моем доме взята как раз с могилы моих родителей?»

Вместо того, чтобы написать ответ, Халидж резко отвернулся, его погоны в последний раз ослепили Кройда, и экран погас.

Где-то совсем рядом взвыла бензопила. Снабженная зубьями размером в бивень мамонта цепь резанула Стапена прямо по коленям, и он свалился на пол кабины. Ни один звук его больше не потревожил...

Ему не дано было узнать, что через несколько минут все кладбище Аболидо провалилось в Дамперову бездну. По сравнению с обрушившейся шумовой лавиной бешеный топот мчавшихся стремглав людей казался нежнейшей мелодией. Их бескровные лица сливались в одно пятно причудливой конфигурации.

За весь день никто не обратил внимания на тело директора Национальной библиотеки поэзии. Дверь в кабину видеофона-автомата была открыта, и кружившиеся в воздухе золотистые листья падали на застывшее в страшной гримасе лицо Стапена Кройда.

Перевел Игорь Крыжановский

ЛЕТИМ К ГИАДАМ

Вечером сыпал водянистый снег, поэтому Красимир осторожно прошел по мраморным плитам перед Домом культуры, а затем взбежал по ступеням и вошел в помещения клуба «Жар». Литературная встреча только началась, в воздухе еще витало вступление, произнесенное известным молодым автором. Новоприбывший поспешил устроиться в последнем ряду зала. Затрепыхал рассказ, густо приправленный импортными словечками. Чтобы в них разобраться, требовался хотя бы карманный разговорник эсперанто. Диалоги гнулись под тяжестью восклицательных знаков и невысказанных фраз, чтец подчеркивал их картинными жестами. Персонажи шествовали по сюжету, словно в потемках большого недостроенного подземного перехода. Красимир так и не сумел вникнуть, зачем проблему лихорадочных будней современных людей нужно обязательно перенести в Космос. Мысленно извинившись перед все более распалющимся автором, он перестал его слушать. Красимир и сам писал. И как раз в этот миг к нему снова пришла идея, впервые посетившая его на фестивале фантастики на Пирине, в мае. Она тихо, на цыпочках, присела рядом, вся в немом сиянии... и Красимир забыл, где находится.

* * *

Уже третий год Нильс Хагстрём и Имма Куско выхаживали старую, выдавшую виды машину времени. Последний раз она работала в прошлом веке в поисках внезапно исчезнувшего вида бабочек. Сейчас скелет машины, отлитый по чертежам Нильса, напоминал расцветающий миндаль, кабина приглашала устроиться в своем экономном объеме.

Имма ласково коснулась поблескивающей глади хроноупорного лака, последний мазок которого она нанесла

сегодня утром. Паре предстоял настоящий подвиг Геракла, чтобы взять диплом первой высшей специальности...

Будучи неопытными путешественниками, они долго блуждали по Гоби. Ветер сдувал с них страх, обволакивал бодрым ароматом полыни под бесконечными яркими облаками. В футлярах из твердого песчаника дремали лууни яс — кости динозавров. Как раз эти кости без усталости выкапывала древняя советская экспедиция, затупляя и кося индустриальные инструменты. Прошлым вечером Имма заметила крупные искры, вылетающие из походной печи, а Нильс уловил кузнечный перестук, говоривший о починке инвентаря.

Путешественников охватила неизведанная ранее радость: им удалось успешно погрузить машину в сказочно далекий период, о чем так давно мечтало все человечество!

И вот их аппарат оказался перед обитым войлоком домиком, где пульсировала переносная электростанция экспедиции. В домике два человека пили чай и говорили о находках. Это были дежурный механик и Иван Антонович Ефремов — лууни яс хэлтэс дарга — начальник охотников за скелетами динозавров...

Иван Антонович быстро поднялся с места, в его капитанской осанке сквозила сдержанная сила, глаза блестели восторженно. Нильс Хагстрём смутился настолько, что забыл заученную приветственную речь, которую приготовил сразу после голосования, решавшего, приглашать ли Ефремова в полет к Гиадам... Слово только вчера Совет астронавтики подарил юношеской академии «Туманность Андромеды» гиперпространственный корабль — модель 150 световых лет... Но Имма Куско не оплошала. Ее смуглые щеки зарумянились, однако она приказала своему голосу не срывать и, почему-то обращаясь к шоферским очкам на кепке Ефремова, разъяснила принципы предстоящего полета.

Иван Антонович выразил желание немедленно глянуть на необычный корабль и обнял гостей. Солнце рассекло ночь, люди жадно окунулись в его животворящий родник. Мотор сочинял песни, под которые прятались морщины на лице Земли, планета улыбалась проходящим эрам.

Когда Нильс и Имма привезли писателя-палеонтолога в академию, им присвоили почетные прозвища Рен Боз и Эвда Нал и включили их в основной список экипажа к Гиадам...

В сентябре они плавали по Эгейскому морю. Фиолетовые волны, аромат спелой лозы, лучезарный воздух пьянили сильнее прославленного вина. Появился остров Кос, где иногда обнаруживали монеты с изображениями небесной девы Афродиты Урании среди звезд.

Рен Боз привязывал лодку к кольцам пристани, а Эвда любовалась тем, как Иван Антонович блаженно вдыхает букет сосновой смолы, морской соли и горного меда. Гость из прошлого словно ощущал, как недавний дождь просачивается к миллионам корней... Они пошли к станции, построенной юношеской академией вскоре после находки таинственных монет.

* * *

Пепельные волосы Марженки Райняковой и крепкое плечо Нико Залашвили нависали над экраном, темным, как ночной ручей. На рассвете быстрая молния на миг выхватила из этого мрака белую мраморную колонну, и все... Восьмые сутки продолжалось их бдение. Нико уже стал сомневаться в эффективности изобретенного ими с Марженкой хроновизора и думал: может быть, лучше было увлечь подругу астрономией и энергетической связью Великого Кольца, чем бесплодно взирать в это мертвое зеркало? Однако идея выглядела столь реально, когда девушка принесла горсть странноватых, еще в крошках глины монет и попросила его помочь с проектом...

Вдруг они уловили шум морской воды, почувствовали запах соснового клея, задымил воск — им древние окуривали амфоры. Короткий проблеск разбудил зеркало, снова показал мраморную колонну... Наконец-то!

На холме напротив они увидели неизвестное эллинское святилище. Оно возвышалось легкое, словно птица, готовое взлететь над пенистой вереницей волн, искупаться в золотом очаге солнца. По тропинке к храму поднималась стройная женщина в розовом хитоне, который крепился на ее плечах пятью серебряными иглами. Черты ее лица, озаренные будто изнутри, напоминали небесную деву на античных монетах...

Эвда Нал, Рен Боз и Ефремов долго звонили в хрустальные колокольцы над входом в станцию, но потом заметили бледный свет, исходящий из окна, словно сам Млечный Путь отражался в магическом зеркале... Наконец двери распахнулись, и они вошли. Женщина стояла перед храмом и смотрела сквозь тысячелетия. Писатель узнал ее сразу: Таис, любимая Таис! Четверо воспитанников академии «Туманность Андромеды», прерывисто перешептываясь, заметили, как глаза писателя наполнились гордостью и силой... Простирая руки, словно стремясь обнять весь мир, молодая элинка промолвила: «Радуйтесь, богоравные друзья!»

Марженка Райнякова и Нико Залашвили, совершившие свой подвиг, получили почетные имена Веда Конг и Дар Ветер. Перед тем, как их включили в список участников полета к рассеянному звездному скоплению Гиад, сам Иван Антонович украсил головы молодых людей оливковыми венками...

* * *

Мария Странопулос и Дэвид Карвэн каждый час устало докладывали спутнику № 206, что эксперимент с гипно-

уловителем продолжается, но результатов еще нет. Тонкие пальцы Дэвида постоянно поправляли шлем, ему казалось, что уплотнение подводит. Карвэн сердито подумал, что вести корабль сквозь метеорные Т-ураганы — более осмысленное занятие, нежели попытки проникнуть в сновидения москвича, жившего в октябре 1972 года... Но они с Марией не сдавались.

За стенами лаборатории шел дождь, внезапно превратившийся в снег, а Дэвид снова и снова центрировал решающую способность установки. Внезапно ему послышался рокот винтолета за снежной пеленой. Наверное, прибыли коллеги из академии. И чем их встретить?

Гром, мелодия растущей печали, вздох... Темно-алые линии словно смели зал. Зазубренное плато выступило из хаоса, дрогнуло и разошлось равниной, на которой молодые люди различили мощный спиралодиск, а рядом — звездолет с раздвинутыми подпорами стабилизаторов и шаровидным куполом в носовой части. Казалось, что громадный мужчина стоит на плоскогорье, неподвижный, немой, а взор его устремлен в огненные фигуры сыплющихся сверху созвездий. Вот только не было среди них Большой Медведицы, на небосводе не колыхались Волосы Вероники, апельсиновый Канопус не вел Корабль, не было видать и раскинувшего крылья Лебеда со свитой из Ящерицы, Пегаса, Дракона и Цефея... Дэвиду Карвэну приходилось летать до границ Солнечной системы, а Мария с матерью побывала в системе Сириуса, однако таких созвездий не было нигде.

Исполинский диск приблизился. Мария и Дэвид ясно прочитали на корпусе надпись «Байконур» — письменна линейного земного языка, ниже шел шифр Великого Кольца.

Иллюминаторы «Байконура» вспыхнули милым огоньком дома в лесной чаще, раздался гул, и почти без перехода молодые люди увидели блестящие оси, закле-

пываемые компрессором в сердечник гиперпространственного двигателя. Крупный мужчина с осанкой капитана, седыми волосами и густыми тенями под лазурными глазами колдовал над пультом компрессора. Он был из тех, кто согласился на то, что его жизнь будет вдвое короче, чем у остальных людей, — конструктор звездолетных двигателей...

Дэвид и девушка медленно освободились от видения и вышли на связь со спутником № 206. Улыбающийся дежурный принял их просьбу о выделении необходимой энергии. Не прошло и десятка секунд, как титанический луч разделил надвое осеннюю стихию и влился в поглотитель академии «Туманность Андромеды», чтобы зафиксировать во всех измерениях последний сон писателя-фантаста...

На мокрую площадку во дворе сел винтолет, из его кабины выскочили Веда, Дар, Рен и Эвда. Их тела — бронзовые молнии, закаленные фестивалями предельной выносливости — устремились к залу гипносуловителя. Но их словно нес на себе пятый пассажир винтолета — их рослый спутник, который пел гулким басом все время перелета через Эгейское море.

Иван Ефремов жадно обнял свой былой последний сон. Так бродяга с Острова Забвения впивается взглядом в обнаруженный среди пыльных холмов родник, в котором дрожат отражения друзей, пришедших за ним, чтобы вернуть его в ширящийся вне острова мир...

А Мария Странопулос и Дэвид Карвэн спали, истощенные экспериментом, и еще не знали, что получили почетные имена Низа Крит и Эрг Ноор...

В апреле гиперзвздолету, подарку Совета астронавтики, предстоял старт к Гиадам. До назначенного срока было необходимо полностью сформировать его экипаж,

и сотни тысяч молодых людей готовились совершить свои «подвиги Геракла»...

Сидя возле цветомузыкальных фонтанов в саду юношеской академии, Иван Антонович рисовал в уме земли, прошлое и судьбоносное устремление к скоплению Гиад. Рождался новый роман. Первый после многих веков молчания. Он начнет его, когда они полетят...

* * *

Молодой автор наконец-то замолчал. Чтение рукописи окончилось. Повисла тишина, ее нарушили несколько скрипнувших стульев.

Предстояло обсуждение, а Красимир думал, что вот так же повиснет тишина после прочтения его рукописи, названной пока «Летим к Гиадам». Потом председательствующий клуба процитирует какое-нибудь особенно удачное предложение из маленького рассказа... и ненавязчиво переведет беседу в более увлекательное русло, к более интересным темам.

Красимиру едва исполнилось шестнадцать лет, он просто не представлял себе, как с таким скудным стажем литератора сумеет сделать свою мечту осязаемой для людей. Его снова обдало тревогой, что слишком вольно распоряжается он временем. Не осерчает ли за это на него бог Хронос? Да и герои рассказа, разве они выбрали самые подходящие периоды, чтобы перенести Ефремова вперед?..

Красимир забросил на плечо ранец, прошептал: «До свидания», — и закрыл за собой дверь клуба «Жар». Мартовские снежинки слипались в капли дождя, мраморные плиты перед Домом культуры, казалось, впитывали отсветы огней дискотеки. Ночь встретила паренька радостным поцелуем и мигом обволокла его со всех сторон яркими Гиадами — ведь на языке мальчика-человечества, рождавшего эллинские мифы, «Гиады» значит: «Идет дождь»...

АВТОРСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ

«В своем рассказе я использовал отдельные моменты из жизни и творчества...» — далее смысл кристально ясный. После одного из посещений фестиваля «Аэлига» (было это в мае 1990-го), мы, четверо друзей, посетили вдову фантаста — Таисию Иосифовну Ефремову. Она не только показала нам кабинет Ивана Антоновича, но и позволила заночевать: двое устроились на кушетке, двое — на полу, на матрацах.

Наутро хозяйка угостила нас вареньем из облепихи (мне оно показалось сделанным из громадных золотистых искр), а я вручил ей отпечатанную на машинке рукопись этого скромного опуса. Позже я думал, что рассказ, в самом лучшем случае, лежит где-нибудь в архиве писателя, а Таисия Иосифовна меня просто забыла... по старинному людскому обычаю. Разве мог я надеяться на нечто большее?

Потому я несказанно обрадовался, получив годы спустя, с оказией, через нашего общего знакомого, добротный голубовато-серый том с письмами и научными статьями Ивана Антоновича, опубликованными впервые. Именно из него я перевел несколько эпистолярных отрывков для болгарского юбилейного сборника «С именем Ивана Ефремова» (2009), чьим составителем стал вместе с Юрием Илковым. Важно, однако, другое, а именно: полет продолжается — не только к давно приобщенным к фантастике читателям, но и к новым, не состарившимся душой...

Перевел Николай Теллалов

В ЭПОХУ УНИМО

Унимо! Это звучное сокращение вот уже век олицетворяло надежду человечества на невиданные возможности. Ему были посвящены тысячи томов, сотни тысяч судеб

научных сотрудников и дерзких дилетантов, миллионы надежд, ставших семейными преданиями, социальные мифы, бойкие анекдоты и фантастические сюжеты. Многочисленные неуспешные попытки создания Унимо канули в Лету, и вот наконец, на пороге двадцать второго столетия, заговорили о том, что его появление — вопрос месяцев. Вся планета лихорадочно ожидала небывалого чуда.

Ждали его и в жилой башне № 15225, обитатели работников умственного труда. Башня эта — испытательный комплекс, оборудованный системами Унимо, — после горячих споров была предоставлена медиумам вдохновенных образов. Однако очень скоро башни, подобные этой, стали типичным явлением. Поэтому давайте заглянем в квартиру доктора филологических наук профессора Джордана Хенека, специалиста по европейским литературам XIX и XX веков...

Вечер, с которого, собственно, и начинается наше повествование, застал членов семьи Хенека каждого в своей комнате. Разумеется, везде был аппарат Унимо, скрытый за непритязательной круглой пластмассовой дверцей в стене.

Монотонным металлическим голосом аппарат сообщал ежедневные новости:

— Сегодня окончен монтаж первых метаконденсаторов, расположенных под мировым океаном... Через две недели в недрах Гималаев начнет свою работу половина всех патентных бюро...

Человечество представляло себе опустевшие горы: в их недрах, подобно ячейкам огромных пчелиных сот, разместились легионы изобретательских фирм.

— Вчера досрочно вступили в строй секции пластики человеческого тела и новых бытовых приборов.

— Полным ходом идет завершение чувствоформирующего гамма-мозга, а также шестимиллионного транс-

мутирующего узла, предназначенного для переработки сырья из недр Гималаев.

«Понятно, — сказал себе Джордан Хенек, — из отходных газов, наверное, будут производить самые тонкие и сложные изделия. Вот это размах!»

— Доставка стабилизаторов в панцентр равновесия Унимо приближает нашу заветную мечту — это вопрос нескольких дней.

Итак, почти ежедневно, знакомый голос информировал о вводе в эксплуатацию все новых и новых звеньев. Под сенью грядущих перемен человеческие души становились щедрей, планы — смелей, а жизнь планеты — все насыщенней. Последние годы над каждой дверцей Унимо пульсировала надпись: «Ожидайте включения!»

Хенек готовил конспект завтрашной лекции о творчестве Оскара Уайльда, когда после обычного потока новостей строительства грянуло торжественное сообщение:

— По данным наблюдающих, тотальное включение — вопрос ближайших десяти часов!

Хенек спокойно работал над конспектом. Он был уже не первой молодости и помнил на своем веку ни одно подобное сообщение. «Вот Жюль и Хорхе, наверное, не сомкнут глаз всю ночь!» Затем мысли его переключились на жену Пентелею, специалистку по древнегреческой литературе: «Вероятно, Пента сейчас готовится ко сну с присущим ей античным спокойствием. Пойду пожелаю ей спокойной ночи...» Затем Джордан сварил себе кофе и вздохнул:

— Если бы в эту минуту включили Унимо, первым делом заказал бы себе полный кофейник. Не пришлось бы возиться с приготовлением и краснеть за паршивый вкус благородного напитка.

Углубленные контакты с предметом исследований профессора Хенека наложили свой отпечаток на его внешность. Он был статен и строен, как Гюго, смугл, как

Стивенсон, под глазами рельефно выступали мешки, как у самого Оскара Уайльда.

Спустя какое-то время волшебное действие кофеина испарилось, голова налилась тяжестью, и Хенек решил, что пора ложиться спать. Перед тем как скользнуть под одеяло, он автоматически взглянул на аппарат. Над дверцей поблескивала надпись: «Вас включили!»

Но Джордан чувствовал такую усталость, что не испытывал никакого воодушевления и просто для проверки сказал:

— Мне будильник, и чтоб кукарекал!

Где-то далеко, под Гималаями или мировым океаном, что-то тихо щелкнуло. Открыв пластмассовую дверцу, Хенек подхватил новенький будильник. И в раздражении швырнул его обратно:

— Заведи его на семь часов! Стоило ждать тебя целый век, если не знаешь элементарных требований?

Аппарат тихо хмыкнул и вернул будильник. Стрелка звонка с математической точностью застыла на цифре 7.

«Ну и дела!», — успел удивиться книжный червь перед тем, как его усталый храп заглушил бодрое тиктаканье.

— Ку-ка-ре-ку-уу! Ку-ка-ре-ку-у!

Вначале Хенек опешил. «Вас включили!» — вернула его к действительности надпись. Он сразу все вспомнил и решил проведать семью. Жена спокойно посапывала во сне, явно упустив эпохальное событие. Джордан улыбнулся собственной прозорливости и решил ее не будить, дав возможность насладиться первооткрытием.

Но Жюль и Хорхе, студенты, изучавшие эстетику, уже приобщились к чуду. Перемены явно коснулись их: Жюль склонился над какой-то старинной книгой, на столе поблескивали бутылки.

— Папа! — воскликнул Жюль. — Унимо может все! Ты читал «Солярис» поляка Лема? — он погладил стра-

ницы. — Просто прелесть, странно, почему не переиздают такие жемчужины? Сядь, я заказал метаксу, саке, мандаринелло — напитки древние, говорящие сами за себя, если ты можешь оценить их по достоинству!

Отец покачал головой. Жюль — неисправимый библиофил. Нашел что заказать Унимо: Лема и мандаринелло! Да и пьет он как-то не по-людски, даже этому не научился — ему кружат голову ароматы, цвета, послевкусие, будто в этом смысл алкоголя... Хенек заглянул ко второму сыну.

Хорхе раскинулся на ворохе костюмов, где его сморил поздний сон. По фасонам Хенек догадался, что это собственные изобретения сына. Мебель в комнате была абсолютно новой; яркий торшер напоминал застывший водопад. Слабостью Хорхе был дизайн; это их и сближало — тяга к уюту, к новым приобретениям, будь то последняя новинка — оливковое мыло или новый вид мольного пластыря. Видимо, поэтому отцовскому сердцу Хорхе был ближе, чем Жюль. В последние годы ожидания Унимо Джордан тайно тешил себя надеждой на роскошно обставленную квартиру, ведь до сих пор ему мешала вечная нехватка времени — из-за работы и витаний в облаках.

— По последним данным, — рявкнул аппарат, — услугами Унимо воспользовалось 2 589 770 921 человек. Восторг его создателей и непрестанно увеличивающейся армии клиентов воистину огромен!

— Вот это воистину! Универсальный модификатор! — воскликнул Хенек. — Что пожелаешь — все твое!

Хорхе зашевелился во сне на ворохе одежд.

— Спи, спи, — успокоил его отец. — Сон придаст тебе сил, и ты еще возьмешь свое от Унимо. Я в твоём возрасте предпочитал толковать писателей-романтиков, считая Унимо вопросом необозримого будущего. Но теперь, шалишь, — он с трудом перевел дыхание, — пора наверсты-

вать упущенное! Все, чем обделила меня судьба, теперь воздастся сторицей!

Воодушевленный, Хенек устремился в свою комнату, где и застало его очередное сообщение:

— Просим наших клиентов возвращать использованные вещи через ту же дверцу, а вместо них заказывать новые. Давайте экономить каждую крупицу сырья для великого благодетеля!

«В этой ситуации на мою лекцию никто не явится, — прикинул Джордан. — Так что — за работу! Посмотрим, на что способны мы с Унимо!» Он чувствовал, как в предвкушении чего-то незнаемого все тело вибрирует, как в лихорадке.

— Что за чертовщина! Может, это проклятое кукареканье выбило меня из колеи? Мог же заказать себе будильник... да хоть с пением соловья!

Он лег и предался мечтам. Нежно запел новый будильник. И все-таки Хенека что-то раздражало — чуть-чуть, самую малость, словно прилипший к нёбу кусочек кожуры от яблока.

— В сущности, почему именно соловей? Что я, в лесу? Да и о каких лесах может идти речь, если последние из них давным-давно отданы в пищу Унимо! Соловьи — пережиток. Нужна музыка посовременней.

Третий будильник буквально взорвался в барабанных перепонках ревом стартового двигателя космолета. Перед его взором проплыла возрожденная колыбель человечества. Вся природа была переработана и возвышалась сырьевыми колоссами на асфальтовой глади планеты. Может быть, архитектурным памятникам уготована та же судьба, и они пополнят производственный баланс, чтобы Унимо мог создать новые памятники, воплотив самые смелые идеи человечества?

— Того и гляди, найдутся маньяки, способные убедить Модификатор восстановить природу, — почесал в затылке

Хенек. — Впрочем, невелика беда — это ведь будет спроектированная природа, более рациональная, более совершенная. Мы станем, как боги, по утверждению Уэллса. Хотя я лично и не вижу особого смысла в реставрации природы. Какие-то мрачные холмы, тенистые и влажные поляны, жалкие цветики — кому все это нужно? Все, что мы некогда брали у природы, Унимо даст нам по мере необходимости в более совершенном виде и совсем целенаправленно. Он может усыпать цветами всю планету: нанюхаешься вволю, поставишь яркий стебелек в вазу или засушишь его между страницами любимого романа, а затем давай все обратно, ведь цивилизация должна идти вперед. Мы можем и камни превратить в воду, и вообще — для нас не существуй преград!

Вдруг его осенила парадоксальная идея:

— Хочу стать Гомером! Раскрыть существующие около его имени загадки, приобщиться к гармонии древней Эллады!

— Унимо прекрасно понимает вас, — сразу же отреагировали в недрах Гималаев, — но все еще не может менять внешность человека. Пожелайте что-нибудь другое.

— Фу, мошенник! — не сдержался Джордан. — Что же ты тогда можешь?

Он решил, что пора удовлетворить жажду экспериментаторства — приступ лихорадочного возбуждения уже миновал — и вновь вернулся к вопросу о будильниках.

Что-то его все-таки не устраивало — смутное раздражение не проходило. Испробовав будильников двадцать (последний был со звуком древней пишущей машинки), Хенек заорал прямо в дверцу:

— А ну-ка, предложи что-нибудь ты! Ты же коллективный гений всех времен! А мне, Джордану Хенеку, не можешь угодить? Похоже, я тебе не по зубам! — и тут ему пришла в голову другая мысль: — Я ложусь, а ты меня разбудишь. Запомни, никаких идиотских будильников

пусть сам великий Унимо подумает конкретно обо мне, о'кей?

— Сначала прослушайте сообщение, — настойчиво заявил аппарат. — В ближайшее время Унимо сможет видоизменять внешность клиентов, придавая им облик выдающихся личностей. Прошу заменить заявки подобного рода другими, исполняя которые Унимо накопит необходимую мощь для удовлетворения первоначальных требований.

Затем аппарат торжественно провозгласил:

— Джордан Хенек, проснись! Джордан Хенек, проснись!

— Вот это другое дело, — вскочил он, улыбаясь. — Чувствуется размах. Приятно услышать свое имя по этой штуковине! Авторитетно и уважительно! Интересно, мое имя прозвучало по всему миру?

— Материализация желаний строго индивидуальна. Ваше имя слышали только вы.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Хенек, — не будем мелочны. Я не страдаю манией величия.

Его по-прежнему снедала жажда первооткрывательства. «Вчера мне не пришло в голову придумать пижаму поинтересней, — осенило его. — Этой я пользуюсь уже несколько месяцев, она пронизана моими многочисленными сомнениями и неудачами!»

Воображение подсказало мягкую, как пух, убаюкивающе-синюю пижаму, удобную, как халат дзюдоиста в категории Десять данов. Но мысль о том, что существует множество самых разных пижам, не давала покоя. Хенек примерял одну за другой, самых невероятных цветовых сочетаний, на мгновение застывал у зеркала с выражением дегустатора, испытывающего сомнения, а затем срывал их с тела и швырял обратно в дверцу.

Приближалось время обеда. Джордан вспомнил о своей семье. Ну, Пентелея, наверное, уже давно на ногах; с прищипкой ей уравновешенностью заказала себе завтрак,

скромное платье и какую-нибудь неизвестную древнегреческую рукопись, чтобы прилежно исследовать ее загадки. Она не любила экспериментов вне литературы, ей было чуждо горение Хенека, да и так ли важно, как именно общается Пента с Унимо? Это ее личное дело. Жюль, наверное, по-прежнему изощряется в библиофильстве, они с матерью одного поля ягоды. Вот к Хорхе он вновь заглянул бы с удовольствием, но жажда творчества связала его по рукам и ногам, проекты роились в голове, неудержимо выплескиваясь наружу!

Похоже, супруга и сыновья были слишком заняты — до сих пор никто не заглянул к нему, хоть на минутку. Странно все же — серьезные люди на пороге XXII века в ожидании Унимо доходили почти до взаимного отчуждения... Ну ладно, хватит возиться с пижамами, пора и умыться. Ведь даже попадая в Туманность Андромеды, человек не должен забывать о нормальном ритме жизни, не так ли?

Он взглянул на себя в зеркало. Мешки под глазами во всей красе. Неважно, что они придают сходство с Оскаром Уайльдом.

— Отвратительная история! Давай, спи в жалкой пижаме, вскакивай от крика петуха — как тут не взяться мешкам? Нужно заказать какую-нибудь чистую воду издалека, например, из водопада Виктория, какое-нибудь особенно приятное мыло, которое уничтожило бы следы усталости на лице.

Хенек умылся; мешки под глазами слегка порозовели. Однако они стали как будто еще больше. Джордан разозлился.

— Что за нелепость — вода из водопада, когда Виктория давно покрыта бог знает какой маской, как говаривали древние! А может, сейчас Унимо синтезировал эту воду из камней, пыли, пижам и асфальта? Что ему стоит: он может преобразить все во все. Вся загвоздка в мыле!

И Хенек занялся мылом.

— Ананасовое! Из орхидей! Из пионов и моркови! Из листьев ореха! Нет, из тыквы! Из персиков! Мне нужно мыло, в котором сочетался бы аромат салата-латука, ягнатины, крем-брюле и пива, которое пил Гашек!

Примерно к пятидесятому сорту наш герой почувствовал полное истощение. Напрасно он надеялся освежиться таким образом. В итоге — лишь дал дополнительную пищу своим подглазным мешкам: они налились, покраснели — самодовольные, типично джордановские.

После опытов с мылом он ограничился несколькими полотенцами, вернул их вместе с радужной горкой щелочка и сел завтракать, хотя уже подходило к концу обеденное время.

— Наша статистика свидетельствует о том, что лишь 114 333 человека из всего населения Земли не воспользовались услугами Унимо, — пророкотал аппарат. — Мы решили присуждать премии наиболее терпеливым и избретательным клиентам. Первой премии удостоена Эльвира Смедна из башни № 487, примерившая и добросовестно вернувшая ровно 100 пар колготок. В ее комнате уже смонтирован второй канал Унимо. Поздравляем, Эльвира Смедна!

— Люди не теряют времени зря! — прищелкнул пальцами литературовед и приступил к завтраку.

В первую очередь — чайный сервиз по вкусу. Прошествовали чашки из металла, стекла, фарфора. Ему не нравились то форма, то звон ложечки в чашке, то рисунок, то размеры. Предметы летели в открытую дверцу, раскалывались, распадались, чтобы тут же вернуться преображенными. Затем последовали муки творчества над сортами чая, булочками, вареньем.

— Что же я делаю? — вскипел Хенек. — Скоро вечер, а я ем какие-то жалкие булочки, ну и ну! Неужели мне недостает воображения? Хочу бифштекс из кабаньего мяса, нет, черепаху на углях, нет, форель, нет, кальмара в суха-

рях! Дай мне кресс-салат, спаржу, цыпленка, тушеного в меде, копченые почки, соловьиные языки!..

На блюдах выростали горки яств всех времен и народов: дрозды, фаршированные трюфелями и конфеты с начинкой из икры! Джордан Хенек пробовал и отбрасывал их прочь; откусывал, вдыхал аромат, рассматривал — и возвращал обратно.

— Внимание! Вторую премию получает профессор Хенек из башни № 15 225 за изобретение 54 сортов мыла. Поздравляем, профессор Хенек! Делитесь вашими заветными желаниями с великим Унимо! В процессе удовлетворения ваших все возрастающих потребностей Унимо будет непрестанно совершенствоваться. Скоро вы смело сможете прошептать ему ваши сокровенные мечты!

В противоположной стенке приоткрылась вторая пластмассовая дверца — рог джорданового изобилия удвоился!

Радостная новость придала ему смелости и гордого дерзновения. Еще какое-то время он предавался изощренному гурманству, чуть откусывая от каждого из яств, захлебываясь в вихре разнообразных мелькающих вкусовых ощущений, пока, наконец, не пришло закономерное чувство сытости. Эта сытость была почти эфемерной, как будто он ел сахарную вату, в мгновение ока тающую во рту, оставляя легкую призрачную сладость. Но Хенек твердо знал, что он наелся. Собрал посуду, разбросанные объедки и, поколебавшись мгновенье, сунул их в новый канал. «А сейчас — что?», — вздрогнул он, обеспокоенный смутными предчувствиями.

— Поступили сведения, что некоторые наши клиенты, — несколько упавшим голосом провозгласил аппарат, — невзирая на регламент, не возвращают нам полученные товары. Им мы адресуем наш вопрос: «Почему, дорогие мои? Почему вы не возвращаете Унимо полученное от него? Унимо предоставил вам великолепные необ-

ходимые предметы ширпотреба. Вы смогли насладиться ими, потрогать, даже откусить — почувствовать их в полном смысле этого слова. Ну, и зачем они вам? Почему вы не возвращаете их на склад, где исходный материал перемодифицируют в иные товары?! Почему вы замораживаете эти богатства? Ведь уже сегодня или завтра вам понадобятся новая одежда, сервизы, мебель, цветы и прочие? Ваш дом, ваш ум, ваша нервная система испытают перегрузку, если вы продолжите накопление. По-нашему мнению, лучший вариант — это голая комната с дверцей Унимо. Любое ваше желание исполняется незамедлительно, вы пользуетесь вещами и сразу же возвращаете их — таким образом сырья хватит и для других клиентов, и для всех заказов. Давайте бороться за экономию, дорогие коллеги, боритесь за экономию! Пусть каждый напоминает себе и своему ближнему о необходимости немедленного возврата всех вещей, полученных от Унимо с тем, чтобы получить еще больше!»

Может быть, ты и совершенствуешься непрестанно, дружок (мешки под глазами Хенека живописно сморщились в улыбке), но болтун ты редкостный. И если я правильно воспринимаю происходящее, каких только чудачков нет на белом свете!

Он вспомнил костюмы Хорхе. Пора было подумать об одежде. Сможет ли запрограммированный маг создать ему одежду, многократно описанную любимыми классиками?

Джордан нервно перебирал старинные костюмы, на его макушке вальсировали котелки и цилиндры, улетающие прямо в пасть двух каналов. Небо мерцало вечерней синевой, не удостоенной вниманием Унимо, и поэтому избежавшей его сырьевых накопителей (или она была капризом какого-нибудь неизвестного чудачка?).

На этот раз в механическом голосе явственно прозвучали извиняющиеся нотки:

— Недавно мы сделали предупреждение тем нашим клиентам, которые по рассеянности или из старомодных труднообъяснимых побуждений задерживают продукты Унимо. К сожалению, число подобных нарушителей постоянно увеличивается, и Унимо решил подвергнуть их наказанию. Первым будет наказан студент Жюль Хенек из башни № 15225. В течение 10 часов 45 минут он задерживает у себя черешневое дерево, доставленное ему в безупречном состоянии. Особые приметы дерева: молодое, цветущее, с двумя неидентифицированными до настоящего времени птичками на ветках и примерно с тридцатью пчелами.

— Так я и знал... — вздохнул профессор. — Лем ему надоел, и он увлекся своими старыми мечтами о природе. Хоть ты ему кол на голове теши — человека из него не выйдет.

— Разумеется, — монотонно продолжал Унимо, — потери в данном случае ничтожны, трудно поддаются математическому выражению. Однако сам факт симптоматичен, решение не подлежит обжалованию: Жюль Хенек в срочном порядке лишается собственного аппарата, а дерево дарится ему, дабы он мог, сравнивая его аромат с приобретениями своих ближних, оценить по достоинству собственный проступок. Еще раз апеллируем...

Джордан элегантно и вполне сознательно швырнул очередной котелок в канал. Возвращаешь котелок — получаешь новый. Так полагается: верни ложечку или, скажем, цветущий сад — и получишь более свежий, головокружительный, более необходимый предмет. «Пуускай Жюль пеняет сам на себя. Пусть теперь бьется головой в свою черешневую прихоть с ее цветочками, птичками и другими атрибутами!» — махнул рукой отец. Жюль опозорился, лишь бы Хорхе и Пентелея теперь не подвели его.

Ночь опустилась на планету, когда мудрый книгочей более-менее достиг желаемого в области одежды. Ровно 14 часов он провел на ногах, бодрый, вдохновенный, неистощимый на выдумки. В столь сжатый срок ему удалось умыться, позавтракать, одеться и порассуждать на самые разные темы — разве этого мало в эпоху Унимо?

Его взгляд скользнул по книжному шкафу. На полках пестрели переплеты книг классиков XIX и XX веков. «Всю свою жизнь я рылся в этих книгах, — горько рассмеялся Джордан Хенек, — и что же я узнал? Даже если бы я тысячу сезонов подряд превращал их в плоть от мысли своей, и тогда вряд ли бы додумался до чего-нибудь, подобного Унимо. Хотя, как знать? Как бы то ни было, сейчас все мои проблемы решаются самым великолепным образом. Моя деятельность становится излишней, впредь я буду спокойно сидеть у двух этих каналов, чтобы жить, как я хочу. Зачем же тогда я потратил долгие годы на общение с минувшими веками?»

Джордан приступил к планомерному опустошению книжных полок. Клейст, Чапек, Ибсен, Жюль Верн, Толстой, Павезе, Станев, Диккенс, Лорка, Ивашкевич исчезли, возвращались в небытие, чтобы стать сырьем, из которого можно было получить разнообразные товары потребления.

В его руках зашелестели пыльные тома Флобера. «Вот, — чихнул литературовед, — его-то я, наверное, так и не понял до конца: как это — отсутствовать, и в то же время — направлять?» Внезапно на него нахлынула вторая волна пароксизма:

— Хочу стать Гюставом Флобером! — заявил он.

— Через плюс-минус семь часов Унимо сможет исполнить ваше желание, — пообещал аппарат.

Джордан почувствовал усталость и решил хорошенько выспаться перед тем, как преобразиться в гениального рунского отшельника. Не проявляя интереса к новым пинам, он на скорую руку перекусил и распорядился:

— Когда сможешь превратить меня во Флобера — разбуди!

Ему приснился просторный кабинет Мастера. Окна выходили на Сену; единственным украшением комнаты служили книги и дюжина предметов, напоминающих о путешествиях хозяина: янтарные безделушки, нога мумии — простодушная служанка начистила ее ваксой, как сапог; позолоченный Будда наблюдал за склонившимся над кипой рукописей Хенеком-Флобером. Он тепло, всепрощающе улыбнулся.

Утром аппарат возопил:

— Джордан Хенек, проснись! — а затем, вновь и вновь: — Джордан Хенек, проснись! Гюстав Флобер, проснись!

Наконец он открыл глаза. Смачно зевнув, надел костюм а ля XIX век, выпил бокал сидра. Профессор еле сдерживался, чтобы не сорваться с места. Еще бы! Ведь он перевоплотился в самого Гюстава Флобера! Ему не терпелось встретиться с людьми, поболтать с ними. Глубокие синие глаза сияли на крупном лице, викинговские усы искрились сединой, а в походке проступала сдержанная величественность классика.

Лифт доставил его к входу в жилую башню; здесь, в асфальтовом парке, стояли скамейки, автоматы, торгующие соками и галантереей. В нетерпеливом ожидании прихода эпохи Унимо здесь собирались жрецы искусства из дома номер № 15225, чтобы обменяться своими самыми фантастическими проектами. Хенек считал этот уголок воплощением пошлой скуки и напрасной траты времени; сегодня его влекла туда надежда и уверенность в том, что он встретится с себе подобными.

Пока лифт стремительно пронизывал грандиозное строение, с разных сторон доносился металлический зов Унимо:

— Йозеф Паличка, проснись, Оноре де Бальзак, проснись!

— Иван Бунин, проснись! Чарльз Спенсер Чаплин, проснись! Петр Милков, проснись? Маэстро Паганини, разбуди Марию!

— Джон Смит, проснись! Франциско Гойя, проснись! Эсмеральда, проснись! Братья Гонкур, проснитесь! Ефремов, проснись!..

Имена струились, взрывались, переливались и пузырились, неся с собой аромат хлеба, моря, старых парусов и смазки космических кораблей. Бесчисленные глотки Унимо демонстрировали безупречную дикцию.

На 96-м этаже лифт остановился, впустив Бернарда Шоу, на 72-м к ним присоединился, дымя сигаретой, Акутагава, на 47-м Торвальдсен, на 33-м — Рильке, на 28-м — Гершвин...

Хрупкий Рильке стойчески терпел тяжесть груди аккуратных томиков своей поэзии, переведенной на редкие языки.

Кроме этих светил, кабина приютила еще четырех человек, или потрясающе похожих лишь на самих себя, или пожелавших перевоплотиться в непопулярных личностей. Ближе к финалу головоломного спуска другие неидентифицируемые субъекты, в числе которых — и автор «Повести о жизни», попытались воспользоваться лифтом, но Флобер, Шоу, Акутагава, Торвальдсен, Рильке, Гершвин и четверка неизвестных не открыли им дверь, так как лифт был рассчитан максимум на десятерых.

Не успела компания обменяться парой вкрадчивых реплик, как кабина замерла. Все поспешно вышли.

Асфальтовый парк был заполнен толпой. Похоже, все население башни № 15225 почувствовало острую необходимость в общении с себе подобными, хотя за последние ночные часы с ними произошли удивительные метаморфозы.

«Гюстав Флобер» сделал попытку типологизировать этот людской муравейник. В нем выделялись созвездия знаменитостей, переживших века, причудливо смешиваясь с обособленными группками или отдельными личностями — нелепо отчужденными одиночками типа неразгаданной четверки из лифта. Последние были двух видов: одни — знакомые «собашенники», а другие — или подобные первым, ведь он знал далеко не всех своих соседей из сотен квартир, или принявшие облик давно забытых знаменитостей. Но все они обитали в башне № 15225; Джордан почувствовал, что все больше запутывается.

Какой-то человек, поразительно похожий на самого себя, подошел вплотную к нашему литературоведу с вопросом:

— Когда вы думаете завершить свой роман «Бувар и Пекюше»? — не получив ответа, любопытствующий пророчески кивнул, прежде чем исчезнуть: — Ну что ж, наконец будет кому дописать романы, задуманные некогда Мастером!

Хенек наконец понял, о чем речь, и поспешно освежил в памяти страницы воспоминаний Мопассана, но внезапно внимание литературоведа устремилось вперед, туда, где в одиночестве стоял его сын Жюль. Он наблюдал за этим вавилонским столпотворением, но расстояние мешало отцу уловить выражение глаз сына.

Толпа все сильнее сжимала воскресшего руанца. Водоворот столкнул его с Гоголем, обжегшим собеседника лукавым взглядом:

— Ну, как тебе Унимо, шикарная штука, а?

— Ты слышал, — ответил ему Флобер, — мне дали премию за изобретение 54 сортов мыла!

— Конечно, конечно, — во взгляде Гоголя мелькнуло нечто подавленное (может, едва сдерживаемый смех), и он попытался удалиться.

Тогда Гюстав схватил его за лацканы:

— Погоди, знаешь, мир полон невероятных чудачков — только что один из них спросил меня, когда я окончу «Бувар и Пекюше»!

— Ха-ха-ха! — Гоголь затрясся от хохота, но внезапно смолк. — Если бы ты знал, сколько человек уже спрашивали меня о втором томе «Мертвых душ»! И все как один — прилизанные, безликие, ни на кого не похожие, — сообщил он.

— Да, таких немало, — изрек французский классик.

— Подумаешь, — бодро воскликнул Гоголь, — много-то много, но воображения у них ни на грош! Да отпусти же ты меня!

Жужжащий водоворот унес его прочь и прибил к Флоберу Мопассана, доверительно шепнувшего:

— Тридцать часов без еды и сна. Но зато мне удалось испытать 110 видов расчесок. Вот, — он показал блестящую расческу. — Ты только глянь, что за чудо! Мой проект, ею можно пользоваться и как линейкой, здесь даже сантиметры обозначены. Ну как тебе?

— Молодчина! — отечески похлопал его по плечу Флобер. — Но, в сущности, кто ты, Ги де Мопассан? Кто скрывается за твоим обликом, сынок?

Толпа подхватила Мопассана, тщательно причесывающегося своей уникальной расческой и вертящего головой в поисках единомышленников, и понесла куда-то. Поблизости Герберт Уэллс расхваливал свой новый костюм. Сердце доктора вздрогнуло, уж не Хорхе ли это? Нет, показалось... Вперемешку с неизвестными субъектами мелькали «знакомые» лица: вот Золя, придерживающий пенсне и склонившийся над пресловутой записной книжкой, жестикулирующий Гендель, за ним — Ван Гог с перевязанной головой под синим колпаком, там — Вермеер в панталонах-буфф, в сторонке — Пушкин, пьющий лимонный сок.

— Вот так чудо! — пробормотал Флобер. — Хорошенькое дело... На этом маскараде каждый может узнать только себя!

Он опять взглянул на Жюля — тот по-прежнему одиноко предавался созерцанию. Вокруг было много таких, как он. Руанский отшельник попытался разобраться, кого из них больше — этих, принявших облик известных личностей, или — напоминающих лишь самих себя, как Жюль. Но Унимо строго соблюдал историческую достоверность. Хенек унаследовал близорукость Флобера — плод кропотливого труда над многочисленными рукописями, и сейчас испытывал все более осязаемые неудобства. Он узнал Сёра в строгом черном рединготе. Основатель неоимпрессионизма, очевидно, обладал орлиным зрением, но Флобер понял, что художника волнует та же проблема, к тому же, как видно, неразрешимая.

Толпа всколыхнулась пестрой волной, и Сёра скрылся из виду. Но появились Мопассан и Белинский — они ожесточенно спорили, вознесенные на плечи мощных поклонников. «А премия, почему мне не дали премии? — кричал Мопассан. — Какие гады скрывают от нас объективную истину?» Мгновение спустя на плечах возник новый оппонент, в котором Флобер не признал никого.

Ему на ум пришла увлекательная мысль: какова на данный момент временная граница Унимо? Век XVII? Вероятно, если бы все вдруг пожелали, чтобы Модификатор изменил их внешность, его возможности бы резко возросли. Доктор почти был уверен, что эта граница скоро расширится; и в конечном итоге спокойно можно будет сказать:

— Хочу стать первым первобытным человеком... — И добавить этакий нюанс: — Умеющим рисовать...

— Джордан! Джордан! — заставил его вздрогнуть мелодичный голос.

В его руку впились горячие пальцы. Он оглянулся. Рядом с ним улыбалась запыхавшаяся Сафо, белые склад-

ки ее хитона небрежно подчеркивали гармоничное тело, нежное, как нарцисс.

— Джордан, я тебя узнала по наклону головы. Еле добралась до тебя, эти люди меня раздавят, черт бы их побрал! Что они себе думают? А ты почему выбросил всю свою библиотеку? Впрочем, наверное, ты прав, теперь нам все поднесут на блюдечке. Но Джордан, — Сафо погрозила ему пальцем, — ты, как всегда, оставил шлепанцы в центре комнаты! Вечно кто-то должен за тобой...

Гюстав Флобер решительным жестом отстранил Сафо:

— Подумаешь, большое дело! Забыл их выбросить. Неужели сейчас будем спорить? Оставь меня в покое, я мечтаю поговорить с Гете, вон он там...

И поспешил нырнуть в шумный водоворот. «Сафо! — буркнул он. — Значит, граница стремительно расширяется! Да, Унимо свое дело знает. Теперь поломаешь голову, в кого же превратиться!»

Руанец с трудом пробивал себе дорогу, безмилостно орудуя локтями среди тех, кто был паразитально похож на самого себя и больше ни на кого, но с пониманием кивая знакомым ему бессмертным. На секунду ему пришло в голову, что второй день эпохи Унимо мог бы начаться несколько иначе.

— Ты знаешь, дорогой, — сказал Флобер, добравшись наконец до Гете, — мне было совсем не просто изобрести 54 сорта мыла...

Николай Телалов

НАТАША И ДРАКОН

Сказка посвящается Н.Б. и всем тем, кто в полете жизни нежданно-негаданно встретил глухую стену непонимания.

Вот, ты счастливый, заснул, а твой Ведогонь¹ вышел мышью, бродит по свету. И куда-куда не заходит, на какие горы, на какие звезды! Погуляет, всего наглядится, вернется к тебе. И ты встанешь утром счастливый после такого сна: сказочник сказку сложит, песенник песню споет. Это все Ведогонь тебе наказывал и напел и сказку, и песню.

Посмотри, вон растерзанный лежень лежит, это наша бездельная, наша убогая Русь, ее повзыскала Судина, добралась до голов: там, отчаявшись, на разбой идут, там много граблено, там хочешь жить, как тебе любо, а сам лезешь в петлю.

А.М. Ремизов «К Морю-Океану»

...Однажды... Жила-была... В некотором царстве, в некотором государстве... Стоял жилой дом. Не то чтобы новый, да и не больно старый, и одной стороной глядел на октябрьский² закат, правда не всеми окнами. Некоторые скрывались за высокими тополями, чьи календари по осени всегда отставали, и посему деревья пока не обращали внимания на багряно-желтое ее шествие. На балконе третьего этажа, заваленном всякой всячиной, на рух-

¹ Ведогонь — дух спящего человека или зверя.

² Октябрь — месяц, в который, по народным поверьям, большинство нежити впадает в спячку.

нувшем диване сидела девушка и читала библиотечную книгу в истертом переплете, время от времени поднимая взгляд серо-голубых глаз в сторону солнца, сажащегося меж двумя заводскими корпусами.

Посмотрим на эту девушку. В ту пору, если не изменяет мне память, в Тридевятом том государстве проживало около 269 миллионов человек. Если отметем неславянское население, то останется 189 миллионов двести тысяч. Разделим приблизительно наполовину, так как мужская часть не в счет. Предположим, что белокурых и светлоглазых сорок процентов. Возьмем во внимание возраст. Итого выходит, что таких девушек было по меньшей мере 611 тысяч. И наверное, тысяч пятьдесят в этот момент читали.

Книга, должно быть переводная французская и про любовь, как нельзя лучше подходила последним аккордам затянувшегося бабьего лета. Ничего не замечая вокруг, девушка внимала вещам, про которые очень мало говорили в школе, и послушно пошмыгивала носом все чаще и чаще, так как роман катился под шелест страниц к драматической развязке. Вот волны Сены сомкнулись над головой главной героини, и в темнеющем послезакатном воздухе девушка захлопнула книгу, а глаза ее были полны ясных слез. И все-таки... как это прекрасно — умереть во имя любви! Пожалуй, лучше, чем учить математику и получать двойки по географии. Девушка вздохнула.

Присмотримся повнимательней к ней. Собственно говоря, она была еще скорее девочкой четырнадцати-пятнадцати лет, телом тоненькая и хрупкая, с душой мягкой, как морская волна. Но не забудем о силе волн, их терпении перемалывать скалы в песок, вспомним о ярости цунами, сметающей все на своем пути! И, заканчивая нехитрое описание, отметим на остреньком личике бледнеющие веснушки, медвежатами готовящиеся впасть

в зимнюю спячку. Звали девочку... ну, скажем Наташей, и училась она, в общем-то, на тройки.

Роман, в котором на триста двенадцатой странице главного героя по ошибке казнили в хмуром месяце брюмере четвертого года Республики, а на последней, триста девятнадцатой, его возлюбленная утопилась с горя, сильно взволновал Наташу. Но вместе с тем как-то странно не расстроил — такая любовь могла (должна была!) кончиться только трагически: уж слишком было красиво. Конечно, Наташа жалела и его, и ее, но погибли они как раз вовремя, на свое счастье не успев узнать, что являются братом и сестрой (что коварно и злорадствуя собирались им сообщить) — факт, шокировавший Наташу на 197-й странице. Итак, обуреваемая противоречивыми чувствами после чтения, Наташа с сердцем, в котором бушевали стихии ревущих сороковых, вошла в свою комнатку и кораблекрушенцем в шлюпку бросилась прямо к единственному своему, никогда ее не укорявшему за что-либо, утешителю. Тонкие, словно прозрачные пальцы девочки коснулись клавишей, и фортепиано отозвалось звуками вальса из фильма «Мой ласковый и нежный зверь».

Немножко успокоившись, Наташа поиграла парую другую страниц из нотных тетрадок, выпрошенных у подруги с пятого этажа — Насти, что старше её. Потом сыграла еще, уже чисто свое, но напоминавшее нечто когда-то услышанное. Вдохновение спровоцировало девушку на эксперимент, который по робкому ее замыслу зазвучал бы по-французски, и был бы в нем глухой стук гильотины и прерванные сильным всплеском рыдания...

— Наташа! — голос матери донес сквозь проницаемость панельной стены недовольство. — Ну хватит! Мешаешь нам с отцом фильм смотреть!

Девочка почти сразу же перестала играть, но назло потыкала еще пальцем по клавишам — на большее в присутствии отчима она не решилась. Конечно, композируют

же музыку и в уме, но трусливым зайцем юркнуло прочь вдохновение, а от окрика ослабели руки, как птичьи крылья от ружейного выстрела. Так и сидела она, не зажигая света, в тоскливых объятиях проснувшейся скуки, раздумывая, не проведать ли Настю. Да ведь только как успешь продолжать пряхти ниточку рождавшейся мелодии в чужом присутствии? Да и Настя-то...

— Клянусь Тремя Солнцами, — влетел в раскрытую дверь балкона тихий мальчишеский голос, — последние несколько тактов были очень даже ничего. Тебя совершенно несправедливо прервали.

Наташа резко повернула голову, рискуя вывихнуть тонкую шею. Длинные золотые волосы панически рассыпались в глубоких сумерках. Мальчишки редко обращали на нее внимание, если сдуру не посчитать за такое бесцеремонные толчки в очереди в школьном буфете, небрежно оброненное «А, извини», дерганья за косичку да шепота «Дай списать!» на контрольных по русскому языку. Да и то, что в последнее время Наташа ненароком ловила задумчиво-оценивающие взгляды старшеклассников, не сказано ее то ли смущавшие, то ли радовавшие (но чаще всего это ее просто пугало).

— Не бойся меня, — проговорил опять незванный гость. («Да как он залез на балкон? — поразила девочка. — И что за штуковины у него за спиной, плащ что ли?») — Не смею причинить тебе зла. Я... дракон¹.

То, что человек — мальчик, — оказавшийся на ее балконе, не просто хулиган, форточник или акробат-эквилибрист, Наташа поняла сразу. А вот слова незнакомца, прозвучавшие с оттенком стеснительности, помогли

¹ Дракон — мифическое существо, связанное с огнем, но и с водой, пещерой, подземным царством. Типичный представитель в сказках — это опустошающий русские земли Змей Горыныч, знающий ответ на многие тайны, стерегущий клад и уволокивающий в плен царевен. На Балканах существует образ дракона-покровителя города, общины... но и он бывает охоч до красавиц!

ее разуму растолковать увиденное. Она беззвучно ахнула — на фоне перечерченного дымящими заводскими трубами темно-вишневого неба были достаточно отчетливо различимы перепончатые крылья. Они сгибались и разгибались за плечами гостя, подобно рукам пловца, расслабляющего мышцы после тренировки. В остальном же черный силуэт выглядел вполне человеческим, даже юношеским. Если бы не заметные, светящиеся янтарем глаза с кошачьими зрачками.

— Надеюсь, ты не ненавидишь драконов? — встревоженно поинтересовался незнакомец и добавил ободриительно: — Нас все равно уже в этой вселенной не водится. Мы... эмигрировали.

Наташа долго набирала воздуха в легкие, которые обычно два-три раза в году воспалялись, спасая ее от школы. Дракон же ощутимо замялся, точно самый настоящий подросток на первом свидании. Пауза затянулась.

Наконец девочка — удивительно, как ей не пришло в голову закричать — опомнилась и нарушила молчание вопросом, что первый подвернулся ей на язык:

— А... Почему ты не такой, как в сказках? И об одной голове... В книжках пишут иначе...

— Моя мама — ирландская принцесса, — охотно пояснил драконий мальчик (озарение, что он приблизительно ее возраста, пришло к Наташе в силу пословичной женской интуиции. Она просто *знала*, ничуть почему-то в этом не сомневаясь).

А пришелец продолжал дружелюбно:

— Даже ожидалось, что я меня буду рыжим. Отец мой был невысокого роста, кстати, трехголовый. Он часто говорил мне, что, мол, одна голова на плечах чересчур уязвима для сабли или меча. Но, с другой стороны, наряду с недостатками, существует и некоторое преимущество. Одноголовый дракон меньше надоедает самому себе и более общителен. Мой старший брат, который весь почти

в папаню, так он вообще считает это более подходящим для змеев с человеческими предками в роду. Но отец не всегда с ним соглашался. С характером был старик!

Наташины брови дрогнули от прозвучавшей в его голосе грусти.

— Был? — спросила она.

— Погиб в бою, — с печальной гордостью ответил драконочеловек. — Конный рыцарь пронзил его копьем. Мы не мстили — поединок был честным, хотя будь папаня лет так на 700 моложе...

— Ты... ты его помнишь?

— Конечно! Он учил меня летать. А мама жива и внуков, племянников моих, нянчит.

Как нянчить драконенка, Наташа не представляла. Но заинтересовало ее другое:

— Тогда сколько же тебе лет? — запутавшись, спросила она.

— В человеческом эквиваленте примерно шестнадцать с половиной. А так... Знаешь, время, оно течет по-разному. Мамадя выглядит на сорок, ну сорок семь, а родилась задолго до Столетней войны. Останься она среди людей, так давно и имени ее никто не помнил бы.

— Я сплю, — убежденно сказала Наташа. Она была совершенно сбита с толку.

Драконьи крылья зашуршали об косяк.

— Сны нельзя потрогать. Но меня можно.

И он коснулся сухими горячими пальцами Наташиной руки. Девушка не забилась в истерике. Даже не отпрянула. Может, только потому, что была слишком ошарашена. Может быть, потому, что верила в чудеса, зачитывалась легендами и былинами, хоть и давно засыпала без куклы. А может, и по причине того, что дракономальчик ничуть не излучал какой-либо угрозы. Но скорее всего, из-за любопытства. Ведь если верить сказочному гостю на слово,

то живого дракона — пусть и только по бабушке — никто не трогал со времен Крестовых походов.

— Вот видишь, я тебе не снюсь. — Голос незнакомца замирал, пока Наташа с изумлением исследовала крепкую, дрогнувшую под пальчиками ее руку, шею с мощно пульсирующими венами и на ощупь вполне человеческое лицо, но покрытые упругой чешуей. «Настоящий, — подумала девочка, — кожа прямо-таки как... как у черепахи». (Наташа боялась змей. На удачное и успокоительное сравнение ее натолкнули панциреподобные бляшки на локтях, плечах и затылке шлемоподобного черепа. Слово трогает каштан. Только довольно разогретый.)

— Как тебя зовут? — шепотом спросил он.

— Наташа, — тоже шепотом ответила она.

— Ты очень хорошо играешь. Твой инструмент просто как живой...

— Спасибо...

— Сколько тебе лет?

— Скоро пятнадцать.

— Ага... — и дракон замолчал.

Они касались друг друга дыханьем.

— А ты? — прошептала Наташа.

— Что я? — не понял дракон.

— Есть у вас, у драконов, имена?

— О да, конечно. Нумихразор из клана Двукрылых...

— Какие мягкие твои крылья! — тихо воскликнула Наташа.

— ...но друзья называют меня Нуми. Только самые лучшие друзья. И ты тоже можешь называть меня так. Хочешь?

И словно во сне, в некоем очаровательном кошмаре, девочка еле слышно выдохнула:

— Хочу...

— География? — переспросил Нумихразор удивленно. — Так чего же там непонятного?

Они сидели на Наташиной кровати. Ночник играл тусклым светом сквозь абажур по драконьей чешуе и полировке фортепиано, блестел в глазах девочки и рисовал в комнате причудливые волшебные тени. Наташина мать и отчим спали за стеной. В форточку вместе с осенним холодком врываются полуночные звуки с завода, про который девушка знала, что на нем производят что-то секретное, из-за чего отчиму отказали в путевке не то что в Венгрию, но даже и в Болгарию на Золотые Пески. Почти касаясь лбами, Наташа и дракон разговаривали о своей жизни и делились мелкими бедами, идя коротенькими шажками навстречу друг другу. Девочку поразил факт, что Нуми тоже ходил в учениках, причем эдак лет тридцать земного времени. Но первые пятнадцать он изучал такие незнакомые предметы, как Этика и Путь Совершенства, Вероятностное Перевоплощение, а также Честь и Неписанные Законы Всемира. Лишь затем более прозаичные: Метафизическую Трансмутацию, Эмоциональную Алгебру, Психокультуру, историю и астрономию. Сейчас молодой дракон наслаждался каникулами.

— Да ты знаешь, как это все скучно учить? — Наташа чуточку обиделась. — Зубрить и знать, что не видать тебе всех этих заморских стран, разве что по телеку. И то если родители в настроении да двоек за неделю не шибко хватала.

Дракон задумался. При этом глаза его замерцали медовым оттенком. Наташа зачарованно ими любовалась. Может, в необычно присвистывающем дыхании дракона почудилось ей пение ивано-купальской свирели? Если и так, Наташа того пока сама не знала. Вдруг мальчик-змея взял ее за руки горячими ладонями и встал с постели.

— Пойдем, — сказал он непонимающе мигнувшей Наташе. — За остаток ночи не облететь всего мира, но надо же с чего-то начать!

А утром девочка проснулась с лучезарной улыбкой на губах. «Ой, что мне снилось...» — подумала она... и увидела на письменном столе, где обычно лежали не слишком аккуратной стопкой учебники, кучу диковинных раковин с налипшим песком далеких морей и охапку тропических цветов. Они не исчезли, даже когда Наташа протерла глаза и ущипнула себя. Перламутровые отблески и нежные лепестки ярких чашечек заставили ее весело рассмеяться. И как эхо отозвалось то, чего золотоволосая девочка никогда прежде не слышала — это с поднебесья щебетала для нее птица Сирин¹.

* * *

Несколькими часами позже она получила первую в жизни пятерку по географии. Преподаватель недоверчиво смотрел на нее.

— М-да-а-а, Балеvская, иногда бывает полезно посмотреть «Клуб кинопутешествий», но на будущее удосужься и в учебник заглядывать, — сказал он, оторопевший от неслыханно убедительного рассказа о климате и природе Малайзии из уст совсем безнадежной ученицы.

Наташа сияла с дневником в руках, и будь жив Леонардо да Винчи, писать бы ему еще одну Джоконду, теперь на фоне тополей и секретного завода.

Вечером дракон прилетел снова. Просунул голову сквозь занавески и дружески улыбнулся. На следующий вечер опять. И снова. Наташа еще пуще полюбила закаты. После них появлялся ее мальчик-змей. Чтобы уносить ее

¹ Сирин — баснословная райская птица радости, удачи и славы, ее пение пленяет человека, но слышать его способен лишь тот, кто счастлив и радостен; в легендах Сирин родствен Гамаюну, вещей птице, криком пророчащей удачу.

каждую ночь в руках над уснувшей планетой, путешествовать в не угасший где-то день.

— Ты — Змей Огненный Волк? ¹ — допытывалась Наташа и, выслушав подробные объяснения Нуми, вздыхала: — Как, однако, многое напутано в сказках! «Страшный змей о трех головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят. На плече Тугарина-Чудища черный ворон-кудесник человеческим языком бормочет, черный конь шестикрылый лютым волком воет».

Нумихразор смеялся в ответ.

Как-то через неделю Наташа воскликнула восхищенно:

— Какой ты умница, сколько всего знаешь обо всем!

Дракон на момент потерял дар речи. Как она заметила, он во многом не отличался от обычного человеческого пацана и смущался не меньше парней, впервые получивших комплимент от хорошенькой девушки. В 2000 метрах внизу под ними занимались зарёй какие-то острова...

— Мы, драконы, учимся постоянно, оправдываем приписываемую нам мудрость...

— Значит, тогда выходит — в сказках одни лишь враки про вас, да?

— Гм, — нехотя признал Нумихразор, — не совсем. Самый яркий пример — это Зилантрахор XIV. Его заколол римский центурион. Никто из нас потом и не подумал потребовать возмездия. Тот самый змей был пятном нашего драконьего племени. А человек, его убивший, ну, простой солдат, прямодушный, как свое копьё. К тому же этот римлянин, вместо того чтобы после и промеж ратных дел грабить и насиловать, предпочитал молиться... и кстати,

¹ Змей Огненный Волк — сын дракона и женщины, общеславянский мифический герой, считается непобедимым и неуловимым; превращаясь в волка или птицу, совершает подвиги и помогает людям. Змей Змиулан — древнеславянский змеевидный демон, который живет в дупле древнего дуба. Славится тем, что способен внушить женщине любовь и страсть к себе.

молился он как раз Тому, чей образок ты носишь на цепочке.

Наташа инстинктивно прикрыла грудь рукой, хотя крохотная иконка пряталась под блузкой. Потом, опомнившись, что она не в школе, виновато и стыдливо улыбнулась. И тут же покраснела, спохватившись, что именно слова дракона могли означать.

— Ты видишь сквозь...

— Я не могу удержаться, — пробормотал драконий юноша. — Таковы уж мои глаза. И потом... ты такая красивая...

Краска отступала от Наташиного лица.

«Ну и что? — трезво как никогда подумала она. — Ведь он мой друг. Во взгляде его нет ни крошечки похабного блеска, как у некоторых ребят в школе и на улице». Он явно глядел на нее, словно несостоявшийся художник на полотне мастера — с благоговением.

— Я обидел тебя? — спросил сдержанно дракон.

— Нет, — улыбнулась Наташа. — Ты, часом, не потомок Змея Змиулана?

Теряясь в догадках, Нумихразор покачал головой:

— Не слыхал про такого. Но раньше на Земле были существа... некоторых принимали за нас. А что?

— Ничего. — В этот раз она раздумянулась от собственной, не продуманной внятно мысли и сказала, пряча смущение: — Смотри, как красиво.

Солнце вспухало над волнами мятой фольги. Океан встречал новый день фонтанами китов и жизнерадостными прыжками дельфинов.

* * *

Наташа шла по заснеженной улице. Она торопилась домой после затянувшегося до восьми часов вечера урока музыки, домой, где за ледяными узорами окна всегда

жданно, но как-то вдруг, должно было от жаркого дыханья растаять снегу и появиться янтарно блестящим глазам... Ей показалось, что слишком долго нет троллейбуса, и она побежала, увязая в сугробах, к следующей остановке, где все равно нужно было ждать автобуса номер двенадцать. Не думая ни о чем плохом или страшном, свернула в темный переулок, стремясь поскорее очутиться на нужном месте, как внезапно три черные фигуры ступились из мрака и преградили ей дорогу.

— Цыц, подруга! — хрипло и негромко приказал ей один из парней, тяжелой пятерней затыкая Наташе рот.

Она едва не задохнулась от перегара, когда тот наклонил к ней рожу. Сверкнул в морозном воздухе металл. Финка описала перед огромными от ужаса глазами угрожающий круг.

— Будешь смиренная, не кокнем, — пообещал другой голос.

Наташа дернулась, будто по телу ее проползла гадюка.

— Кайф словишь, — гнусно захихикал третий.

Сумка с нотами упала на снег. Бандиты мимоходом растоптали ее. Они потащили ее к подъезду дома, в котором горело слишком мало окон. Наташа уперлась, полузадушенная, и нож моментально коснулся ее горла. Ноги предательски подогнулись, и Наташа с немимым писком осознала, что стоит на грани обморока. Она попыталась рвануться, но тело не слушалось. Как сквозь сон, почувствовала, что чьи-то грубые руки сдирают с нее пальто, стаскивают юбку и возятся с колготками. Усилием воли Наташа заставила себя не потерять сознание и попыталась лягнуть насильника, а потом с ненавистью вцепила зубы в жесткую ладонь. Удар в ухо оглушил и отбросил ее, больно ударив об стену рядом с дверью подъезда. Звякнули жестяные почтовые ящики. Гнусно матерясь, шпанюки тут же кинулись к ней. Она не успела даже вскрикнуть. Но и двуногие хищники не добрались до нее.

Дверь распахнулась, и на высоте баскетбольного человеческого роста вспыхнули бешено-желтые глаза. Нападающие, найденные утром управдомом, и милицией сопровождаемые в психбольницу, сначала попадали, как кегли, а потом горячий вихрь подхватил их, словно бумажных, выбив ими дверь в подвал.

Затем Нумихразор бережно поднял Наташу, поправляя сколько мог ее одежду. Он был драконоподобен как никогда. Из зубастой пасти вырывались злые синие язычки пламени, подобно конфорке газовой плиты.

— Я убью их! — прорычал он и навел голову на подвал, словно раструб огнемета.

— Н-нет... — Голос вернулся к Наташе, может быть, за миг до того, как от бандитов остались бы лишь горстки раскаленного пепла. — Нет! Не делай этого, родненький! Не убивай никого, прошу тебя... — И она тяжело закашлялась.

Нуми, шипя, как вулканическая лава под дождем, подчинился. Наташа вцепилась ему в руку — пожалуй, сейчас это была когтистая лапа, — умоляя его громким шепотом не брать греха на душу. Дракон еще подышал свирепым босоркуном¹ и с сожалением произнес:

— Живите, мерзкие черви болотного Ада! Моя царевна дарует вам свою милость... — и выдохнул гнев свой в сторуку почтовых ящичков, которые свернулись, словно вылепленные из воска.

Наташа обняла его, пока звериные формы Нумино тела сглаживались обратно в квазичеловеческое обличье, а его горящие в темноте глаза не вернули мягкий янтарный блеск. Несколько минут они стояли обнявшись — девочка и драконий мальчик, а в тишине потрескивала остывающая лужица металла.

¹ Босоркун — витрянник, горный дух ураганного ветра, убивает каждого на своем пути, насыщает засуху, болезни и недомогания; вредит преимущественно ночью.

— Полетели домой, милая? — сказал обычным своим голосом Нуми, и Наташа, сдерживая рыдания, облегченно и усердно закивала ему в плечо.

* * *

Посчитав школьный вечер 27 декабря в честь Нового года пустой тратой времени, Наташа осталась дома. Отчим взял праздничные смены, надеясь на премиальные, мать укатила к сестре на другой край города. Наташа вздохнула свободно. Она повозилась до сумерек в кухне, мучаясь над пельменями, оладьями и прочими яствами, а потом села и с чувством сыграла длинное-предлинное попури из вальсов, оставив дверь балкона, несмотря на скверную погоду, приоткрытой.

Когда Нуми вошел, бесшумный как тень, она заметила его отражение в лакированной поверхности фортепиано. Наташа запела. Голос у нее был совсем неплохим, и называть его истинно певческим мешало только то, что пела она чрезвычайно тихо. Для слуха дракона помеха эта была более чем преодолима. В полировке инструмента девочка видела своего чудного мальчика. Он слушал музыку как заколдованный. Таким же образом замирали, покачиваясь, кобры перед дудкой факира, и девочку в первый раз не передернуло при мысли о змеях. После долгого, как ей казалось, знакомства с Нуми, она начинала испытывать к этим существам с недоброй славой почти благосклонное любопытство. Девочка уже знала, что молодые драконьи девицы бывают ядовиты, и это ее страшно развеселило, вызвав забавное недоумение огнедышащего мальчика.

Будучи в школе скорее молчаливой, Наташа не очень терзалась дилеммой, как бы исподтишка и безопасно похвастать перед подругами своим уникальным другом. Да и подруг-то было у нее не то, чтобы негусто, а просто кот наплакал. Лучшей считалась Настя с пятого этажа, которая переписывалась с чехом (ибо родители ее не работали

на секретном заводе; письма же, однако, она передавала отцу незапечатанными, потом он их отправлял с Главпочтамта). Настя имела самое сильное влияние на Наташин образ мыслей, на поведение и мнения. Училась она в девятом классе и была в нем комсоргом. Иногда это спасало Наташу от гнева учителей — Настя частенько на учкоме успевала успокоить раздражение педсовета по поводу непоявления родителей Наташи на вызовы в школу, равно как и на родительские собрания. Но Настя была человеком прямолинейным (ну, не совсем как римский десятник Георгий, про которого Наташа твердо, как никто другой, знала, что действительно сей муж заколол дракона-отщепенца), покровительствующим, и на туманный и пугливый намек Наташи на дружбу со сверхъестественным существом энергичная и ладная Настя отреагировала категорично: «Перестань как бабулька суеверничать! Еще на Лысую гору¹ в Киев на помеле захоти поехать. Не ровен час, и в Курганное тебя увезут». В поселке Курганном находилась психбольница, и Наташа замолчала. А через неделю в вышеупомянутое селение повезли трех хлопцев с ожогами второй степени, поломанными ребрами и конечностями, вопящих о бедах с глазищами, как автомобильные фары. После этого, по вполне понятным причинам, Наташа окончательно примирилась со своим положением, и ей расхотелось делиться тайной. Да и зачем? Кто бы смог ее понять лучше, чем этот, только на первый взгляд кажущийся странным парнишка, как будто одетый с головы до пят в плотно прилегающее трико с расцветкой тропической ящерицы, с прямо-таки вампирскими² крыльями за плечами и янтарными глазами благородного принца? Закордонная

¹ Лысая гора — известное место сбора ведьм на шабаш в Купальскую ночь, 23 июня.

² Вампир — упоминается здесь исключительно по причине поверья, что превращается в огромную летучую мышь; славяне знакомы с этим созданием под именем вурдалак, но чаще всего — упырь.

группа «Кисс» имела фасон пострашнее. Нуми же был просто сокровищем. Никто никогда не выслушивал ее так внимательно, не пытаясь сразу же давать советы, не был так отзывчив на ее вопросы, никто так естественно и нежно не брал ее за ладошку, словно стеклянную, когда Наташа начинала дрожать от всплывшей в памяти обиды в середине рассказа о нехитрой своей девчоночьей жизни. Мало у кого Наташа отваживалась поплакать на плече, чувствуя робкое и вместе с тем исполненное волшебного могущества прикосновение к своим волосам. Кто другой мчал ее на спине промеж крыльев по диковинным границам со скоростью пули, что странно не ощущалось как чересчур быстрое движение (когда однажды Наташу покатали на мопеде, она окоченела от страха и не любила про этот случай вспоминать). Кто, неся ее на руках, как невесту, парил над ярко освещенной Эйфелевой башней или ночной Венецией?

Очень скоро они повадились каждую ночь летать на Британские острова. «Твои учителя называют это английским?» — удивился как-то раз Нуми. Потом голос крови матери-ирландки уступил место симпатии к Наташе, и, через регулярные полеты в туманный Альбион, Наташины отметки по английскому прочно завоевали четверочный плацдарм. Но популярности это ей в глазах учительницы не прибавило. Музыкальный Наташин слух впитывал в Лондоне диалект кокни, что вызывало у преподавательницы глухое раздражение. Из-за насаждаемого в 130-й школе какого-то гарлемского прононса пятерки Наташа не получала, но зато английские девчонки, с которыми она болтала по вечерам, считали ее не то немкой, не то французенкой.

Слетали они однажды и в Ирландию. Там Нуми показал крохотный городок, где Наташа заметила — или скорее вообразила — отдаленное сходство его жителей с профилем своего друга. В католической часовне город-

ка чудно гудел великолепный орган... Но нельзя сказать, что Наташа все время болтала, словно наверстывая упущенное. Нуми тоже радовался ее вниманию, рассказывая о чудесах подлунного мира или о своем родном доме, где помимо драконов жили гуманоиды типа сказочных эльфов, гномов и троллей.

— А почему их нет на Земле? Леших, водяных, бродниц, берегинь...¹

— Эмигрировали. Или вымерли.

— Как так вымерли?!

— ...А ты знаешь, сколько китов бороздило море-океан лет всего сто назад? Столько же было и русалок с рыбьими хвостами. И дело это одних только рук гарпунщиков, среди волн, где пешком не разгуляться. А на суше...

Ответ пугал Наташу, ибо длинной вереницей за ним ползли новые вопросы, часть ответов на которые девочка не желала знать... но догадывалась. Однако обычно она почти не задавала вопросов. Принеся ее после очередного путешествия, Нуми тактично отворачивался, пока Наташа, облачившись в ночную рубашку, не забиралась под одеяло. Потом он садился у изголовья и говорил о следующем «круизе». Наташа засыпала в четвертом, а то и пятом часу ночи, держа его за чешуйчатую ладонь. Затем Нуми осторожно поправлял ей одеяло и раскиданные по подушке волосы, неощутимый, как Дрема², и умудрялся уходить, закрыв за собою дверь балкона на шпингалет...

Наташа окончила песню и обернулась. Улыбки заменили им приветствие.

— Пойдем, пробуем — сегодня я одна здесь хозяйка!

¹ Лешие, водяные, бродницы, берегини — сказочные существа, нежить, причем последние две скорее охраняют, чем вредят людям; берегини — враги упырей.

² Дрема — усыпляющий человека добрый дух; со взрослыми строже, чем с детьми.

Нуми одобрил ужин. Наташа почти не ела, любясь новизной ощущения — смотреть на своего парня за столом, как он хвалит с набитым ртом ее кухонное искусство.

Девочка предложила посидеть и поболтать немного перед вояжем. Но слетать никуда не довелось. Пришла внезапно Настя, вся в пятнах гнева. На вечере у нее увели ухажера. «И кто?! Любка Бакланова, стерва!..» И пошло, и поехало. Настя ходила взад-вперед по кухне, а Наташа прятала улыбку. В ее комнате, в собственной ее кровати спал дракономальчик. Наташа уговорила его остаться на случай, если Насте надоест ершиться, и она вспомнит, что пора бы и баньки. И хотя момент этот наступил довольно-таки поздно, Наташа не расстроилась. И, ложась потом в пропитанную каким-то легчайшим ароматом постель, она заснула на седьмом небе от счастья...

— Новый год производит на вас, людей, сильное впечатление, — заметил 31 декабря около пяти часов вечера Нуми. — И я сделаю тебе подарок, какой тебе и не снился!

Для подарка требовалось много свободного времени, и Наташа соврала матери, что идет с соседкой встречать Новый год. Настя уже успела упорхнуть, и поймать девочку на слове было непросто. Но если бы не вдруг почувствовавшая себя худо тетка, не выкроить бы Наташе вольных часов с половины шестого вечера до семи утра следующего дня.

— Как раз хватит, — рассудил драконий мальчик. — А твоя тетя не слишком ли больна?

— Она всегда болеет на праздники — не любит встречать их в одиночку!

Нуми ухмыльнулся, хотя и не понял полностью смысла тетушкиной хвори. Он теребил висящий на шее камушек невиданного цвета с какими-то гравюрами, которые подходили на танцы телевизионных помех после конца про-

граммы. Наташа пока не спрашивала — Нуми всегда все сам объяснял.

— Ну и болван же я был раньше! Только сейчас догадался о Диске!

— Диске?

— Это сюрприз! Просто Земля такая... внушительная, она родина предков и просто забываешь о действительно чудесных вселенных. Ну, в путь!

Они взлетели с балкона, как обычно свечой вверх, но не легли на горизонтальный курс, а продолжали лететь прямо на звезды.

— Лучше по дороге не разговаривать, — предупредил дракон. — Хотя я и выпросил у брата Талисман Пути, мне нужно полное сосредоточение. Вселенная Диска не совсем смежна с нашими...

Наташа была готова молчать как рыба, если бы он ее попросил, хоть целый год. Она верила ему как себе, даже больше, потому что сама с собой не всегда была в ладах.

Девочка и дракон поднимались все выше и выше. Звезды перестали мерцать и уже словно кололи своими лучами и — о, странно! — каждая словно пела свою мелодию на хрустальной струне, почти неслышно, как бормотанье занятого любимым делом муравья. Эти звуки/незвучки подобно натянутым нематериальным нитям пронзали тело Наташи.

«Музыка сфер? — предположила восхищенная девочка. — Оратория звезд, хорал Галактики?»

Они проткнули какой-то эфирный слой неоновое сияния, и тональность Вселенной сделалась отчетливее. Земной шар, просто нереально прекрасный, отдалялся пугающе стремительно. Дракон и девочка твердо держали направление на прекрасных Волосынь¹, как вдруг сам Космос мигнул огромным веком, отчего Наташе на долю

¹ Волосыни — старославянское название звездного скопления Плеяд в созвездии Тельца.

секунды сделалось неопишимо страшно. Спустя мгновение она огляделась.

Нумихразор, почти полностью в драконоподобном воплощении, неся над колоссальной стеной, вьющейся в бесконечность. Она была пестра, как титаническая анаконда с кожей из агата, нефрита и других камней. С одной стороны (Наташа терялась, где лево, где право, где верх, а где низ; быть может, Стена нависала над ними, как киль огромного корабля) промелькнуло титаническое завихренное света с пояском газово-пылевых туманностей. Звезды просто кричали свои арии в каждую клеточку тела, но могучих опер здесь было видимо-невидимо, словно девочка и дракономальчик пролетали мимо вереницы незримых храмов, из чьих раскрытых врат исторгались потоки хорового пения под органную музыку, восхваляя своих Создателей.

Нуми снизил скорость, и вскоре Наташа различила, что по лабиринтным мощным дорогам и пересекающимся лестницам Стены ползут, словно букашки по дереву, всадники на конях, повозки и нечто, что при некотором свободном толковании можно было бы отождествить с всадниками, лошадьми и повозками. Через равные промежутки дорог высились, как ржаво-гранитные наросты, каменные форты с вздувающимися от света ближайших солнц стягами из тончайшей материи невероятных цветов. Стражники в шипастых панцирях ходили взад-вперед, не подчиняясь законам притяжения — как и все путешественники по Стене — по любой плоскости, словно мухи. Впрочем, некоторые действительно походили телами на мух, через вычурные вырезы в шлемах поблескивали фасеточные глаза. Были и другие, чьи формы Наташа не успевала угадывать. У подножий крепостей копошились диковинные рынки и базарища (совсем условно сказано «у подножий», ибо некоторые напользали подобно лишайнику на укрепления твердынь).

«Стена Вечности, — произнес багрово-синим мерцанием голос дракономальчика в голове Наташи. — Когда-нибудь мы осмотрим несколько селений купцов и охранительные турели изнутри».

Наташа смотрела широко раскрытыми глазами ребенка и дивилась. Дозорные салютовали дракону, Нуми в ответ покачивал крыльями. Летящие мимо силуэты тоже приветствовали их, и девушка подумала, что самое утомительное на шляху Вечности — это не сорвать голос, здороваясь и желая счастливого пути каждому встречному. И еще она подумала, как несчастна Земля, не ведающая о чудесах множественной Вселенной. Мелькнула летучей мышью мысль о глобальном карантине родного мира... как рассадника чересчур технизированной и опасной расы с высокими показателями агрессивности. Эта мысль не понравилась, Наташа предпочла следить за одурманивающими пейзажами. Девочка даже подметила, что на поверхности растут деревья — не деревья, кусты — не кусты, но какие-то минеральные кораллы — малахитовые, гранатовые, серебряные, аквамариновые...

Вдруг опять что-то мигнуло... и симфония звезд уже была единственной, неопределимо другой, хотя сами они выглядели знакомо. В ледяной пустоши девушка прижалась к дракону, а он послал ей телепатически улыбку. Далеко впереди замерцала искорка. Она увеличивалась, но вместо диска или серпа складывалась что-то непонятное, вроде как миниатюрная скульптурная группка... Миниатюрная? Наташа ахнула, прикрыв рот ладошкой, а потом пощупала иконку под простенько-нарядным платьем. Зрелище было невысказанным — хотя, с другой стороны, невысказанные вещи случаются сплошь да рядом. В черноте пространства загребала ластами космические волны гигантская морская черепаха. Панцирь ее был изрыт, как лик земной Луны. Голова чудовища вместила бы под видом парика Антарктиду. На спине черепахи, задами друг

к другу, стояла четверка слонов с бивнями в африканский континент. На лобастых головах крепился огромной скорородкой без ручки целый мир с голубым пузырем атмосферы (вернее, атополусферы), в которой плавали хлопьями мыльной пены облака. С краев круглого щита стекали на хоботы слонов тысячи водопадов. На орбите вокруг всего этого ансамбля титанических живых изваяний вращались малюсенькое солнце и крохотная луна. По водопадам извивались — Наташа моргнула — радуги о восьми цветах. Все это походило на что-то игрушечное. Погремушка Бога.

«Великий А'Туин несет Диск, — мысленно сказал Нуми Наташе. — Восемнадцать тысяч километров¹ от носа до кончика хвоста. Поделка Создателя в свободное от творчества серьезных Миров время. Но получилось все же достаточно серьезно».

— Боже мой... — только и промолвила девочка.

Глазищи-моря Великого А'Туин — Звездной Черепахи, бессмысленно глядели в непонятную космическую даль. Около него нежно клубилась тонкая туманность.

«Ты — первый земной человек, увидевший своими глазами эту вселенную. Правда, есть один англичанин (в мыслеголосе Нуми прозвучала неприязнь), — но ему Мир Диска только снится, хотя и с большими подробностями».

Чудный мирок расстилался под ними, окаймленный океаном. Заливы, архипелаги островов и континенты лоскутами пестрели на нем. В центре высились заснеженные горы со шпилеподобным пиком посередине. Его вершина показалась девочке высеченной в причудливое подобие

¹ Это, если верить мистеру Терри Пратчетту, хотя писал он в милях, и непонятно, какие мили имел в виду в своих путевых заметках: милю международную (1852,00 м), британскую морскую (1853,18 м) или американскую милю в 1609,34 метра. А может — милю Древнего Рима (1478 м) или же русскую, в которой семь верст и длина её ровно 7467,60 метра? Разведем руками, Читатель!

сказочного дворца. Внезапно полыхнули огоньки, на момент ореолом окружившие Наташу и дракона. Искры ползли по чешуе Нуми, по Наташиным пальцам, волосам и ресницам, как бледнеющие светлячки. Только вот цвета они были такого, что девочка не смогла подобрать нужного слова (да и не было такого ни на одном из множества земных языков). Вскоре пылинки света потухли.

«Вот мы и вошли в магическое поле притяжения Диска. И, э-э-э, Наташа? Рядом скачет... гм, прохожий. Надо поздороваться».

Мыслеголос Нуми в конце фразы прозвучал... странновато. До сих пор девушке не приходилось улавливать что-то похожее на страх в его словах. Да и чего бы бояться дракону, даже к гибели в поединке относящемуся философски? Но сейчас зазвучало робко-примиренное уважение, что ли... Наташа обернулась... и вцепилась мертвой хваткой в шею своего друга. Рядом на Белом Коне скакала Смерть¹. С черепом вместо лица и костяными пальцами, сжимающими косу с кошмарным лезвием. На ремне, инкрустированном жуткими орнаментами, подпоясывающем бурую хламиду с капюшоном в стиле средневекового монаха, висела зловеще-красивая в безжалостной простоте выковки сабля. Копыта Белого Коня впивались в настил пространства-времени пушечным грохотом далекого сражения.

— ПРИВЕТ, ДРАКОНЕНОК... ХОТЯ, ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ, УЖЕ МОЛОДОЙ ДРАКОН. ВИЖУ, УСПЕЛ ПОХИТИТЬ СЕБЕ ЦАРЕВНУ. УВАЖАЮ ТРАДИЦИИ.

Голос был неописуем. Словно тяжело падали целые горы в бездонные могилы.

— Здравствуй, Смерть, — с достоинством ответил Нуми (Наташины глаза сделались еще больше. Разговаривать

¹ Смерть — хотя в русских, да и многих других сказках персонаж сей женского рода, автор согласен с Т. Пратчеттом, что мужчины гораздо охотнее хватаются за оружие (о чем ОН и сам упоминает). Другое название — Морена.

со Смертью на «ты»?!). — Ошибаешься, я еще никого не похищал. Она... она мой друг, я решил показать ей Мир Диска. Прости за дерзость, но Ты чем-то озабочен?

Смерть кивнул.

— Я РАССТРОЕН.

Наташа опять раскрыла рот. Расстроен?

— Из-за чего, позволь спросить?

— МНЕ НЕКУДА ДЕТЬ ЕГО, — в ладони Смерть держал спящего котенка. — ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ, ЗАМЕТЬ, НЕ ИСТЕКЛИ. ПРИЧЕМ, НИ ОДНИ ИЗ ДЕВЯТИ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, БЕДНОЕ СОЗДАНИЕ БЫЛО УТОПЛЕНО. В ЭТОМ ДЕЛЕ ЗАМЕШАН ОДИН ИЗ БОГОВ ДИСКА... И ДЕРЖУ ПАРИ — ОН ПОЖАЛЕЕТ О ТОМ, ЧТО МЕШАЕТ МНЕ РАБОТАТЬ.

И Смерть сурово посмотрел на венчающий центральный пик гор замок. Тут притихшая было Наташа не удержалась:

— Простите пожалуйста...

Смерть повернулся к ней. В черных глазницах его пылали далекие взрывающиеся галактики. Должно быть, это Нуми каким-то образом разрушал химические вещества страха в ее теле, потому что Наташа, сильно робея, все же спросила:

— Вы «ОН»?

Смерть выглядел ошарашенным.

— РАЗУМЕЕТСЯ, БАРЫШНЯ! ДАМЫ НЕ ВЕРТЯТ КОСОЙ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НЕ СТАЛЬНОЙ, — ответил он с оттенком укоризны.

— Да, конечно, извините... Просто... Вас описывают вроде бы правильно... Вы действительно так выглядите? Ой, простите за навязчивость...

— ИЗВОЛЬТЕ, ИЗВОЛЬТЕ. ВСЕГДА ПРИЯТНО ПОВОДИТЬ С ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ. РАБОТАЯ С ЛЮДЬМИ, УДОБНО ИМЕТЬ АНТРОПОМОРФНУЮ ПЕРСОНИФИКАЦИЮ. И НЕ ЗА ЧТО ИЗВИ-

НЯТЬСЯ, СРАЗУ ВИДНО — НЕ ЗДЕШНЯЯ. ОТКУДА ВЫ РОДОМ, БАРЫШНЯ?

Наташа уже жалела о глупой своей храбрости.

— Солнечная система, планета Земля, СССР.

— О! ЗНАЮ, ЗНАЮ... ПРАВО, НЕ ХОТЕЛ БЫ Я ОКАЗАТЬСЯ НА МЕСТЕ ТАМОШНЕГО КОЛЛЕГИ.

Наташино любопытство чуть опять не вырвалось из-под контроля, но девочка вовремя прикусила язык. Жуткий призрак Косца душ, однако, просто прочел ее невысказанные мысли. И явно он находился в хорошем настроении — это как-то струилось из его застывшего мертвенного выражения (Наташа потом с дрожью спросила себя — каким же образом должен выглядеть Смерть в дурном расположении духа, раз даже его абсолютно неожиданная и не вяжущаяся с подсознательным образом благосклонность способна внести смятение и могильный лед в сердце?).

— ВИДИТЕ ЛИ, Я ВЫСОКО ЦЕНЮ СВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ. А МОЙ СОРЕМЕСЛЕННИК НА ЗЕМЛЕ БУКВАЛЬНО УБИВАЕТСЯ СЛУЖЕБНЫМИ АНГАЖЕМЕНТАМИ. НА ВАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ЖИВЕТ ДОВОЛЬНО ВСПЫЛЬЧИВЫЙ НАРОД, НЕ ТАК ЛИ?

Это была еще одна неприятная мысль, и Наташа поспешила сменить тему:

— Я однажды читала... Вас, нет, скорее вашего... коллегу описывают высоким бледным мужчиной в темных очках.

— ВОТ КАК? — вежливо симитировал удивление Смерть. — ЗНАКОМ С НИМ ЦЕЛЮЮ ВЕЧНОСТЬ, А НЕ ЗАМЕЧАЛ СКЛОННОСТИ К МАСКАРАДУ. МОЖЕТ, И ВПРАВДУ, ЧУЖАЯ ДУША — ПОТЕМКИ.

Пауза в разговоре показалась девочке невыносимой.

— А что будет с котенком?

— ЭТО-ТО МЕНЯ И БЕСПОКОИТ, — ответил Смерть, уставясь на равномерно дышавший комочек. — НЕПО-

СРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШИТЕЛЯ Я СЦАПАЮ, УВЫ, ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ, СЕМЬ НЕДЕЛЬ, ДВОЕ СУТОК И ВОСЕМЬ ЧАСОВ, ТОЧНЫЕ МИНУТЫ НЕ ВАЖНЫ. ЗА ЭТОТ СРОК СЕЙ СУБЪЕКТ ПЕРЕТОПИТ ЦЕЛЮЮ КОШАЧЬЮ ИМПЕРИЮ, НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ЧАС ЕГО ЕЩЕ НЕ ПРОБИЛ. ОДНАКО СТЕМ САМЫМ БОГОМ, ВПУТАВШИМСЯ В МОИ ОБЯЗАННОСТИ... — оскалом Смерть словно не переставал усмехаться, но сейчас зубов будто прибавилось, — ЖИТЕЛЯМ КОР СЕЛЕСТИ НЕ МЕШАЛО БЫ МЕМЕНТО MORI, КАК В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ РАЗУМНО БЫЛО СКАЗАНО В ВАШЕМ МИРЕ...

— А вы отдайте его мне, — неожиданно для себя попросила Наташа высоченную костлявую фигуру.

Смерть призадумался на секунду.

— ОЧЕНЬ ОБЯЖЕТЕ, БАРЫШНЯ. ХОТЬ Я И ЛЮБЛЮ ЖИВОТНЫХ, ДА И НЕ ТАК ЗАНЯТ, НО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, СОГЛАСИТЕСЬ: ЧЕРТОГ СМЕРТИ НЕ СЛИШКОМ ПОДХОДЯЩЕЕ МЕСТО ДЛЯ СТОЛЬ ЮНОГО И ЖИВОГО ЗВЕРЕНКА.

Он легонько почесал котенка за ушком и щедрым жестом протянул Наташе мурлычущее тельце. Девушка осторожно приготовилась взять пушистый комочек, замирая от ужаса в ожидании прикосновения хотя бы и мизинцем к мертвящим костяшкам. Смерть, однако, явно не лишенный чуткости, обронил зверушку прямо в ладони девочки. Котенок открыл изумрудные глазки и тонко мяукнул. Повернулся к Смерти и опять мяукнул. Тот сидел, выпрямившись в седле, и смотрел на Наташу, молчаливого дракона и снова заснувшего котенка.

— ТАК, — изрек он. — НУ, СЧАСТЛИВОГО ПРЕБЫВАНИЯ НА ДИСКЕ. А КСТАТИ, НЕ СТОИТ ЗАХОДИТЬ В ГОРОД ШАНПОРР. ТАМ СЕЙЧАС ЧУМА РАБОТАЕТ... ВСЕГО ХОРОШЕГО, МАДЕМУАЗЕЛЬ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, AU REVOIR.

И исчез. Только что он был рядом и скакал с убийственной грацией на своем великанском коне, а в следующую

секунду уже пропал. Наташа перевела дух, только сейчас поняв, как закоченела изнутри.

— Знаешь, — сказал задумчиво Нуми. — Не часто приходится видеть человека, который ведет светские беседы со Смертью... пусть даже Смертью из чужой вселенной. Ты отважнее настоящего дракона, моя царевна.

И, не дожидаясь ответа — коего у Наташи не было, — юноша-змея нырнул в атмосферу Мира Диска.

* * *

Пару дней спустя Наташа, все еще замороженная Диском, но вынужденная довольствоваться гейзерами Йеллоустонского национального парка, неслась на спине Нуми обратно домой. Она потихоньку стала засыпать, как вдруг гром разодрал все вокруг, полыхнуло быстрым пламенем, и оба завертелись, закувыркались в ночи.

Наташа не оглохла и не ослепла только благодаря драконьему крылу, которое мальчик распростер, как щит, над своей подругой.

— Что это было? — спросила она, когда Нуми выровнял полет.

— Кажется, истребитель, — ответил тот.

Когда он летал, ноги его сливались в питоний хвост, крылья раздувались, а чешуйчатый торс становился менее человеческим. Голова начинала походить на древнекитайский шлем, имитирующий морду дракона. Наташа привыкла к этим метаморфозам. «Он красив и в этом обличье», — думала с нежностью она. Но слова из звероподобного рта — лучше бы сказать «пасти» — становились несколько неразборчивыми.

— Что, что?

— Самолет. Еле отскочили. Быстро летит, — Нуми прислушался и с беспокойством добавил: — Пилот говорит по рации... Возвращается...

Наташа оглянулась. Внизу, как всклокоченное ватное одеяло, клубились облака. Над ними сияли яркие звезды, и полная луна заливала необъятный пейзаж синемолочным светом. Однажды Наташа, смутно встревоженная неважными своими познаниями по физике, спросила Нумихразора, как они умудряются летать так высоко, а ей не холодно, она не задыхается, и встречный ветер лишь теревит ее локоны не сильнее, чем при быстрой езде на велосипеде.

«Кислород и тепло ты получаешь от меня по телепатично-телепортационному каналу».

Наташа не слишком поняла.

«Мы с тобой становимся одним существом, — объяснил Нуми без тени превосходства, снисходительности или (еще чего!) презрения. Девочка еще больше привязывалась к нему из-за этого, рядом с дракономальчиком ей ни разу пока не пришлось испытать себя дурочкой, троечницей и трусихой. Он продолжал: — Поэтому ты также не испытываешь чувства голода и жажды...»

«Да, — согласилась Наташа. — И воду из родника в Гималаях я попробовала только потому, что хотела узнать, вкуснее ли она нашей водопроводной...»

«Вот именно, — кивнул тогда головой на удлиненной Нуми (в момент этот они летели над Северным Ледовитым океаном). — А вот про полет... Я сам не очень-то понимаю. Драконы летают не как птицы за счет крыльев, а больше силой воли. Вот мой старший брат, так он вообще крылья складывает, но за ним и ракета не угонится. Крылья, это так, традиция».

«Он похож на тебя, твой старший брат?» — наличие столь близких родственников всегда сильно Наташу волновало.

«Не-а. Он больше в папаню... Но ты знаешь, у нас вкусы, наверное, одинаковые. Подруга его — тоже синеглазая и с платиново-золотыми чешуйками. Вот только характер

у нее тяжелый. Брат за ней очень долго ухаживал, а она... по-моему, просто вредничала. Ты не такая, у тебя сердце доброе... Хотя внешне вы похожи, если можно так выразиться». (Следует отметить, что чем более драконовидным выглядел Нуми, тем более свободно и по-взрослому он разговаривал, не краснея постоянно, как красна девица при выражении своих чувств, от этого у Наташи напрашивались выводы о некоем лицемерии человеческой природы, о том, стыдятся ли люди в действительно подходящих случаях.)

«Значит, поэтому можно и космос без скафандра с тобой летать, — задумчиво сказала тогда Наташа, и вдруг следующая мысль потрясла ее. — Но ведь ты ешь и дышишь вместо меня! Я тебе как обуза! Как... как паразит какой-то. Нуми, хороший, какая я же свинья, тебе же, должно быть, жутко утомительно таскать меня по белу свету! Ой, извини!»

Нуми скосил глаз к пылающим щекам Наташи, и у нее дух захватило от заряда чувств в беглом его взгляде.

«Нет большего счастья, чем отдать всего себя другу. Так говорил отец. Так говорит брат. А теперь и я сам знаю, что это такое, и тоже говорю так».

Но в момент, когда Наташа искала глазами чуть не протаранившую их стальнокрылую машину, она не думала о фантастических способностях драконьего организма — все равно учительница по зоологии ей бы не поверила. В голове девочки кружилась тревожная мысль о рыцаре, пронзившем сердце старого Нуминово отца. А этот самолет... Истребитель сверкнул титановой каплей в лунном свете, выполняя мертвую петлю.

— Нуми, бежим отсюда! — крикнула Наташа, мало заботясь о текстовой форме своего призыва. — Легчик упадет на нас!

— С какой стати? — удивился дракон.

Девочка часто замечала за ним подобную наивность.

— А вот решит, что ты шпион, и бабахнет из пушек! Быстро к земле, пока не поздно!

— Наташа, какой дурак спутает дракона с каким-то шпионским... — начал было возражать Нуми.

Перехватчик обстрелял их ракетами «воздух-воздух»... Только нечеловечески молниеносные реакции дракона, способного порой увернуться и от солнечного луча, позволили Нуми — и Наташе — избежать моментальной смерти. Ракетные снаряды полыхнули далеко позади, истребитель с ревом нырнул вниз, потревожив облачные башни. Вслед ему понесся разъяренный вопль, а облака шарахнулись в стороны.

— Бесчестный, коварный, подлый! — орал Нуми-разор, излучая мощные ударные волны направленного действия, дабы не навредить девушке, что-то кричавшей ему в слуховое отверстие черепа. — Что, Наташа? Ты видела? Он напал без предупреждения, без вызова! Если бы так поступали мы, тогда не драконы, а люди бы исчезли с лица этого мира! Что ты сказала?

— Вниз! Вниз! Он опять атакует!..

На этот раз летчик, не на шутку разозлившийся, утопил кнопки электроспусков и влупил залп почти в упор (по масштабам современного воздушного боя), но и ракеты, и снаряды, чиркнув в ночи огненным следом, пропали в облаках, а потом взрывы осветили тучи изнутри, подобно оранжевым молниям. Поражения цели опять не состоялось. Капитан ВВС еще покружил немного и, сетуя на ведомого, которому приспичило вернуться на базу за двадцать минут до обнаружения нарушителя воздушного пространства, полетел на свой аэродром.

Этот летчик так и не узнал, что хрупкая школьница спасла ему жизнь, укротив торнадоподобный гнев дракона. Сразу после повторного залпа, укрывшийся в облака Нуми был готов плюнуть в истребитель звездным огнем,

но Наташа повернула уже далеко не человеческую морду к себе. И тогда дракон выдохнул пламя не из пасти, а из боковых жаброподобных щелей. Узкие струи синего огня остались не замеченными летчиком — иначе в запале он бы мог нарваться на действительно серьезные неприятности...

Они сели в тайгу, на темную опушку. Цветные пятна, то ли зеленые, то ли малиновые, еще танцевали в глазах девочки. Нуми сконфуженно молчал. Наташа попыталась его успокоить:

— Нельзя было сбивать самолет, Нуми. А если бы он упал на город?

Нуми прекрасно знал, что до ближайшего поселка километров триста, но не хотел спорить.

— Нехорошо убивать. Ни людей, ни китов, ни русалок... И потом... — Она неуверенно помолчала, но все-таки закончила начатое: — Ну, его следят... эти... радиолокаторы. Если ты его собьешь, то на нас начнется облава. Пятьсот, тысяча самолетов! Ты что, полезешь на них в драку?

— Разумеется, — пробурчал Нуми — Я дракон! Это дело чести.

Наташа уставилась на него, плохо, однако, видя своего друга. Драконий пламень был слишком ярок для нее. А потом вдруг закричала:

— Я не хочу слышать о глупом твоём понимании чести! Я не хочу, чтобы ты сражался с СССР, Китаем, Америкой и черт знает еще с кем! Я хочу, чтобы ты жил! Мне не нужна твоя шкура у камина! Мне нужно, чтобы ты гладил меня по волосам, когда я плачу, убаюкивал меня рассказами о твоих многотонных племянниках! Мне нужны твои влюбленные глаза, твои смешные уши! Я хочу играть тебе «Лунную сонату» и «Аве Мария», а ты чтоб сидел послушный, как кобра перед индусом! Я не хочу тебя терять, дурачок мой наивный, сильный как ураган и мудрый как Соломон! Понимаешь?! — и она заревела, кинувшись ему

на шею, лепеча сквозь слезы нечто невнятное даже для изощренного драконьего слуха.

Нуми оторопело сидел на стволе рухнувшего кедровеликана, несмело обнимая тонкую талию ревущей как белуга девушки — эта метафора, впрочем, сильно сбивала юного дракона с толку, как и многое другое в русском языке — пока она словно стремилась задушить его слабыми ручонками. Лишь в один момент он поморщился — когда из-за ствола дерева показалась бакенбардистая круглая голова большущего тигра. Нетерпеливым движением пальцев Нуми дал знак зверю проявить деликатность и смыться незаметно. Тигр пожал могучими плечами и поплелся в глубь чащи, недоумевая, что только высший из высших собрат его нашел в этой плаксе... да еще и тощей до крайности. Прежде чем скрыться, как было велено, тигр повернул голову и послал телепатически несколько мыслеобразов к сознанию Нуми. Переведенные на человеческий язык, они были советом дать нимфоподобному созданию нареветься власть.

«Мои кошки, думаешь, не такие же самые? — подумал на прощанье тигр. — Одно слово: бабы».

И полосатый хищник убрался восвояси, рассуждая о вечной проблеме взаимоотношений полов.

Нуми послушался. Рука его гладила мягкие Наташины волосы, щека прижималась к мокрым ручьям ее щечки, и было ему как-то радостно-печально. Не хотелось, чтобы эта ночь когда-нибудь завершилась. Между тем слезное Наташино извержение затихало, оставались редееющие всхлипы и нежные бормотанья драконьего мальчика в бархатное девочкино ушко. Наконец она рассмеялась, зябко дернув плечами. Нуми моментально оградил свою подругу теплыми крыльями.

— Так значит, змеи воруют девушек?

— Не совсем, царевна моя, — машинально, думая о чем-то другом, ответил дракон. — Мы ни одну девушку не уно-

сим без ее на то согласия. За... за исключением очень редких случаев, обычно трагических.

— Почему трагических? — спросила она в нос.

Нуми рассеянно отвязал платок с когтя на левом крыле и дал Наташе высморкаться.

— Невольницы рано или поздно сбегают. Причем без участия богатырей и всяких там прочих хвастунов, которые потом навывдумывают всяких себе подвигов... А покинутый змей...

Наташа отстранилась, все еще обнимая шею дракономальчика. С небес сквозь прорехи в облачном саване струился, как звездная пыль, лунный свет, одевая заснеженную тайгу в призрачные кафтаны — может быть, сам Числобог¹ следил за их полянкой. Где-то что-то затрещало, забухало, завыло протяжно. Короткий рык посоветовал на полчаса всем утомониться и не мешать влюбленным. Наташа не обратила на это внимания, жадно вглядываясь в чешуйчатое лицо своего друга.

— Что покинутый дракон?

Янтарные глаза встретили обычно синие, но сейчас от расширенных зрачков черные глаза девушки.

— Мы не знаем, что такое разлука, — промолвил он. — Мы знаем только смерть.

Наташа, не отрываясь, настойчиво искала что-то в вертикальных щелях зениц Нуми.

— Это из-за биохимии нашего тела, — сказал дракон. — Мы не переносим разлуку с любимыми и... — но завершить всю свою мысль не решился.

Да, наверное, не сейчас, подумала немного погода Наташа, надо поразмышлять, ведь такое не говорят с бухты-барахты. И мне надо убедиться, действительно ли готова... на всю жизнь, которая будет продолжаться так долго, что,

¹ Числобог — богиня Луны, по которой отмеряют время многие народы. Созерцательный образ, к темным силам равнодушна.

наверное, надо повесить на кухню отрывной календарь веков.

— Но ведь я же не царица, — вздохнула она.

— Царевнами не обязательно рождаются, ими становятся, — возразил Нуми.

Логику эту юный дракон унаследовал от отца, который в 1023 году похитил простую ирландскую пастушку прямо из-под носа холеного трактирщика, решившего жениться только затем, чтобы не тратить средств на прислугу, ну а потом громко объявил перед сородичами, что избранница его — стодеятипроцентная принцесса. Драконы не умели лгать — трехголовый змей, ставший отцом Нумих-разора, искренне считал Мэри из безымянного села принцессой. Драконы глаза видят глубоко в душе, хотя и не всегда замечают то, чего не хотят заметить. Но никогда не видят лишнего.

— Нуми, я не добрая, — сказала безжалостно Наташа. — Я ору и обзываю мать, потому что мне кажется, что она меня недостаточно любит. А сама-то я, разве ж я к ней добра? За что ей меня любить... Отчим? Когда трезв, я для него пустое место. Когда же пьян... я запираюсь на ключ в комнате, а если мама на второй смене или ночует у сестры, то бегу к Насте с пятого этажа. Мать меня часто бранит... и Настя тоже, но я не могу во всем сознаваться и не люблю, чтобы меня учили жить. Как умею, так и буду, но сама. Хочу играть на своем фортепиано, читать книги, шить себе платья. Зачем мне математика с физикой и химией? Я их не понимаю. Чтобы сделать вкусный борщ, мне не надо писать реакции и приравнивать стехеодурнические коэффициенты. Я глупа и упряма, как ишак. Я слаба. Всегда под чьей-то тенью. Соглашаюсь, а потом делаю наоборот. Я умру от серости. Моя жизнь будет серой, скучной и жалкой. Кричу: не надо мне жалости, а так хочется, чтобы пожалели. Я хочу жить красиво. Ничего у меня нет.

Только ты. Ты украдешь меня? Унесешь за тридевять земель? Я тебе не надоем?

Дракон судорожно кивал, но на последнее энергично замотал головой. Наташа горько и по-взрослому усмехнулась. Ничего веселого не было в ее кривой улыбке, но зоркие драконьи глаза усмотрели в глубине надежду, как уголек под золой.

— Где это тридешатое государство? Нет, не сейчас. И даже не на будущей неделе... Ты должен отдохнуть. Мне не нужны подвиги, мне достаточно твоей чуткости и доброй силы. Для меня не нужно сносить крепости, лучше подари мне цветы. И укради меня, пока не стала я черства душой, как все вокруг, кто старше хотя бы на пять-десять лет. Только... давай хоть школу окончу, а? Зачем позорить тебя перед родней.

* * *

В первых числах марта подули теплые ветры. Снег и лед уступали место большим лужам. Все чаще солнце заставляло горожан снимать шапки и расстегивать пальто. Река Нерка вздувала зимнюю броню, и для рыбной ловли наступил мертвый сезон. Рыбаки убрали пеши, буравчики и прочую луночную снасть в чулан и ходили по магазинам, выискивая по благу спнинги и корейские бамбуковые удилища. Грязь проступала из-под рвущегося холодного покрывала. Все властнее пахло весной, девочки искали в парках и голых рощах у реки подснежники, раскидываемые солнечным Ярилой¹ в белой мантии. Некоторые хлопцы принимались мучительно складывать стихи, бледнеть и краснеть, уставясь в короткие фартуки одноклассниц.

Первую весну за последние шесть-семь лет Наташа не болела. Учителя даже смутно удивлялись, когда, прове-

¹ Ярило — божество пробуждающейся природы, покровитель растительного мира.

ря отсутствующих, видели, как Наташа поднимает руку, услышав свою фамилию. И, словно не веря, вызывали ее к доске. Сложив чинно руки за спиной, девочка начинала монотонно рассказывать урок, словно перед глазами у нее был раскрытый учебник. Учителя подозрительно косились на первые парты и потом автоматически, в силу многолетней привычки, ставили Наташе тройки, реже четверки. Только на уроках литературы, где царили скандально демократические порядки, девочка получала чуть ли не за каждое слово отметку «отлично», причем за свои собственные мысли. Так повелось еще с первой четверти шестого класса. Пятидесятилетняя учительница, супруга начальника штаба местного гарнизона, придерживалась школьной программы так же, как Александр Дюма исторических событий — то бишь приблизительно. Подавляющему большинству детей это нравилось. Директор предпочитал помалкивать, завуч позволял себе бурчать только за спиной без пяти минут генеральши и срывал зло на более беззащитных преподавателях. Особенно доставалось пополнению личного состава школы номер сто тридцать из числа практикантов пединститута и окончивших его в прошлом году. Они были поголовно отправлены в младшие классы, вместо более им интересных восьмых, девярых и десятых. Старшеклассники тоже тайно проявляли недовольство. Молодые педагоги воспринимались почти за своих, исключая нескольких, должно быть родившихся сорокалетними. Но руководство школы не считало нормальным, когда привлекательная двадцати трех от роду учительница говорит верзиле-балбесу-хулигану из девятого «В»:

— Ну, реши ты эту задачу ради меня, Сережа.

И тот с екнувшим сердцем покорно садится за учебники. Или когда всеизвестная озорница и бунтарка Маринка из десятого «А» вдруг приходит в класс без грима, браслетов, застегнутая по горло и жадно ловит каждое

слово молодого учителя биологии, смахивающего то ли на Игоря Костолевского, то ли на Алена Делона, и все время прилежно тянет руку, чтобы отвечать у доски. Что за безобразия, причем в советской школе! Что же касается подсознательного убеждения Наташиных преподавателей, что кто-то изобретательно ей подсказывает, то в этом была какая-то изумительная доля правды — пока девочка спала после очередного путешествия, Нуми тихо читал ей отмеченные карандашом уроки. И хотя методика сия довольно спорна, если у вас есть под рукой влюбленный в вас дракон — успех гарантирован.

Весна так явно не подействовала на Наташу. Вероятно, по причине того, что сезоны менялись для нее калейдоскопом, особенно чудные восемь времен года Диска, а вдобавок к этому, был еще один немаловажный факт — ее весна началась в октябре и с тех пор не прекращала своего бурного цветения. Но приближающееся Восьмое марта навело ее на ностальгические мысли о школьных вечерах танцев под песни Андрея Макаревича, «Веселых ребят», Джо Дассена и «АББА».

— Как жаль, что нельзя вместе пойти к нам на дискотеку, — вздыхая сказала Наташа как-то вечером, когда девочка и дракон остались одни в квартире. — Глупо, правда, — пряча грусть засмеялась девочка, — после всех балов на Земле и в палатах Диска канючить о спортзале с магнитофоном?

— Ну почему же нельзя, — вдруг широко улыбнулся Нуми и вдруг начал преобразаться. Втянулись в спину крылья, чешуйки сделали телесного цвета и обмельчали.

Девочка захлопала в ладоши, как маленькая, когда появились совсем по-школьному стриженные волосы, темно-каштановые с красноватым отливом, а глаза сделали цвета крепко заваренного чая.

— Сойдет? — спросил Нуми.

Наташа попыталась настроиться критически.

— Ты даже как будто одет в вельветовый костюм... сшитый из автомобильных покрышек. По крайней мере, так будет выглядеть при цветомузыке. Знаешь, ты всегда такой... — и постеснявшись слова «красивый», она сказала: — похожий на себя, даже когда совсем уж змеем летаешь!.. Но вот как ты пройдешь в нашу 130-ю? На входе дежурят завуч и физрук. Я бы взяла на тебя приглашение у директора, но нужно назвать твою фамилию и номер твоей школы, а то после шухера на бале-маскараде в прошлом учебном году приглашения проверяют, как паспорта на границе.

— Не беспокойся и жди меня прямо в спортзале, — ответил Нуми. — Давай сейчас подберем тебе наряд. Что скажешь насчет Платья Портного Ее Величества Имперского порта Карбункула?

— Ой, да что ты! — испугалась Наташа.

— Но ведь оно тебе идет!

— На школьный вечер вся в бриллиантах и серебряной короне? Прекрасная идея!

— Сколько дней до дискотеки?

— Послезавтра вечером с шести до половины десятого. Семиклашкам до без пятнадцати девять. Но обычно еще минут десять можно танцевать. Однако нам с тобой нужно улетучиться до того, как включают все освещение, — значит двадцать один двадцать. Ну и неплохо бы, когда малых погонят, спрятаться и тебе...

— Так и сделаем. Только платье, думаю, и без бриллиантов да жемчуга тебе подойдет.

— Рукава неплохо бы чуточку перекроить, — задумчиво сказала Наташа, — и подол не обязательно должен волочиться. Пол у нас в зале — даже не паркет дворца Тирана Этреба. Зачем пачкаться? Ну, смотри, Змей Горыныч, какая я мастерица! Да куда же эти иголки подевались...

Дискотека удалась на славу. Поднаторевшие в парных танцах девушка и дракон сделались центром внимания в цветных лучах самодельных прожекторов и сумасшедших вспышках стробоскопа. Кавалер, платье и бесспорный талант танцовщицы — неброской до сих пор восьмиклассницы — оказались гвоздем вечера к неудовольствию Насти, нескольких Люб и частично упомянутой уже Маринки. А от рок-н-роллов Наташи и Нуми обомлел весь зал. Подзабытых семиклассников выгнали после девяти, а молодой учитель биологии подошел выразить им свое восхищение, чем встревожил Маринку, если не акулой, то щукой смотревшую на соперниц, поджидая «белый танец».

— Ну Балевская, ну молодец! Только так, парень, — и Костолевский-Делон крепко пожал Нуми руку. — Ты, наверное, из спортивной школы, да? Сразу видно. Ну, танцуйте, танцуйте, не смею отвлекать! — И, улыбаясь, отошел, к радости Маринки, поклявшейся себе в следующий раз надеть действительно мини-юбку.

Наташины опасения, что Нуми привлечет к себе внимание блюдущих дисциплину преподавателей, не оправдались. Правда, учитель труда и физрук направились было к ним, решительно нахмурив брови, но сверкнувший янтарем взгляд дракономальчика пресек на корню их намерения. Потоптавшись на распутье, они, не сговариваясь, вышли проверить уборные, куда прятались мальчишки на пару затыжек, и едва не поймали с поличным «бычком» Сергея из девятого «В». Он спасся, вырубив свет и неожиданным броском пробившись сквозь плотную цепь противника, а потом вихрем ворвался в зал и сграбастал одну семиклассницу, умоляюще-угрожающим шепотом растолковывая ей ситуацию. Ошеломленная девочка сжалась над ним как раз вовремя, когда трудовик и физрук появились среди танцующих. Один держал носовой платок совсем на его месте — под носом, но отнюдь не по

причине насморка. Ухо другого учителя пламенело даже в цветопляске дискотеки, охваченной «Бони Эм». Сергей тонко застонал, и девочка ободряюще закинула ему свою руку за шею. Разъяренные учителя безошибочно подошли к девятикласснику, но придраться ни к чему не сумели — Ленка-семиклассница, как настоящая партизанка, наврала, что танцует с Сергеем давно. От честных карих глаз ее пострадавшие засомневались в скоропалительных своих выводах и отправились искать преступника в другом месте, проворчав напоследок: «Смотри, Кирюхин!» Лена показала им вслед язык. А Наташа... она была счастлива, словно фамилия ее была Ростова, и это князь Болконский кружил ее под «Машину времени». Под потолком в ее воображении сияли не ртутные лампы, а свечи хрустальных люстр, и нарядная петербургская знать с усатыми гусарами смотрели на них с восторгом и завистью. Все, кроме прекрасного лица ее друга, казалось ей туманом, а звуки электрических гитар лились скрипками Лондонского симфонического оркестра в сопровождении хора голубых солнц Млечного Пути...

Девочка и дракон удрали ровно в девять двадцать вечера через парадный вход школы. Вслед за ними из дискотечного рая были изгнаны протестующий Сергей и спрятанная им в стайке одноклассников Лена из седьмого «А». Еще за ними выскользнула заинтригованная Настя. В зале наконец объявили «белый танец», и со скоростью пикирующего коршуна Маринка повисла на плече учителя биологии.

Под заменившими босоножки чешскими сапогами Наташи хрустела ледяная корка. Нуми двигался с шумом скользящей по катку тени и с нетерпением ждал момента, чтобы расправить затекшие крылья. Но нужно было, по крайней мере, отойти подальше от девятиэтажек, ограждавших бастионом двор 130-й школы. Они держались за

руки и наслаждались тем молчанием, которое не вызывает неудобства у настоящих друзей. И тогда их нагнала Настя. Нуми и Наташа тихонько рассмеялись и переглянулись. Настя зашагала рядом.

— Ой, Наташка, не очень-то интересный вечер нынче получился. Вместо ансамбля нашего — магнитофон, тьфу! Но ничего не поделаешь, у ребят аппаратура полетела в прошлый раз, вот концерт-то был! Москва такого не видела.

Наташа спрятала в шарф улыбку. Школьный ВИА не существовал с прошлого года из-за прозвучавшего для его членов «последнего звонка». Однажды Настя попросилась поиграть вместе с ними на ионике и после этого случая неустанно предлагала на учкоме организовать новый ансамбль, чем раздражала завуча. «Успеваемость повысьте, Диденко», — неизменно отвечал он на требования выдать ключ от подсобки, где давно уже не было инструментов. Последнего Настя не знала, хотя и ходили слухи о сыне завуча, студенте Политехники... впрочем, это к нашей сказке существенного отношения не имеет.

Нуми вежливо слушал, незаметно соорудив из крыльев подобие плаща. Настя вдохновлялась выдумками все больше и больше, пока не почувяла опасность понести очевидный вздор. Тогда она бросила цепкий взгляд на странного парнишку и словно невзначай подкинула:

— Ой, Наташка, чё ж ты не познакомишь меня с твоим партнёром по танцам?

Наташа оторопела и замешкалась. Нуми нашелся молниеносно:

— Очень приятно, я — Никита.

Наташа тихонько прыснула в шарфик. Дракон невозмутимо продолжал:

— Учусь в 17-й школе, и, к сожалению, мне пора. До свидания, Наташа. Спасибо за прекрасный вечер. Мы

увидимся... позже. До свидания, Настя, очень рад был познакомиться.

Старшая подруга Наташи была поражена. Она не заметила, что Нуми оговорился, назвав ее по имени. Факт того, что пацан из района семнадцатой школы отважился появиться здесь в одиночку, был выше всякого понимания. Настя проводила глазами растворившуюся в темноте фигуру и повернулась к Наташе:

— Ой, Наташка, мальчик этот прямо как из иностранного журнала! Где подцепила, поделись? У тебя с ним серьезно? — спросила она с надеждой. За ее спиной промелькнула, затмив звезды, невиданная крылатая тень и исчезла в сторону Наташиного с Настей дома.

— Вполне.

— Ну ты даешь, подруга... Хоть бы не повстречали твоего красавчика наши местные...

— Вряд ли.

Настя с удивлением не заметила и капли беспокойства на мечтательном лице соседки с третьего этажа. Но все-таки было темно. Сама-то Настя тряслась бы, переживая за хахалю из враждебного квартала. Однако вспомнив другое, она воскликнула:

— Ой, Наташка, а платье тебе кто пошил, неужто сама? Ой, Наташка, сделай и мне! Материю какую достать?

— Ну... Никита подарил. Но пошить такое же наверно смогу.

— Ого, — только и сказала Настя. После короткого молчания снова поразились: — И с каких пор ты танцуешь как балерина? Он научил, ага?

Наташа улыбнулась. Ну как ей все поведать? Поверит ли Настя, что на ней платье из царства, в обычном пространстве отдалённого более чем на миллиард миллиардов световых лет, что мальчик-дракон может дыханьем растопить айсберг и смотрит на нее преданно и с такой огромной нежностью, что Наташа не боится даже умереть за

него. И что бросает он к ногам ее, как цветы, чудеса многих вселенных... а танцевать выучились оба на дансингах калифорнийских дискотек и в джаз-клубах Марселя.

— Это секрет, — ответила она.

Настя вытаращила глаза. Потом со сдержанной обидой сказала:

— Ладно, Наташка, секретничай. Но в гости приходите, а? Ой что покажу, Вацек прислал, не поверишь! Такой шикарный журнал мод ты еще не видела, Наташка. Придете? Когда?

— Придём, — великодушно сказала Наташа. — Как-нибудь да соберемся...

* * *

Следующий день был воскресным, и с утра Наташа делала выкройку из газеты «Правда» под болтовню подруги. Но в понедельник, пойдя в школу, она вдруг оказалась окружена смущающим вниманием со стороны решительно всех, кто был старше четырнадцати. Это заставило Наташу почувствовать себя неосторожно выскочившим из укрытия раком-отшельником. К счастью, Настина опека спасала от назойливости учащихся, но не в силах была остановить озадаченные, с искорками враждебности взгляды педагогов. Только молодая химичка, биолог да учительница музыки — как жаль, что с ней Наташа не встречалась, кроме как в коридоре! — в этот раз не только приветливо кивнули на ее «здравствуйте», но даже и тепло улыбнулись бледной девочке с нервным румянцем на щеках. Преподавательница русского языка и литературы в те дни хворала, остальные же учителя словно видели Наташу впервые. И это зрелище им не слишком нравилось. Они не одобряли того, что троечница и лентяйка щеголяет в прямо-таки сказочном платье и сводит с ума старшие классы упадочными танцульками вместе с каким-то спортивного типа стилигой, может быть, даже уже не школь-

ником или еще хуже — питомцем швейного, либо железнодорожного ПТУ. Непрошеное внимание извергалось на Наташу тропическим ливнем. Когда-то она мечтала, чтобы ее замечали. И вот — извольте! Так или иначе, Наташа чувствовала себя почти физически дурно. Поэтому-то и не сразу заметила, как на последнем уроке кто-то кинул ей на тетрадь сложенную в тугой комочек записку. Очнувшись, она развернула ее. Соседка по парте любопытно вытянула шею, на что Наташа, не задумываясь, убрала мятый листок на колени под изрисованную чернилами деревянную плоскость. Принялась читать и мгновенно вспыхнула, как мак. Даже шее стало горячо. В записке стояло:

Ты богиня танцующей страсти,
Ты буря безконечной ласки,
Луч света в темные часы ненастья,
И сердце не может тебя позабыть.
Наташа, хочу с тобой дружить. Встретимся перед кинотеатром «Молодая гвардия» в 16 часов, показывают фильм с Бельмондо. Ты ведь любишь французские фильмы, мне так Диденко сказала. В.Х.

Наташа медленно разозлилась и наконец смяла бумагу. Но вскоре отошла. Ей случалось закатить матери истерику, трахнуть об пол и разбить посуду, а затем убежать к Насте, но, как правило, она не любила кого-либо обижать, может из опаски иметь неприятности, а может и вправду по доброте. Кроме того, когда-то она тайком засматривалась на Володю Ходькова, но тот не обращал на нее ни малейшего внимания, зато на переменах, бывало, зацепит локтем и, удивленно повернувшись, ляпнет: «Да чего ты, Балеvская, под ногами путаешься?» И хотя ее покоробили грамматические ошибки, и шевельнулось позабытое недоумение, как можно писать слово Бог (и конечно Богиня) с маленькой буквы, Наташа не могла

не оценить, по крайней мере, складности стишка. Поэтому она вырвала из тетради чистый лист и написала каллиграфическим почерком, избегая легкомысленных завиточков, которыми иногда украшала свои аккуратные букочки:

Вова, очень мило с твоей стороны пригласить меня в кино, но я вынуждена тебе отказать. Не сердись.

На секунду задумалась под объяснение учителем какой-то геометрической теоремы и с заколотившимся сердцем добавила:

Я люблю другого. Это взаимно и по-настоящему.

Она с восторгом уставилась на написанное. Мысли ее понеслись с опережающей свет скоростью к Нуми. «Где ты, милый мой, летаешь, какие чудеса высматриваешь для меня, дурочки влюбленной?» — пропело на душе у Наташи. Толчок в ребра вернул ее за парту. Девочка едва успела спрятать записку под тетрадь. Учитель прошел по проходу, отобрал у Пашки на последней парте постороннюю книгу и, сухо бросив ему: «Получишь у директора», — вернулся к доске. Наташа повернулась назад, изобразив на лице сочувствие. Пашка иногда выпрашивал у нее книги, причем возвращал их чистыми, с незагнутыми страницами и никогда не говорил: «Что за фигню ты читаешь!» — а просил еще что-нибудь в том же духе. За это Наташа принесла ему пару романов из серии «Проклятые короли» Мориса Дрюона.

Пашка растерянно ей улыбнулся и, храбрясь, махнул рукой. Он тоже хватал одни трояки, и на этой основе они с Наташей всегда демонстрировали друг другу поддержку. Но только и всего — за стенами школы они просто за-

бывали о существовании друг друга. Урок возобновился, и Наташа поспешила завершить записку словами:

Не надо отчаиваться — стихи твои очень хорошие. Наташа Б.

В этот момент она вдруг искусилась подписаться «Болваневская». Один раз в конце сентября Наташу вызвали к доске и, разумеется, вклеили пару. Причем Ходьков повторил вполголоса слова учительницы, сделав коррекцию Наташиной фамилии: «Садись, двойка, Болваневская!» Наверное, это показалось ему очень остроумным. А Наташа весь вечер проревела. Потом перестала замечать статного Володю, в которого стреляли глазами даже старшеклассницы. И сейчас она вдруг вспомнила жгучее чувство разочарования и унижения. Но не подписалась обидной кличкой, рассудив в драконическом духе, что это было бы не оправданной ничем жестокостью к Володе. А прошлые слезы... Да ну их, вот были, да и сплыли!

Наташа сложила записку и, улучив подходящий момент, бросила ее Ходькову. Тот поймал ее в воздухе, напомним девушке виденного ею однажды в Сиэтле бейсболиста. Наташе тогда вздумалось покататься на роликовых коньках в зале, где шла тренировка. Тогда она еще удивилась, увидев американцев, играющих в лапту.

Полкласса замерло, наблюдая за своим лидером. Наташа не смотрела, зато вдруг почувствовала перемену настроения в классной комнате. Володя оцепенел, а по паутине взглядов пробежала насмешливая ирония и азартное любопытство — что же такое дальше-то будет?

Девочка обернулась. Потемневшее лицо Ходькова совсем не напоминало сокрушенную мину отверженного ухажера. Оно не предвещало ничего хорошего. Наташа уткнула взор в парту. Глаза Володи продолжили сверлить ей затылок. Наташа подняла руку.

— В чем дело, Балевская?

— Вадим Кириллович, мне нехорошо, можно я выйду?

Математик посмотрел поверх очков. Пожевал губами.

— Пожалуйста... — немощно добавила Наташа.

Опять взгляд. Потряслись выбритые щеки. Наташе совсем уже сделалось плохо.

— Ступай.

Она вылетела из класса, прижимая к груди тетрадь и учебник. Авторучка осталась на парте. Бог с ней! Наташа скатилась по лестнице, ворвалась в раздевалку. Портфель ощутимо бил по коленкам. Она наспех накинула пальто на худенькие плечи и побежала домой.

Вечером Наташа ничего не сказала своему дракону. Не хотелось портить настроение. Но проболталась про фильм с Бельмондо.

* * *

— Что ты еще сказала Ходькову про меня? — Голос Наташи был холоден, как дамасский клинок.

Настя не любила чувствовать себя виноватой. Но теперь булатный взгляд младшей подруги заставил ее ощутить себя нашкодившей малявкой. Обычно она возмущалась в ответ на обвинения. Но на этот раз... Наташа никогда не разговаривала с ней таким тоном. И никогда прежде Настя не видела, чтобы глаза робкой соседки метали янтарные молнии.

— Ничего больше, — торопливо ответила она. — Он просто подошел на перемене и спросил, как тебе французские фильмы. Вот и все.

— А про... Никиту?

Наташа подавляла. В голосе ее звучали сибирские вьюги в стенах острога и щелканье казацких нагаек. Настя потупилась.

— Ну, добавила, что у тебя друган из 17-й школы. Думала, сразу отвяжется.

— И Вовик что же? — сурово допрашивала Наташа.

— Призадумался, потом сказал: «Ладно». Наташка, почему мне знать, что этому дураку в голову взбрести может? Западло я тебе сделала, да, подруга? — с раскаянием воскликнула Настя. — Ну, не бойся, я тебя в обиду не дам.

Наташа странно усмехнулась и немного погодя подобрела.

— Хорошо, Настенька, — сказала она, и девятиклассницу оторопь прошибла от обращения, — только после школы проводи меня.

— Да, да, конечно... Я еще Сережку Кирюхина прихватчу, ему по пути будет, он же, знаешь, с Леночкой Ваксберг шуры-муры завел...

Этим вечером Наташа увидела Бельмондо. Но в кинотеатре рядом с ней сидел не кто иной, как Нуми, и тоже смеялся выходкам очаровательного француза, оскалив, может быть, слишком уж блестящие зубы. Возвращались пешком, напрямик через парк, где дракономальчик мог перестать напрягаться в тесном человеческом обличье. Шли, весело болтая и повторяя шутки из комедии. Совсем незаметно для себя вошли в квадрат жилых домов — Наташин двор, заросший ясенем, акацией и хиловатыми березами. Там, поперек каменной дорожки через детскую площадку, стояла дюжина темных силуэтов на фоне отражений окон в лужах среди остатков снега. Их ждали.

Наташа в панике сжала ладонь Нуми. Она не боялась за него. Хотя с утверждением о том, что дракон в бою опаснее груженного напалмом бомбардировщика, нельзя было писать реферат по зоологии и получить за него пятерку, Наташа знала силу своего друга. В гневе он был способен сровнять с землей приличный город. Иногда она даже удивлялась благодушию дракономальчика. Он был добр. Не кичился могуществом, не презирал слабость. Но в отношении к жизни и смерти его кодекс чести был не-

много диковат: на первом месте были достоинство и соблюдение правил поединка, а на последнем — инстинкт самосохранения и желание уцелеть во что бы то ни стало. Поговорку о том, что победителя не судят, Нумихразор не понимал. Зато прекрасно истолковал другую — либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Правильно, но по-своему. Гибель рано или поздно неотвратима, разъяснил он однажды принципы войны в его разумении, но позора бесчестья всегда возможно избежать. «От нарушившего данную врагу клятву отворачивается даже Смерть», — эту драконью пословицу Наташа не понимала. Она всегда считала убийство чем-то не только ужасным, но и не отдельного человека ума делом. Существовали милиция, прокуратура, суд, органы Госбезопасности, армия. Саморасправа в Наташином мире была преступлением, самоубийство — непростимым грехом, а самооборона отличалась свойством постоянно превышать себя. Личность не имела права возлагать на себя ответственность (или дерзость) такого рода. Преступившие эти запреты, узурпировавшие права государства — или Церкви — словно переставали быть людьми и рождались с чем-то вроде леших, вурдалаков и прочей нечисти-нежити¹. С убийцами и насильниками это как-то вязалось, но с наложившими на себя руки? С мстителями за поругание или за чью-то жизнь? Ведь не справлялось же общество всегда со всеми ублюдками... Нуми же словно жил в условиях постоянной войны, но какой-то странной, в самом центре которой можно родиться и состариться, так и не увидев обнаженного оружия, кроме позолоченного церемониального. (Наташе никогда не приходило в голову ни отделить своего

¹ Нечисть — общее восточнославянское название низших демонологических персонажей, чертей, бесов и т.д. Может являться из покойников, умерших неестественной смертью. Многолика, к людям может проявлять доброту. Нежить не имеет ни души, ни плоти, но человеческий облик. Это не мертвецы или привидения, а особого рода духи природы. Над человеком потешается, пакостит, но бывает и доброй.

дракона от человеческого рода, ни причислить его к нечисти. Тайком читанная ею Библия преподнесла девочке неприятное переживание, когда где-то она встретила намек на змееподобное чудище. Наташа закрыла Книгу книг, думая о том, так ли чувствуют себя современные немцы, когда смотрят фильмы о нацистских концлагерях.)

«Ты тоже дрался на дуэлях?» — спросила однажды Наташа, при этом дрожа как от лихорадки.

«Конечно, — не смутившись, ответил Нумихразор, но без гордости. — Только я никому первым не отправлял вызова. Даже однажды, рискуя опозориться, попытался отклонить оскорбление, но мой противник вошел в раж, и пришлось драться. Не люблю я это дело», — признался он наконец.

Наташа не посмела углубляться в тему. И сейчас, на пороге уличной разборки она хотела спасти своего друга от опасности зашибить какого-нибудь идиота, который и жизнь-то зря переводит. Девушка решила уберечь душу друга от смертельного греха убийства, нисколько не заботясь о прущих на рожон жертвах. Она вцепилась мертвой хваткой в его локоть, жарко и путанно упрасывая про себя Деву Марию испросить у своего Младенца милости и вразумления несчастных кретинов, по безмерной глупости своей вставших на дороге у дракона. Как-то ум ее обходил очевидный и страшный вопрос — а какое дело Господу до души змея, разве не сатанинское дракон исчадие?

Один из угрюмой цепи сделал шаг вперед. Девочка узнала Вовика Ходькова.

— Ты, Балевская, можешь идти, — сказал мрачно он. — Мы девчонкам на первый раз поблажку делаем.

Кто-то из корешей отверженного Володи захихикал. Это почти взбесило Наташу. «Уноси ноги, козел несчастный», — ящерицей по раскаленному валуну пронеслось в ее голове. Успела даже удивиться: «Ну как мне мог нра-

виться этот паршивец?» — когда с ужасом ощутила, что локоть Нуми твердеет, и из него высовывается турецким ятаганом кривой коготь, а за плечами расправляются крылья демона.

— Не надо, милый! — зашептала она. — Прости им, они ведь жалкие перед твоим умом и силой!

В следующий момент она увидела его улыбку, полную преклонения и обожания.

— Как ты права, премудрая моя царевна, — одним дыханием ответил он. — Не бойся, я знаю, что делать.

Наташа поверила ему и дала себя отстранить нежным, но решительным жестом. Нуми шагнул вперед. Цепь напрыглась. Презрение в голосе дракона было едким, как аммиак:

— Значит, я вижу настоящего мужчину, решившего бросить мне перчатку?

— Ишь ты, разговорчивый... — пробормотал кто-то в цепи.

— Нечего на наших девок зариться, — ответил сипло Ходьков.

— Ваших? — удивился драконий мальчик. — Каждое мыслящее существо принадлежит только и единственно себе. Но вот ты под определение мыслящего, насколько я вижу, не подходишь. Твой разум кипит бесформенной злобой, разочарованием и трусостью. Ты хочешь меня ударить, но, несмотря на свиту драчунов, некоторые из которых отважнее тебя, не решаешься этого сделать.

Цепь обалдело молчала.

— Послушай, ты хочешь турнира из-за Наташи, но почему же незаметно, чтобы ты испытывал к ней что-либо хорошее? Во имя чего ты идешь на поединок, не пойму... Лучше уединись ненадолго и разряди, умири свою ненависть. Нельзя идти в битву без возвышенного в душе, самому же лучше, не то гнев задушит тебя. Это опасно, рискуешь превратиться...

Нуми умолк, потому что взбешенный почти сочувственными нотками в голосе противника Ходьков замахнулся и врезал кулаком в нос чужака. В последний короткий миг перед ударом Вовик увидел оранжевый блеск глаз странного пацана из Заречинского района, где находилась известная своей шпаной 17-я школа. А потом у него искры посыпались из глаз, угасая в слезах.

Нуми даже не пошатнулся. Особенностью гибридного его организма являлось, в частности, наличие в носу кости вместо хряща. А кости драконов, кои пока учатся до столетнего возраста летать и имеют привычку частенько падать на гранитные скалы, крепки. Так что Вовик с таким же успехом мог испробовать джеб в чугунную рельсу. Вопль его парализовал цепь добровольческой зондеркоманды.

— Не бей меня больше, — посоветовал Нуми, — дольше в гипсе будешь ходить.

Ирония, как и понятие о рабстве, весьма смутно находило пристанище в драконьих мозгах. И тут со стремительностью Первой Конной налетела Настя Диденко в накинутах на плечи мужском пальто и в мокрых домашних тапочках. Не обращая внимания на стонущего и держащего на весу правую руку Вовика, она довольно выпуклой грудью, как броней Т-34 надвинулась на пятившегося, не смотря на численное свое превосходство, агрессора, при этом сварливо крича, словно базарная Матрена:

— А ну пошли вон, добры молодцы! Марш отседова, кому говорят? Я Сереге Кирюхину позвонила и Саньке Бесшабашному, коли руки чешутся, можете их обождать, вам потом маманьки йоду и зеленки на хари помажут! Че стоишь, як быдло, драпай, бо портки опосля Саньки стирать будешь! Сопляки! — крикнула она вслед ретировавшемуся в беспорядке противнику. И рассеяв таким образом «орду поганую», повернулась к Наташе и дракону, чуть не выронив пальто в лужу: — У вас все в порядке,

ребятки-козлятки? Кто же так волков не боится, по лесу ходя! Хорошо, я этих мародеров у подъезда заприметила. Ошивались, ошивались, а потом юрк — и нету. Папашин бинокль хватъ — позырила и обмерла: не иначе как Наташку с хахалем бить будут! Я сразу шастъ сюда...

Взволнованная Настя бывала жутко красноречивой. Кроме того, раньше, пока телом не стала напоминать женщину, в школе ее прозвали БМП. Было за что. Дракон с удивлением взирал на Настю.

— Валькирия, — сказал он одобрительно и повернулся к Наташе. — Я правильно тебя понял, солнышко мое?

Наташа, поднявшись на цыпочки и почти плача от радости, гладила мягкие чешуйки его щек:

— Правильно, правильно, милый, — шептала она. — Не больно тебе, хороший ты мой?

— Знаешь... булавой больнее, — попытался отшутиться Нуми.

Настя, вспомнившая наконец значение слова «валькирия» и этим польщенная, прокашлялась тоном если не матери, то старшей сестры:

— Пойдемте ко мне на хату целоваться, молодые люди. У меня ноги мокрые, простужусь.

Идя к подъезду, Наташа спросила:

— Ты что, правда Сережке с Санькой позвонила?

Настя махнула рукой.

— Да куда там! Саньке по пустякам звонить накладно, а Серега со своей подругой в кино ушел.

— Так я и догадался! — воскликнул то ли восхищенный, то ли недоумевающий Нуми.

Наташа захихикала.

* * *

Укатил март, за ним потянулся капелистый апрель. Набухли и, лопнув, распустились почки. Нерка скинула крошево ледяного наряда большой реке, которая так и не

донесла его до моря. Воды медленно убывали, речка худела, но аж до следующей зимы была обязана таскать на себе баржи и катера. Теплело и веселело. По черной земле проклевывалась прической полубокс молодая травка. Прилетали стаи птиц. Иногда, ничем пернатых путешественников не беспокоя, сопровождало их в небе нечто, что ночные рыбаки-браконьеры с похмелья определяли как дельтаплан. А один мужик даже увидел в клине журавлей ни много ни мало, а саму Жар-птицу¹ (после этого случая перепуганный рыбак бросил пить). А Наташина весна продолжалась на более зрелом этапе. Все чаще молодая, нацеловавшаяся как следует пара спорила, чудом избегая глупых ссор. Все крепче привязывались они друг к другу. Так и выросли вместе — каждый по-своему.

— Что-то есть гнилое не просто в Дании, а вообще во всем вашем мире, — моргая говорил Нуми нахмуренной Наташе, которая жевала травинку и постукивала ногтями по стопке книг, прочитанных драконом со скоростью ЭВМ. — Огромная часть человечества живет хуже зверей в берлогах. То, что вы называете Западом, погрязло в культе денег и высокомерия. В здешней части света встречаются прекрасные люди, но порядки в твоей Империи дики и... — Он с трудом выплюнул незнакомое слово: — Несвободны...

— Ты не понимаешь! — горячо возражала ему Наташа под рокот горного водопада среди скал цвета грозы. — Мы строим новую жизнь! Без нас все обречены! И потом, сколько раз тебе повторять — не Империя вовсе, а Союз Советских Социалистических Республик.

— Да? Наверное, я в самом деле еще не разобрался... Но вот чего совершенно не могу понять, так это страсти к построению из металла и всякой всячины груд различных сложных механизмов, словно никто в этой вселенной уже

¹ Жар-птица — помимо склонности к воровству золотых яблок, сей персонаж прибывает из другого (тридесятого) царства...

не верит в себя, в свой дух. Вот возьмем Диск... А знаешь, полетели туда, тебе там так нравится, правда? Ну вот, как раз покажу, что я имел в виду, так будет наглядней...

В другой раз девочка пыталась растолковать дракону, почему нельзя убивать.

— Грех? — отреагировал Нуми. — А-а-а... Имеешь в виду заповеди Богов. Так с чего же они тогда вымерли в этом мире? Значит, искренне никто в них не верил...

— Бог один, — поучала, внутренне ужаснувшись, Наташа.

Дракон внимательно ее выслушал. И ошарашил, когда раскрыл рот:

— Понял. Ты говоришь про Творца Миров. Но знаешь, ему нет особенного дела до любой из разумных рас. Он продолжает творить. Ни на что больше времени ему не хватает. А что касается Ешуйа из Насаретта, он в конце концов отказался стать богом, хотя очевидно находился в прямой трансцендентальной связи с личностью Творца Всего... Да и если жить в гармонии с природой, не испытываешь нужды в богах.

— Животные так живут. Поэтому они чисты и невинны. А люди согрешили, послушав Сатану... Да перестань прикидываться, я же давала тебе Евангелие!

— Наташа, милая, звери и так называемые неразумные твари просто стоят вне границ людского понимания о добре и зле. Однако невинность? Вспомни разбойничка Бонапарта. Сколько времени он играл с той бедной крысой, прежде чем задушить ее? Это что — не жестокость? Но скажи мне другое: Судный день — ладно, Единственный Творец — общеизвестно, только вот как можно верить в Сатану, раз это антипод самого Демиурга?

Тут задумалась Наташа.

— Бог, он творец, — медленно сказала она, — значит, личность, а дьявол... антиличность, или, иначе говоря...

— Стихия, — подсказал Нуми.

— Стихия, — повторила девушка. — Стихия только разрушает. Выходит, Сатаны нет!

— Абсолютно верно, — обрадовался дракон ее выводу.

— Но Нуми, — посмотрела на него серьезно Наташа. — Тогда дьявол — в каждом из нас. А где же «образ и подобие»? Во что верят люди? Куда мы уходим после смерти?

Юноша-змей махнул крылом.

— Люди верят во все что угодно, им это нравится...

Девушка размышляла.

— Вера снимает ответственность. Может, даже не только с фанатиков.

— А? Да, как будто ты права. Только это звучит ужасно.

— Верно... Полетели на Диск.

— С удовольствием... Э-э-э, Наташенька, что ты задумала?

— Ты часто видишь Смерть Диска?

— Глаза дракона видят скрытое.

— Нуми, не увливай! После первой встречи ты его видел?

— Несколько раз. Возле тюрем и больничных приютов. И на той дуэли на Архипелаге-У-Края-Света, когда ты настояла помирить соперников. Он стоял возле розового куста у стены замка и обрывал лепестки крупной черной ромашки. Я был почти уверен, что ты его тоже заметила.

— Нет, — покачала головой девушка. — Не увидела, слава Богу, и не скажу, что сильно жалею. Но знаешь, Нуми... Я просто не ожидала... что Смерть такой... Пока не видишь его и не очень долго о нем думаешь, как будто и не больно ужасный, а... просто странный. Тебе не кажется?

— Солнышко, сам Диск тоже странный Мир даже для своей вселенной. А тамошний Смерть... Понимаешь, все взрослые драконы лично знакомы с Ангелами Вечного покоя. Про того, с Диска, я слышал, что он очень добросовестно изучает людей. Старается их понять. Ни один дру-

гой воплощенный в образ его аналог, никто, кроме него, не перестал удивляться вещам, вроде бы миллионы раз виденным... Помнишь его саблю? Он использует ее для царей, героев и выпускников Невидимого Университета Чародейства и Магии — такова традиция, но он считает это знаком особого уважения...

Наташа слушала и рассеянно думала: «Неужели, даже Смерть способен чувствовать? Наверное, только когда захочет... и эмоции его просто невообразимы... Легче представить себе плачущий камень или простуженное солнце с насморком». Она невольно улыбнулась.

— Почему ты смеешься?

— Угадай!

Изредка забежали они к Насте, на часок, в гости, чтобы не обижать подругу невниманием, причем Наташа всегда умудрялась усадить Нуми в самый темный угол («Он что, упырь, твой Никитка, что ли? — выплеснулось как-то Диденкино раздраженное возмущение. — Прячешь постоянно хлопца! Не съем же я его и отбивать не подумаю».) и большую часть времени играть с девятиклассницей в четыре руки интерпретации популярных песен. Один раз застали там Марину Новикову. Нуми, как всегда, старался помалкивать, дабы не ляпнуть лишнего. Марина долго на него пялилась, пока Наташа и Настя исполняли свой «концерт», а в «антракте» огорошила дракона неожиданным вопросом о поэзии и любимом авторе. Ответ юноши ошеломил Маринку незнакомым именем и был подкреплён прочитанной на память короткой балладой. Последовало и явно ирландское произведение, и, не ухитрись Наташа улизнуть с Нуми под благовидным предложением, петь бы дракону запомненные от матери кельтские былины.

Маринка, читавшая Есенина, Лермонтова, Солоухина, Цветаеву и Евтушенко, впоследствии так и не нашла ни-

где упоминания о поразившем ее барде. А после ретирады Наташи и Нуми она сказала:

— Никита этот... — и умолкла, силясь подобрать подходящие слова для выражения своих впечатлений. Что-то сильно ее смутило во внешности и обаянии Наташиного друга, что-то ускользало, и она после долгого и мучительного поиска закончила неопределенно: — ...славный парень. Только... разве бывают такие, да еще из зареченских?

Ответа Настя не знала, а предположения ее, ввиду скромной информации, были слишком далеки от истины.

В следующие дни Наташе пришлось ради умилоствления Новиковой переписать пару баллад из увесистой книги в деревянной обложке и с застежками из чеканной меди. Шрифт был мудроруническим — при сосредоточении строчки преображались в родной язык и алфавит читающего их. Так, через десять тысяч лет после гибели Атлантиды, некоторые представители человечества получили возможность познакомиться с одним из поэтов легендарного континента...

На намекающий вздох Наташи Нумихразор прервал рассказ о своей родной вселенной и пояснил:

— Давно бы к маме в гости могли сходить, да вот беда: доступ туда зависит от взаимного расположения наших солнц и лун, что-то вроде гороскопа. А сейчас как раз период отрицательных констелляций, когда проходные интервалы редки и коротки. Просто не успеем вернуться сюда вовремя. Но скоро настанет микроэпоха свободного прохода с совсем нечастыми запирающими Звездных Врат. Знаешь, как я хочу показать тебе свой дом — там почище Диска! Да вот нельзя, и хоть волком вой...

— Так ты вообще не ходишь к себе? Бедненький!

— У братца на Стене есть замок. Там и письма от мамы получаем, когда складываются благоприятные противостояния.

— Нуми, что такое Стена? Я имею в виду... — Она повела в воздухе рукой.

— Трудно сказать. В каждой вселенной в лучшем случае обычно проживает не больше дюжины разумных рас. Некоторые Космосы необитаемы, другие такими останутся до своего конца, третьи еще породят свои разумы. Есть и такие, в которые лучше не соваться. Но сознательные виды редко контактируют в рамках своего мироздания, они чаще всего расходятся то в пространстве, то во времени, да только в этих принципах одномоментности я не шибко разбираюсь. Вот брат, он объяснит. Любимая тема его. А на Стене в конце концов поселяются старшие галактические народы... Которые уцелевают, разумеется. Наверное, это они ее и построили. Не верю, что такую штуковину может создать бессознательная природа, а Творцу недосуг... Наташа, ты спишь?

— Нет... еще... расскажи дальше про свою планету. Так интересно...

Однажды Наташа задержалась у Насти, а Нуми влез в ее комнату раньше, воспользовавшись весенней грозой. Когда девочка вернулась, он спал в ее постели, укрывшись крылом. Наташа тихонько присела, всматриваясь в его лицо. И вдруг ей захотелось заснуть рядом с ним, свернувшись калачиком под тёплым крылом, и, может быть, увидеть сны, в которых она будет размахивать крыльями, ловя чешуйчатой грудью встречный ветер. По телу разлилась какая-то истома — пугающую силу и привлекательность которой Наташа не сумела расшифровать внятно, ибо переживала ее, в сущности, впервые — и непреодолимое желание прижаться голой кожей к горячей чешуе захлестнуло ее волной и заставило шумно вздохнуть. Нуми открыл глаза, и они долго смотрели друг на друга. «Летим?» — спросил он взглядом. Наташа покачала головой. Вихрь в душе утихал, и она ощутила уколы низко в животе. Новолуние, подумала девушка, зная, что юноша-

дракон улавливает своими изощренными рецепторами любую перемену в ее теле. Однако вопросы физиологии никогда не смущали Наташу в присутствии ее друга. Он не позволял себе читать ее мысли, но ощущал ее эмоции. Наташа же уже могла прочесть в искренних глазах Нуми почти любое его рассуждение.

— Не надо, — улыбнулась она, — пусть поболит. Терплю же я это полтора года. Нужно привыкать.

Он приподнялся.

— Лежи, лежи, — остановила она его. — Так здорово смотреть на тебя пока ты спишь... — Потом чуть нахмурилась и странно-материнским, покровительственным голосом спросила: — Ты здоров? Кожа у тебя прямо, как картон.

— Я линияю, — ответил дракон, вздрагивая едва ощути-мо от ее прикосновений.

— Знаешь, — сказала она чуть погодя, немного забавляясь его непониманием, — ты подарил мне столько всего... Раньше я как-то боялась — а вдруг все сон и тебя нету на белом свете... С тобой такого не случалось?

Нумихразор кивнул. Наташа выбрала из волос тоненькую, как веревочка, косичку. Такую она увидела у красивой негритянки в Абиджане и заплела и себе.

— Срежь и возьми, — сказала она. — Это пока все, что могу тебе дать. Я... я все еще не поверила в тебя до конца, понимаешь? Дай мне еще немного времени, хорошо, милый?

Глаза дракона сияли прожекторами, пока он торжественно срезал острым, как японский меч, когтем Наташину золотую косичку.

* * *

Сказки — вещь серьезная. Они часто серьезнее жизни. Их героям обычно достается счастье после вереницы суровых испытаний. А счастье — это тоже серьезно. И уберечь

его труднее, чем добыть. В ряду описываемых событий мелкие детали заряжают судьбу, точно мышеловку, кладут предательский кусочек сыра... Потом что-то должно сыграть роль пружины и пускового крючка.

Спуском в нашем повествовании явилась джинсовая куртка с вышитой звездно-полосатой головой традиционного партнера тореадоров и надписью на английском: «Чикаго Буллс». И, как ни странно, куртка пришла не из Америки. В далекой Японии молодой рыбак возился то с мотором, то с рацией своего суденышка в то время, когда Наташа была в школе и безо всякого интереса слушала урок анатомии. Невеста японца улетала в Штаты учиться в колледже. Молодой человек рисковал опоздать в аэропорт, нарушая данное слово. Для потомка самураев это означало, что пора браться за дедову катану и смывать позор харакири. Пролетавший мимо Нуми, чей образ мышления был приблизительно в одной плоскости с мировоззрением самураев, взял суденышко на буксир. Японец почтительно предложил ему на память упомянутую саблю деда, выкованную где-то в XVII веке. Но самурайский меч Наташе бы не понравился, в то время как однажды Нуми заметил ее завистливый взгляд в сторону одетой в джинсу шведки (сама Наташа никогда не просила подарков и даже журила дракона за то, что он постоянно таскает ей сувениры. «Мы любим собирать сокровища», — пожал плечами Нуми). И дракон попросил гонконгскую подделку под «Левис» для своей подруги. Японец окинул спасителя своей чести долгим непроницаемым взглядом (Нумихразор в полном драконьем обличье был росту трехметрового) и осторожно выразил сомнение, подойдет ли куртка для тацуко-мусумэ-сан¹. Нуми согласился, что, пожалуй, да, будет несколько великовата, но, наверное, это не беда. Глаза рыбака на секунду округлились, но потом,

¹ Тацуко — дракон. Мусумэ — девушка, дочь. Сан — господин, госпожа.

овладев собой, он с почтительным чеканным поклоном преподнес свой дар. Позже в аэропорту, за минуту до посадки на громадный авиалайнер, с любовью глядя узкими глазами в узкие глаза своей невесты, он сказал: «Аригато¹, Тацуко-сан!»

Наташе история очень понравилась. Не планируя в скорое время экскурсии в Страну восходящего солнца, она надписала по-английски открытку с благодарностями и пожеланием банзай². Нуми, когда она уснула, полетел как Ту-144 на восток и незаметно подсунул японскому почтальону в сумку конверт. Но впопыхах адрес был буквально «на деревню дедушке», и, осмотрев открытку, почтальон отправился с просьбой к начальнику. Тот, тоже смысла в вопросах бушидо³, выдал почтальону мотоцикл и подписал бессрочный отпуск за свой — почтальона — счет. И, хотя в Японии в то время проживало более 100 миллионов человек, забегая вперед, скажем, что везенье действительно бывает. Почтальон доставил открытку адресату всего через три года, в день свадьбы счастливого рыбака, чем преумножил радость его и окончившей американский колледж молодой супруги.

После этого почтальон вернулся на работу. Ни почетной грамоты, ни ордена за это он не получил, потому как японцам за выполнение рутинных служебных обязанностей ордена не полагаются.

Но вернемся в город на Нерке. Дело было как раз после Первого мая. На демонстрации по проспекту Октябрьской революции и площади Ленина Наташе, как неотличнице, не доверили нести шелково-кумачовый флаг на алюминиевом древке. Обременительная эта честь досталась Насте, которая тут же вручила знамя одной из союзных республик своему новому приятелю — приятному пар-

¹ Аригато — спасибо.

² Банзай — буквально «десять тысяч лет».

³ Бушидо — кодекс чести самураев.

ню, чем-то, по мнению Насти, смахивающему на Нуми. Он учился в соседней 49-й школе, носил смешной пробор и незнакомые с бритвой татарские усики — кстати, мать его была уроженкой Казани. Шагая вместе с ними после манифестации домой, Наташа дала providению возможность взвести пружину — шальной грузовик забрызгал грязью ее новую голубую курточку, немало девочку этим огорчив. Но день был отличным, и ко всему прочему, продемонстрировал возлюбленной дракона симпатию окружающих. Серега Кирюхин под руку с Ленкой из седьмого «А» поздоровался с Наташей и, спросив, не увлекается ли ее приятель роком (после долгих раздумий Сергей купил магнитофон «Юпитер-202», решив обзавестись летом мотоциклом), доверительно сообщил, что «трепач и дерьмо» Ходьков приставать не будет, «не то я его лично заречкинцам отдам». К мальчишкам с полностью человеческими родителями Наташа не была взыскательна по причине усиливающегося равнодушия, и поблагодарила, пообещав достать Кирюхину качественные стереозаписи «Дип Пёпл» и последний концерт «Эй-Си/Ди-Си». Сергей и Ленка просияли. А утром второго мая, вспомнив о грязной голубой курточке и легкомысленно не подумав о последствиях, Наташа надела подарок японского рыбака. Спуск был нажат, и освобожденная скоба-убийца полетела на жертву. Совсем как нож революционного изобретения доктора Гильотена...

До этого никто из учителей не обращал внимания на необычность Наташиных сережек. Да и трудно, не приглядевшись, заметить не существующий на Земле цвет. Сейчас, однако, серьги лежали на столе директора 130-й школы, который брюзжал на Наташу:

— Мало мне хлопот с Новиковой Мариной, а тут еще и ты! Куртки с империалистическими эмблемами! Драгоценности в ушах! Ты не думаешь, что нарушаешь школьную ДИСЦИПЛИНУ?!

Наташа подумала, что знает кое-кого, кто действительно умеет разговаривать внушительными печатными буквами.

— Позвать сюда Ларису Васильевну! — гроыхнул директор на секретаршу.

— Сию минуту, Прохор Матвеевич, — пискнула та и мышью юркнула за дверь.

В коридоре она встретила слонявшегося без дела после звонка восьмиклассника.

— Ходьков, позови химичку к товарищу директору, — авторитетно распорядилась она.

— Зачем? — последовал наглый вопрос.

Над секретаршей измывались все — от последнего оболтуса до самого директора.

— Не знаю, — дернула она плечами. — Опять что-то Балеvская ваша напортачила.

Услышав ненавистную фамилию, Вовик встрепенулся, мигом оценил обстановку и, слегка прихрамывая¹, рысью направился в 60-й кабинет. Глаза его мрачно сверкали.

— Что это такое, Лариса Васильевна?

Химичка долго рассматривала сережку, косясь на стоящую Наташу. Девочка выглядела особенно хрупко и несчастно.

— Ну?

Лариса Васильевна подняла голову.

— Не знаю, — растерянно сказала учительница, когда-то мечтавшая о научно-исследовательском поприще.

— Так берите одну и узнайте!

Химичка вышла, бросив полный сострадания взгляд на Наташу.

— Проконсультируйтесь с Иваном Никанорычем, — крикнул ей вслед директор. — Явно сама не справитесь!

Учительница вспыхнула и едва удержалась, чтобы не хлопнуть дверью. Директор забарабанил толстыми паль-

¹ Хромота — признак нечистой силы.

цами по столу. Наташа подумала, что под барабанный бой в далеком 1792-м летели в корзину головы на площади Бастилии, и ей стало несказанно тоскливо и одиноко.

— Откуда взяла? Не слышу?

— Подарок, — пролепетала Наташа.

— От кого? Говори громче!

Окрик вырвал у Наташи уличающее признание:

— Мальчик... На балу Восьмого марта... Танцевали...

— Кто такой?

Наташа молча плакала. Директор брезгливо смотрел на нее. Но когда по щекам Наташи не потекла тушь, он нахмурился еще пуще: импортный грим, тьфу! Прохор Матвеевич не допускал мысли, что Наташе никогда не требовалась косметика — ни отечественная, ни импортная. Просто она была красива. И вовсе не нужно было быть драконом, чтобы это заметить. Но как-то уж повелось, что раз не криклив, так значит, не красив. А директор был из тех представителей рода человеческого, который никак не мог взять в толк, почему люди на «гнилом Западе» отдают бешеные деньги за картины и прочую бесполезную муру. (Мы тоже не понимаем, как красоту можно оценивать деньгами, но это другое дело.)

— Выдь в коридор и никуда ни шагу, — приказал директор.

Словно сквозняк вынес девочку за дверь, но не оставившись, она побежала в туалет — ее тошнило. Узнай это, директор прибавил бы к обвинениям еще одно. Как и остальные, оно было абсолютно несправедливым — Наташа в ту пору могла бы смело скакать на мифическом Единороге¹, но, как будет позже сказано, справедливости нет во всех доступных мирах... В дверь кабинета робко постучали.

— Да?.. По какому вопросу, Ходьков?

¹ Единорог — согласно западноевропейским средневековым легендам, его может оседлать только девица.

Капкан с лязгом захлопнулся.

Через двадцать минут учителей вызвали на педсовет. Учащихся доверили комсоргам и пионервожатым, а к младшим отправили шефов-старшекласников с книжками «Русские народные сказки». Входя в зал заседаний рядом с кабинетом директора, преподаватели оглядывались на прислонившуюся к стене Наташу. Девочка изучала носки своих туфель.

— Иван Никанорыч, что это за вещество?

— Гм... Ларисоч... Лариса Васильевна попыталась убедить меня, что это безобидная разновидность полевого шпата...

Химичка закусила нижнюю губу.

— А ваше мнение?

— Это неизвестный науке металл. Ограничен наподобие драгоценного камня. Или очень редкий минерал. Тонкая работа.

Воцарилось молчание.

— Так-с-с-с... — изрек директор — Мини-юбки. Мазюкала по рожам. А вот теперь и экзотические побрякушки! Уголовщиной пахнет, товарищи! Не школьницы, а прямо девки из борделя!

— Прохор Матвеевич, — подал голос Костолевский-Делон, — вы, конечно, правы. Ну да, нарушение, но ведь женщины с пеленок не верят ни зеркалу, ни нам, мужчинам, что хороши без всяких там...

Попытка унять катастрофу шуткой провалилась. С треском.

— Я бы на вашем месте, дорогой Николай Сергеевич, — резко сказал директор, — сидел бы ниже травы и тише колодезной воды! Вам, батенька, взыскание намечается за панибратство и прочие вольности с несовершеннолетними!

Биолог, бывший чемпионом по самбо на трех подряд студенческих спартакиадах, прищурил глаза. Но промол-

чал. Он мог спасти Балеvскую ровно так же, как это могла сделать, скажем, Настя Диденко. Преподавательница же русского и литературы лежала после инфаркта в больнице. Она удивительно быстро поправлялась (вследствие ночного посещения золотоволосой девушки с невиданными цветами в руках и при сопровождении кошмарно-прекрасного существа с этой самой девушкой в лапах. Елизавета Ильинична до конца жизни осталась убеждена, что увидела во сне бедную Наташу Балеvскую, и позже с большим скандалом покинула 130-ю школу в самом конце учебного года. А через пару месяцев ее мужа отправили в Группу советских войск в Восточной Германии, и она уехала, унося горечь свою на чужую землю города Магдебурга), но, разумеется, не была в курсе происходящего. Потом она сильно об этом жалела.

Директор раздумывал над серьгами. И вдруг пожелтел и вцепился в узел галстука, словно тот душил его пестрым удавом.

— Завод номер шестьсот шесть!.. — вырвалось сдавленно у него.

Первым о причине выкинутого фортеля догадался физик и, благо сидел он довольно близко, не дал панике вспыхнуть, как пожару в пороховом погребе. Он протянул руку к серьгам и, сам немало трусая, посмотрел на часы.

— Никакой радиации, — громко объявил он.

— Вы... гарантируете?.. — пролепетал директор.

Физик пожал плечами.

— В кабинете есть приличная модель счетчика Гейгер-Мюллера. Опасное излучение, ручаюсь, регистрирует. Но раз электронные часы функционируют...

Директор судорожно махнул рукой. Бегающая грузной трусой за прибором, физик оглянулся на Наташу и неопределенно вздохнул. В зале все смотрели с ужасом на сержки, ерзая, отодвигаясь подальше и прячась за спины коллег. Но никто не смел подняться, словно сержки были

адской машиной, акустической миной, могущей отправить всех в тартарары при малейшем проявлении явного страха. В воздухе витала неразряженная истерика.

Счетчик молчал. Дозиметр военрука тоже. Все вздохнули свободно. Директор прокашлялся.

— Иван Никанорович, вы уверены, что это... неизвестное науке вещество?

— Ничто не может при обычных условиях иметь удельного веса 32 грамма на кубический сантиметр. Самый плотный элемент, осмий, тянет на 22 и шесть десятых.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, что этого не может быть.

Молчание было оглушительным.

— Лидия, Балевскую сюда! — тоном прапорщика приказал директор секретарше.

Наташа вошла. Очень медленно подняла голову и осталась так, глядя невидящими глазами вдоль длинного стола с зеленым сукном и ряда обращенных к ней лиц. Директор подошел к ней и протянул пухлую ладонь к Наташиному лицу, намереваясь взять ее за подбородок. Но внезапно отдернул руку. Некоторые решили, что Балевская укусила директора, и осуждающе заговорили вполголоса. Но те, кто сидел ближе, как, например, Лариса Васильевна и Николай Сергеевич, запечатлели в своей памяти топазовые глаза Наташи (они будут сниться им еще много лет, когда почти совсем будет забыто государство СССР). Директор, словно пришибленный, пошел в другой конец стола и с размаху плюхнулся на место, постаравшись вернуть себе былую самоуверенность. Но она отсутствовала, даже не висела на вешалке рядом с демисезонным пальто.

— Откуда ты это взяла?

Наташа машинально сосредоточилась на серьгах. «Это подарок», — подумала она.

— Из чего они сделаны?

«Октарон, металл, из которого выплавляют магию-сырец. Залежи его особенно богаты в районах Центральных Гор, где живут Боги Диска».

— Кто тебе их дал?

«Человекодракон Нумихразор Эрнашар из рода Двукрылых. Он может искупаться в короне нашего Солнца и добр, как никто в этом паршивом жестоком мире. Скорлупа змеиного яйца, прежде чем расколоться и выпустить его на волю, грелась в розовых песках под пурпурными небесами целых сто лет. Его отец погиб в честном бою от руки рыцаря Круглого стола сэра Ланселота, а мать — ровесница Святого Августина. Ему сейчас по-нашему семнадцать лет. Он, наверное, задержался на своей планете, где днем сияют три фиолетовых солнца, а по ночам над головой играют вперегонки семь изумрудных лун, и еще я вас не боюсь, потому что я люблю его больше своей никчемной жизни».

— Ты благоволишь нам что-нибудь ответить?

— Наташа, — мягко сказала химичка, — я... мы (кивнул биолог, учительница музыки, вздрогнул физик и еще несколько преподавателей) уверены, что существует совсем не страшное и нормальное объяснение...

Наташа перевела прозрачный взгляд на Ларису Васильевну.

«Не выгораживайте меня. Не вредите себе. У меня есть дракон, который защитит меня от всех — от КГБ, ЦРУ, от лжи и от одиночества. А у вас никого нет. Спасибо, но подумайте о своих проблемах».

И они как-то поняли. Как-то смутно догадались, что дела зашли слишком далеко и самое лучшее — промолчать. В этом отдельно взятом случае. И поберечь силы для других.

На большой перемене Наташу вывели из строя. Она с удивлением заметила, что в центре каре — перспективный способ построения пехоты для противодействия ка-

валерии в один определенный исторический момент — стоят лишь директор и завуч. Не высилась машина для рубки голов, не было даже виселицы.

— Товарищи, — тяжело начал директор, — у нас в школе ЧП...

До Наташи доносились лишь обрывки фраз: «...связалась со шпаной... уголовник-каратист из 17-й школы, знаем что там за публика... почти доказанная кража ценных предметов... международное положение... наш город, кующий мир во всем мире... империалистические символы... есть и другие нарушители школьной дисциплины... пусть подумают...»

Школа с седьмого класса и выше молчала. Взрослые смотрели отсутствующе на белые кирпичные стены. Ученики переглядывались. Для большинства из них понятия «издевательство» и «унижение» как-то все еще не вязались с образом учителей, взрослых, наставников и примеров для подражания вообще, и все же... Настя была бледна. Пашка морщился. Маринка играла желваками на скулах. Лена Ваксберг прикрывала ладонью рот. Сергей показал глазами Бесшабашному на неестественно равнодушное лицо Вовика Ходькова, и оба парня сурово кивнули друг другу.

— А теперь вон отсюда, Балевская! Чтоб ноги твоей здесь не было без родителей! — закончил директор.

С минуту Наташа стояла, а потом медленно пошла сквозь расступившийся строй.

— Всем по классам! — рявкнул завуч, заметив, что несколько школьников попытались улизнуть вслед за Наташей. — Ковтун! Новикова, Диденко... и остальные, а ну на урок! Нечего демонстрации устраивать.

* * *

Наташа содрогалась, словно прилепленная к киловаттному проводнику. Она тряслась, как руки алкоголика до опохмелки. Она дрожала, точно осенний лист

под яростными порывами. Слезы часто-часто капали на плечо ее друга и стекали на грудь, испаряясь от жара чешуйчатого тела юноши-дракона. А он ласково теребил ее волосы и целовал девушку в висок, где билась в такт рыданиям синяя веночка. Наташа была благодарна ему. За понимающую нежность. За силу и доброту. За то, что не неистовствовал, а быстро овладел собой и, заперев гнев на тяжелый замок, не предложил за семь секунд оставить на месте 130-й школы кратер с лужами расплавленного кирпича на дне. За то, что существовал вопреки гнусной лжи, что сказки — это неправда. За то, что любил ее. Как человек. И как дракон.

— Что ж будет-то? — всхлипывала девушка. — Вот заявят сейчас куда надо... Придут, скрутят тебя, перекантуют и на полигоны свои поганые повезут... Нет, нет, молчи! — замотала Наташа головой. — Ты их не знаешь! Эти всё могут, миленький.

— Не бойся, я принял меры, милая, — продолжая целовать ее в лоб, успокаивал Нуми. — Распад энергии октадронита ускорен под действием заклинания. Не подарю же я тебе необработанную магию. Скоро все те останутся в дураках и...

— Они забрали у меня твой подарок! — плакала Наташа.

— Я принесу тебе целое ожерелье.

— Ой, нет! — Она откинула голову и почти обезумело поглядела на него. — Знаешь что? Нужно немедленно все наше собрать, и ты унесешь его далеко, где ни одна собака легавая не найдет. Прямо сейчас!

— Может... взять и тебя, Наташа?

Никогда еще ей так не хотелось поцеловать его. В губы. По-взрослому. Даже не как в фильмах или романах, а настоящему. Еле удержалась. Разве первый истинно любовный поцелуй должен быть таким — под напором враждебных вихрей? Или все-таки он должен разразиться подобно внезапной грозе?..

— Нет. Еще нет... Говорила я тебе, дурачок мой любимый, не надо мне сокровищ, кроме тебя.

Нуми привлек девочку к себе. Они стояли обнявшись, как два уцелевших воина среди жуткого поля битвы, над которым исходят стонами Желя и Карна¹, куда на утыканные стрелами, мечами и обломанными древками копий трупы с криками слетается воронье.

— Пора, — оторвалась вдруг от дракона Наташа. Она принялась быстро складывать в бальное платье раковины, браслеты, засушенные цветы далеких земель и миров...

Котенок Бонапарт (уже подросший в молодого кота) попытался привычно поиграть, и, хотя никто не оттолкнул его, по отсутствию внимания веселый проказник догадался, что что-то неладно, и, дергая ушками, попятился к латунным педалям фортепиано, следя забавными поворотами пушистой головы за действиями Наташи и Нуми. А они спешили. Вместе с нарядом баронессы Агатовой Империи в наволочку сыпались пригоршни жемчуга, самоцветы, безделушки, ворох деревянных, костяных и Бог весть из чего скульптурок. Наташа вздохнула над букварем драконических рун с оживающими картинками. Вот в узел полетел гадальный шар с видами на Диск...

— Помнишь, я лиял, — спросил внезапно Нуми, прервав сборы.

— Д-да... — остановилась и Наташа.

— Так вот. Пора сказать... Я отдал старую кожу лучшему портному Гематитового Сектора Стены... Тебе на свадебное платье с магическими вышивками. Понимаешь, у меня никогда больше не будет такой яркой шкуры. Вот я и...

— Твоя кожа?!

— Ну да. Верно, это не совсем традиционно, но в истории бывали прецеденты. К тому же тебе, я уверен, очень

¹ Желя и Карна — славянские богини-плакальщицы, горящие о павших на поле брани.

бы подошло. В таком платье не болеть ни чумой, ни страхом, оно заживляет раны и помогает врачевать. С ним в жару прохладно, в мороз тепло. Оно непробиваемо для большинства видов вашего, да и нашего оружия. Со следующей линьки можно выкроить костюм для езды... Тебе не нравится?

— Нет, нет, что ты... — слезы Наташи высохли, но как-то она все еще не могла переварить всю дерзкую необычность идеи. — Свадебное платье?

— Технология изготовления довольно продолжительна.

Девушка наконец улыбнулась, и у Нуми отлегло от сердца. Мигом позже они уже тихо смеялись — хрустально и солнечно. В смех вклинился звонок в дверь. Он дошел как настойчивое и короткое приказание. Короткое, как слово «взять!». Девушка и дракон посмотрели друг на друга с испугом, а потом засуетились. Нуми затянул узел. Наташа кинула ему злосчастную куртку молодого рыбака из префектуры Мияги. Звонок повторился. Угрожающе. Бонапарт выгнул спину дугой, шерсть его встала дыбом, и котенок попытался храбро зашипеть.

— Иди! — Наташа силой вытолкнула своего приятеля на балкон.

Как-то, словно случайно, их лица приблизились... но в спешке это у них плохо получилось. Скорее даже, не вышло вообще. И может, к добру. Не то бы люди из тех органов, что бдят над великой и могучей страной, застали бы их в неотрывном поцелуе... и это для вооруженных оперсотрудников могло дурно закончиться.

Нуми взмыл в ночь. (На него, неясного, как сполох темноты, вскинули пистолет, который остался нем. Потом ПМ калибра 9 мм с номером 96281¹ разбирали, чи-

¹ Тут самое время сказать, что имена почти всех героев нашей сказки вымышлены, дабы предохранить от бед тех, кто помогал Наташе и Нуми. Да и вообще, вряд ли стоит издавать эту историю — нет смысла. Вдруг кое-кто ее прочитает, узнает себя... и не устыдится.

стили, смазывали, заряжали... Он не стрелял. При пустой обойме щелкал исправно, с рвением. Но в капсюль патрона ударник не впивался. К сожалению, достоверно не известно, что с упрямо-миролюбивым оружием в конце концов сделали.)

Наташа побежала открывать. Дверь распахнулась без ее помощи. Хлынули в коридор люди в штатском, один осадил девушку вороненым: «Стоять».

Сотрудники рассыпались по квартире. В двух комнатах и кухне им сразу сделалось тесно. Взвизгнул обиженно Бонапарт (Наташа вздрогнула). Оперативники не обратили на фыркающего из-под тумбочки кота внимания. Кто-то из них заглянул на балкон, тихо спросив что-то в темноту. Снизу донеслось нестройное, некатегоричное и смущенное: «Нет». Сотрудник вернулся и обменялся красноречивыми взглядами с главным. Потом главный спросил Наташу:

— Куда утек?

— Простите, не поняла?

Тон ее вынудил главного, против его воли, выдержать не внушительную, а растерянную паузу.

— Где родители? — догадался начать с другой стороны сотрудник.

— Мама у сестры, отчим на рыбалке.

— Почему не открывала?

— Я плохо слышу.

Главный долго смотрел на девушку наганными зрачками, но от мордобоя отказался, опасаясь ненароком задеть ее, как комара. Дохленькая дурочка явно не понимала, с кем имеет дело. Те, с кем имела в настоящий момент дело Наташа, тоже не отдавали себе подобного отчета. Иначе бы остаток жизни провели, одеваясь не в трикотаж, а в асбест и таская вместо галстуков огнетушители. Но они не узнали. Один даже подумал холодной головой чекиста, что у белобрысой дистрофички просто не все дома, горя-

чее сердце заставило его улыбнуться собственной шутке, а чистые руки остались в карманах пиджака.

— Собирайся, — сказал главный и чуть повернулся. — Обыскать на совесть. Пошли, Балевская.

К вечеру четвертого мая Наташа вернулась. Мать попыталась голосить, воспитывать, но скоро подняла руки, сдаваясь. Отчим шарахнулся прочь от приемной дочери. Девушка заперлась в своей комнате — уже прибранной матерью. Бонапарт приветствовал ее громким мурлыканьем.

— И тебе досталось, киска? — пожалела она его и дала котенку тараньки и кефиру. Глядя отрешенно на него, она коснулась клавиш и сжалась от жутких стонов инструмента. Фортепиано оказалось расстроенным.

Наташа вышла на балкон и села на старый диван, тоже носивший следы обыска. Так она просидела до полуночи и проснулась продрогшая. Но напрасно Наташа вытащила на балкон одеяло и свернулась на колючих пружинах, обняв своего объевшегося питомца. Нуми не появился в эту ночь.

Не пришел дракон и на следующий вечер...

* * *

Настя сумасшедшими глазами смотрела на подругу. Ее хахаль из 49-й школы, хлопец с девальвированным именем Тимур, следил за тем, как Пашка Ковтун швыряет с крутого обрыва в Нерку мелкие камушки: бульк... бульк... бульк... Рядом с кассетником «Весна», который примерно полтора часа назад выхрипел голосом Высоцкого остатки сил никудышных батареек и сейчас был выключен, лежал на животе, подперев вихрастую голову, Серега Кирюхин. Леночка Ваксберг не могла оторвать часто-часто моргавшие оливковые глазки со словно излучающих свет Наташиных волос. Маринка сидела на

траве по-турецки, потирая ладонью лоб, и курила «Яву», нимало не заботясь, что Санька Бесшабашный без труда может заглянуть ей под юбочку. Но парню в этот момент дела не было до загоревших Маринкиных ног, он лежал на спине, пронзая неподвижным взглядом бездонное небо. Все слушали, машинально отмахиваясь от мошек, которые каждую весну после разлива нападали на приречные районы города. Ребята слушали, уже давно не перебивая. Они с какой-то минуты заметили, как мошкара облетает Наташу за добрый метр, по белой вышитой ее блузке не смело ползает ни одно насекомое. В то же время от девочки не пахло ни противомоскитным одеколоном «Тайга», ни каким-либо другим репеллентом. Наташа говорила. Она была осунувшаяся, с запавшими большими глазами, ротик подергивался, пока девушка рассказывала. Руки бессильными тряпками лежали на острых коленях, покрытых широкой длинной юбкой в желтую и коричневую клеточку.

— ...Вот и все. Он не прилетает целую неделю. Да и за домом следят, — закончила бесцветно Наташа. Было слышно, как стучат их сердца. — Только никому не расстрепитесь про это, — добавила она пересыхающими губами, голосом, как безразличная тень, — не то и вас тягать начнут. Молчите, словно кагана¹ увидали.

— Ты не можешь быть уверена, что с ним худо, — кипя сказала Настя. — Не имеешь права, Наталья, думать самое плохое. Ведь время-то там, ты сама объясняла, течет как-то по-разному и иначе, и... неравномерно иногда, я правильно поняла? Слышь, Наташка? Не смей живого хоронить!

— Чую, — одними губами ответила Наташа. Они опять замолчали.

Бульк... бульк...

¹ Каган — вещая птица, приносящая счастье. Кто видел ее — молчать должен, иначе счастья ему не видать.

— Ах, Ходькова сцапаю, — прошипел внезапно Санька, не отрываясь от созерцания высокой голубизны.

— Не надо! — с таким отвращением произнесла Наташа, что голова Бесшабашного вздернулась, как от пощечины — Обещай мне!

Санька перекатился на живот и удивленно посмотрел на нее.

— Правильно! — вмешалась с поддержкой Ленка, глотая тугие комки сочувствия. — Пусть сам повесится, Иуда!..

— Само собой, никому не проболтаемся, — приподнялся Сергей. — Небось, мигом в Курганное лечиться отправят...

— Она ничего не выдумывает, — остро процедила Настя.

Сергей повернул лицо к ней.

Бульк... бульк...

Кирюхин стал загибать пальцы:

— Полет в космос на драконе. Земля на спине черепахи. Слышимая радиация звезд. Смерть, спасающий котят...

Сергей тряхнул белобрысым чубом.

— Я верю каждому ее слову, — веско сказал он.

Настя опустила глаза.

— Обещай мне, — настойчиво повторила она. — Вы единственные мои друзья. Не хочу, не желаю и не буду видеть вас такими же, как все остальные.

Нерка плескалась о коряги и шелестела камышом, словно таились там, подслушивая, лобасты¹. Дубки шептались в роще. Ребята смотрели на Саньку.

— Обещаю, — ответил он после долгого молчания. — Хай сам вешается, подонок.

Вовик, однако, не повесился. В 1988 году он начнет партийную карьеру, к 93-му уже будет большим началь-

¹ Лобаста — русалка, живущая в камышах.

ником, и кто-то, сильно худой, будет бесстрастно, как подводная скала, посматривать на его песочные часы и гулко бормотать что-то про справедливость.

Санька погибнет в Афганистане намного раньше. Мумифицированное в пустыне тело его будет носить на шее след острющего клинка, но не тесака бородатого моджахеда. Это Смерть удостоит солдата чести синеющей стали. Потом молча подождет, пока Санькина душа выпрямится, поглядит сперва на свой труп и потом увидит сошедшего с чудовищной машины скелета в промасленном рабочем комбинезоне, любовно протирающего ветошью старую саблю. Потом Смерть влезет обратно и похлопает по просторному сиденью. Санька по привычке сглотнет слюну, но не сдвинется с места. «Я умер». «ДА. И ЭТО НАВСЕГДА. ПОЕХАЛИ, ЧТО ЛИ?..» И, нехорошо усмехнувшись, младший сержант N-ской мотострелковой дивизии Александр Бесшабашный даст осатаневшему от страды комбайнеру повезти себя... куда? А кто знает...

Павел переедет в Москву. После работы будет огрубевшими от баранки грузового такси руками забивать во дворе козла, посматривая на Останкинскую башню над жестяными крышами домов. И часто будет раскрывать школьный альбом, где фотография Наташи Балевской отсутствует.

Рванет из воинской части, спасаясь от беспредельных измывательств дембелей, Тимур Новодворов. Ему прострелят руку гэдээровские пограничники, но он успеет рухнуть к ногам западногерманского полицейского со словами: «Nicht schieße bitte! Ich bin ein russisch Fahnenfliehtige»¹. Через несколько лет, в Британской Колумбии, он будет вглядываться в монитор дорогого компьютера, а тот будет показывать сканированные с фотокарточки лица смеющихся Насти и Наташи. В другой половине

¹ Nicht schieße bitte! Ich bin ein russisch Fahnenfliehtige. — Не стреляйте, пожалуйста! Я русский дезертир.

экрана будут мелькать виртуальные копии старинных гравюр и ренессансных картин — все с драконами.

В 1995 году Елену Ваксберг разнесет взрывом террорист-самоубийца. Она оставит двух девочек сиротами, а муж ее, капитан израильской армии, отправит детей в Новую Зеландию. Патологоанатомы, копаясь в Лениных останках, обнаружат на позвонках у основания черепа необъяснимый след чего-то острого, но, во всяком случае, не осколка. Этот факт в протоколе вскрытия отмечен не будет.

Сергей останется в родном городе, сделается без подхалимства и задолизания начальником цеха одного из секретных заводов. В один определенный момент он повстречает в производственных корпусах американцев и других военных специалистов натовских государств. И однажды, поведя иностранных коллег на рыбалку с ночевкой, он окажется на том же самом месте на крутом берегу Нерки и прикроет лицо давно не наводившей страх в его районе города рукой. Сергей Иванович уберет ладонь с глаз, только когда высохнут непрошенные слезы, а двадцать минут спустя начнет подтягивать пьяным англичанам в их заморских песенках.

Маринка и Настя начудят больше всех. Они окончат университеты в северной столице, живя в одной комнате общежития и деля все — от белых ночей, копеек и бутербродов до белья и любовников. После они вернутся домой. Настя пойдет в органы МВД, но через пять лет, доказав, что бабка её — литовка, переберется в Прибалтику и рьяно примется изучать язык, дабы получить работу в местной детской комнате полиции, ища хоть на капельку большего совершенства в этом несовершенном мире. Маринка же станет учительницей биологии и будет кочевать из школы в школу, то ли по причине сварливого характера, то ли помня сотни Наташ и Маш, не имеющих персональных огнедышащих покровителей. Частенько будет ходить в гости к одной семье. Вместе с опустившим

брюзглий животик Николаем Сергеевичем и рано поседевшей Ларисой Васильевной вечерами они будут пить горячий чай, задумчиво разглядывая морозные узоры на окнах кухни, пока радио с холодильника будет лгать про очередную войну.

Можно добавить, что Наташина учительница музыки и пения будет тихонько стареть на Энском проспекте Екатеринбург-города, продолжая преподавать детишкам азы прекрасного. Смерть однажды придет к ней и бережно подхватит выпущенную из немеющих рук скрипку со словами: «МОЖЕТЕ ВЗЯТЬ С СОБОЙ — ИНСТРУМЕНТЫ ТОЖЕ ИМЕЮТ ДУШУ».

— А ведь я-то, сукина дочь, разглядела в нем что-то не от мира сего, — выпалила Маринка, отсутствующе глядя в раскиданные возле магнитофона сине-белые кассеты МК-60—2, и улыбнулась судорожной циничной ухмылкой: — И сон потом видела, что плывешь ты, Наташа, через чистое-пречистое озеро. Плывешь и хохочешь — как не в своем уме. Туман стелется. Липкий такой, гадкий, словно на кладбище. И василиск¹ твой стоит на берегу и тоже смеется. А тишина! Только смех, как от щекотки, повизгивает и пилит мне по мозгам... Надо было тебя предупредить, когда ты мне стихи принесла, — и она, протянувшись, погладила Наташину руку, зло сглотнув горькую от табака слюну.

— Может... как-то его вызвать, дракона-то? — пробормотал Пашка.

Сергей сморщил лоб и поморгал:

— Радиоволны?

— Помолиться? — предложила атеистка Настя. — Взяться всем за руки и мысленно орать во всю мочу. Глупо... Но все же лучше твоих радиоволн.

¹ Василиск — сверхъестественное существо, полужмей-полуптица, убивает взглядом.

— А докричимся до другой Вселенной? — усомнился Тимур, роясь в памяти о прочитанном в научно-фантастических романах способе ментального общения с инопланетянами.

Наташа качала головой. Все опять умолкли.

— Думаю, лучше погодить пока твоему Финисту¹ прилетать, — сказала Маринка.

Наташа встрепенулась и с вопросительной мольбой впиалась глазами в строго-печальное лицо Новиковой, которая ласково продолжила:

— Он не дурак, твой ясный сокол, сам в силки лезть. Вот подождет, пока все стихнет, и объявится.

Мелькнувшая улыбка завяла на губах Наташи. Сергей шумно вздохнул, Ленка отвернулась, пряча лицо в колени. Санька предложил всем пачку «БТ». Сигареты пошли по кругу. Наташа, поколебавшись, отказалась. Маринка показала свои. Настя смачно засмолила, Ленка выпросила пару затяжек у Сергея. Тимур и Паша не курили.

Бульк... бульк... бульк...

— Кого там нелегкая несет, — сказал Настин хахаль с досадой. К стайке ребят неторопливо шли двое мужчин в резиновых сапогах, с ведром и удочками.

— Рыбачки, — сплонула Маринка.

— А может, и не рыбачки, — странным голосом промолвила Настя.

Бульк...

— А ну, чуваки, мотаем отсюда, — предложил Санька, цепкими глазами всматриваясь в мужиков, чьи лица все еще были далеко. — Только, чур, не тикать, как ошпаренные, не надо лихо ворошить... и держитесь в случае чего.

¹Финист — Ясный сокол — образ чудесного супруга в русских народных сказках, днем в обличе пернатого хищника, ночью — прекрасного молодца. Зависть и козни изгоняют его из царства возлюбленной, которая после тяжких странствий отыскивает милого.

В последующие несколько дней почти всех участников сходки пригласили в кабинет директора, где сидел уравновешенный моложавый человек, чем-то напоминавший добермана в костюме.

Директор 130-й лебезил перед ним, ходил на цыпочках и раздавал пятиклассникам подзатыльники, что с ним обычно случалось всего раз-два в месяц, да и то, как правило, затрешины были некрепкие.

«Легавый», однако, не прибавил ничего существенно нового в серую папку, которую таскал с собой в дипломатическом портфельчике. Зато Санька схлопотал под дых, но нашел в себе силы недобро ухмыльнуться.

Сергею после этого не удалось вывести сотрудника из себя, чем он остался весьма разочарован. Он заставил Ленку — отец ее был очень важным инженером, и некоторые проступки могли бы сойти с рук, по крайней мере, для нее — надеть большущие клипсы, а сам в школу притащился в тертых джинсах с надписью шариковой ручкой на задку: «Hard rock». На провокацию никто не поддался. Только физик заметил рассеянно: «Ты бы смотрел, куда садишься, Кирюхин».

А для Наташи эта неделя и следующие дни проходили как в бреду. Отвечала невпопад, сидела на уроках, уйдя в себя. Непременно заболела бы, если б не долгое общение с драконом. Причем не только здоровье держалось Брестской крепостью. Например, переходя улицу, Наташа как-то заставляла шоферов тормозить, и никто не выражался, никто не высказывал скандала, все только оцепенело провожали взглядом ее фигурку.

«Я сегодня русалку видел», — поделился с женой один из тех шоферов.

«В Нерке?»

«Да нет... На перекрестке Рокоссовского и Трактористов».

«Ты что, пьян или спятил?!»

«Да пошла ты... Дура»¹.

Возле церкви старушки крестились и тоскливо вздыхали, а священник даже обернулся вслед Наташе, не в силах разобраться в нахлынувшей на него буре чувств. И задумчиво включил печальную незнакомку в скомканную нараспев фразу в вечерней службе, дивясь собственному решению.

И все же Наташа угасала. Этого нельзя было не заметить. Словно ветер носил ее, как пламя оплывшей свечки. Девушка засыпала дома свинцовым сном и просыпалась уставшей. Только к вечеру оживлялась и опять сникала после полуночи, а в сердце ей пел алконост².

Органы из-тех-что-надо допрашивали ее. И словесным кнутом — если и поднималась рука у какого-то мерзавца, то янтарный отсвет бросал его обратно на жесткость стула, — и воображаемым пряником. Ее попытался очаровать специально натасканный следователь. Он гоголем ходил и блистал обольстительными улыбками, был вежлив, воровато оглядываясь, предлагал дамские заграничные папиросы — словом был совершенен, превелико убедителен, умел и находчив. Наташа видела его насквозь рентгеновским взглядом, и толстая обшивка фальши исполнила ее презрением.

«Тоже мне, цесаревич, добрый молодец девицу от Чуда-Юда прибыл вызволять», — подумала она и рассмеялась посреди его вкрадчивой тирады. Она довела его до белого каления. Коллеги увели красавчика-следователя, тонкого знатока женских и девчоночьих душ, который скакал бешеным павианом по казенной комнате, брызгая слюной

¹ Непонимание в подобных случаях любому кажется невыносимым. И еще — все русские в глубине славянской души не путают западных морских нимф с отечественными русалками, кои есть неокрещенные утопленницы или бросившиеся в прорубь от несчастной любви девушки.

² Алконост — еще одна птица апокрифов и сказаний. Олицетворяет грусть и печаль. Услышавший ее пение забывает обо всем на свете.

и невероятными матюками. Наташа в ответ смеялась еще громче, а сотрудник не успевал приблизиться на дистанцию для оплеух, коими был готов выбить Наташе зубы. Обаятельному следователю позже дали нагоняев, взысканий по службе и завалили критикой, что отправило его на несколько месяцев в Курганное, правда в спецкорпус, где с пациентами обращались по-человечески. Быстренько отказались от упрямой девчушки и бывалые сотрудницы. Охмурить себя Наташа не давала, хотя и сама не понимала, как умудряется устоять.

Даже самые матерые вынуждены были признать, что девочка с тенями под глазами от недосыпания ухитряется всему отделению вешать лапшу на уши. Это имело и свою другую сторону — явно паршивке было, что скрывать, но... Единственным результатом обыска явилось изъятие странного цветка, воспроизводящего музыку не хуже магнитофона «Сони». Но контейнер с запечатанным феноменом доставил в лабораторию лишь четыре грамма пепла, из которого никто не смог извлечь не то что вальс или ритмы буги-вуги, но даже и «жили у бабуси».

«Фамилии не знаю. Сказал, что из семнадцатой. Каратэ? Не знаю, не говорил. Виделись редко, он приходил. Подарки? Нет никаких других подарков, вы же искали», — это все, чего от нее добились.

Убоявшись гнева начальства, роль Наташину в этом деле в спешном порядке на время замяли, затушевали и принизили. Затем занялись накапливанием полезной информации. Переворошили семнадцатую школу. И седьмую. И двадцать седьмую. Сорок седьмая была давно снесена под новострой, сто семнадцатая так и не выстроена, номер 127 была образцовой и для детей вельможных родителей. Тридцать седьмая являлась интернатом и все время находилась на виду, но перепроверили и ее. Наобум сказавший слово «семнадцать» Нуми вызвал переполох не только в Зареченском районе города, но и в смежных ему. Роясь в учебных заведениях, органы налетели мимоходом

на скандальные случаи, связанные с участковой милицией, коим просто места нет в нашей сказке. Однако «Никиту», чей фоторобот обессонивал оперативникам ночи, не обнаружили ни в ПТУ, ни в институтах, не находили его даже в соседних городках и поселках. Разумеется, были задержаны с полсотни пацанов и молодых мужчин.

Наташа на очных ставках упорно смотрела в пол. Приходилось довольствоваться Владимиром Ходьковым и его командой, люто возненавидевшей его за все. А между тем, невзирая на худо-бедность сведений, те-что-надо твердо подозревали неладное.

«Ну черт подери, прямо Мастер и Маргарита какие-то!» — в сердцах сказал один чекист, крепко выругавшись.

Другой посоветовал ему заткнуться и лучше работать.

«Съездить пигалице по сопатке, поорать на нее часик — все выложит», — добавил бесплатно второй сотрудник.

Первый кисло умолк. Но сколько ни занимались делом, угрозами и обещаниями серьезные товарищи, документировано было пока следующее: удельный вес материала Наташиных сережек на 21.05 второго мая был 24.9 — выше, чем у осмия. Третьего и четвертого мая плотность загадочного вещества плавно спустилась по лесенке платина — золото — уран — ртуть, просто издеваясь над лаборантами, сначала расплавившись при девятистах градусах по Цельсию и затвердев при тридцати семи. Потом каверзный материал вообще не стал плавиться, пока болометр установки не отсчитал предел аппарата из девяти тысяч семисот градусов, и наконец, угомонившись, паскудное вещество остановилось на 8000 С плавления¹. Ученые психовали от его свойств, но уж мы-то, Читатель, догадываемся — это просто сказывался эффект Нумино-го заклинания, а если сережки и продолжали чудить, то

¹ Температура плавления — самый тугоплавкий металл — это вольфрам (3410 °С).

было это следствием того, что юный дракон несколько переборщил. Бывает с каждым.

Пятого мая вся аппаратура и анализы признавали в незнакомом материале обычный свинец. Только чересчур уж твердый. Но он стал мягче, как положено, утром шестого мая. В ответ на запросы в Москву, Киев и еще одно место где-то между Прутом и Камчаткой, дальнейшие исследования глубоко засекретили. Незадолго до этого стало ясным, что нигде на заводах города подобное вещество не производили и им не пользовались ни под каким видом.

Допросили Наташиных родителей. Кроме фактов, что Наташа порой довольно громко разговаривает во сне и не ходит в туалет ночью, ничем другим поживиться не удалось. Ах да, еще девочка совершенно перестала болеть. Чье-то предложение обследовать Наташу у гинеколога, психиатра и гипнотизера необычайно и незаметно потонуло в дискуссии между отрабатываемыми версиями. Так, маясь и буксуя в болотах догадок и гипотез, органы не предприняли ничего. Вне поля их компетенции долгие годы еще из подземного НИИ — того самого, что находился где-то между Калининградом и Новосахалинском — вывозили на автобусах партии очкастых научных работников по санаториям с обитыми поролоном стенами и огромными запасами торазина и гексаналья¹. И дождалось так местное отделение ГБ даты тринадцатого мая. А к 03.00 четырнадцатого кому-то сдернулась с разума пелена отупления, и голова его родила гениальную идею: взять пробы Наташиной крови и вообще детально обследовать девушку в Курганном. Однако ровно в 03.29 органы поняли, что опоздали. Устный доклад посланной группы сводился к повергающему в смуту и бешенство надрывно-отчаянному высказыванию: «Как хапун² уво-

¹ Гексаналь — психотропное вещество.

² Хапун — неведомая и невидимая тварь из мифологии западных славян; бояться хапуна должны все: обязательно в течение года утащит в безызвестность одного человека.

лок!» И скрипнул тогда некто зубами, ощутив, как погони, о коих мечталось, издевательски упорхнули с его плеч. Остался только строго-несгибаемый взгляд портретного Феликса Эдмундовича Дзержинского. Сотрудник отвернулся.

* * *

Ночью с тринадцатого на четырнадцатое мая было необычайно душно. Вечером гроза подмяла город, отказав ему в свежести.

Наташе снилось, что в маленькой ее комнатухе стоят в темноте две фигуры, одинаковые, как ложки, но в различных одеждах, и разговаривают свинцовыми голосами на незнакомом языке, который тем не менее девочка понимала.

— ГОВОРИ ПОТИШЕ, РАЗБУДИШЬ ЕЕ.

— НО ВЕДЬ ЗА ТЕМ-ТО МЫ И ПРИШЛИ, МОРТУС. С КАКИХ ЭТО ТЫ ПОР СТАЛ ТАКИМ ЗАБОТЛИВЫМ?

— ТЫ ЧЕРСТВЕЕШЬ В ЭТОЙ ВСЕЛЕННОЙ, КОЛЛЕГА. МОЖЕТ, ПОРА В ОТПУСК?

— КУДА ТАМ... ВОТ СТОЮ Я СЕЙЧАС С ТОБОЙ, ПРОХЛАЖДАЮСЬ, А БЕЖАТЬ НАДО В ТРИСТА РАЗНЫХ МЕСТ... ДА И КАК НЕ ОЧЕРСТВЕТЬ В МИРЕ БЕЗ БОГОВ, НО С ОРУЖИЕМ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ?

— НУ, ПРЕДПОЛОЖИМ, НАЛИЧИЕ БОГОВ НЕ ВСЕГДА СПОСОБСТВУЕТ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ. ДА И САМИ ОНИ ПОРЯДОЧНЫЕ СТЕРВЕЦЫ...

Молчание.

— НО ПОСЛУШАЙ, — обратился к первому второй голос, больше отдающий гранитом. — ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ? МЫ НЕ ВМЕШИВАЕМСЯ, МЫ ТОЛЬКО СЛУЖИМ. НАШ ДЕВИЗ: СПРАВЕДЛИВОСТИ...

— Я ВОЗВРАЩАЮ ДОЛГ, — прервал первый голос второго.

— В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ БЛАГОРОДНО, — с явным сомнением сказал, подумав, второй. — ИСКРЕННЕ ТЕБЕ ЗАВИДУЮ, ЧТО НАХОДИШЬ ВРЕМЯ ВОЗИТЬСЯ С КОШКАМИ И ВЛЮБЛЕННЫМИ. А МНЕ ПОРА. НА ВОТ, ДЕРЖИ — МОЖЕТ ПРИГОДИТСЯ.

— РАБОТУ СПИХИВАЕШЬ?

— НУ ЗНАЕШЬ, МОРТУС!..

— ИЗВИНИ. МНЕ НЕМНОГО НЕ ПО СЕБЕ. ДАВАЙ — ВОЗМОЖНО, И В САМОМ ДЕЛЕ ПОНАДОБЯТСЯ. ДО ВСТРЕЧИ. ПЕРЕДАЙ МОЕ ПОЧТЕНИЕ СЕСТРЕ.

— СПАСИБО. МОРЕНА¹ БУДЕТ РАДА.

Где-то что-то затарахтело, словно заработала какая-то огромная машина размером с авианосец и состоящая исключительно из лязгающих лезвий. Но могучий ее рокот доносился будто из мира теней, или, скорее всего, так бы врывался в мир призраков гудок паровоза, ничуть не нарушая их собственной тишины. С большой скоростью источник потустороннего звука скрылся за южным горизонтом. В открытое окно задувал ветерок и влетали обычные заводские шумы, которые Наташа давно перестала замечать. Большая коса с морозно мерцающим лезвием была прислонена к шкафу.

Кто-то высокий с капюшоном сидел за клавишами фортепиано и тихонько играл одной рукой польку в настолько минорной тональности, что Наташа удивилась. А удивившись, поняла, что не спит. Глядя свободной рукой прямо-таки неприлично мурлыкающего Бонапарта, Смерть сказал, не оборачиваясь:

— Я ОТ ВАШЕГО ДРУГА НУМИХРАЗОРА. НЕ ЗА ВАМИ. — Он обернулся, и глазницы вспыхнули гибнущими звездными мирами. — НО ПРОШУ СОГЛАСИТЬСЯ ПОЕХАТЬ СО МНОЙ НА ДИСК. ОН ХОЧЕТ ВАС ВИДЕТЬ.

Наташа вскочила, позабыв о том, что на ней лишь прохудившаяся сорочка и трусики. Но вряд ли стоит пе-

¹ Морена — здесь, по прихоти автора, сестра Смерти.

ред оскаленным лицом Смерти стесняться даже полной наготы.

— Что случилось с Нуми? — воскликнула она. — Где он? Как себя чувствует? Он... плох?

— НЕ РУЧАЮСЬ, ЧТО НЕТ.

— Боже мой! — вскрикнула Наташа и поспешно стала натягивать платье. — Идемте! — закричала она, одевшись.

— БОСИКОМ? — спросил Смерть.

Наташа махнула нетерпеливо рукой. Смерть поднялся и подхватил косу.

— СЛЕДУЙТЕ ТОГДА ЗА МНОЙ.

И он шагнул сквозь стену. Девушка поколебалась лишь мгновенье. В конце концов, это только Смерть, пожалала она плечами, — это не директор школы и не кагэбэшник. Кроме того, Смерть вряд ли обладал чувством юмора (здесь Наташа ошибалась) и, сказав «ИДИ ЗА МНОЙ», явно знал, что делает. Девушка погладила Бонапарта и тоже прошла сквозь стену. Следуя за немного сутуловатой фигурой в монашеской рясе, она прошла через весь дом, попадая в разные квартиры, все темные и полные сопящих сонных звуков. Смерть поджидал ее на плоской крыше сарая, прилепленного к стене жилого дома, но с другой стороны Наташиного подъезда. Над ним высился белый конь с умными глазами. Наташа с трудом вскарабкалась ему на спину и почти не съежилась, когда Смерть ковбоем ловко вскочил в седло за ней.

— Вас никто не заметил? — деловито спросила Наташа, оглядываясь в мрак и еще более густые тени подворотни (удивительно, как любой советский школьник всегда готов к конспирации).

— КТО БЫ ПОЖЕЛАЛ МЕНЯ ЗАМЕТИТЬ? — резонно ответил Смерть.

— Вас-то да, а вот коня?

Смерть повел взглядом вокруг и сконцентрировался куда-то под дощатый забор. Потом покачал гладким черепом:

— НЕ ДУМАЮ. ТОТ ГРАЖДАНИН СЛИШКОМ ПЬЯН... И ПОТОМ, ЗДЕСЬ НЕ МОЙ УЧАСТОК, — добавил он, заинтересовавшись чем-то еще, а затем легонько похлопал коня по шее.

Могучее животное плавно тронулось. Копыта призрачно прогромыхали по застонавшей крыше, и подковы зазвенели в воздухе. Наташу запрокинуло назад, но костяная кисть попридержала ее за плечики — бережно, но равнодушно. Она не почувствовала ничего особенного. По позвоночнику не ударила ледяная молния, девочка не истлела в мгновение ока, не рассыпалась в прах — словом, ничего. Прикосновение Смерти было подобно прутьям заборной решетки. Уняв нервную дрожь, Наташа нарочито спокойным голосом отметила:

— Значит, не так уж и смертельно дотронуться до вас... Простите за каламбур.

— ПРАВИЛЬНО. ЭТО СУЕВЕРИЕ. В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ.

Белый жеребец набирал скорость, как баллистическая ракета. Ветер выл недовольно, стремясь держаться подалеже от лезвия оружия крестьянских войн.

— НАПОСЛЕДОК, С ВАШИМ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕМ, БАРЫШНЯ, ВЫ ГОДИТЕСЬ МНЕ В ДОЧЕРИ, — сказал вдруг Смерть.

Опомнившись, Наташа поняла, что это была шутка.

— Как вы прошли сквозь стены? — спросила она.

— ВСЕ ПОДВЕРЖЕНО СМЕРТИ, — последовал ответ с ноткой профессиональной гордости. — ВСЕ ТЛЕННО В ЛЮБОМ МИРЕ. РЕАЛЕН ЛИШЬ Я.

Наташа нашла в себе мужество повернуть голову.

— А как же это сделала я? Разве я мертва?

В глаза ей глянули далекие галактические катастрофы.

— ТЫ ТОЖЕ НАСТОЯЩАЯ, РАЗ ТЕБЯ ЛЮБЯТ.

— Что с Нуми? — вскричала Наташа, крепясь, чтобы не заплакать.

— ОН УМИРАЕТ.

Девушка облизала морозные губы.

— Это... это несправедливо, — прошептала она.

— СПРАВЕДЛИВОСТИ, — веско сказал Смерть, — НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО Я...

Бесполезно было спорить. Наташа осознала это всем своим существом. Глухо успела промолвить:

— Успею ли... увидеть его живым?..

— БОЛЕЕ ЧЕМ ВЕРОЯТНО.

Белый конь скакал во весь опор в угнетающе безмолвном мраке. Редкие звезды здесь были словно истощены болезнями, вокруг них кружили планеты, мертвое зловещего всадника. В этой яловой вселенной корчились туманности-уродцы, и солнца ее даже не скулили. Девочка не удержалась:

— Мы правильно едем?.. Сюда мы с Нуми никогда не летали!..

Наверное, паника, боль и мука в ее голосе разубедила Смерть высокомерно заявить, что Он Никогда Не Заблудится И Всегда Успеет. Ангел Завершения только буркнул:

— ЭТО НАПРЯМИК.

Наташа притихла, а Смерть задумчиво смотрел ей в затылок, улавливая ее терзания. Он искренне недоумевал, почему люди цепляются всеми силами за жизнь, когда она полна страданий...

Вопреки волнению и тревоге, Наташа на минуту задремала, потому что, резко очнувшись, она увидела, как конь приближается к Диску на спине четырех слонов, под ногами которых изгибался усеянный кратерами панцирь Великой Черепахи А'Туин. Восьмицветные радуги бесконечных водопадов на Краю мира на этот раз несколько не

обрадовали Наташу. Сквозь пелену слез она смотрела на чешую Черепахи с налетом замерзших в космической стуже газов. И девочка уткнулась в серебристую гриву коня, трясясь от беззвучных рыданий. Жеребец заржал печально. Смерть чертыхнулся сквозь зубы:

— ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ УБИТЫМИ?! МНЕ НЕКОГДА! ПУСТЬ НЕ НАЧИНАЮТ СРАЖЕНИЯ ЕЩЕ МИНУТ СОРОК.

Ему словно кто-то что-то ответил издалека.

— ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ И НИ СЕКУНДОЙ БОЛЬШЕ!

Далекий бубнил настойчиво.

— ПРИШЛЮ ПОДМАСТЕРЬЯ... ТОГДА ПУСКАЙ СЦЕПЯТСЯ, И ОТРУБЛЕННЫЕ ГОЛОВЫ ПРОДОЛЖАТ ОРАТЬ «УРА», ЛЮДИ ТОГДА РАЗОЧАРУЮТСЯ. ВАША РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА НЕ СОСТОИТСЯ!.. ХОРОШО. ДОГОВОРИЛИСЬ. ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ БУДУ.

И с чувством добавил про себя:

— ОДНАКО, СВОЛОЧИ! ШАХМАТНЫЕ ТУРНИРЫ ЗАТЕЯЛИ.

— Что случилось? — подняла заплаканное лицо Наташа.

— ВОЙНА, — нехотя объяснил Смерть, пристально всматриваясь в Диск. — БУДЕТ МНОГО ЖЕРТВ. СРАЗУ ПОСЛЕ ВАШЕГО СЛУЧАЯ ПРИДЕТСЯ ЗАНЯТЬСЯ ЭТОЙ ИДИОТСКОЙ БИТВОЙ.

— Вы будете убивать... — горько сказала Наташа.

Смерть заговорил довольно холодно:

— НУ НА ТО ЖЕ Я СМЕРТЬ КАК-НИКАК... НО УБИВАЮТ ДРУГ ДРУГА ЛЮДИ, БАРЫШНЯ. УБИВАЮТ СЛОВОМ, ДОНОСОМ, НОЖАМИ... Я ТОЛЬКО УНОШУ ДУШИ — ЭТО МОЙ ДОЛГ, — он помолчал немного. — СТРЕЛЫ, КОПЬЯ — ЛАДНО. МУШКЕТЫ, БОМБАРДЫ — ТЯЖЕЛО, И ВСЕ ЖЕ СПРАВИТЬСЯ МОЖНО. НО!

ПУЛЕМЕТЫ, ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ И, — Смерть передернуло, — ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ...

— Куда вы их уносите, души-то? — спросила Наташа.

— ТРУДНО СКАЗАТЬ, — признался тот. — САМО Я ТОЧНО НЕ ЗНАЮ.

Диск укрупнялся. Различались города и нити дорог.

— Вы сказали, что справедливости нет.

— ДА. КРОМЕ ТЩАТЕЛЬНО НАТОЧЕННОГО КЛИНКА.

— Тогда... почему вы везете меня к Нуми? Только потому, что я взяла Бонапарта... котенка, который...

— ХОТЕЛОСЬ БЫ ОТВЕТИТЬ УТВЕРДИТЕЛЬНО ИЛИ СОВРАТЬ, ЧТО, МОЛ, НЕВОЗМОЖНО НЕ СДЕЛАТЬ БЛАГОРОДНОГО ЖЕСТА, МОЛ, ЛЮБОВЬ — ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ, БЕЗ КОТОРОЙ НЕТ И СМЕРТИ. ВСЕ ЭТО ТАК. И ТОЖЕ ИМЕЕТ ВКЛАД В МОЕ РЕШЕНИЕ ПРИВЕЗТИ ВАС НА ДИСК. НО ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА — ВОТ ОНА.

Смерть вынул из-за пазухи изящные песочные часы. Руническая надпись на них была Наташе знакома, и сердце ее бешено заколотилось в груди. Одна-единственная песчинка оставалась в верхней полусфере. Наташа завроженно следила за ней... целую минуту, пока не догадалась, в чем дело.

— Она не падает вниз! — И отчаянная надежда взвилась, как радостно атакующий дракон. На щеках девушки проступил румянец.

— СОВЕРШЕННО ВЕРНО. КОЛЛЕГА ИЗ МИРА ДРАКОНОВ ОСТАЛСЯ С ВАШИМ ДРУГОМ. Я ВЫЗВАЛСЯ НАЙТИ ВАС, ВСЕ-ТАКИ МЫ С ВАМИ ЗНАКОМЫ... НУЖНО КАК-ТО РАЗРЕШИТЬ ЭТОТ ЗАПУТАННЫЙ КАЗУС.

— Как? — замирая, спросила Наташа.

— НЕ СПРАШИВАЙТЕ МЕНЯ, — и Смерть заглянул девушке в глаза. — ВАМ ЖЕ ЛУЧШЕ. ЗНАЙ Я — НЕ ПОЗВАЛ БЫ ВАС.

Наташа задумалась и упрямо вскинула голову.

— Спасибо за откровенность, — твердо сказала девушка, смело глядя в сияние суперсверхновых. — И спасибо за... за возможность.

Смерть не ответил ничего, но словно бы был доволен.

Звезды, подумалось Наташе безо всякой связи с происходящим, они тоже умирают...

Уловив ее мысль, Смерть мечтательно ухмыльнулся, что было нетрудно с его лицом. «В конце концов, мечтают же актеры о великой роли в своей карьере? Скульптуры, строители... хирурги», — вспомнил Смерть. Последние были ему как-то ближе. Но на грезы не было времени.

Будучи существом ответственным и самодисциплинированным, Смерть направил коня в окрестности столичного города одного из царств Диска.

В поле, у скал, в которые был встроен город-крепость, топталась в смятении большая толпа зевак. В центре ее лежал Нумихразор, придворный лекарь стоял, потупившись, за нарядными молодым королем и его невестой. Наташа смотрела на короля злыми глазами, от которых нервничала стража, сдерживающая любопытных. Венценосец — как раз того самого простодушного копьевидного типа — оправдывался:

— ...Появился в день свадьбы, что же я мог предпринять? Откуда, помилуйте, мне знать, что он уже похитил себе принцессу... Прошу прощения, Ваше Высочество... миледи, это было несчастной ошибкой, трагическим недоразумением.

В кругу стражников пасся громадный белый жеребец и мерцали две фигуры: Смерть и его драконий аналог. Было очевидно, что праздный люд, стражники и почти все остальные их не замечали, но словно морозный воздух заставлял их ежиться и стремиться встать подальше.

Оба Ангела чуть просвечивали, и девушка вдруг задала себе вопрос: «А не кажется ли мне так, потому что я еще живая, потому что настоящие лишь они?»»

Наташа отвернулась от короля и опустилась на колени перед Нуми. У него было какое-то призрачное лицо, словно он уже становился нереальным... а может быть, настоящим. Девушка содрогнулась.

— Оказалось, — бубнил за спиной молодой король, — дракон обронил в спешке какое-то ожерелье... наверное, для подарка Вашему Высочеству... Потом его нашел один крестьянин, принес в замок... Вот и супруг Вашего Высочества появился разыскать...

Наташа не слушала его. Рядом с Нуми лежала толстая переломанная стрела¹. Простая стрела. Из тяжелого арбалета. Наконечник из металла, сплавленного с волшебством, — сквозь засохшую кровь просвечивал незнакомый на Земле цвет — восьмой цвет солнечного спектра, цвет магии Мира Диска.

«Как просто, — горько подумала Наташа — не ядерная боеголовка, не бинарный химический заряд. Даже не меч-кладенец, а просто стрела из противодраконьего арбалета». Повязка на ране была пропитана черно-гранатовой кровью и кислотой обожгла Наташины пальцы, но боль на фоне творящегося в душе девушки была как шуточка юмориста перед зубовным скрежетом в казематах Инквизиции. «Это от избытка гемоглобина и других, типичных для нас веществ», — объяснял ей, дурехе, он однажды. Надо было слушать все, что могло бы подсказать, как оказывать первую медицинскую помощь раненому заколдованной стрелой дракону! «Зачем ты, дурачок мой милый, летал мне ожерелья таскать? — шептала Наташа. — Где здесь белгорюч камень, растет ли тут плакун-трава, игол-

¹ Противозмеева стрела — другая фантазия автора в связи с аллюзией на меч-кладенец, кстати наделенный чертами оборотня и способный превращаться в... Змея!

ку Богородичну¹ откуда взять раны твои сшить...» Слезы без звука катились из глаз, девушка гладила твердеющее лицо любимого.

— Дракон потерял сознание незадолго до вашего прибытия на этом чудесном коне, — решился произнести что-то Королевский лекарь, подталкиваемый будущей своей королевой. — Я наложил стандартную повязку, смазав рану бальзамом против чар... Но... Я бессилён... Всегда считал антидраконовое оружие порождением легенд... Не знаком с лечением, — забормотал он, когда Наташа подняла искаженное болью лицо, и тихо отошел назад.

Она посмотрела на Смерть. Он поднял плечи, что при его телосложении было особенно красноречиво. Вдруг песчинка в часах дрогнула и поползла нехотя вниз. Наташа с ужасом смотрела на нее.

— МОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ, — донеслось до ее сознания, и драконий Ангел Забвения поднял сверкающий коготь над лежащим с беспомощно раскинутыми крыльями сыном огненноволосой женщины и огнедышащего змея.

— НЕТ! — истошно закричала Наташа, и все люди вокруг в страхе отпрянули.

Забренчали выроненные алебарды. Запищали женщины. Девушка, которую в ее вселенной некоторые считали ленивой, глупой, троечницей, смазливенькой-если-нет-других-девчонок-рядом, плаксой, так вот, эта самая ученица восьмого «Б» класса 130-й школы города с секретными заводами оборонной промышленности, Наталья Балевская, кинулась с протянутой рукой к стоявшему, как священник, Смерти. Пальцы девушки прошли сквозь его фигуру, не ухватив песочных часов с рунически начертанным именем Нумихразора. А может, не она прошла сквозь рукав Смерти, а он сквозь нее... как сквозь

¹ Белгорюч камень (алатырь), плакун-трава (луговой зверобой), золотая иголка Богородична — волшебные атрибуты с целительной силой.

тленную материю стены ее дома. А драконий скелет уже замахивался... В сознании Наташи всплыла сцена на речке прошлым летом, когда вернувшийся из армии парень вытащил из омута мальчишку и, кинув его на песок, несколько раз вдул объем своих легких в рот утопленника. И мальчишка, посиневший, бездыханный и безнадежный, вдруг вздрогнул, закашлялся и ожил! Не показалось ли тогда Наташе, что на одном месте пляжа, необъяснимо не занятом подбежавшим народом в плавках, стоял сотканный из слабой тени силуэт, который — сейчас уже! — знакомо пожал плечами и залез на сиденье какого-то кошмарного агрегата, столь же похожего на комбайн, сколько простые ножницы на окровавленную гильотину... В мелькнувших лезвиях с зазубринами от частой жатвы Наташа ясно увидела солдатский значок Воздушно-десантных войск СССР. А мать пацаненка уже вопила от пережитого испуга и радости, мальчишка плакал, кашляя, а спасший его парень вытирал потный лоб. На вздутом мускулами плече его синела татуировка — такой же самый значок отличника боевой и политической подготовки ВДВ. Лицо парня, довольное и утомленное, вдруг злобно оскалилось, а серые глаза остановились, словно он увидел кого-то неприятно знакомого. Демобилизованный десантник смотрел прямо в стирающуюся фигуру апокалиптического комбайнера, и без того мылом по воде нарисованную...

И, не теряя времени, Наташа бросилась к Нуми, закрывая его хрупким телом, и поцеловала изо всех сил своего возлюбленного в почти человеческие губы. Ей показалось, что время перестало отмерять секунды. Она целовала мертвую статую... которая вдруг слабо-слабо ответила на поцелуй, а потом драконий язык обжег ей рот. Может быть, через сорок веков индивидуального, чисто субъективного времени, не описанного ни Эйнштейном, ни Стивеном Хокингом, ни мудрецами Анх-Морпоркского

Невидимого университета, они закончили свой поцелуй и посмотрели, переводя дух, друг на друга.

Наташины глаза были обведены тенями истощения, его — оставались еще мутными и больными.

— ГМ!..

Наташа медленно повернулась. Оба Смерти ошарашенно следили за часами Нуми. Песок сыпался в них снизу вверх, весело журча.

— ГР-Р-РАХФ.

— ДА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НЕ СТОИТ ОБИЖАТЬ ГРАВИТАЦИЮ, — согласился антропоморфный Смерть и перевернул часы как следует.

Песок сыпался и сыпался. Еще семнадцать змейских лет, подумала устало Наташа.

— УФХР-Р-Р-Р!!!

— Я ТОЖЕ ДУМАЮ, ЧТО ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ... НА ОЧЕНЬ МНОГО.

— ГФР-Р-РХИХ-Х-Х-Х.

— НЕПЛОХО, — одобрил, призадумавшись, Смерть идею драконовоплощенного собрата по гильдии. — В САМОМ ДЕЛЕ, ЛУЧШЕ ДЕРЖАТЬ ИХ ВМЕСТЕ, А ТО ХЛОПОТ ПОСЛЕ НЕ ОБЕРЕШЬСЯ.

Смерть протянул руку, и Наташа почувствовала, как от ее головы отделился один золотой волосок. Перекинув на левое плечо свое орудие труда и ремесленный символ, Смерть принялся обвязывать пару песочных часов в некую связку. Девушка прочитала на одних свое имя. Золотая струйка сыпалась в нижнюю полусферу нехитрого механизма. «Моя жизнь», — подумала счастливо она.

— ВОТ, ПРИНЕС ТВОЕГО КОТЕНКА.

— Спасибо, — прошептала Наташа.

— НУ, ПОКА.

— Прощай.

Смерть снисходительно ухмыльнулся.

— ДО СВИДАНИЯ.

— Постой... Куда ты нас унесешь... когда-то? Что за Вырий¹ нас ждет?

— ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ. ДА НЕ ВСЕ ЛИ РАВНО? БУДЕТЕ ВМЕСТЕ.

И исчез. Так же внезапно, как порой имел привычку появляться.

— Наташенька?

— Да, милый?

— Помоги мне встать, пожалуйста.

Они поднялись — девушка и молодой дракон, оба перепачканные засохшей кровью и бледные. Толпа молча смотрела на них, не зная, как реагировать на происходящее. Особенно на превращение богатырского белого жеребца в нагловатого кошачьего пацаненка. Невеста короля подтолкнула своего жениха. Он прокашлялся:

— Мы тут решили, э-э-э, пригласить вас погостить, дабы забыть неприятный инцидент...

— С большим удовольствием, — ответил Нуми. — Но... Ты ведь опоздаешь домой, Наташа!

— Разве ты меня уже не похитил?

— М-м-м...

— Мы принимаем приглашение, — сказала Наташа королю.

Облегчение проступило на его честном лице. Опустила напряженные плечи и королевская невеста. Грянули восторженные крики публики, в воздух взлетели шляпы и шлемы. И тогда под шумок Наташа спросила Нумихразора:

— Твоя родня не будет сетовать на то, что я не царевна?

— Какая чушь! Ты — царевна, и точка! — ответил он, нечаянно процитировав сказанное в далеком XI веке его отцом, и крепко обнял Наташу. И девушка положи-

¹ Вырий — дивная, обетованная страна, то ли у моря, то ли за ним, куда, по преданиям, улетают души умерших. Дорогу в эту землю знают змеи и птицы, а последние хранят ключ от нее.

ла золотоволосую голову на темное чешуйчатое плечо дракона.

Оба услышали ликующий крик, донесшийся из поднебесья другого измерения. Он прозвучал и больше не повторился, хотя Наташа и Дракон долго еще прислушивались. Но Гамаюн уже летел под далекими чужими солнцами.

«*Bien sir, notre histoire...*»¹

КОРОНА МУРАВЬЕВ

1

Это случилось ранней весной. Из окна гостиной виднелись панельные многоэтажки, а душа просила совсем иного пейзажа, и поэтому я вышел на балкон кухни. Под тем же облачным небом вроде, но здесь Город оставался по ту сторону дома. Кроме того, здание своей панельной тушей поглощало все шумы цивилизации — вой троллейбусов, скрежет трамваев, гул автомобилей, рокот грузовиков. Виднелся пустырь, который переходил в поле, а оно уходило к горизонту, где в дымке угадывались горбушки гор. После обеда на пустырь приходили играть вырвавшиеся из школы ребяташки, и тогда пространство оглашалось их криками, но в этот момент было тихо, то есть удовлетворительно тихо, чтобы погрузиться в себя, отрешившись от мира остальных людей со всеми их прелестями... Я отдышал и курил, блуждая взглядом по полю.

Неожиданно что-то защекотало мне руку, я даже вздрогнул, настолько отошел от всего окружающего.

Муравьишко полз по моей коже, терпеливо перебираясь через волоски. Точнее, не муравьишко, а крылатая

¹ «*Bien sir, notre histoire...*» Разумеется, наша история на этом не завершилась, это только сказке конец. И можно продолжать, и много чего добавить, но нужно вовремя остановиться, чтобы не дойти... куда? Кто знает?

принцесса своего крошечного народа. Я стал ее разглядывать. Она как раз остановилась и приводила себя в порядок после утомительного полета — подергивала усиками, стряхивала лапками пыль с головки, расправляла блестящие крылышки. Я поднес кисть руки почти вплотную к своему лицу. Букашка была тоненькая, изящная, черная, как капелька смолы, а в крыльях переливалась радуга, хотя солнце плотно куталось в облачные меха и не глядело на землю.

Меня внезапно кольнула мысль — что за судьба ждет это созданище? Ведь ее может склевать птица или растоптать чей-нибудь башмак. Ей грозит смерть в луже с разводами от бензина, в паутине между прутьями перил, ее могут убить свежая краска, пролитый клей, горящий окурок — просто так, невзначай!.. Но если все опасности обойдут ее стороной, у маленькой принцессы, пожалуй, налицо все шансы основать свое маленькое королевство, а оно со временем, если повезет, превратится в настоящую муравьиную империю... Я разглядывал ее, такую кроху, беззащитную, хрупкую, размышляя о том, что, по существу, природа довольно-таки равнодушна и беспощадна к своим чадам. Хотя у шестиногой царевны есть реальная возможность совершить то, что и людям-то редко под силу — ведь иначе империи и великие державы росли бы, словно грибы после дождя... Дождь... вот пролейся сейчас дождь, и для нее он станет настоящим библейским потопом... И мне вдруг захотелось, чтобы именно эта крошка, именно она среди миллионов своих сестер выжила и смогла осуществить то, ради чего в первый и в последний раз в жизни взлетела к серому небу.

И в тот же миг, как мне это подумалось, она посмотрела на меня.

Да, принцесса повернула головку, и черные бусинки ее глаз остановились на моем лице. Нет, я понимал — все это полный вздор, чушь сплошная, ее кругляшки совершенно

не похожи на человеческие глаза, ей меня просто не обозреть... и все же я не сумел отделаться от ощущения, что в этот момент она меня не просто видела — будущая Королева своего королевства внимательно меня разглядывала... и даже будто оценивала.

А потом сделала свой выбор... и позвала к себе.

2

Вокруг меня возвышался лес из невиданно могучих деревьев, корни которых выползали из земли, словно щупальца кракенов, покрытые грубой сморщенной кожей. Кроны взлетали на головокружительные высоты, а внизу простирались сумасшедшие лабиринты пещер, состоящие из земли и корней со свисающими прядями мхов.

Честно говоря, я воспринял эти древесные чудища гораздо позже, потому что самое первое, что завладело моим вниманием и мной целиком и полностью, была Она — Королева.

Я окрестил ее так сразу же, едва увидев. Никаким другим словом (причем, и это какое-то блеклое) невозможно передать ощущение царственности, сквозящее в гордой осанке, величественно вскинута подбородке. От нее словно исходило сияние абсолютной власти.

Существо, рожденное повелевать.

Существо, которому не можешь не подчиниться, — при том с радостью и благоговением.

Я заворожено смотрел на длинные смоляные волосы, которые черным шелком покрывали ее фигуру, закутанную в кусок какой-то причудливой ткани. Потом я понял, что одежда Королевы представляла собой громадный прошлогодний лист, буро-коричневый, еще влажный и податливый. Кожа ее была смуглой, но на фоне волос и листа-туники она светилась, как восковая. В жизни мне не приходилось встречать более стройной девушки! И не

случалось видеть более красивого лица, пусть даже с прохладным, застывшим выражением — сама воплощенная сдержанность. Лик Королевы казался одновременно жестким и нежным, суровым и мягким... Неопишущим. Брови, ресницы, скулы, нос, губы — просто пугающе совершенны. У нее были настолько черные глаза, будто прямо в голубоватых белках были просверлены сплошные огромные зрачки.

Королева смотрела на меня внимательно, не улыбаясь и не морщась. А я... я пялился на нее, бессильный вымолвить слово, сбитый с толку ее спокойствием, и чувствовал себя полнейшим недотепой. Она стояла в нескольких шагах, но казалась столь же недоступной, как самая далекая звезда в галактике — любуйся на нее только в телескоп... Я сжался от одной мысли, что прикоснуться к такой женщине возможно только в мечтах, только в сне, но никак не наяву.

Глядеть на нее было невыносимо, а не смотреть — просто нельзя.

Внезапно Она что-то заметила за моей спиной, мне почудилось, что глаза ее расширились, может быть, от страха. Однако я не обернулся до тех пор, пока она жестом не приказала мне сделать это.

Живот свернулся в холодный тугой комок, а сердце забилось в панике, будто желая разбить решетку ребер грудной клетки и умчаться прочь. Я вспотел, и пот мой вонял страхом.

Причина тому — у меня был Соперник.

Точь в точь гладиатор из книжек, он был примерно на голову выше меня ростом. Изваяние из мускулов, дышащая статуя античного олимпийского победителя. На бедрах — повязка из крупных опавших листьев, на ногах — сандалии из грубо сплетенных корешков. Мощная кисть правой руки сжимала короткий, отполированный до синевы меч с прямым лезвием. Буро-коричневые, словно

кожаные, но может, просто потемневшие бронзовые доспехи на плечах, груди, животе, ниже колен до щиколоток... Нет, понял я, это не латы, а ороговевший кожный покров самого воина, плоские и толстые мозолистые нащепки. Как хитиновый панцирь жука. Я видел, словно бредя, зажившие шрамы на теле бойца, вздутые вены — от него веяло смертью. Голову Соперника украшал шлем, небрежно вытесанный из скорлупы огромного ореха и с вделанными в нее рогами-жвалами чудовищного насекомого. Черная грязь — очевидно засохшая кровь поверженных противников. В прорезях шлема сверкали глаза воина — черные, холодные, удивительно похожие на ясные очи Королевы... то же самое отсутствие мысли или волнения.

Казалось, вот-вот он сделает выпад и оборвет мою жизнь, как паутинку.

Я беспомощно оглянулся назад — на Королеву, в последний раз...

Она же, оказалось, почти вплотную подошла ко мне и протягивала мне меч из темного металла с клинком в форме ивового листа, рукоять его была перемотана пеньковой веревкой. Я нечаянно вдохнул пьянящий и обворожительный аромат Ее тела...

Моя рука сама взяла оружие, даже не осмелившись хоть пальцем коснуться Ее ладони. Мне показалось, что при этом взгляд Королевы чуточку потеплел. Я судорожно вдохнул и снова повернулся к врагу.

А он даже не пошевелился. Ждал — равнодушный и самоуверенный. Моя мимолетная отвага испарилась, в освободившуюся пустоту хлынуло отчаяние, глубокое, как омут.

«Меньше, чем через минуту я буду мертв, — мелькнула мысль. — И тогда он и она...»

Именно острая тоска, порожденная этой мыслью, толкнула меня в атаку, а никак не храбрость. По еле заметной

реакции моего противника — плавная смена позы, — я понял, что мне никак не выиграть эту схватку. Он уже победил. Остается только воплотить факт победы. Словно непоколебимая скала, он ждал, пока я сам войду в предел досягаемости его оружия.

Странно, почему он не нападает первым? Вроде бы, во-яки такого калибра должны рваться вперед, не давая противнику опомниться... Или это — дуэль с непреложными правилами?.. Или он просто удивлен тем, что я так похож и в то же время не похож на него самого? Нельзя ли этим воспользоваться?..

Чушь! Да, наверное, я странен в его глазах. И что из того?! Он воин, а я не более чем его очередная глупая жертва.

Нестерпимо захотелось еще раз взглянуть на Королеву, на эти точеные плечи и ключицы, на стан, губы, глаза... Удержался из-за стыда и страха быть пронзенным в спину.

И я кинулся на Соперника, будто кончая жизнь самоубийством прыжком ласточкой с балкона девятого этажа...

Он мог встретить мой неуклюжий выпад, небрежно выставив свой меч, а потом насадить меня, как шашлык на шампур, — и это был бы логичный и естественный исход схватки.

Однако меня спасли исключительно мои неловкость и неумение обращаться с холодным оружием.

Я ринулся в атаку, дурачки размахивая своим оружием, и на взмахе моя трясущаяся и ослабевшая от ужаса рука... выронила меч. Я тут же замер, ступни просто прилипли к земле. Но клинок продолжил свой нечаянный и непреднамеренный полет.

Он вошел в тело воина как раз в просвет между ороговевшими пластинами, между грудью и животом (про-

свет этот то расширялся, то сужался в такт дыханию Соперника). Меч невероятно легко пронзил внутренности и со стуком ударился в позвоночник. Рукоять задрожала. Лезвие торчало наполовину наружу. Меня чуть не стошнило. А воин застыл, кожа его вдруг стала мраморной, взгляд резко потускнел и угас, тонкая струйка крови потекла по пластинам живота, другая зазмеилась из уголка приоткрытого в немом крике рта. Потом воин рухнул навзничь, не издав даже тихого стоны. Я стоял и тупо смотрел на убитого, не веря в свою победу. А потом потихоньку поверил — и меня пробрала дрожь, почти судорога.

Но Королева знала, что делать.

Она приблизилась к мертвому врагу, извлекла меч из поверженной горы мускулов, сложила ладони ковшиком и подставила их под бьющей ключ крови. Затем оглянулась на меня и протянула мне полные пригоршни.

Пей, сказали ее глаза. Они блстели. Губы шевельнулись — то ли чтобы подкрепить требование словами, то ли приглашая их поцеловать.

Я не стал отворачиваться. Опустился на колени, но пригубил жутковатый напиток не сразу. Сначала провел ладонью по ее щеке. Она в ответ склонила голову набок, на миг прижав мою руку к своему теплему плечу. А потом, уже настойчивей, поднесла пригоршни к моим губам и снова посмотрела на меня — пей!

И тогда я понял, что готов ради нее на все, а она для меня — вряд ли, но это неважно, важно, что я брошу к ее стопам все, что смогу, и даже больше.

И я пил кровь своего врага.

А потом Королева повела меня к пещерам среди корней титанических деревьев, и там, в прохладе, на белесом покрывале из мягкого мха, я узнал, что до сих пор понятия не имел о том, что такое любовь.

Так я стал королем.

Мы все еще жили в пещере под корнями дерева-великана.

Королева родила примерно через неделю. За весь период ее стремительной беременности я как угорелый носился туда-сюда в поисках пищи. Рвал для нее фрукты, собирал ежевику — каждая ягода величиной с апельсин, — таскал грибы, достойные служить пляжными зонтами где-нибудь на Золотых песках, но Королеве требовалось мясо, и я соорудил из своего ремня пращу. За двое суток я научился пользоваться ею так, чтобы камень не попал мне в голову. Сообразил, каким образом раскручивать ремень для увеличения начальной скорости нехитрого снаряда. Улучшил меткость. И вскоре стал профессиональным истребителем порхающих тварей — бабочек, стрекоз и даже мелких птиц. И все равно еды не хватало. Труп убитого мной Соперника мы обглодали до последней косточки. Странно, но сырая плоть его напоминала вкусом копченую курицу. Тело воина не успело даже завонять, по-моему, оно так бы и тлело медленно, скорее высыхая, нежели разлагаясь. Но не только мясо пошло в ход, Королева приспособила куски панциря и череп под посудину, из костей выпилила о камни ножи и иголки, а я ухитрился смастерить из лопатки довольно удачную расческу — для Нее, естественно. Первый подарок любимой, оцененный ею по достоинству.

Один раз я нарвал букет цветов. Конечно, она обрадовалась им. В смысле, как салату. Кажется, в красоте вещей ее больше волновала целесообразность. Мое смущение продолжилось может с полчаса. Потом я стал дарить ей букеты из щавеля.

Берцовая кость соперника превратилась в гарпун — я натер два кровавых мозоля при его изготовлении, — которым подкарауливал рыбу в заводи ближайшей ре-

чушки. Почти каждый вечер мы купались там, но всегда осторожно и с оглядкой. Нередко моя спутница и любимая внезапно пугалась чего-то, что ускользало от моего внимания. Настораживалась, а потом чаще всего хватала меня за руку, и мы спешили в укрытие среди корней. Обычно я так и не успевал заметить и намек на угрозу извне, но следовал ее порывам только потому, что верил ей безоговорочно.

Когда нам приходилось бежать, ее громадный живот жутко колыхался, мне становилось страшно и беспокойно, но она не позволяла замедлить шаг...

Вместе мы рыли новые пещеры и землянки, застилали их мхом, перьями, листвой. Моя подруга сплела сандалии из мягких древесных волокон. Как-то я вышел на охоту и прикатил домой улитку величиной с тракторное колесо, но на этот раз не разрешил Королеве есть ее сырой, как она это делала прежде. Я нарезал костяным ножом мясо улитки на мелкие кусочки и сварил их в черепа-котелке. Огонь я разжег с большим трудом, но после того, как он однажды вспыхнул в нашем очаге, Королева не дала ему угаснуть. С тех пор она уже редко ела невареное или нежареное, по крайней мере, при мне.

Она родила двенадцать младенцев, не проронив при этом ни звука, хотя я видел, как она сжимает губы и на лбу ее проступает испарина. Я принял первенца, ошалеv при этом от восторга, хотя за миг до того трусил отчаянно. Пуповину перерезал мечом... а потом уже стало не до радости — надо было принимать остальных, быстро обмывать их в луже, затем незамедлительно пеленать в заранее заготовленную чистую листву и подносить удивительно тихих детишек к ее груди, которая приобрела шокирующий объем...

Трое малышей родились мертвыми. Четверо скончались спустя несколько часов. Утомленная родами Королева спала. Я тоже чуть не валился от усталости, но надо

было присматривать за огнем в очаге, носить воду, хоронить умерших младенцев, следить за тем, сыты ли остальные... так что времени на скорбь и умиление просто не оставалось.

Последовала еще одна сумасшедшая неделя лихорадочных трудов и забот, которым конца не было видно. С легким удивлением я мимоходом отметил про себя, что уцелевшие ребятишки — девочки, которые росли потрясающе быстро. И вместе с тем... росли их животы. Они родились крупными — и беременными. На девятый день своей жизни они начали рожать и рожали каждую неделю, не переставая, — до самой смерти.

А моя Королева буквально за одну ночь похудела, ее тело вернуло свои девичьи формы, растаяли следы первой беременности, стан стал опять гибким, стройным и молодым. С тех пор она редко вынашивала потомство, при том не полнея нисколько. Зато дочери плодоносили, воспроизводя на свет новых младенцев — моих детей и внуков одновременно...

Так я опомниться не успел, а у меня появились помощники и в охоте, и в деле возведения новых землянок под жильем, склады и грибницы, ясли и мастерские. Стремительно обветшавшую одежду из листьев сменили сотканые из древесных нитей хитоны. Лучше и прочнее стали сандалии. Купаться мы уже ходили не в одиночестве, как прежде, а в сопровождении охраны — бронекожих, как покойный Соперник, воинов, моих внуко-сыновей, которых я обучил сражаться копьями с костяными наконечниками. То есть они сами обучились — по наитию. Я всего лишь заставил их держаться строем, а не нападать беспорядочной гурьбой на отважившихся перейти нам дорогу хищников. Солдаты бдили во время купания всего нашего племени два раза в сутки — рано утром, на рассвете, и вечером, в закатных лучах солнца. Лишь пятеро Маток не покидали своих землянок, им носили воду в берестяных

корытах. Они стали похожими на слоних, однако оставались по-рубенсовски красивыми, я видел в них нечто величественное и гармоничное. Да и как же мне их видеть иначе — это же мои дочери!..

Принимал своих первых внуков опять же я, и тогда меня еще сильнее пронзило ощущение свершающегося таинства рождения новой жизни. Но потом мне пришли на подмогу внучки-дочки, да и само обилие новорожденных притупило это волшебное чувство, и я уже все равнодушнее слушал тихий короткий всхлип своих новых потомков, уже без слез наблюдал, как уносят завернутых в листву умерших крошек...

Своей главной задачей я считал обучение своих отпрысков-подданных тому, чего они не умели. Хотя их врожденные навыки меня изумляли, но делали они все, подчиняясь инстинкту, механически и слепо. Я же пытался развивать у них творческое начало.

И не на последнем месте была речь.

Со временем они привыкли разговаривать. Наиболее сообразительным удавалось сложить фразу из трех слов, но обычно им хватало для общения одного слова, а остальное они «договаривали» взглядом, жестом, выражением лица — как и Королева, но она не молвила ни звука. Меня же прозвали Королем-со-Словами.

Проходя днем мимо трудящихся без усталости соплеменников, я стремился каждого обласкать, погладить по волосам женщин, поцеловать в лоб девушек, обнять детишек, хлопнуть по плечу или пожать руку юношам и мужчинам. Королева же проходила, словно не замечая их: ни жестом, ни взглядом не проявляя теплоты и материнской заботы, хотя все при ее появлении воодушевлялись. На меня реагировали несколько иначе — лица смягчались, появлялись улыбки.

Она действовала на свой народ мобилизующе, только и всего. Ее не боялись, ей не поклонялись — просто словно

переключались на более высокие обороты. Ко мне же они считали уместным проявить свои несколько блеклые по природе чувства...

Но по ночам таяла морозная корка сдержанности и равнодушия Королевы. Она даже мурлыкала что-то невнятное и нечленораздельное мне на ухо, когда я обнимал ее. Трудно это назвать даже намерением произнести слова. Однажды я настоял на том, чтобы Она попробовала сказать хоть что-нибудь. Результат ошеломил меня. Раньше я слышал звуки, издаваемые глухонемыми — это было ужасно... Я постарался забыть о своем желании научить Ее говорить. Мне стал достаточен лепет, которых лился и журчал так мило, так ласково, когда мы только-только ложились в свою постель, похожую на гнездо, и когда часами позже засыпали, обнявшись.

Мои ночи были заполнены ее любовью.

Иногда, отдыхая, но еще не собираясь засыпать, я делился с ней вслух своими планами. Она отвечала жестами, причем настолько красноречивыми, что мне порой начинало казаться, что я слышу слова.

Реагировала она на мои идеи в основном тремя способами. Могла, например, прижать щеку к моей груди или поцеловать в знак одобрения. Извивалась слегка в талии, когда не имела ясного мнения — как хочешь, мол, твое дело. А если что-то приходилось ей не по душе, она энергично вздрагивала, поводила плечами, или же категорично отсекала ладонью воздух. Этим жестом она частенько пользовалась и днем. При общении с рядовыми членами племени она также прибегала к мимике и жестам, нередко похожими со стороны на намек на танец — вернее, лаконичный кусочек танца: скупые движения, ни миллиметром больше, чем нужно. Но опять же — изредка. Обычно ей было достаточно указать на что-то или просто нахмурить брови — и всем становилось понятно ее желание. Например, легкий кивок в сторону кучи принесенных Со-

бирателями предметов — и ей приносили нужную вещь, причем в требуемом виде.

Я, помню, предположил, что она каким-то неизвестным мне образом внушала всем окружающим свои мысли. То есть, владела телепатией. Скорее всего так оно и было...

* * *

Итак, у нас в наличности появилось семь Маток, большой отряд солдат и гвардия рабочих из особей обоих полов. Дети росли быстро. Сборщики отваживались уходить в дальние походы и добывать большие глыбы кристаллического сахара и соли. Все они носили на руках, пока я не изготовил для них вместительные заплечные корзины.

Как-то на берег реки, как раз возле купальни нашего племени, явилась группа незнакомцев средних лет. Они пали перед нами ниц, как мусульмане при молитве, однако только энергичный свист Королевы удержал охрану от смертоносного броска на незнакомцев.

Это были Мастера. Поскольку они остались без Племени, без крова и смысла в жизни, Королева милостиво позволила им поселиться у нас: места и еды хватало. Они умели изготавливать весьма нехитрые механизмы на основе рычага, но главное — знали секретковки железного оружия. В качестве модели Королева показала им свой меч, и Мастера буквально на следующее утро поднесли ей на одобрение дюжину клинков. Моя царственная любимая слегка поморщилась, заметив, что форма лезвия не была воспроизведена точно, но в целом работу умельцев приняла благосклонно.

Я заглянул в отведенную под мастерскую землянку и увидел там пылающий кузнечный горн. Мне стало любопытно, откуда они берут сырье — в углу громоздилась груда ржавых обломков металлической ленты. Мне это подозрительно напомнило нечто знакомое. Позже, в полудремоте, воображение нарисовало мне кучу стружки,

по которой ползали муравьи и придирчиво осматривали каждый кусок железа, прежде чем утащить его...

Были у меня, однако, сугубо мои заботы, не касающиеся «усыновленных» пришельцев. Часть Охотников и Собираателей не всегда возвращались в Землянки до наступления сумерек. Случалось, что не являлись они и на следующий день. Неужели не находили дороги обратно? А может их кто-то убивал? Хищники? Но жутковатые страшилища, похожие на тигрообразную саранчу или паукообразных волков, реже — быкожабы, все эти твари обычно пугались вооруженных членов племени. Редко дерзали нападать даже на одиноких рабочих или солдат. Но чем черт не шутит, может стали попадаться более наглые хищники? И я стал посылать рабочих большими отрядами под прикрытием двух или трех отчетливо бесполох, но мужеподобных бойцов. Даже если отряд заблудится, у них будет шанс продержаться и выжить. Дело в том, что все практически бесполое члены племени, рабочие и солдаты, сколь бы женственными или мужественными они не выглядели, не были способны не только самостоятельно размножаться, но даже и питаться без посторонней помощи, вернее переваривать съеденное. Поэтому, прожевав и проглотив еду, они отрыгивали все обратно в ладошку и делились этой кашницей с собратьями и сестрами. Солдатам же вообще жевать было трудно с их боевыми клыками и отсутствием другого вида зубов в челюстях. К тому же, они и трех-четырёхчасового поста не выдерживали. Вероятно, огромная скорость обмена веществ в их организмах была своеобразной расплатой за громадную силу и ловкость.

Вскоре я понял, что Собираатели и Охотники просто никак не могут заблудиться. Они всегда делали зарубки на деревьях, помечали путь камнями, так что вернуться обратно для них не составляло особого труда. Оставалось предположить самое худшее: кто-то, какой-то отнюдь не лишенный разума хищник истреблял мой народ. Марш-

рутов было так много, что понять, который из них вел добытчиков к засаде и гибели, казалось практически невозможным. Поэтому и посылать карательную дружину против неизвестных разбойников не имело смысла, это таило риск, особенно без должного вооружения.

Той же ночью, когда Королева заснула после долгих взаимных ласк, я, преодолевая сладкую истому, устроился у мерцающего очага и нацарапал на кусках коры несколько проектов холодного оружия, а также схему арбалета. Постепенно меня обхватило вдохновение, я увлекся и нарисовал варианты снаряжения для бойцов и рабочих — железные шлемы, легкие кольчуги, кое-что еще...

Утром я показал моей милой бересту с набросками. Королева лишь снисходительно пожала плечами. Я не обиделся, а пошел прямо к Умельцам.

Какое же разочарование постигло меня, когда обнаружилось, что Мастера не умеют читать чертежи! Пришлось поплевать на ладони и браться за дело самому, объясняя более доходчиво, чего я от них хочу. Я промаялся дотемна в мастерских, устав, как бесами загнанный. Умельцы медленно соображали, что к чему, не понимали толком конечную цель всей заварухи, но не смели ослушаться и не подчиниться своему Королю. Часто сквозь проемы-окошки к коридорам, связывающим все землянки и оборудованные пещеры, заглядывали любопытные подданные, своими скупыми улыбками — смеяться они не умели — выражая радость по поводу моего присутствия. При этом их глаза — глаза Королевы — теплели, а я, если успевал, трепал их по щекам или ласково ерошил им волосы — светло-каштановые, в меня пошли.

В конечном итоге, я добился своего. В моем прежнем мире за такие труды ордена полагаются. Но плодами моих усилий стали воплощенные Мастерами не какие-то побрякушки, а новая модель меча, образец секиры, пред-

назначенной для плотницких работ, но годящейся и в качестве оружия, и наконец, моя гордость — арбалет.

Бил этот первый наш самострел неважно, в смысле меткости, но тем не менее, при испытаниях с пятнадцати шагов вогнал в корень дерева толстую стрелу так глубоко, что пришлось ее выдергивать не мне, а силачу-солдату, заглянувшему в мастерскую. В помещении собралась целая толпа, теснились и в проемах, удивленно глядя на мои действия. И я продемонстрировал публике возможности остальных новинок. Лезвием секиры нарубил колышки, потом обухом заколотил их в стены из трамбованного грунта и развесил на них нехитрые инструменты умельцев. При этом Мастера закивали, лица их просветлели. Затем я опробовал новый меч. Лезвие было заточено только с одной стороны, с другой торчали зубья, способные пробивать толстые панцири медведежуков. Меч получился весьма тяжелым, хотя имел не более двух локтей в длину. Я решил, что каждый рабочий будет носить его, выходя в фуражирные походы, а значит, должен научиться орудовать им, если не в бою, то в труде: расширение в верхней части клинка годилось под лопату, что я и показал глазеющим на меня рабочим, солдатам и Мастерам. Однако на их лицах читалось лишь недоумение. Я не успел огорчиться, ибо в тот самый миг в мастерскую явилась Королева.

Я сразу заметил, что она в бешенстве. И сразу понял почему — я пропустил вечернее купание, которое было чуть ли не священнее, чем причастие для католиков. К тому же я отвлек от омовения и немалую группу членов племени. Впервые наши подданные сжались страха, готовые броситься врассыпную, подальше от гневной повелительницы. «Вот те на, — подумал я. — Влип».

Тем не менее, как ни в чем не бывало, я сказал:

— Дорогая! Посмотри, что я придумал!

И повторил все, сделанное ранее. Ответом было ледяное равнодушие. Постепенно я стал заводиться. Да что

она понимает, злился я, вот даже глядит без тени мысли в глаза! Да она просто следует своей генетической программе и инстинктам — как компьютер. Черт побери, как я был слеп до сих пор! Женщина, с которой я делю постель, — просто робот из плоти и крови, безмозглая машина, которая только и может, что командовать и бесконечно заниматься сексом. Да что она понимает в чертежах, а тем более в технике?

И все же из чистого упрямства я решил довести все до конца. Злой и обиженный, я даже не смотрел по сторонам, а когда поднял взгляд на Королеву...

Если бы от стыда люди проваливались сквозь землю, то я точно бы долетел до жидкого ядра планеты. Как я посмел подумать о ней такое?! Она смотрела на меня с гордостью и восхищением. Потом шагнула ко мне, взяла за руки и на мгновение прижала губы к моему лбу. Затем повернулась и необычайно мягко указала на мои изобретения. Тут же подскочила работница, схватила один из пробных мечей, похожий формой на половинку саперной лопатки и принялась копать им земляной пол. Ближайший солдат крутанул другой клинок, выполняя типичные для воинов приемы обороны и нападения. Один же из собирателей не только нарубил поленья для очага топором, но и выделал кол, заострил его и вколотил в землю.

Я был готов расплакаться от счастья.

* * *

Один лишь арбалет не получил должной оценки.

Весь следующий день я потратил на усовершенствование недооцененного самострела и в последних лучах заката сбил им голубя, а потом, набравшись наглости, зарядил арбалет гарпуном и в сумерках выволок из ручья крупного головастика.

Ночью Королева вознаградила меня как никогда раньше...

* * *

Несколькими ночами позже я проснулся, как от толчка, встал и стал ходить взад-вперед по спальной камере, обдумывая посетившую меня во сне мысль: моим подданным почему-то никогда не приходило в голову что-либо БРОСАТЬ. Даже просто чтобы сбить ягоду с ветки. Они всегда БРОСАЛИСЬ в рукопашную, или же лезли на растение, иногда обламывали его. И теперь, годы спустя человеческого времени, мне показалось, что я нашел объяснение моей победе над Соперником.

Он просто не ожидал и не остерегался БРОШЕННОГО оружия.

Надо научить пехоту прицельно метать копья, решил тогда я, зевнул, и вернулся на ложе, досыпать...

* * *

Мастера быстро освоили новую технологию, причем улучшили как прототипы оружия и инструментов, так и способы их производства. Всего лишь раз поощренные фантазировать, они вскоре выдали целую коллекцию орудий труда и режущих приспособлений для мирных и военных целей.

Отряды Охотников и Собирателей перестали пропадать. Экспедиции доставляли невиданное количество добычи. Например, притащили сотни пудов ткани — шерстяные и хлопчатобумажные лоскуты и отрезки красивого пурпурного цвета. Из нее по моему приказу работницы сшили одежду самой простейшей кройки — прямоугольник с дыркой для головы, который перехватывался в талии плетеным пояском. Нарядившись таким образом, мы стали походить на божьих коровок. От одного вида наших одеяний враги разбегались в ужасе.

Мы стали настоящим Королевством. И быстро перерастали в Империю.

К нашему двору прибилось немало бездомных. Новичкам пурпурные одеяния полагались лишь за особые заслуги, они носили накидки буровато-белого цвета. Кроме того, я распорядился метить лбы пришельцев татуировкой в виде трезубой короны. Такой же рисунок, но более изящный, красовался на одежде подданных по рождению. Вскоре новоприбывшие сами стали делать себе татуировку. Им, очевидно, понравился символ, развевающийся на наших знаменах. Мы с Королевой носили точно такие же хламиды, как и у самого молодого рабочего. Но головы наши венчали начищенные до блеска железные обручи — имперские короны первых особ Народа. Хотя вообще-то, нужды в них не было — нас и без того узнавали и выделяли в толпе. Но Королева одобрила мою прихоть, сопроводив согласие легким пожатием плеч: «Не мешает». Гораздо полезнее оказалась другая выдумка — введение сигнальных средств в виде деревянных свистков и горнов из раковин улиток. Я упорно учил день ото дня растущее войско привыкать к командам трубачей, маршировать строем, стрелять залпами, а так же и многим другим военным хитростям.

Я готовился к завоеваниям.

* * *

Целью нашего первого масштабного похода стала деревянная гора — огромный пень, размерами превосходящий олимпийский стадион. Вот что было нужно нам, сильному и хорошо организованному муравейнику — замена сырых землянок на добротное жилище, обретение нового центра государства. Пень находился в середине солнечной долины, на расстоянии полудневого пешего перехода.

Поэтому мы выдвинулись еще затемно. Все вместе. Всем Королевством. Маток тащили на носилках, они не

переставали рожать по дороге. Кажется только им, этим пышным женщинам, моим первым дочерям, удавалось лучше всех, даже лучше Королевы изображать на своих лицах самое близкое подобие улыбок, когда я целовал их. Иногда сердце сжималось за моих первенцев, но они не потеряли доброго расположения духа, поход оказался им не в тягость. Независимо от обстоятельств, они остались бодрыми и довольными. К ним все относились бережно и ласково, даже Королева.

На восходе мы добрались до горы, которая должна была стать нашей. Прощайте, темные земляные пещеры! Прощай, едкий дым! Я сложу кирпичные печи, проведу вентиляционные шахты, выстрою лестницы, а даже и водяные лифты, тем более, что возле гигантского пня протекало несколько речушек, а я уже успел испытать водяное колесо, которое вертело жернова, — на них мы смололи муку, и работницы испекли первый в нашей истории хлеб. Господи, как он был вкусен!..

Мы взяли приступом гору вскоре после полудня, сломив в жестокой схватке сопротивление сразу нескольких местных племен. Это оказалось нетрудно — враги остались разрознены, сражались каждый за себя, и мы одолели их. У меня хватило ума не нападать на всех одновременно.

В первых рядах штурмующих шли мы — Король и Королева, плечом к плечу. Ее самострел превратился в веер смерти, она умудрялась перезаряжать его с такой бешеной скоростью, что казалось держит в руках пулемет — стреломет, вернее. Немногим уступали ей в быстроте стрельбы работницы и специально рожденные Матками девушки-воительницы — ловкие и безжалостно меткие создания, которые тихо шипели в азарте. Мы с мужчинами махали мечами, метали копья, рубились бердышами и топтали, давили трупы врагов!.. В спешке я не догадался приказать армии щадить сдающихся противников, но оно получилось само собой — сказался врожденный инстинкт

моих бойцов. Солдаты из чисто практических побуждений не тратили силы на убийства тех, кто бросал оружие и занимал позу покорности. Приканчивали лишь тяжелораненых да уничтожали особей, способных производить потомство. Пленников не вязали, их тут же кормили и одевали в чисто белые робы рабов... Хотя о каком рабстве тут может идти речь — новички работали не больше, но и не меньше пурпурно одетых подданных, а еды и ухода получали столько же. Разница в положении заключалась в символизме — чужаки должны были заслужить привилегию облачаться в имперское красное... Их тут же привлекали к работе, и я уверен — они были счастливы, находясь в безопасности народа-Семьи, а не бедствуя сиротами без дома и близких.

А мы продолжали марш вперед, и впервые моя Королева позволила себе поцеловать меня днем, да еще и у всех на виду, в губы. Она даже прижалась ко мне всем телом и закинула стройную ножку мне на бедро! Этого зрелища хватило, чтобы наша армия взбудоражилась еще пуще и наступление приобрело стремительность кавалерии. Потом мы снова сражались рядом, и я с удовольствием отмечал, что зубья на мечах входят в тела врагов, что трубачи безупречно дирижируют войском, что оба мы отчаянно воюем за место под солнцем и что мы вместе, вместе, вместе!..

Окончательно битва завершилась под вечер, когда солдаты привели захваченных в плен властителей противников и бросили их к нашим ногам.

Большая часть армии находилась рядом с нами, в одной из самых обширных полостей древесной горы. Переглянувшись, мы без слов решили, что здесь быть нашему тронному залу и спальне. Работницы заканчивали уборку, Мастера монтировали железный очаг, воины, возведенные в ранг гвардейцев по числу шрамов на ороговевших пластинах их тел, обнюхивали каждую трещин-

ку и лазейку, простукивали стены в поисках западни. Под нами, в хорошо проветриваемых кельях, настоящих светлицах, селились матки с обслугой, работники прорубали ходы от их покоев к Яслям, а также пилили вентиляционные отверстия и каналы под водопровод... Не тратя ни минуты времени на отдых или торжество победы, Семья обустривалась в новых владениях. Еще умирали раненые, еще тут и там продолжалось сопротивление кучек чужих солдат старой закалки, которые не желали влиться в наши ряды, а мы уже чувствовали себя полноправными хозяевами, стоя и смотря на связанных повелителей поверженных врагов.

Мы одновременно шагнули к узникам и обезглавили мечами покорно склонившихся перед нами чужих владык. Потом пили их кровь, а на нас смотрели все наши потомки, рабочие и солдаты, смотрели с восторгом, не отрываясь от дел... Потом остывшие тела казненных пленников отнесли в продовольственный склад, а гвардейцы расставили часовых во всех коридорах, ведущих к тронному залу. И я на руках отнес мою повелительницу на пахнущую свежими опилками мягкую кровать, застланную настоящим постельным бельем. И пылал до зари камин, играя оранжевыми и красными отблесками на наших обнаженных и ненасытных телах.

Мы победили.

* * *

Под нашим контролем оказалась обширная территория, на которой мы разорили двадцать три чужих муравейника. Мы перестроили захваченные поселения и твердыни по своему вкусу и замыслу.

Это был триумф. Больше не надо было вести лично армии вторжения в бой. Но одно исключение все же пришлось сделать. Мы воевали с государством, в котором тоже неплохо жилось, но оно отставало от нас в техниче-

ском развитии — там не было ни водяных мельниц, ни тележек на колесах, ни железного оружия, ни арбалетов. Правда, вражье войско дралось умело, подготовка была на высоте, в сражение их солдаты вступали монолитным строем. Первые две битвы закончились практически вничью. Во время третьей мы вызвали чужих предводителей на честный поединок, выйдя перед ощетинившейся копьями армией.

В ответ Царь и Царица противника тоже шагнули из строя. Оба высокие и красивые. И наверное, влюбленные друг в друга так же сильно, как и мы с моей Королевой. И тут я заметил, что вооружены они были не бронзовыми, а стальными мечами! Более того, в строю их солдат виднелось и другое железное оружие, а даже и доспехи, напоминающие наши собственные. Предводители противника носили кожаные куртки и штаны с пришитыми металлическими бляхами. Они нас копировали! А у меня за множеством забот так и не дошли руки до создания настоящих лат и кольчуг, кожаные доспехи я ввел как временное решение, но потом, увлекшись конструированием самострелов, не закончил затею с броней для солдат. И теперь жалел об этом. При равноценном вооружении дуэль на мечах с монархами врага не обещала ни малейшего шанса уцелеть. Я бы пал первым от клинка повелителя противника, а судя по широким плечам и мускулистым конечностям их Царицы, особых надежд не оставалось и у моей Королевы.

Но моя подруга не дрогнула и не поколебалась. Ей очень нравились самострелы за их способность убивать издалика — и она незамедлительно этим воспользовалась. Всего мгновение — и противники медленно, как во сне, осели на землю, а из прорезей их шлемов торчало по стреле. Вздохом позже раздался треск — чужая армия бросала оружие и становилась на колени, сдаваясь на нашу милость... Должен признаться, в тот миг я испытал

облегчение. Хотя гордиться тут было особо нечем. Что ни говори, получился не поединок, а коварный расстрел. Но ведь и для стыда не было веской причины. Я хотел жить. И хотел, чтобы жила моя Королева.

И все же во мне тлело какое-то чувство вины, поэтому я настоял на том, чтобы пощадить чужих Маток.

Впервые моя Королева задумалась. Обычно она принимала решения очень быстро. Но на этот раз склонила голову, и на несколько долгих минут морщинка прорезала ее гладкий лоб. Наконец она с неохотой кивнула.

До сих пор всех пленников с явно выраженными половыми признаками, и особенно Маток, наша армия немедленно истребляла. Но на сей раз плодовитых особей было решено стерилизовать. Большинству из способных производить потомство хватило трех-четырёх глотков воды из костяной чашки, в которую Королева капнула своей слюны. После этого «ритуала» они никогда не забеременели и превратились в прекрасных нянь для наших детей, внуков, правнуков и праправнуков. Но нескольких Маток бывшего противника пришлось лишиться плодовитости гораздо более варварским способом. Королева лично пронзала каждую из них под пупком тонкой и длинной стальной иглой, смоченной ее слюной. Так впервые мне довелось услышать истошный крик страдания — настоящий крик, а не стон, издаваемый гибнущими рабочими или солдатами, слабо чувствительными к боли... Я с трудом овладел тошнотой во время «процедуры», но такова была цена за их жизни. Почти все изувеченные таким образом Матки выжили, поправились, а спустя некоторое время уже носили имперские пурпурные одеяния, им не отказывали ни в воде, ни в пище, ни в помощи при купании. Я отличал их от прирожденно своих исключительно по чертам лица, а в сумраке помещений — по более грубой татуировке.

Кстати, про сумрак. Охотники принесли множество червей-светлячков, которых я велел не убивать, а разводить, кормить и беречь. Так тьма даже в самых внутренних казематах Столицы стала воспоминанием — светлячки сияли ровно и достаточно ярко. Жучков же, которые мигали по ночам и достигали двух-трех пядей в длину, водили на поводу пикеты ночной стражи и держали в клетках сигнальщики.

Так продолжалось наше царствование.

По ночам наш с Королевой зал освещался камином, паутинками фосфоресцирующих грибов да живыми люминофорными лампами, единственными свидетелями наших ласк. А днем Королева пристально следила за тем, что происходило вокруг. Я же старался благоустроить наше государство. Совершенствовал режущие инструменты и оружие. Составлял карты прямых владений и контролируемых территорий. Приказал утрамбовать дороги и вымостить их галькой и ракушками. Затеял даже агрономический проект, засеяв поля ржи. Очень скоро мы собрали первый урожай, и хлеб перестал быть редким лакомством. Велел построить подъемники, приводимые в движение водяными колесами, для чего отряды Мастеров и рабочих устроили запруды. По образовавшимся искусственным водоемам мы с Королевой иногда катались на лодке. Моя любимая быстро преодолела страх от глубокой воды, а когда я научил ее плавать... гм... Гвардейская охрана пережила час кошмара, когда мы одной жаркой ночью тайно ушли из Дома и занимались любовью в воде... Инцидент вызвал страшную панику в Семье, и мы больше не рисковали.

Тогда я решил подарить ей ванну. Решил, что это доставит моей милой не меньшее удовольствие, чем плавание, — и не ошибся. Королеве так понравилось барахтаться в нарочно согретой на солнце воде, что она, не позволяющая себе ничего лишнего, с трудом воздер-

живалась от злоупотребления этим удовольствием — например руководить державой из ванны, чего, я уверен, ей жутко хотелось.

Между тем, войска продолжали расширять наши владения. К сожалению, мои грандиозные замыслы установки линий коммуникаций, как и учреждения некоего института наместников в удаленных колониях встречали серьезные трудности. Для составления дел и отчетности необходима письменность, которой у нас как раз и не было из-за фактического отсутствия речи. С большими усилиями мне удалось свести в систему те знаки, которыми рабочие-собиратели помечали свои тропы, ибо стало ясно, что пометки говорят о длине тропинок и о виде и количестве находящейся в их конце добычи. Но даже составив этот каталог, я ничего не решал. Подобными значками не издашь указы, циркуляры, докладные и тому подобное! Вероятно, мое стремление придать человеческие черты этому миру выглядело смешным. Я старался сотворить практически «лишние» вещи. Королева великолепно справлялась со своими обязанностями без посредничества табунов чиновников и легионов писарей, она не нуждалась ни в законах (ее воля — закон), ни в парламенте (опять то же), ни в прочей ерунде (и правильно, по крайней мере, в данной реальности). Она допускала существование советников. В качестве же Уполномоченных — мои придуманные «наместники» — в дальние крепости и селения она посылала одну из двадцати девяти наших дочерей-Маток. Дважды в сутки, а то и чаще, от каждой Уполномоченной прибывали Вестоносцы — одна особенно длинноногая и энергичная каста. Я, уже привыкший к способам общения Королевы с народом, не переставал удивляться ее способностям, когда прибывал курьер. Моя подруга или всматривалась в очи Вестоносцу, или обнимала его, но чаще просто закрывала свои огромные, прекрасные и почти всегда лишенные выразительности глаза

и опускала длинные чувствительные пальцы ему на затылок. Минута проходила в неподвижности — она поднимала веки. И уже знала ВСЕ, что надо. Затем, едва ли не с материнской заботой, то есть, чуточку ласковее, чем обычно, отправляла Вестоносца отдыхать. Только среди них было принято спать днем... не считая меня, разумеется. Она, конечно, выражала неудовольствие моей привычкой дрыхнуть после обеда, но все же позволяла мне эту блажь, тем более, что в особенно загруженные дни я бы просто надорвался без пары часов сна.

После того как Королева отправляла одного курьера, на его место являлся другой, и все повторялось. А посылая Вестоносца с ответом, она словно вкладывала ему в сознание свою волю, подкрепляя ее сухим поцелуем в лоб. Курьер мигом отправлялся в путь. Никакой человеческий марафонец ему в подметки не годился. Равно как и ни один государственный деятель — моей повелительнице. Ее энергия и неутомимость поражали, чуть ли не пугая. Едва закончив дела с Вестоносцами, последний из которых скрывался за поворотом, вздымая пыль сандалиями, Она уже инспектировала караван рабочих, доставивших провизию, металл, ткани. Она делала немые замечания относительно того или другого товара, после чего приходил черед Мастеров. За умельцами — старшие солдаты, офицеры, генералы... а потом опять наступало время принимать Вестоносцев. И так — до бесконечности. И при всей этой чехарде — ни тени усталости на ее лице. Иногда — гораздо реже, чем мне бы хотелось, — она обращалась за советом ко мне. А я при этом все не мог разобраться, как она ухитряется всего лишь жестами, вздохами и напоминающими пляску шажками поведать мне, что происходит в дальних провинциях. Но ей это удавалось прекрасно! Вопросы обычно были технического толка: делать или нет в Желтом Бору плотину? Как? (За считанные минуты ее руки лепили из глины макет местности, которую она

никогда не видела собственными глазами!) Надо ли вырубить кустарник возле Серокамня? А не вызовет ли это оползня? Шиповник в одноименной колонии не дает плодов — значит, убрать его, да? В провинции Возлелеса войско убило ужа — есть у тебя идея насчет змеиной шкуры, дорогой? На полях Трикочки уродилась знатная рожь, но там нет воды под водяную мельницу — что делать: везти зерно к Пяти Ручьям или же ты покажешь кому-нибудь из Мастеров как соорудить мельницу-без-воды, про которую ты мне рассказывал?.. Да, да, ветро-мельницу. Нечем мостить тракт от Рассветного до Высокатрава — придумай что-нибудь! На том же шляху туннель под речкой Чертополошиной не прорыть — камень, вода сочится, а речка мешает — ты говорил о чем-то таком... как его... ах, да, мост. Как возвести мост? За болотами равелина Закатный разведчики обнаружили чужой муравейник — захватить его или пусть себе копошатся пока за топями? Но если болота высохнут... Значит, будем потихоньку наращивать гарнизон, равелин превращать в крепость... и ждать.

Обо всем, касающемся стратегии, она спрашивала моего мнения, когда нуждалась в более ясном планировании чего-то дальнесрочного. Всякие будущие перспективы, само понятие «через какое-то время» она узнала и в некоторой мере усвоила от меня. Она с усилием воспринимала будущее как нечто более длительное, чем «завтра».

Когда мне удавалось воплотить очередной свой замысел, пусть даже и со скромными результатами, она неизменно смотрела на меня с признательностью: «Я не сомневалась в тебе, милый, ночью отблагодарю!»

И за одно это ее обещание я, пьянея от невысказанных, но очевидных слов, был готов построить для нее атомную электростанцию...

А у нас появились собственные Мастера. Королева родила для этого специальную Матку. Эти детишки росли медленнее остальных ребят, и, едва начавших ходить,

их отдавали на обучение старым умельцам. Старики, конечно, добросовестно и рьяно учили молодое пополнение всем секретам ремесла, но я подметил, что с появлением в мастерских учеников старые умельцы как-то приуныли. Вообще Мастера — странная каста. В принципе — бесполоая, хотя их точнее было бы называть половонеполноценными, но с другой стороны, вопреки неспособности иметь потомство, кое-какие скромные сексуальные потребности у них все же наблюдались, и им разрешалось удовлетворять их с работницами. Я очень зорко следил, чтобы при редких неуклюжих контактах Мастера не вели себя грубо и не причиняли зла своим мимолетным любовницам. Но вскоре убедился, что умельцы достаточно деликатны и заботливы, да и на женоподобных работниц это отражалось благотворно. Правда, длительных связей не возникало, поэтому я и назвал подобные «романы» мимолетными: как правило, сами работницы не проявляли инициативы и стремления продолжать интимных отношений. Так что причина дурного настроения старых умельцев крылась в чем-то ином. И я решил выяснить ее. Долго расспрашивать не пришлось.

В ответ на мои жесты и слова староста Мастеров повернулся и указал на одного из учеников-подростков, колотящего огромным молотом по лемеху будущего плуга (силушки даже у ребят моего народа вполне хватало вертеть пудовым инструментом!), затем поднял ладонь, имея в виду, что парнишка вырастет, а наконец провел ребром той же ладони себе по горлу, словно отсекая голову. При этом Мастер уныло повесил плечи, уставился в пол и вообще весь сник — покорный судьбе и чужой воле...

Я внимательно посмотрел на старика... и понял. Тогда я энергично взял Мастера за плечи и категорически, используя только жесты, чтобы не сорвался предательски голос, а и иногда просто слова не находятся подходящие, заверил его, что ничего такого не случится никогда, что они

не должны бояться за свою жизнь, что еще многих учеников сделают Мастерами, но никогда не станут лишними, всегда будут иметь свою семью — Нас. Умелец оживился. Я оставил его делать свое дело и покинул мастерские, направившись в Тронный зал. Мне требовались гарантии Королевы, что Мастеров не тронут. Да, размышлял я по дороге, весь наш народ, начиная с умельцев с их зачатками индивидуальности, рабочих, солдат, вестоносцев, Маток и нянек, все фактически обделены личной жизнью, их амбиции и желания подчинены исключительно Семье, Дому — будь то родному или чужому, приютившему или покорившему их. Всем подданным, прирожденным и усыновленным, не знакомы иные ценности, кроме как жить настоящим днем, быть уверенными в еде и крыше над головой. Скорее всего, они даже счастливы по-своему... Но ведь этого мало, ах как мало!

Я обрадовался, когда Королева милостиво кивнула в ответ на мою просьбу не казнить старых Мастеров. Мне задышалось легче — участь умельцев, которые с нами чуть ли не с самого начала, решена положительно. Однако на секундочку мне показалось, что моя повелительница предпочла бы избавиться от стариков. Мне стало грустно, хотя я понимал: она не исключала, что кто-нибудь из Мастеров может сбежать, или, что более вероятно, его могут похитить чужаки. И тогда плакали наши секреты, вероятный противник если не добьется преимущества над нами, то получит возможность, по крайней мере, биться против нас чуть ли не на равных в будущей войне. Во всяком случае — у чужаков есть шанс основательно подготовиться к встрече наших легионов... Конечно, у Королевы нет четкого представления об отдаленном будущем, но место стратегического планирования у нее занимает инстинкт самосохранения и интуитивное предчувствие того, что должно последовать после «сейчас» и за гранью «завтра»...

Да, Королева прекрасно дирижировала даже самыми отдаленными районами нашей Империи, но несмотря на это, я все же пытался создать собственную сеть управления и сбора информации — на всякий случай. Все же она не безгрешна, неплохо бы вносить коррективы, заглаживать ошибки, заполнять пробелы — сколь мало их бы ни было. Да и недурно внести в довесок к организующей Интуитивной Силе в державе Силу Рациональную, так ведь?

Я поступал весьма осторожно, согласуя свои действия с Королевой, дабы не создать сумятицу и не генерировать противоречия в процессе управления государством...

Возможно, мои подданные считали меня чудачком. Но меня любили. И если Королеве подчинялись инстинктивно, то мои приказы (хочется в это верить) исполнялись еще и потому, что людям это было приятно. Поэтому, по крайней мере в одном, я добился успеха — в статистике. Нашел-таки способ провести ревизию складов и амбаров, пересчет инвентаря, вооружения, имущества и населения, то бишь, наконец получил количественные данные, а не только качественные характеристики состояния Империи. Ибо для меня эти качественные характеристики оставались не более как туманными ощущениями.

Вестноосцы стали приносить мне тоненькие веревочки с узелками, окрашенными в различные цвета. Узлы — числа, цвет — категория: амбары, люди, мельницы, повозки, мосты, дороги, крепости... Я состряпал себе счеты и щелкал костяшками, как заправский бакалейщик, вычисляя то или другое, имеющееся в качестве материальной ценности державы. Обычно перед вечерним купанием из систематизированных данных передо мною вставала захватывающая картина нашего могущества и благосостояния. Нет смысла приводить все цифры, коих великое множество, но упомяну лишь одну, от которой у меня перед

глазами так и поплыло. Численность населения. Наша Империя насчитывала пять миллионов подданных, треть из которых — прирожденные, четверть — добровольно пришедшие. И на каждого взрослого, старика и ребенка приходилось достаточное количество пищи, инструментов и оружия, разумной площади в муравейнике, хватало и пурпурной ткани на одежду, палатки и одеяла, причем, материю мы производили уже целиком сами — от сырой шерсти до окрашивания не пошитого на изделия полотна...

Помню, я сел тогда (головокружение случилось сильное). Потом налетело беспокойство, и я неделю потратил на проверку данных, прежде чем почувствовал облегчение... а затем и восторг. Население росло, но ничто не предвещало ни голода, ни эпидемий, ибо гигиена у нас была в почете, да и Собиратели нашли залежи самородного серебра, которым я приказал обложить все емкости для питьевой воды от кувшинов до цистерн, велел даже начать массовое производство личной посуды, что вызвало небольшой переполох и перемену в навыках приема пищи. Про серебро я еще со школы помнил: те, кто в средние века использовал серебряную посуду, избегал смерти от чумы...

И тогда я рассказал Королеве о том, как нас много и насколько больше станет через пару-другую лет. А значит, спустя несколько лет нам будут нужны новые территории, новое жизненное пространство... А может, в один прекрасный день случится так, что надо будет завоевать весь мир! На нас ляжет огромная ответственность, дорогая!

Мне показалось, что она улыбается мне в плечо. Потом то же плечо обожгло поцелуем, а я запустил пальцы в ее распущенные на ночь волосы... Каждое утро она заплетала косы перед серебряным зеркалом — очередной мой подарок для любимой... И я не договорил о планах захвата мира. Ощутил кожей ее кожу, изгибы тела, упру-

гую плоть, теплое дыхание, вкус ее пота и ее губ... и сказал себе, уносясь на крыльях блаженства: ну что ж, весь мир, так весь мир... Раз надо!

* * *

И кажется, той же самой ночью, а может в одну из следующих, я проснулся, почував, что она плачет.

Никогда прежде моя любимая не плакала. Ни боль, ни гнев, ни опасности и огорчения не увлажняли ее глаз. Я уверен, я бы узнал. Но сейчас... почти навзрыд.

Я обнял ее, прижал к себе и нежно гладил по волосам и по спине — как дитя, как первую любовь накануне долгой разлуки... Она всхлипывала и дрожала всем телом, с каким-то испугом прячась в моих руках от внешнего мира.

И еще мне почудилось, что до утра мы любили друг друга неимоверно нежнее, чем когда-либо прежде... и, похоже, как никогда после.

Я спрашивал, в чем дело, слизывая ее слезы. Я обсыпал ее поцелуями и вопросами, что так растревожило ее, милую мою, но она или не могла, или боялась признать мне.

Уснули мы почти на рассвете.

Больше этого не повторилось. Больше она не плакала никогда...

5

В ночь, когда я вкусил слезы моей Королевы, она снова зачала. Но на этот раз очень долго носила плод в утробе — целых три недели.

За это время мы совершили длительную поездку по главным городам нашей Империи. Королева вела себя очень осторожно, берегла живот как никогда раньше. Не знаю почему, я воспринял ее осмотрительность как при-

знак наступающей зрелости, отчего мне стало вдруг грустно. Ее стан не изменился ни на йоту, не принял и грамма лишнего веса, лишь ее обычно впалые щеки округлились да груди налились, не теряя прекрасных своих форм, которые восстанавливались будто по волшебству через день-другой после родов. Мне и в голову тогда не пришло, что, вероятно, впервые появление потомства для нее стало столь важным актом — по причине особенности самого потомства...

А тем временем наше государство росло и крепло. Иногда наши генералы приводили к нам пленных властелинов других царств. К счастью, давно отпала необходимость рубить им головы собственноручно, но сохранилась неприятная обязанность присутствовать на экзекуции, проводимой в Тронном зале и совершаемой самым надежным и опытным гвардейцем.

Росли и дети. Предыдущие поколения рабочих и солдат уже начинали показывать признаки старения, и я начинал раздумывать как скрасить им закат жизни и устроить угасание без мук.

Нам не грозили серьезные внешние опасности, фактически не было и угрозы внутреннего конфликта. Бунт в Семье-державе как наша просто немислим — по крайней мере, пока мы с Королевой живы. Другого противника, кроме внезапных природных бедствий — к которым мы старались подготовиться в мере сил, — я просто не представлял. Да и разве могли остаться достойные противники за пределами государства?!

Так, занятый державными заботами, я чуть не пропустил рождения тех, кто стал последними нашими прямыми детьми (разумеется, производимые на свет Матками, которые несли в себе яйцеклетки Королевы и запас моего семени, не в счет).

Эти роды протекали болезненно. Но Королева ни разу не вскрикнула, не пролила ни слезинки, только искусила

губы до крови, да нечаянно вывихнула мне кисть (я держал ее за руку).

Разминая пальцы, я взглянул на детей. Их появилось трое. Мальчик и две девочки. Няни сноровисто и резво умыли и спеленали их, но я успел заметить совершенно нормально развитые гениталии младенцев.

И еще — у них были тоненькие прозрачные крылышки. Принц и две принцессы...

6

Я понимал, что они не останутся жить с нами, что им придется покинуть дом, следуя неумолимым законам природы. И поскольку росли они еще медленнее, чем умельцы, я позволил себе потихоньку изгнать их из своих мыслей, предпочитая погрузиться в рутинные вопросы семьи-Империи.

До их отлета я добился прорыва в отношении письменности и обучал пиктограммам Вестноносцев. На основе доносений и описаний сумел вычертить довольно подробную карту наших владений и подготовил картографов. Теперь легче стало выявлять недостатки имперской инфраструктуры, и я принялся мозговать над тем, как их преодолеть. При этом возникала масса мелких проблем, требующих решения. Кроме того, меня стало тревожить непрекращающееся лето, а согласно моим субъективным ощущениям, прошла пара лет, не меньше. И это значило только одно — впереди нас ждала Большая Зима, к которой надо обязательно и очень крепко подготовиться. Не то чтобы наш народ не делал пищевых заготовок и не рыл глубоких укрытий, но я хотел сделать все возможное, чтобы Зимовка прошла с минимальными потерями — без оползней и обрушивания построек, без голода, обморожений и прочих бед, которые трудно было предусмотреть заранее, не имея опыта. Особенно меня беспокоила участь пожилых

и увечных (больных у нас в принципе было мало). Я решил положить конец дикой практике бросать стариков на произвол судьбы, а калек уничтожать. И последних собралось немало. В большинстве это были солдаты-ветераны, прошедшие не одну войну, на втором месте — получившие производственные и строительные травмы и, наконец, пострадавшие охотники. Я организовал специальные мастерские, где бы могли трудиться престарелые члены Семьи (о, небеса, им было-то всего несколько месяцев от роду!) и калеки. Просто сидеть и отдыхать они не умели, их спокойствие и счастье основывалось только на возможности работать. Безногим я доверил плести корзины и шить одежду. Труднее оказалось пристроить бывших солдат, но я поручил им нести патрульную службу со свистками во рту. Те, кто не мог даже ковылять на костылях, обычно сидели на вышках вдоль дорог, особенно на перекрестках, где помимо наблюдения осуществляли регулирование движения, сторожили входы в крепости, пока полноценные члены стражи и воинских частей тренировались в своих залах, готовые по первому зову броситься на выручку беспомощным часовым. Некоторые старые воины оказались довольно талантливыми инструкторами молодежи, у других я заметил задатки администраторов и назначил их в интендантства, начальниками арсеналов. Занятость буквально удлиняла им жизнь. Немного пришлось повозиться с калекими-рабочими, но я сконструировал станки с ножным приводом для безруких и поставил «беличьи колеса» для слепых, которые, кстати, довольно сносно успевали совершать мелкие ремонты на ощупь. Все эти меры освободили массу здоровых рабочих рук, благодаря чему мы смогли позволить себе осуществлять масштабное строительство мостов, акведуков, водохранилищ и дорог...

Так, выматываясь днями и сладко уставая ночами, я пропустил момент отлета принца и принцесс. Честно говоря, я не слишком опечалился. Так было лучше — для

меня. Вздохнул пару раз, безмолвно пожелал им удачи и занялся системой ирригации и дренажными трубами: впереди нас подкарауливали долгие холодные дожди... надо укрепить и купола крепостей — они должны выдерживать тяжесть снега...

* * *

Не знаю, сколько времени утекло. Кажется, годы. Однако время щадило молодость Королевы, время не подточило нашу привязанность друг к другу. Время не отражалось на нашей повседневной жизни. Нынешний день походил на предыдущий и повторялся на следующий. В первых лучах солнца — ободряющее всенародное купание с властителями во главе. Все войска Империи под знаменами, начеку, пока купание не заканчивалось для гражданских, а затем легион за легионом входили в воду, совершая общий ритуал. Государственные дела, осмотр мастерских, фабрик, Яслей, амбаров, складов, планы, статистика, актуализация карт, смотр нововыросших полков — и так без остановки. Королева принимает Вестоносца: «Опять мы завладели чужим муравейником!» Обед, дрема, краткое совещание с милой насчет доспехов. Железа не хватает, но скорлупы орехов подходят под панцири и шлемы... Прогулки по Дворцу-Столице — посижу у Маток, потцовски обниму генерала, которому назначено укрепить пограничный гарнизон на севере... Вечер, купание, солнце садится, страна засыпает, перекликаются стражники ночного дозора, а мы с моей повелительницей продолжаем плыть, теперь уже в водах нашей любви, которую не описать словами, да и не нуждается она в словах...

* * *

Военная кампания на Северо-западе затянулась — бои продолжались четвертые сутки, и новости с фронта мне

совсем не нравились. Возможно, Королева знала больше меня, но почему-то не сочла нужным поделиться информацией... или не знала, как это сделать? Я видел, что она настолько расстроена неудачами наших войск, что не отреагировала на мое ворчание.

Донесения Вестоносцев — я читал пиктограммы о потерях и числе взятых в плен, которых конвоировали во внутренние территории державы и приобщали к Семье. Счет раненым и убитым врагам мы не вели. И вот, наконец-то рапорт — вражеская Царица захвачена, Царя убили во время штурма Цитадели. И вместе с тем — сообщение, смутно встревожившее меня. Уже побежденный враг оказывается использовал оружие дистанционного поражения. Неуклюжее описание — что-то вроде «хромого арбалета». Что писарь-грамотей хотел этим сказать?.. Неужели... лук и стрелы? Речь явно про это.

Смушение вылилось в сердитые упреки Вестоносцу — почему не доставили образец? Что, трофеев не взяли, что ли?!

Я поспешил с несдержанными словами, следующий курьер принес экземпляр «хромого арбалета». И сначала я утешил задрожавшего от огорчения Вестоносца, а потом взял рассматривать трофей.

Я вертел в руках штуковину со смешанными чувствами. Рефлексный лук из трех частей. И потрясающе — модель была воплощенной в дерево, кость и кожу МОЕЙ идеей, блестяще развитой до конца. Я же не пошел дальше бумаги (бумаги собственного производства!). Просто не дошли руки повозиться с умельцами и реализовать проект на практике.

Однако больше всего меня смутил выжженный каленым железом знак на одном плече лука — корона, сильно напоминающая нашу.

Так вот почему на поле боя часто возникала неразбериха! У противника почти такие же знаки различия, как

и у нас самих! Вот что сбывало с толку нашу армию!.. Я нашел в себе смелость признать, что это значит...

Я молился, чтобы вражеская Царица умерла по дороге.

Не повезло.

Ее привезли живой, даже повязки с ран успели снять, отметины наших мечей зажили на ее плоти.

Узницу представили перед нами в Тронном зале. И я заметил, что лицо моей Королевы побледнело. Самую малость. У меня же на лбу выступил пот, и сам я, наверное, стал белее полотна.

Пленница была похода на нас с Королевой как никто другой из наших чад. У нее был овал лица и фигура матери. От меня она взяла голубой цвет глаз и вьющиеся светло-каштановые волосы, которые спадали сейчас ниже пояса. И рот, кажется, совсем, как у меня...

Мы молча смотрели друг на друга.

А потом произошло самое кошмарное.

Она заговорила!

Сначала повернулась к Королеве и произнесла:

— Мама...

Без радости, обреченно, с ужасом. Потом обратилась ко мне:

— Отец... — На этот раз в ее голосе прозвучала мольба, надежда...

Тогда Королева подняла руку — знак исполняющему вынесенные самой судьбой приговоры гвардейцу, но я завopil жутко, не щадя глотки:

— Стой!

И позволил себе поступить так, как прежде никогда не решался в присутствии кого-либо другого, кроме нас двоих. Я схватил Королеву чуть выше локтя и бесцеремонно потащил в самый дальний угол зала.

Я знал — вздумай она воспротивиться моей грубости, сделает она это шутя, ибо гораздо сильнее меня, несмотря

на видимую хрупкость. Но она позволила мне бестактный поступок, хотя в изгибе ее губ мне почудилось отвращение.

Вполголоса я попытался ее убедить, умолял, даже повысил голос, обвинил, что нет у нее сердца, и снова говорил, говорил, говорил... Уповал, что поток слов заставит повелительницу пощадить нашу дочь. «Сделаем ее своей союзницей... Наместником, — бормотал я. — Объединившись с ее муравейником, мы расширим Империю скачком... Нет?.. Тогда давай отправим ее в ссылку, в самое захолустье... Какую я несу чепуху! Милая, любимая, опомнись! Это мы дали ей жизнь, не нам отнимать ее, мы меньше кого-либо имеем право поступить так...»

Она выдернула руку столь резко, что я едва не упал. Приблизилась к узнице и застыла перед ней, глядя ей прямо в глаза. Но и сигнала палачу не подавала. И на мгновение мне почудилось, показалось, привиделось, что я все же успел, что удалось ее уговорить... Мать и дочь пристально смотрели друг на друга, не моргая. А потом пленница опустила голову, и сама приподняла волосы, обнажая шею...

Никогда не забуду ее нежную белую кожу.

А Королева медлила с казнью...

И тогда я понял. Она просто ждала, когда я уйду.

С глухим стоном я бросился прочь из зала.

* * *

Весь день я обходил Дворцовые секторы Столицы стороной. Я бродил по коридорам и штольням. Я плакал, я падал и рыдал, потом сидел неподвижно и опять брел, не ведая куда... Бил кулаками деревянные стены Дома. Проклинал и кричал. Все шарахались от меня. Успокоился лишь к ночи.

От кого я прятался? От нее? От себя?

Я пренебрег купаньем. Пробрался воровато в Тронный зал. Королева уже лежала в постели. Камин не растоплен. Светлячки съжились будто в тоске, и едва мерцали на стенах и потолке вместе с прядями грибницы на полу.

Я подошел, лег рядом, но не смог обнять ее. Однако мои пальцы сами нашли ее руку, и в ответ она яростно впилась в мою ладонь, мы сплели кисти, сжали пальцы до боли, дрожи и онемения. Так остались лежать, не заснув до самой зари...

7

С тех пор мы очень редко занимались любовью, лишь в силу потребности плоти. И не просыпались в объятиях друг друга по утрам.

Моя жизнь проходила, как в тумане. Смотр солдатских занятий на плацу. Инспекция новой партии оружия. Испытания новых образцов копьеметов. В Яслях, амбарах и социальных мастерских царит порядок — как всегда. Чистота и безупречность во всей столице. Отхожие места проветрены, обеззаражены и дезодорированы — как обычно. Все сломанное, стертное, обветшалое чинится и заменяется новым — как всегда своевременно, даже загодя. Населения уже почти пятнадцать миллионов. Почти все дороги вымощены, глубокие зимние укрытия хорошо укреплены, коридоры проходят вдоль толстых корней, изолированы от влаги смолой, от холода — мхом. Склады при зимних убежищах пополняются вяленным мясом и сухофруктами, зерном и ореховой мукой. В Империи исправно работают около четырнадцати тысяч водяных колес и свыше пятисот ветряных мельниц. Мостов полторы тысячи. Ощущается нехватка кожи для доспехов и спецодежды, требуемой на некоторых видах работ. Мало и ткани для пошива одежды, слишком многих надо одеть и обуть. В южных провинциях успеш-

но разводят улиток, на востоке методично собирают лесные орехи...

Днем я почти не виделся с Королевой. Что-то оборвалось между нами. Или я просто не мог понять... принять... простить...

Я стал замечать, что единственной музыкой в державе было пение птиц да сигналы военных труб. В Семье никто не танцевал ради удовольствия. Не сочиняли сказок, не украшали спальные помещения, женщины не плели себе венков в косы, мужчины не драили пряжки ремней и бляхи на куртках, чтобы блеснуть перед миром. У нас не было выходных, не было богов, не было праздников. Лишь встреча и проводы солнца, сочетаемые с купаньем в двухстах тысячах выложенных камешками и ракушками прудов.

Меня сводила с ума мысль о том, что единственная из наших Дочерей, которой посчастливилось стать Царицей, умерла безымянной. Имя в Империи носил лишь я один. Даже у Королевы его не было. Как и у всех пятнадцати миллионов наших подданных.

Я ввел украшения, велел хоть чуть-чуть разнообразить наряды, циновки стали плести нарочно из разноцветного материала. Задумался над системой имен... Суета сует и всяческая суета. Разве это кому-то нужно?..

Мое мягкое сердце явно не принадлежало этому миру.

* * *

Беда грянула внезапно — с севера. Вторжение напоминало шквал. Уже на второй день стало очевидно, что агрессия долго и тщательно планировалась. И ничего удивительного, что мы проморгали подготовку нападения, и что нас застали врасплох.

Вторжение не было сухопутным, как следовало бы ожидать.

На нас налетели с воздуха. Перед рассветом, на выходе к купальням.

Это были прекрасные создания. Неотразимые в своей красе. Как на подбор стройные, с тонкими талиями, точеными ногами, руками и лицами. Амазонки с полосатой желто-смуглой кожей. За плечами у них жужжали крылья, и они, бесспорно, были гораздо более верткими и опытными летчицами, чем наши принцы и принцессы. Вдобавок — отлично вооруженными. Я разглядел, чем они косили наших солдат. Пружинный скорострельный самострел, он поражал дальше, точнее и быстрее, чем наш стандартный арбалет. А наконечники осиных дротиков были вымазаны ядом. Не привыкшая отражать воздушные атаки, наша армия гибла, гибла, гибла...

Свирепые амазонки истребляли все, что двигалось, обстреливали даже катящиеся по инерции повозки, запряженных в плуги жуков, светляков и тлей, разводимых ради выделяемого ими сладкого сиропа. Осы нападали роем, облако дротиков бросало тень на землю. После их налета оставались поля трупов. Воздушные убийцы стремительно опустошали крепости и Дома, смерть косила широкой косой наших бойцов. Я не успевал предупредить все гарнизоны не предпринимать контратак, не бросаться в драку и преследование врага, который не отступал вовсе, а просто отклонялся, делая вираж на новый заход. Я приказал войскам не высовываться из-под куполов и стремиться расстреливать крылатых разбойниц из укрытий. Но мои Вестносыцы не успевали передать распоряжения командирам, да и большинство их гибло по пути. Сигнальные вышки с флажками и серебряными зеркалами оказались чересчур уязвимыми для летающего противника. Я потерял связь с армией. И не успел опомниться — вот уже вражеский рой пошел на приступ Дворца.

Империя распадалась, созданное великим трудом рушилось, мой народ таял. На подступах к столице, в самом

Дворце гибли мои дети... наши с Королевой дети. Гибли безымянные, умирали как герои. Но ничего не могли противопоставить безжалостным осам, кроме как отважно сражаться и умирать, заслоняя нас своими телами от отравленных дротиков врага.

Я плохо помню бой во дворце. Кажется, сбил стрелой из арбалета пару разбойниц, солдаты добили их, колчаны Королевы опустели... И нас успели зацепить дротиками, которые содержали парализующий яд, как я понял, когда рухнул на пол и не умер, а беспомощно глядел на происходящее. Осы перебили в Тронном зале всех обездвиженных отравой, а нас с Королевой привязали спиной к спине, распяв на двух скрещенных в виде буквы X шестах. Затем подхватили шесты и понесли наружу. Взлетели...

Меня тошнило — от высоты, от яда, но я отчаянно сдерживал рвоту, боясь запачкать мою Королеву. Я понимал, почему крылатые разбойницы сменили смертоносный яд на парализующий при штурме Дворца. Им приказали взять нас живыми. И ясно куда несли — на традиционную в этой реальности казнь перед лицом главарей победившей нас летучей орды. Когда-то пленников бросали к нашим ногам, но вот, пришел и наш черед... Наступил конец великой державы... Наш народ — дети, внуки, правнуки, плоть от плоти нашей, кровь от крови — был уничтожен. Наверное, оставались гаснущие очаги сопротивления, но все кончилось...

Мне трудно было дышать, но не от встречного ветра — от боли, от мельтешащих перед глазами картин жестокой бойни. Сто раз я хотел умереть, я не хотел мириться с тем, что пришельцы истребляют наших детей...

Я ощутил, что Королева тычется щекой мне в затылок. Я повернул голову и ответил на ласку. И вдруг почувствовал успокоение. Я понял: скоро мы последуем за своими детьми. И это меня утешило. Отступили страх и отчаяние. Я чувствовал тепло от тела моей Королевы. И застыл

в ожидании, всем существом впитывая запах ее кожи и волос, которые щекотали мне лицо. Казалось, полет продолжается долго, очень долго — до скончания времен...

Не берусь назвать Гнездо ос мрачным и скверным. Напротив — изящная конструкция из шестиугольных камер, обвитых балконами, витыми лесенками, толстыми травяными балками для жесткости. Материал напоминал белосероватый мрамор, но шуршал, как бумажный, под ногами, слегка прогибался, легкий, воздушный, крепкий.

Царица врага произвела на меня впечатление, сравнимое с ударом молотком по лбу. Да, я ожидал, что она, мать своего племени, будет привлекательна. Рядовые амазонки, однако, обладали более совершенными фигурами. Впрочем, вряд ли все они рождены ею. Осиные Дома, насколько я помню, — сестринские, у них все Матки, но существует строгая линейная иерархия зависимости и подчинения, каждая оса старше предыдущей. И на вершине цепи власти стояла эта женщина с несколько расплывшимся телом, но удивительно красивым лицом. Особенно выделялись глаза. Их взгляд был неожиданно осмысленным. Гораздо более осмысленным, чем у наших подданных.

Я смотрел на Верховную осу и мысленно клялся себе, что ни за что не склоню голову под секирой палача. Пусть постарается меня одолеть. Тем более, что это явно не просто палач, а вероятно Владетель. Крупный раскормленный трутень, здорово смахивающий на японского борца сумо. И, надо же, его-то глаза «нормальные» — то есть пусты и бессмысленны. Как... как у моей Королевы.

Я вздрогнул от собственной мысли, сердце сжалось, обмякли колени. Я словно очутился на краю бездны. И победительница почувствовала это.

— Так и знала, что наконец-то подыщу себе подходящего совладельца! — томно промолвила она и холодно улыбнулась.

Я оцепенел, сжал зубы, не смея признаться себе, как приятно прозвучал для меня человеческий голос, осмысленная речь... Я испугался — испугался, что захочу жить, жить жадно и неистово... и ради этого пойду на предательство.

Но мне действительно хотелось жить!

Уголком глаза я заметил, как удивление вытянуло лицо моей Королевы. Несколько мгновений она растерянно и лихорадочно переводила взгляд с меня на соперницу, а потом вдруг опустила голову. Прямые пряди смоляных волос упали ей на лицо, плечи поникли.

А Верховная приподнялась, сделала пару шагов вперед. Русые кудряшки колыхнулись, голубые глаза заблестели насмешливо. Я заметил ее веснушки, затем и прозрачность лилового лепестка, окутывающего ее тело. Против воли мои глаза алчно блуждали по бедрам, лодыжкам, коленям, груди, тонкой талии, чувственным рукам... я не мог оторваться. Рядом с ней точеный стан Королевы выглядел статуэткой — изящной, но какой-то неживой, мертвой. От нее веяло смертью, за ней оставалось одно лишь прошлое без будущего. А эта... — само воплощение продолжающегося существования.

— Ты никак язык проглотил? — ехидно спросила Оса. — А может говорить разучился возле своих дикарей? Развяжите его и уходите! — не глядя, приказала она стражникам.

Я украдкой оглянулся в надежде найти какое-либо оружие. На мгновение в мыслях пронеслись обрывочные сцены словно картинки комикса: вот я прыгаю, убиваю врагов, мы с Королевой бросаемся бежать... но куда? Босиком через лес? Так я даже не помню в каком направлении остались наши земли! Мелькнула идиотская идея о мотоцикле или даже джипе, нет, лучше бронетранспортере с зенитным пулеметом, хотя лучше бы вообразить вертолет или сверхзвуковой истребитель... Голова моя упала на

грудь. Так я и стоял, тяжело дыша, стиснув кулаки и остро ощущая свое бессилие, тщетность любых действий.

А Верховная будто услышала мои мысли:

— Жизнь продолжается. Иди ко мне. Вот твой меч, пришиби эту чурку бесчувственную, она даже не шелохнется. И ты снова станешь тем, кем был — Повелителем. Только теперь будешь гораздо могущественнее... потому что у тебя буду я — Настоящая!

Я исподтишка посмотрел на нее. Она улыбалась торжествующе. Улыбалась. Моя Королева не умела улыбаться. Я разлепил губы и хрипло произнес:

— Хочу... хочу...

— Ну, говори, чего хочешь!

— Отпусти ее на все четыре стороны. И тогда... я останусь с тобой.

У Осы удивленно взлетели вверх брови, она нехорошо рассмеялась:

— Ой, нет! Так не пойдет! Я не собираюсь отпустить ее. Я хочу, чтобы именно ты принес мне ее пустую головку. Или ты еще не сообразил — здесь павших не щадят! Здесь все просто и ясно, без лицемерия! Мир сильных и успешных сорвать удачу! И никаких выдуманных правил, кроме одного — кто победил, тот и прав! Совершенно неприкрыто, без отмазок, без философий. Здесь законы просты и естественны!

— Не я их придумал, — возразил я. — Они мне не по душе. Мое условие остаться с тобой — ее жизнь.

Оса присела обратно на полутрон-полуложе. Облокотилась на жесткую подушку, подперла кулачком подбородок.

— Уж не переоцениваешь ли ты себя? Ты что, бог в постели? Сомневаюсь... В лучшем случае, на уровне среднего трутня, а уж их-то я имела немало. Да, твое преимущество бесспорно — мне гораздо приятнее иметь рядом с собой нечто поумнее безмозглой туши, да и полезнее для Роя.

Но ради тебя, дорогуша, я не стану нарушать законов этой реальности. Потому что как раз меня они устраивают! Потому что я здесь — Настоящая! Здесь борешься и побеждаешь, либо уходишь в никуда, и даже память о тебе стирается. Кто отроду Господин, тот становится таким, и ничто ему не может помешать, кроме дурной игры Случая. И Господином, Повелителем он остается, пока не умрет в собственном ложе, и никто не станет глумиться над его телом, размахивать его головой перед безмозглой кровожадной толпой. Надо не просто вкусно жить, надо и с блеском уйти из жизни, находясь на вершине... а не так как ты сейчас простишься с белым светом... или скорее она, потому что у тебя есть голова и язык. Подумай и скажи! Хорошенько подумай. Стоит поразмыслить. Я сказала, что это против естественного хода вещей — оставлять ее в живых.

Я повторил:

— Меня не волнуют твои законы.

— Они не мои, — возразила Верховная Оса. — Они сама плоть этого мира... — Вдруг ее глаза расширились. — Ты тоже пришелец, как я... но раз тебе не любы здешние правила, как же ты сюда попал? — спросила она с интересом. Мигом позже довольно щелкнула пальцами. — Ага!.. Кажется, догадываюсь... ОНА привлекла тебя сюда. Она всему причина, так? Тогда вот тебе еще один повод избавиться от нее. Ты обретешь свободу уйти из чужого для тебя мира. Вернешься ДОМОЙ. Правда, там тебе никогда не стать Властелином...

В какой-то момент я перестал ее слушать. Лишь выдавил, прерывая дальнейшие рассуждения:

— Что ты сказала? Я могу... вернуться в свой мир?!

— Конечно! Ты душою чужд всему, что здесь творится. В отличие от меня. Здесь существует своя правда и своя справедливость — без предрассудков и соплей! Это по мне, ой как по мне!.. Ну?

— Что «ну»? — машинально переспросил я.

— Вот меч. Выбирай!

Меч действительно лежал на подносе среди крупных лесных ягод, а поднос держался на треножнике из зазубренных жал, вероятно старого оружия ос. Черт возьми, эта белобрысая знает толк в технике... проницательна... прямо... говорит, думает, как я...

Я подошел и взял клинок. На мгновение мной овладело искушение сделать большущую глупость. Но за драпировками у стен наверное прятались стражницы. Я перехватил удобнее рукоять меча и вернулся к Королеве.

Она стояла с опущенной головой. Когда почувствовала мое приближение, тряхнула волосами и оголила шею, подставляя ее под удар. И я вспомнил то, что старался забыть, окунаясь в круговерть будничных забот, — перед взором всплыл образ нашей несчастной дочери, точно так же помогавшей моей повелительнице казнить себя. В глазах у меня потемнело.

Я замахнулся.

Лезвие рассекло веревку. Я нагнулся и разрубил путы на щиколотках, поцеловал ее коленку. Выпрямился и швырнул меч к ногам светлокосой хозяйки бумажного чертога, постаравшись вложить в этот жест как можно больше презрения:

— Благодарю за аудиенцию и за щедрое предложение. Только такая сделка мне не по нутру. Уж лучше умереть вместе с МОЕЙ Королевой, чем стать забавой для ЧУЖОЙ Царицы. Ты много гадости про нее наболтала, но я тебе скажу, что в моем мире мужики мечтают о таких, как она!

Я осекся, уж слишком наиграно и вычурно получилось. Неубедительно. Но я вообще не очень речистый без подготовки. И поняв, что лучше умолкнуть, я просто обнял Королеву за талию, а она вздрогнула, прижалась ко мне, лаская рукой шею.

— Трогательно, — сухо произнесла Верховная Оса. — Сплошная мелодрама. Что ж, выбор твой... Посмотрим, действительно ли вы такая идеальная пара. Неделя заточения в Костяной башне — и один из вас сожрет другого, прямо с кожей и потрохами. Здесь такие законы. И хочешь знать, на кого я поставлю? На нее!

Честно говоря, слова ее меня смутили, но я промолчал. А Королева мелко-мелко затрясла головой, склонив лоб на мое плечо, словно отвергая сказанное Царицей ос: «Неправда, милый, лжет она, лжет! Раз судьба наша иссохнуть от голода и жажды — пусть! Зато вместе, как ты сказал. Так и будет, увидишь, милый!»

Вот что, наверное, она хотела сказать. А может быть, я принимал желаемое за действительное...

Пока стража нас вязала снова, я обратился к Верховной:

— Перестань разорять напрасно муравейники! Подчини их себе, закабали, но перестань губить НАШИХ детей, стерва!

Та поджала губы. Охрана попыталась оттащить нас по одиночке, но не смогли. Мы не сопротивлялись нарочно. Просто обнимались, и, честно говоря, в этот момент я желал лишь одного — остаться наедине с моей Королевой...

* * *

Осы — вегетарианки. Пьют нектар с цветов и фруктов. Но личинки их — плотоядны, прожорливы. Костяная башня, наверное, была частью скелета какой-нибудь огромной зверушки, зажаленной под корм отпрыскам Роя, а затем обглоданной дочиста. Она высилась над землей, и, не имея крыльев, сбежать с ее вершины не представлялось возможным. По крайней мере, так считали осы...

Королева поила меня своей слюной. Я стриг ее косы острым костяным обломком.

Келья была узкой и тесной. Мы даже прилечь не могли на покатом полу, любили друг друга сидя или стоя, хотя следовало беречь силы и влагу... но мы не могли удержаться. Мы опять обрели друг друга и спешили засыпать ласками и поцелуями разверзшуюся между нами в прошлом пропасть.

Кроме того, это выводило из себя ос, и они стали реже проверять нас.

Из своих волос Королева плела тонкую веревку. Я не надеялся осуществить таким способом побег, но все же помогал, как только мог.

Она работала быстро и уверенно. Меня мучила жажда. Она облегчала ее долгими поцелуями и даже заставляла не отвергать даруемую влагу. Хмельнее вина и слаще меда была эта влага...

Глубоко во мне противный голосок страха зудел, что Королева столь самоотверженна только потому, что в одиночку ей не спастись.

На седьмой день веревка была готова. Мы выждали закат, потом выспались до самой густой темноты, какая бывает перед рассветом, и начали спускаться вниз. Королева держалась за мои плечи. Она ужасно похудела — кожа да кости, совсем легонькая. Однако судороги сводили мне руки, держаться приходилось крепко — веревка была тонкой и скользкой. Когда мои силы иссякали, Королева горячо целовала меня и издавала какие-то тихие звуки. Теперь, спустя время, я понимаю: она пыталась говорить со мной.

Что именно она хотела сказать?..

* * *

Нам повезло — веревка не оборвалась, не распустилась, длины ее хватило как раз, чтобы не разбиться.

Мы полежали на земле, чтобы немного отдышаться, прийти в себя. А потом бросились туда, где остались осколки нашей Империи.

Так начались наши сто наполеоновских дней.

В конечном итоге их оказалось всего девять.

В пограничной крепости, до которой мы добрались, мало кто уцелел. Многие наши умерли от горя. Но те, кто нас дождался, выражали неприсущую им бурную радость. Некоторые даже плакали. Королева как никогда горячо отвечала на приветствия, обнимая каждого оставшегося в живых нашего подданного.

Карательные эскадрильи появились вечером. Мы их ждали. Рабочие подняли тучу древесной пыли, смешанной с брызгами эфирного масла из трав и цветов. И когда пикирующие разбойницы врезались в эту завесу, мы закидали их факелами. Горючая смесь вспыхнула, ревущее полотнище пламени поглотило и нескольких наших неосторожных детей, но огонь, быстро потухший, успел покалечить нападающих, особенно повредив им крылья. Осы падали с высоты, ломали себе кости. Оглушенных от пламени и дыма мы зарубили мечами. Ни одна не спаслась. И как в старые славные времена мы вновь вышли на поле боя плечом к плечу — Король и Королева.

Ночным маршем мы повели колонну к следующему муравейнику. Он пострадал еще больше. Ярость вскипела во мне при виде бессмысленного разорения, причиненного полосатыми разбойницами. Мы стали собирать войско. Армия стремительно восстанавливалась.

Увы, всего еще раз нам удалось заманить противника в огненную тучу. Десятку амазонок посчастливилось удрать, и больше на наши уловки они не попадались. Мы попробовали кидать гранаты — горшки с эфиром и смолой. Осы принаоровились увертываться от них. Я попытался соорудить настоящий огнемет, но не справился, а от ожогов при испытании умерло несколько умельцев. А потом сами осы стали применять зажигательные бомбы. В яростной схватке встретились наши стрелы и их дротики, огонь против огня. Наши потери были ужаса-

ющими. Их — с каждой атакой все более незначительными...

Я понял, что так не спасти Империю, и приказал отступать вглубь гигантского леса. Налеты продолжались, ретирада превратилась в беспорядочное бегство. Только возле нас, в строю гвардейцев и наиболее крепких рабочих, сохранилось нечто вроде порядка. Ничего, думал я, настанет день, и мы рассчитаемся сполна!..

Но этого не случилось.

Я один был во всем виноват. Правильно говорила осиная Царица: в этом мире действуют неумолимые законы. Надо было думать прежде всего о том, чтобы спастись нам с Королевой. Мы были еще молоды. Мы могли бы пережить Зиму с дюжиной рабочих и солдат, с несколькими Мастерами да парой Маток. Мы бы затаились, нарожали полчища бойцов, вскормленных идеей мщения... Я же делал все, чтобы спасти как можно больше наших детей. Это было неразумно, и мы опоздали укрыться в чаще Леса.

Погода ухудшилась, и это дало небольшую передышку. Похолодало. Растения вокруг стремительно желтели. Наступала Осень.

Мы подошли к реке. Солдаты бросились было соорудить мост из собственных тел, но я приказал построить деревянный. Мы с Королевой работали наравне со всеми. И не успели... Нас накрыли, и мы были вынуждены шагать по трупам своих детей, которые прыгали в воду и сцеплялись руками и ногами мертвой хваткой. Захлебывались, коченели, но не размыкали пальцев...

Прошла еще одна ночь, а туманным утром нас догнал отряд из двадцати ос, которые ползли пешком, ибо влага склеила им крылышки. Нас же осталось всего семеро. Из пятнадцати миллионов!

Этот последний бой стал самым славным делом, в котором я когда-либо участвовал... и которое имел несчастье пережить.

Мы заметили врага и открыли стрельбу за мгновение до того, как они засыпали нас градом ядовитых дротиков. Мы залегли, я стал считать щелчки их пружинных самострелов. А потом мы ринулись в рукопашную, не давая им перезарядить оружие. Перебили всех до одной. Но какой ценой! Погибли все, кроме нас двоих, — три солдата, Матка третьего поколения, которая тоже дралась, один молодой Мастер и двое рабочих, неполноценные, разнополые. Они ночами спали вместе, держались нежно друг с другом, вероятно подражая мне и Королеве... Все они остались остывать вместе с трупами ос...

Убитые горем, мы стояли перед грудой мертвых тел, и я не заметил, что одна раненая в голову амазонка вдруг зашевелилась и направила на меня свое пружинное ружье.

Моя Королева поступила столь же неразумно и безответственно по отношению к династии, как и я. Моя милая безмолвная любимая заслонила меня от дротиков собственной грудью, а потом заколола мечом осу в горло. Лишь прикончив врага, она позволила себе упасть на колени. Грудь ее была похожа на игольницу.

Я выдернул жала, пытался высосать яд из ран, мне даже в голову не пришло, что и сам могу отравиться. Напрасно. Я только отложил исполнение приговора, но не в силах моих было отменить его.

Королева прожила еще несколько часов. Большую часть времени она провела в забытьи или мучимая лихорадкой, металась, хрипела, вскрикивала и стонала... Мне оставалось самое трудное — ждать.

А потом она вдруг очнулась и посмотрела на меня. Протянула руку, чтобы обнять. И, о Боже мой, она мне улыбнулась! Такой светлой и счастливой улыбкой, словно просыпалась в начале нового дня, полного красок и ароматов, дел и созидания, который обещает после заката сладкую ночь и еще — бесконечную вереницу счастливых дней, ибо не имеет конца любовь!..

Моя Королева и прежде была прекрасна. Но улыбающаяся — само совершенство. Она шевельнула губами, подавшись ко мне, и я поцеловал ее...

Потом она снова потеряла сознание, но боль уже не мучила ее. Она просто уснула, а спустя четверть часа в последний раз вздохнула в сне и перешла за ворота смерти.

Я уложил ее в ямку, вероятно вырытую червяком.

Жалкое убежище.

Долго лежал я рядом, обнимая ее, пытаюсь согреть. Тщетно. Моя Королева была мертва. Остался жив только я — Король-со-Словами. А моя любимая умерла совсем безымянной. Как и все наши дети...

Я не хотел, чтобы она гнила в земле, поэтому набрал хвороста для костра.

Я умыл ее, почистил одежду. Украсил неровно подстриженную, но бесконечно прекрасную головку белыми цветами. Чиркнул огнивом, разжигая погребальный костер — и тело ее вспыхнуло, словно картонное. Кожа почернела, но не лопалась, не морщилась, а таяла. А потом вдруг ее фигуру объяло такое ослепительное пламя, что я отступил назад и прикрыл ладонью глаза. Кости ее плавилась, точно восковые. Почти ничего не осталось.

Только тогда я поверил, что она ушла навсегда. И лег в теплый пепел, и закрыл глаза, и пожелал себе никогда не просыпаться.

* * *

Но я проснулся. В своей квартире. В своей гостиной.

Стояла поздняя осень.

Последнее мое воспоминание об этом Мире было связано с весной. Никто из моих знакомых не видел меня целое лето. Никто.

С другой стороны — не осталось никаких следов, шрамов. Даже натертости на лбу от короны Империи зажили начисто.

Зато сильно поседели волосы. И я даже знаю, когда это случилось, — когда я шел по мосту из мертвых тел наших с Королевой детей.

Нет, я не останавливаюсь с сырыми скорбными глазами возле муравейников, не смотрю на них часами. И не жгу бензиновой лампой осиные гнезда. Это лишнее.

Я смирился.

И только одно не дает мне покоя, только с одним я не могу смириться: привыкнув к Ее бессловесности, не помню, говорил ли я ей вслух, глядя прямо в глаза, что люблю ее...

Атанас Славов, Янчо Чолаков

КРАТКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ БОЛГАРСКОЙ ФАНТАСТИКИ — ТЕНДЕНЦИИ И РАЗВИТИЕ ЖАНРА

Когда в 1989 году наступил переломный момент в болгарской истории и началось переустройство старой политической системы, немногие предполагали, каким образом данное отразится на процессах в искусстве. Оказалось, что Болгария — это не страна диссидентов, и «литературы из ящика стола», которую надо публиковать, почти нет. Фантастика долгое время использовала эзопов язык, выражалась иносказательно, и образы героев в ней соответствовали канонам застойного реализма. Чисто жанровое письмо было редкостью, и самые значимые результаты были связаны с такими писателями как Павел Вежинов, Йордан Радичков и Эмил Манов, которые подвизались преимущественно в мейнстриме. Наступивший хаос освободил мощное книгопечатание, в котором графомания низкого пошиба сожительствовала с талантливыми произведениями самиздата, создававшимися в прошедшие десятилетия авторами, опубликование которых было задержано не столько цензурой, сколько конъюнктурой.

С одной стороны, продолжали писать, хотя и с ослабевающей силой, дуайены жанра — Любен Дилов, Атанас Наковски, Петр Бобев, Величка Настрадаинова. Наковски, например, написал роман, в котором поменял местами людей и собак и воспользовался возможностями этого сюжетного хода, чтобы сотворить социальную сатиру. Началось вручение награды «Гравитон» — ее первым лауреатом в 1991 году стал Агоп Мелконян.

В то же самое время клубы фантастики в стране подготовили свои кадры. Среди них можно было увидеть не только любителей, но и творцов с собственным новаторским почерком и идеями. Многие из авторов создали собственные маленькие издательские дома и начали выпускать как свои, так и задержанные на протяжении лет переводные тексты. Только за период 1990—2000 гг. появилось более ста фантастических книг отечественного производства более чем шестидесяти авторов. Особенно важную роль в становлении рынка сыграло возникновение таких издательств как «Орфия», «Аргус», «Камея» и «Офир». Например, в 1991 г. вышел сборник «Орфии» с новой болгарской фантастикой, который включил произведения десятка авторов. Впоследствии каждый из них создал новые талантливые произведения, и это привело к появлению настоящей волны обновления болгарской фантастической литературы. На одном ее конце было развлекательное чтение с динамическим сюжетом и щепоткой едкого юмора (Христо Пошакон «Дежурство на Титане» и Андрея Илиева «Реванш Тангры»), на другом — философски углубленное и изящное стилизованное письмо (Иван Мариновски «Да поможет тебе Космос, Александр!»). Одним из самых удачных произведений на мифологической основе стал рассказ «Иркала, страна мертвых» Вала Тодорова, который, однако, вскоре эмигрировал в США.

В области социальной сатиры успешно работал Николай Светлев («Сказка о непобедимом добре» и «Весь блеск зла»), который то использовал фольклорные мотивы в современном контексте, то гиперболизировал падение политического класса, доводя интригу до полного абсурда. Достаточно сказать, что в одном из его произведений Болгария вызвала катастрофический мировой конфликт (прозрачный намек на роль Балкан во вспышке двух предыдущих мировых войн). Фантастические элементы содержат и «Я, грешный Иван» (может быть, самое

серьезное до настоящего момента произведение Светлева, посвященное святому Ивану Рильскому), и авангардное «Воскрешение Крали Марко». В подобном ключе, с множеством постмодернистских элементов, творил и Алек Попов («Дорога к Сиракузам», «Капустный цикл», «Уровень для продвинутых»).

Особенно значимым произведением стало эпическое полотно «Десятый праведник» Любомира Николова, автора, вышедшего из клубной среды и отлично знающего ее вкусы и интересы. В нем мир претерпевает Коллапс, при котором некоторые из химических элементов изменяют свои свойства, наперекор физическим законам. Это приводит к упадку технологий, а использование огня становится исключительно опасным и поставлено под строгий контроль...

Один из наилучших стилистов из клубных авторов, Александр Карапанчев, после многолетней работы редактором в издательстве «Аргус» сумел собрать и увидеть отпечатанными свои написанные в продолжение трех десятилетий рассказы. Это произошло в 2002 году, когда вышел в свет прекрасный сборник «В эпоху Унимо».

«Двигатель» болгарского фэндома Атанас Славов продемонстрировал в своем романе «Психопрограммированный» сочетание высокохудожественного уровня с редкими для болгарской литературы позитивными идеями в области социальной инженерии. Действие произведения развивается на планете, населенной почти неотличимыми от людей гуманоидами. Главным героем романа является молодой пилот, который участвует в первых испытаниях местной атомной бомбы. Вот только жители этой планеты не знают, что избыток трития в их океанской воде превратит первый же ядерный взрыв в конец света! Соседняя высокоразвитая негуманоидная цивилизация обнаружила этот тревожный факт и предложила землянам вмешаться в происходящее. Но Земля нахо-

дится очень далеко, возможна только психотрансляция человека-социотехника... «Психопрограммированный» на первый взгляд напоминает «Обитаемый остров» Стругацких, но это лишь внешнее сходство — в романе Славова главный герой подчинен воздействию «психоматрицы», посланной с далекой Земли. Она изменяет его жизненный путь и ставит вопрос о том, насколько истинными являются мотивы массового человека, который также «программируется» социальными механизмами...

Если утопия в начальные годы демократии была исключением в болгарской фантастике, то мрачный взгляд на происходящее и настроения «катастрофизма» расцвели бурным цветом. Хоррор, который имел у нас традиции еще в прозе двадцатых годов прошлого века, сначала нерешительно, а потом более настойчиво разместился на книжных прилавках. Елена Павлова, например, проявила свои самые сильные стороны в жестких экшенах «Номад» и «Серце Скитальца По ту сторону» (выпущен под псевдонимом Илайджа Джауит). Особенно пугающими, но и интеллигентно поднесенными были истории Георгия Христова из сборников «Черная фантастика» и «Еще черная фантастика». Интересные замыслы демонстрирует Васил Велчев в «Кровавом ренессансе», а Нина Ненова буквально ошеломила читателей «Трупами в безмогильной территории» — детальной и психологически выдержанной историей о контакте земной цивилизации с негуманоидной формой разума. События в этом произведении развиваются в близком будущем, когда международные организации создали на далекой планете базу для подготовки контакта под наблюдением «иных». Они — высокоразвитые существа, происходящие из растительной формы жизни и по этой причине не знающие о межвидовой борьбе за выживание и о насилии. Герой, направленный в качестве следователя для расследования убийства, постепенно понимает, что «иные» готовятся допустить людей в свою

информационную пространственно-временную сеть, обрекая себя на верное разрушение агрессивной человеческой цивилизацией... Роман этот вышел на русском языке под заголовком «Формула счастья».

Не прекращал творить и Агоп Мелконян. Кроме «Теней из плоти» и цикла «Досье из сумасшедшего дома», он опубликовал и мрачный, наполненный экзистенциальными терзаниями и угнетающими выводами роман «Смерть в раковине», в котором, вопреки минорным окраскам, не потерял веру в человеческую природу. Одновременно с этим Мелконян издавал журналы «Зона F», «Омега» и «Оборотень», на страницах которых дебютировала целая плеяда совсем молодых и подающих надежду фантастов. Ранняя кончина Мелконяна в 2006 году и смерть Никола Кесаровского лишь год спустя нанесли тяжелый удар болгарской фантастике, которая потеряла одних из самых талантливых и честных своих представителей...

Первые романы выросшего в России Николая Теллалова «Разбудить дракончика» и «Царский наказ» содержали изобилие праболгарских мифологических элементов и фольклора, ввиду чего тяготели к фэнтези. Но уже третий роман молодого автора — «Полноземелие» — рассеял эти иллюзии. Николай Теллалов начал амбициозный научно-фантастический цикл романов о собственной Вселенной. Оказалось, что все мифологические герои и технологии имеют научно-фантастическое объяснение и следуют целостной рациональной логике, которая полностью разворачивается в четвертом романе автора «Солнце недостижимое». Эта книга является масштабной смесью эпического фэнтези и научной фантастики. В начале романа автор представляет читателю Нижний мир, населенный самодивами, полулюдьми и колдунами-колобрами в условном Средневековье. Параллельно с этим мы наблюдаем жизнь змеев в тоталитарной и современной Болгарии. На более позднем этапе читатель

знакомится с расой, располагающей лазерным оружием, танками и атомными бомбами. В продолжение нескольких веков Нижняя земля отбивает удары высокотехнологической цивилизации гуманоидного типа. Человек Радослав, покинувший родной слой реальности в поисках своей любимой, принимает участие в этой войне, осознавши полностью, что она является и его битвой...

Порадовал Николай Теллалов читателей и уникальной историей «10(-9)» — настоящей технологической поэмой о человеческой драме. И в ней Теллалов остается страстным исследователем человеческих чувств. В данном случае, это чувства «исторически удавшегося человека» — достигнутого нанотехнологией, принявшего ее возможности и начавшего учиться принимать решения, характерные для свободной личности.

Мартин Петков дебютировал в начале нулевых годов в журнале «Тера фантастика», а позже и в альманахе ФАНТАСТИКА. Его дебютная книга «Они не верят в сказки» сразу произвела впечатление и принесла ему титул «Мастер социальной фантастики». В заглавной повести автор предложил оригинальную интерпретацию сказки о Гаммельском дудочнике, наложив ее на болгарскую политическую реальность. Это произведение представляет Петкова как продолжателя традиции братьев Стругацких. Выражением его позиции является яркая статья «От хищных вещей до обремененных злом, или О трудности быть человеком», которая вышла в специализированном сборнике «Незнакомые Стругацкие». В еще одной книге Мартина Петкова «По ту сторону дверей космоса» человеческая цивилизация осуществила успешную экспансию галактики, но герой узнает долго скрываемую тайну — причиной этого успеха являются технологии-артефакты древних культур, так что человечество незаслуженно заселяет планеты — оно морально не готово для этого и лишь распространяет во Вселенной свои ошибки...

Все больше фантасмагорических конструкций входит и в основной литературный поток Болгарии, авторы часто лавируют на грани абсурда. Когда в 2004 году англичанин Эдуард Вик учредил награду за лучший болгарский роман, оказалось, что многие из претендентов на нее допускают в своих произведениях использование фантастических элементов (политико-сатирический триллер «Палач» Стефана Кисьова, «Стеклянная река» Эмила Андреева, заигрывающего с готической эстетикой, «Аутопия: путешествие в ад» ветерана Христо Карастоянова). Близки к постмодернизму многие талантливые представители так названной «быстрой литературы»: Момчил Николов («Круглая рыба»), Радослав Парушев, написавший близкий к прозе Виктора Пелевина «Проект Достоевский». Другие писатели (Иво Беров «Бетонная фея»), тяготеют к урбан-фэнтези с политическим привкусом...

Основная заслуга успешного функционирования «Аргуса» — самого энергичного издательства фантастики в Болгарии — принадлежит Эммануилу Икономову и двум напористым и добросовестным авторам-редакторам: Александру Карапанчеву и Светославу Николову. В стране регулярно выходили фантастические антологии: это и «Горизонты», в которых публиковались победители ежегодных конкурсов, нужно вспомнить и элитарные «Ваяния». На основе конкурса рассказов с фольклорной канвой вручались призы фестиваля «Таласымия» (от болг. таласъм — домовый, гоблин) в городе Стара Загора, составившие основу сборников, издаваемых «Квазаром». В них успешно заявило о себе целое поколение: Иоанн Владимир, Димитр Риков, Андон Стайков, сразу два писателя по имени Ивайло Иванов, а любимыми героями этих книг стали домовые, оборотни и змии. Особенное внимание заслуживает настоящий мастер фольклорного фэнтези Ангелина Илиева (Иоанн Владимир), которая предста-

вила суровую прозу в сборнике «Легенды о стражах трех ворот»...

Одним из самых активных КЛФ Болгарии был бургасский. В родном городе Агопа Мелконяна проявили себя «черный фантаст» Георги Христов, мастер юморески Ценка Бакырджиева, конструктор фэнтези-миров Антон Фотев, магический реалист Владимир Ганев. Родом оттуда и Валентин Иванов, физик и астроном Европейской южной обсерватории, который совместно с Кириллом Добревым написал шуточный цикл «Профессия молодец». Валентин Иванов — автор множества статей по теории жанра, собранных в его книге «Мысли о фантастике».

Бессменным руководителем бургасского клуба является Янчо Чолаков, который в первые годы демократии создал и основал издательство для фантастики «Офирь». Первый его рассказ был опубликован в журнале «Родная речь» в 1984 году. Еще школьником Чолаков печатался в литературных журналах и удостоивается призов в конкурсах журналов «Космос», «ФЭП» («Фантастика, эвристика, прогностика»), «Фантастика», он удостоен первых премий за роман и рассказ издательства «Аргус» в Софии. Дебют Янчо Чолакова («История Одинокого рядового») объявлен болгарским фэндомом одной из самых значимых книг десятилетия. Затем последовали «Мифы об обуглившемся мраке», «Поставь свечу дьяволу», «Упражнения бессмертного писания». Рассказ «Усталость Сюзерена» был напечатан в киевском журнале «Реальность фантастики», позже он вышел в московских «Знание — сила» и «Дружба народов». В 1997 году выдающийся болгарский фантаст Любен Дилов вручил Чолакову национальную премию «Гравитон». В 2010 году он был номинирован Европейским обществом фантастов в категории «Лучший автор Европы», а в 2011 году Общество болгарских фантастов объявляет писателя «Мастером авангардной фантастики». Его рассказ «И спросил солдат:

“Кто меня позвал? ”», вышедший в американском журнале «Nameless» в 2013 году, был номинирован на премию Campbell, которая вручается вместе с HUGO. Переводы рассказов Янчо Чолакова вышли в журналах «Уральский следопыт», «Фанданго», они включены в альманахи «Второй Петербург» и «Дружба народов», удостоены премии «Византийский ковчег» (2018, г. Владимир).

При журнале фэндома «Тера Фантастика», выходящем под редакцией Юрия Илкова (Генерала), оформилась книжная серия, которая демонстрировала четкую гражданскую позицию и активное социальное мышление. Одной из ключевых книг в ней стала «Операция Рыба», написанная вроде бы римлянином Гаем Афранием Котой, а на самом деле — Петром Копановым, доктором наук, преподавателем кафедры прикладной математики и моделирования Пловдивского университета. В своем криптоисторическом тексте автор предложил неортодоксальную трактовку Евангелия, объясняя по-новому мировые экономические процессы. Еще одним очень интересным автором этой серии является Иван Попов, кибернетик из Института космических исследований Академии наук. Он дебютировал в сборнике издательства «Офир» «Моделириум» повестью «Наши марковские процессы», в которой иронизирует над попытками языковой инженерии родных политиков, но достиг своего творческого максимума в романе «Хакеры человеческих душ», который имеет отличительные черты киберпанка и турбореализма и, по мнению автора предисловия Василя Велчева, может рассматриваться как «информационный вирус, цель которого заразить сознание читателя и переустроить его каким-то образом...».

Из идеализированной Болгарии отправляется в путь герой повести Георги Малинова «Орфейс спускается в ад». Европа объединена христианством, а ее столица находится в золотом городе Плиска. Но... описывая грезу

о процветающей Болгарии, Малинов не забывает «приземлить» читателя, причем, очень болезненно. Подобно мифическому Орфею из легенды, герой, попавши в ад, понимает, что на самом деле он — здесь, в нашей горькой действительности... Очень интересны и повести Малинова, особенно «Вирт», которая дала наименование одноименному сборнику и представляет примечательный киберпанковский текст.

В «Ортодоксе» Григора Гачева — лауреата отличия «Мастер толерантного будущего» — показана цивилизация «толерантного эгоизма», где индивиды, достигнувшие сверхмогущества, развивают особенный вид эгоистичной заботы о более слабых: от них нечего требовать, остается лишь надеяться, что из их рядов выйдут новые сверхмогущественные индивиды; Вселенная — бесконечна и место есть для всех, а разум может существовать лишь через диалог с себе подобными...

Постепенно клубы любителей фантастики уступили место более новаторским формам. Самое молодое поколение болгарских писателей-фантастов организовалось в соответствии с возможностями, которые предлагает информационная революция. Ведущей фигурой и сердцем фонда «Человеческая библиотека» является Калин Ненов — писатель, переводчик, организатор творческих курсов. Девиз фонда: «Место, в котором книги соединяют людей». Многие его инициативы напоминают то, что знакомо в России как краудфандинговый проект, и привели к появлению тематических коллективных антологий. Интересными авторами являются Петр Тушков, Владимир Полеганов, Хараламби Марков, которые группируются вокруг сайта «Сборище трубадуров». Их проза отличается повышенными требованиями к литературному языку, нестандартными конструкциями сюжета и тонким поэтическим выражением. С другой стороны, влюбленная в хор-

пор и мрачную стилистику группа пишущих собралась вокруг журнала «Дракус», издаваемого Явором Цаневым. Любопытным экспериментом стало и создание клуба «Огни среди теней» в Казанлыке группой, возглавляемой Валентиной Димовой, — они ориентированы на совместное творчество и иллюстрирование фэнтези-книг.

Такой является пестрая панорама фантастической прозы в Болгарии за прошедшие десятилетия. Издательская продукция отечественного производства удвоилась и даже утроилась в количественном отношении, и это не могло не привести к принципиально новым явлениям.

Говорят, что, когда Господь решил сотворить нашу болгарскую землю, он высыпал кусочки того, что дал остальным народам. Поэтому в ней всего понемногу, но за счет этого — исключительно разнообразен ее географический рельеф. Подобна пестрому ковру и картина в болгарской «литературе воображения». Начав с народных сказок, пройдя через попытки разных империй интегрировать ее в свои культуры, в начале нового тысячелетия она смогла отстоять свою самобытность, беря у всех то, что ей необходимо, но сумела сохранить неповторимый и уникальный облик.

Составление полной библиографии болгарской «литературы воображения» было начато хорошо знакомым российским любителям фантастики деятелем КЛФ Ивайло Руневым, заложившим ее основы и подготовившим сотни библиографических справок. Самое полное издание по этой теме — труд москвича Евгения Харитонов, который называется «Болгария фантастическая». Этот уникальный справочник был отпечатан издательством «Аргус» в 2003 году и содержит биографические справки, библиографические списки и персоналии о более чем 400 авторах.

Перевела Наталия Недялкова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
БОЛГАРСКАЯ «ТЕРРА ФАНТАЗИЯ»	5
<i>Кирил Добрев, Валентин Д. Иванов</i>	
СКАЗОЧНИК И УКРЕПЛЕНИЕ НРАВОВ	8
<i>Атанас П. Славов</i>	
СНЫ ДЛЯ КОСМОДОРА	39
ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ	62
<i>Мартин Петков</i>	
ПОМИДОРЫ — ГОЛУБЫЕ, ТЕЛЯТА — С КРЫЛЬЯМИ.....	67
<i>Янчо Чолаков</i>	
И СПРОСИЛ СОЛДАТ: «КТО МЕНЯ ПОЗВАЛ?»	78
<i>Григор Гачев</i>	
НАДЛЕЖАЩИЙ УХОД	97
<i>Иоанн Владимир (Ангелина Илиева)</i>	
ПОКУШЕНИЕ.....	122
ДЕМОНОФИЛИЯ	163
<i>Александр Карапанчев</i>	
НА КЛАДБИЩЕ ДАМПЕРА.....	175
ЛЕТИМ К ГИАДАМ	190
АВТОРСКИЙ ПОСТСКРИПТУМ	197
В ЭПОХУ УНИМО	197
<i>Николай Теллалов</i>	
НАТАША И ДРАКОН	217
КОРОНА МУРАВЬЕВ	316
<i>Атанас Славов, Янчо Чолаков</i>	
КРАТКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ БОЛГАРСКОЙ ФАНТАСТИКИ — ТЕНДЕНЦИИ И РАЗВИТИЕ ЖАНРА.....	372

Литературно-художественное издание

*Новая библиотека приключений
и научной фантастики*

ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ
Современная фантастика Болгарии

Выпускающий редактор *О.М. Солдатов*
Художник *Н.А. Васильев*
Корректор *О.Ю. Ашмарина*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.02.2020. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Georgia».
Печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ № 2003870.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ТРЕТЬЕ
ПРИШЕСТВИЕ

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА
БОЛГАРИИ

ISBN 978-5-4484-1894-5

9 785448 418945

